

Дзию Кеннетт

Водой
**ТОРГУЯ
У РЕКИ**

руководство
по дзэнской практике

Jiyu Kennett

Selling
WATER
BY THE RIVER

a manual of zen training

Дзию Кеннетт

Водой
ТОРГУЯ
У РЕКИ

руководство
по дзэнской практике

Перевод с английского

О. В. Стрельченко

под редакцией

С. В. Пахомова

Санкт-Петербург

«Наука»

2005

УДК 1/14+29
ББК 86.35
К35

Дзию Кеннетт. Водой торгуя у реки: Руководство по дзэн-ской практике / Пер. с англ. О. В. Стрельченко под ред. С. В. Пахомова. — СПб.: Наука, 2005. — 435 с.

ISBN 5-02-026884-4

Впервые на русском языке выходит книга, подробно освещающая социальную сторону самой известной дальневосточной буддийской школы — дзэн. Настоятельница дзэн-буддийского монастыря из Калифорнии, преподобная Дзию Кеннетт, рассказывает в своем произведении «Водой торгуя у реки» (1972) о традиции монахов этой школы. Этот рассказ является вольным переводом фрагментов из «Сёбогэндзо» («Сокровищница ока истинной Дхармы»), главного труда Догэна, основателя японской школы сото-дзэн. Кроме того, в книге Дзию Кеннетт представлены переводы нескольких сочинений ближайшего ученика Догэна и важного деятеля сото — Кэйдзана.

Для всех интересующихся буддизмом махаяны и особенно школой дзэн.

Моему мастеру, преподобному Кэйдэ
Тисану Кохо-дзэндзи, бывшему главному
настоятелю храма Содзидзи (Июкога-
ма), архиепископу равнины Канто

© Издание на русском языке, распространение на территории Российской Федерации. Издательство «Наука», 2005

© О. В. Стрельченко, перевод на русский язык, 2005

© П. Палей, оформление, 2005

ISBN 5-02-026884-4

ПРЕДИСЛОВИЕ ТИСАНА КОХО

Еще в XII в. Догэн-дзэндзи привез дзэн школы сото из Китая в Японию, но только спустя несколько поколений, когда Кэйдзан-дзэндзи стал настоятелем основанного им храма Содзидзи, учение сото охватило всю страну. Причину этого обстоятельства обнаружить не так уж трудно. Когда Догэн вернулся из Китая, китайский способ жизни представлялся ему наилучшим из возможных. Вместе с тем, как совершенно справедливо подчеркивает преподобная Кеннетт, невозможно привить стране чуждые ей обычаи и культуру. Когда религию переносят из одной страны в другую, только истина, лежащая в ее основе, переживет ее. Так, японская невеста на свою свадьбу одевается во все белое, давая понять будущему супругу, что готова «окраситься» в любой цвет, лишь бы этот цвет согласовался с обычаями, традициями, формами поведения, которые принимает супруг. Религия, «обручаясь» с другой страной, подобно японской невесте, должна быть готова принять любую окраску. Кэйдзан вполне осознал это и, сохранив истину неизменной, изменил обычаи, приведя их в соответствие с японским мышлением. Вновь сотворенный дзэн школы сото вступил в брак с Японией и был принят по всей стране. В наши дни это направление имеет пятнадцать тысяч храмов и является второй по величине религиозной организацией Японии.

Столь повсеместное распространение сото было невозможно до тех пор, пока дзэн сохранял первоначальную китайскую форму, поскольку его появление воспринималось японцами как экспансия чуждой им иностранной религии.

Народы стран Запада, если они хотят, чтобы дзэн пришел к ним, должны по-своему окрасить его, как это сделали в свое время японцы. Только в этом случае дзэн сможет родиться на западной почве: подобно родившемуся вновь буддисту, новорожденный дзэн не будет совершенно и полностью новым — ведь это все тот же поток истины; не будет он и только прежним старым дзэн — ведь он обретет новые формы, новые способы выражения, приобщившись иным обычаям, иной культуре.

Преподобная Кеннет много и напряженно работала, чтобы труд ее мог стать подспорьем для тех представителей западного мира, которые ищут истинного дзэн, а не просто стремятся подражать Востоку. Я искренне желаю всем, кто прочтет книгу «Водой торгуя у реки», помнить об одном обстоятельстве: дзэн Запада должен быть рожден западными проповедниками, действующими в западных странах, а не японцем, далеким от западного образа жизни. Мое благословение да пребудет с этой книгой.

Июль 1967 г.

Тисан Кохо,
главный настоятель храма Содзидзи,
Иокогама, Япония

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

В 1186 г. к власти в Японии пришло военное правительство, во главе которого стоял Ёритомо Минамото. Оно принесло с собой, пожалуй, наиболее значительные перемены, из всех когда-либо пережитых Японией. Этим переменам предшествовал период, когда любящие наслаждения аристократы, жившие в Киото¹, занимались стихотворчеством, писанием картин, пением, но при этом совершенно забывали о существовании крестьянства. Воздух был просто пропитан упадком. Буддийские священники пользовались выгодами политической поддержки, которую им предоставляла власть в обмен на таинственные и возвышенные церемонии, давно уже — одни в большей, другие в меньшей степени — лишены живого духа. С падением власти аристократии храмы и монастыри оказались предоставлены самим себе, попав, таким образом, в ситуацию, справиться с которой удалось немногим.

В пучинах всеобщего смятения зарождалась новая духовная сила. В 1191 г. Эйсай-дзэндзи, японский буддийский священник, вернулся из Китая и основал школу *риндзай*. Четыре года он обучался у мастера Эсё. Новая, полная жизни буддийская школа, принесенная Эйсаем, стала своего рода маяком, озарившим религиозную тьму средневековой Японии.

Система коанов школы риндзай была практикой совершенно нового типа в истории дзэн. Своим повсемест-

¹ Киото (Хэйан) — древняя столица Японии. — *Прим. отв. ред.*

ным распространением в Китае в самом начале XII в. эта система была обязана в основном красноречию Дайэ Соко. Практика коанов с ее разнообразным «действием», состоящим из криков, пинков, восклицаний и битья, которое, достигая кульминации, разрешалось в *кэнсё*, оказалась привлекательной для молодых самураев, быстро включивших ее методы в свою дисциплину.

Незадолго до смерти Эйсаю под его руководством начал заниматься молодой человек. Звали его Догэн. После смерти учителя Догэн, не нашедший удовлетворения в учении риндзай, счел необходимым отправиться в Китай для продолжения занятий. Там он познакомился с *сото* — направлением дзэн, последователи которого практиковали медитацию «ясного и спокойного размышления». Именно этому учению, принесенному Догэном в Японию, посвящена моя книга.

В целом *сото* следует индийской традиции. Это религия обычного человека, будь то мужчины или женщины. В своих сочинениях, написанных после возвращения из Китая, Догэн отрицает какие бы то ни было различия между медитацией мужчины и женщины, богатого и бедного — каждый в состоянии достичь мира и свободы, коль скоро он их взыскует. Я выбрала *сото* именно за его простой, ведущий прямо к цели, подход, совершенно противоположный ошеломляющему, ввергающему в недоумение, а потому часто неэффективному методу школы риндзай. Я не говорю уже о том, что последний обращен к сравнительно небольшой группе людей, обладающих весьма своеобразным взглядом на мир, в то время как *сото* хорошо для всех и каждого.

Занимаясь под руководством китайского мастера Нёдзё, Догэн узнал, что мастера *сото* не ограничивают себя какой-то одной системой преподавания. Напротив, в их распоряжении — настоящий арсенал педагогических приемов. Они скорее позволяют коану естественным образом развиваться в повседневной жизни ученика, по мере того как углубляется его духовное понимание, чем

активно форсируют это понимание посредством неестественного напряжения, оформленного в фиксированной системе коанов. В 1227 г. Догэн вернулся в Японию, чтобы проповедовать «новую» систему *сото* — «новую», несмотря на то что *сото* является старейшей из трех школ дзэн.

В течение долгих лет своей проповеди Догэн не принимал во внимание тот факт, что невозможно насильно прививать обычаи и культуру одного народа другому — сколь бы желанными и своевременными ни казались эти обычаи и культура. Именно и исключительно по этой причине *сото* пришлось ждать несколько поколений, прежде чем оно достигло повсеместного распространения в Японии, что произошло во многом благодаря стараниям Кэйдзана-дзэндзи. Школа риндзай, выродившись в своеобразный религиозный эстетизм, давно уже перестала быть источником духовной помощи, в которой нуждались многие в те дни. Пришло время для рождения новой, живой религии.

Вплоть до прихода Кэйдзана дзэн Догэна упорно сохранял верность своему китайскому наследию, оставаясь чуждым простым японцам. Кэйдзан привел старые идеи буддизма в соответствие с духом своего времени, настоятельно указывая, что дзэн сможет выжить только тогда, когда станет отвечать эпохе своих приверженцев. Таким образом, Кэйдзан воплощал в действительность одно из величайших учений Догэна. Для достижения своей цели он, как и Догэн, пропагандировал наиболее прогрессивные для того времени формы гигиены и житейские нормы, искусно соединяя их с культурой японского народа и древним духом дзэн, стремясь каждое действие повседневной жизни претворить в акт религиозного понимания. Благодаря этому несложному процессу *сото-дзэн* охватил всю страну. И по сей день *сото* является второй по величине буддийской школой Японии — ведь учение *сото* всегда шло в ногу со временем, сохраняя вместе с тем верность своему изначальному духу.

Буддизмом я начала заниматься в ранней молодости в рамках буддийской *вихары*¹ в Лондоне и позднее стала лектором лондонского Буддийского общества. Изучая историю буддизма, я обнаружила, что все великие мастера дзэн жили до разделения сото и риндзай, хотя и в том и в другом направлении и позже было немало значительных мастеров. Много времени я провела в малайзийских храмах школы риндзай в Сингапуре, в китайских храмах Гонконга. Во время моих занятий меня не покидало чувство, что учениям этой школы не хватает подлинной глубины. Так, совершенно естественно я пришла к сото, изучению которого отдавала все свои силы на протяжении десяти лет, проведенных мной в Японии.

В Японии говорят, что риндзай — для генералов, а сото — для фермеров. Риндзай известен скорее своим вкладом в религиозное искусство, чем способностью оказать подлинную духовную поддержку обычным мужчинам и женщинам. В сото же каждый может обрести путь к миру и свободе — и студент, и рабочий, и чиновник. Крестьянин на своем поле, не выходя за рамки повседневной жизни, может практиковать сото так же успешно, как королева Англии или президент Соединенных Штатов Америки. И всем им по силам достичь совершенного духовного покоя без того потрясения или напряжения, которые неизбежно придется пережить, чтобы прийти к искомому состоянию посредством метода коанов школы риндзай.

Учитывая все эти обстоятельства, нельзя не признать сото-дзэн тем учением, которое действительно способно ответить нуждам религиозного возрождения, происходящего в наши дни в Америке. И Догэн, и Кэйдзан далеко опередили свое время; в каком-то смысле они опередили и наше время. Все, что ими написано, все, чему они учили, столь же актуально и практически при-

ложимо в наши дни, сколь и при жизни этих великих мастеров. Старые формы многих церемоний, описанных в этой книге, сохранены в нетронutom виде и по-прежнему исполняются, но их смысл и дух настолько созвучны нашему времени, что они живы в гораздо большей мере, чем большинство существующих ныне религий.

Когда молодой человек стремится найти истинную религию, его стремление насыщено личным смыслом и не связано с требованием жесткой приверженности доктрине и древним предписаниям. Догэн настаивает на обретении свободы и совершенства, духовного мира внутри себя здесь и сейчас — посреди борений обыденной жизни, в тех жизненных ситуациях, в том времени, в котором мы живем. Вот почему учение его в полной мере сохраняет свою актуальность, и убежденность в этом привела меня к созданию этой работы, которую я и предлагаю теперь вниманию читателя.

Дзию Кеннетт,
настоятельница монастыря в Шасте, Калифорния,
бывший мастер по приему зарубежных гостей
в храме Содзидзи, Иокогама.

Я хотела бы выразить глубокую признательность преподобному Суйгану Ёго за помощь в переводе работ Кэйдзана и большей части материала, связанного с ритуалом. Без сомнения, эта работа никогда не была бы написана без его помощи и поддержки. Я благодарна также преподобной Мёдзэн Миягава за помощь в переводе работ Догэна и части материала, связанного с церемониалом.

Переводы Догэна и Кэйдзана осуществлялись на основе как принадлежащих мне книг, так и собрания преподобного Суйгана Ёго. Материалы, относящиеся к церемониям, взяты из официального пособия по церемониям, изданного Японской церковью сото-дзэн. Переводы церемониальных текстов по большей части

¹ Санскр. *вихара* — обитель буддийских монахов. — Прим. отв. ред.

точно следуют оригиналам и лишь в нескольких случаях слегка изменены в целях придания им большей ясности для западного читателя. Переводчики особенно тщательно следили за сохранением смысла и духа подлинника.

При написании истории Догэна я использовала «Историю японских религий» Масахару Анэсаки (*Masaharu Anesaki. History of Japanese Religions*) и «Японско-английский буддийский словарь», изданный Дайто Сюдзюпанся в Токио.

Поэтические версии «Сутры о Кандзэон-босацу» и «Литании Великого сострадателя» опираются на переводы этих работ, которые содержатся в «Учебнике по дзэн-буддизму» (*Manual of Zen Buddhism*) Дайсэцу Т. Судзюки. «Учебником по буддизму» (*Manual of Buddhism*) Нарады Тхеры я воспользовалась при написании второй главы, особенно полезным он оказался в отношении основного содержания доктрины. Тут многие цитаты взяты мной непосредственно из работы преподобного Нарады. Издание «Учений сострадательного Будды» (*The Teachings of the Compassionate Buddha*), осуществленное Э. А. Барттом в рамках проекта *New American Library's Mentor*, содержит многие исторические сведения и цитаты из оригинальных текстов, которые были мне необходимы при написании третьей главы, посвященной развитию буддизма. В работе Рэйхо Масунага «Дзэн с позиций сото» (*Reiho Masunaga. The Soto Approach to Zen*) я нашла переводы «Превосходного Зеркала самадхи» и «Сандокай», использованные мной при создании их поэтических версий в Книге IV.

Я хотела бы поблагодарить таких авторов и издателей, любезно давших согласие на воспроизведение материала, как:

Grove Press — материал взят из «Учебника по дзэн-буддизму» Д. Т. Судзюки;

Нарада Тхера — материал заимствован из его «Учебника по буддизму», изданного *Thu An Thu Quan, Saigon*;

The New American Library — материал взят из «Учений сострадательного Будды», изданных Эдвином А. Барртом (*The Teachings of the Compassionate Buddha*, ed. by Edwin A. Burt. Copyright 1955 by Edwin A. Burt. Reprinted by arrangement with The New American Library, New York);

Чарльз Э. Таттл, Токио — материал взят из «Истории японских религий» Масахару Анэсаки.

КАК ЧИТАТЬ ЭТУ КНИГУ?

Тем, кто лишь поверхностно знаком с дзэн, часто кажется, что он имеет мало общего или вообще не имеет ничего общего с изначальным буддизмом. Именно поэтому я постаралась таким образом представить материал, чтобы легко было проследить развитие буддизма тхеравады вплоть до зарождения и формирования учений дзэн, если, конечно, их можно так назвать. Вот почему читателю, желающему получить представление о развитии этих учений, следует читать эту книгу не подряд, а согласно порядку, изложенному ниже, причем главы книги I послужат своего рода точками отправления.

Глава I. «История Будды согласно дзэнским верованиям». Связь этой главы со всеми последующими настолько очевидна, что нет нужды в особых рекомендациях по чтению.

Глава II. «Основополагающие учения раннего буддизма, имеющие значение для дзэн».

Раздел 1 («Анатта») следует читать вместе с 1-м разделом *Сюсёги* (кн. II) и *Сёдзи* (раздел 2).

Раздел 2 («Карма») рекомендуется читать вместе с 2-м разделом *Сюсёги* и текстом *Дзюкай. Сангэ* (кн. IV).

Раздел 3 («Аничча») полезно прочесть вместе с *Удзи* (кн. II).

Раздел 4 («Новое рождение») следует читать вместе с *Сёдзи* и текстами «Погре-

бальная церемония» и «Сэгаки» (кн. IV).

Раздел 5 («Четыре благородные истины») читайте вместе с *Сюсёги* (разделы 3 и 4), *Кёдзюкаймон* (кн. III) и текстом «Утренняя служба: Сутра Великой мудрости» (кн. IV).

Глава III. «Возникновение и развитие дзэн из основополагающего учения тхеравады». Эта глава в основном историческая, но может быть соотнесена с *Сюсёги* (разделы 4 и 5).

Глава IV. «Необходимость дзадзэн». Эту главу я советовала бы читать вместе с *Гякудоёдзинсу* и *Бэндова* (кн. II), *Санкон дзадзэн сэцу* (кн. III), текстами «Вечерняя служба и Кэсэй»: нюдо-но хай, дзёдо, хоссэн (кн. IV).

Глава V. «Необходимость постижения сердца Кандзэон-босацу». Эту главу лучше читать вместе с *Тайтайкохо*, *Сюрёсинги*, *Фусюкухампо*, *Бэндохо* и *Тэндзёкёкан* (кн. II), текстами «Утренняя служба: Сутра Кандзэон-босацу», *Дзюкай. Сангэ*, а также текстами по различным коротким церемониям (кн. IV).

Глава VI. «Деятельность в сердце Фугэн». Эту главу следует читать вместе с *Сандокай* и текстом «Утренняя служба: Наилучшее зеркало-самадхи» (кн. IV).

Глава VII. «Сердце Мондзю». Эту главу лучше читать вместе с *Шурангама сутрой* (в этой книге содержится только ее краткое изложение), *Гэндзёкоан* и *Сюсёги* (раздел 5), а также текстом «Утренняя служба: Сутра Великой мудрости» (кн. IV).

Глава VIII. «Что такое коаны?» Эту главу следует читать вместе с текстом «Четыре благородные истины» (кн. I, гл. II, раздел 5), *Дэн-короку* и *Кёдзюкаймон* (кн. III), текстом

«Утренняя служба: Наилучшее зеркало-самадхи» и *Дзюкай*. Чтение *Кёдзюкаймон*.

Глава IX. «Учительская преемственность». Эту главу я рекомендовала бы читать параллельно с *Дэнкороку*, текстом «Церемония посвящения» (кн. IV) и *Дзюкай*, а также текстами церемоний *кэттимяку* и «узнавания».

В главе I, где изложена история жизни Шакьямуни, некоторые места могут показаться читателю излишними. Но я не включила в этот рассказ ничего, что не было бы значимо для дзэн. Так, история аскета Аситы и младенца Гаутамы, пересказанная в этой главе, послужила основой для одного из действий, входящих в дзэнскую церемонию передачи: сначала циновка мастера кладется поверх циновки ученика, затем наоборот — циновка ученика поверх циновки мастера. Необходимость чистого дзадзэн, или сидячей медитации, без обращения к аскетическим практикам — а это и есть истинный путь сото — как бы предначертана в простом дзадзэн, которому предался мальчик Гаутама во время праздника пахоты. Поиск Буддой ответа на вопрос о страданиях стал первой реализацией упражнения в коане, пробуждение Будды — решением первого коана. Будда занимался с тремя мастерами — так же и система дзэн требует участия трех мастеров (т. е. трех «официальных») в подготовке ученика: один — для принятия обета, второй — для *хоссэн*, третий — для передачи. Я могла бы и дальше перечислять различные элементы дзэнской жизни, связанные с историей жизни Шакьямуни, но хочу предоставить читателю возможность насладиться самостоятельным исследованием, в котором ему поможет эта книга.

Сказанное в предыдущем абзаце адресовано тем, кто хотел бы найти здесь картину исторического развития дзэн. И все же главной моей целью было создание очерпывающего труда по дзэн-буддизму для тех, кто стре-

мится практически овладеть дзэн и намеревается впоследствии встать на путь священнослужителя. Если такова цель читателя, тогда книга I становится необходимым условием приобщения мирянина к дзэн, что позволит ему пройти через церемонии *Дзюкай*, а это, в свою очередь, является необходимым условием принятия сана. Книгу I поэтому следует читать вместе с *Дзюкай*, изложенным в книге IV. Только полностью овладев этим материалом — хотя кому-то он может показаться тривиальным, — можно переходить к работе над книгой II, помня о том, что *Тайтайкохо*, *Бэндохо* и *Тэндзюкёкан* составляют основу монашеского устава во всех храмах. В *Гякудоёдзинсу* и *Бэндова* обсуждаются проблемы, которые могут возникнуть во время обучения. Нет сомнений в том, что у каждого человека есть свой личный коан, являющийся гранью одного вечного коана. Поэтому я не включила сюда ни одной истории о мастере и ученике, которой нельзя было бы найти в *Дэнкороку* (кн. III). Истинный ученик дзэн должен следовать правилам, установленным для монашеской жизни в *Тайтайкохо*, *Сюрёсинги*, *Фусюкухампо*, *Бэндохо* и *Тэндзюкёкан* (кн. II); он приложит также наибольшие усилия к практике дзадзэн и изучению жизней патриархов, изложенных в *Дэнкороку* (кн. III), тщательно изучая и исполняя церемонии, согласно их предназначению (кн. IV).

Хотя, говоря о дзадзэн в книге II, я рассматривала дзэн как разделяемый на стадии реализации, необходимо понимать, что просветление не приходит постепенно, по частям. Просветление есть просветление — оно одно, неделимо и не может быть реализовано порциями. Вместе с тем большинство авторов говорит о пяти типах, или стадиях, медитации, и я также сочла этот метод объяснения удобным. Не входя в подробное обсуждение первых двух стадий, я руководствовалась тем, что первая стадия, *бомпу*-дзэн, — простое сидение, в котором практикующий должен достичь наиболее благо-

приятного физического состояния, — представляет собой, как мне кажется, столь незначительную задачу для дзадзэн, что не заслуживает особого обсуждения. Не стоит сидеть для достижения физически благоприятного состояния; человек — это и ум, и тело, а не одно лишь тело. Хорошее физическое состояние важно *после* того, как ты сел, но оно не должно быть мотивом и целью сидения. По этой же причине я не стала подробно останавливаться и на второй стадии, *гэдо-дзэн*, ибо сидение ради стяжания сверхъестественных сил — занятие не только ложное, но и противное учениям буддизма. Я говорила о духовном и физическом осуществлении, делании дзадзэн; о том состоянии сознания, которое следует воспитывать в процессе медитации. Подробно обсуждаются три высшие стадии дзэн: обретение сердца сострадания, сердца любви и сердца мудрости, которые суть наиболее существенные моменты учения дзэн.

Следует отметить и еще одно обстоятельство, связанное с различием действительного и идеального. *Сандокай*, один из важнейших текстов сото, так говорит об этом: «Вместе с идеальным приходит и реальное, подобно коробу и крышке; во тьме — свет, но вы не сможете постичь его через одну лишь тьму; в свете — тьма, но вы не узнаете ее в одном лишь свете; они шествуют вместе, как шаги в танце». Написанное мной в нижеследующих главах представляет собой идеал; реальность, с которой вы встретитесь в дзэнских храмах Японии, зачастую далека от идеальной. Многие представители Запада испытывают разочарование, сталкиваясь с подобными несоответствиями. Если вы собираетесь отправиться в Японию, вам лучше не забывать об этом. Храм — это маленький мир, и, подобно большому миру, он населен самыми разными людьми — от величайшего грешника до величайшего святого. Святой там свят наивысшей святостью, а грешник так же закоренел в своих грехах, как и многие в нашем мире. Всевозможные ситуации предстанут там вашему взору, но, переживаемые

в ограниченном сообществе, для которого характерны тесные внутренние связи, они обретут большую интенсивность, обусловленную еще и невозможностью отойти в сторону, убежать, как мы это часто делаем в большом мире. Все это следует принять и понять как проявления вечного коана. Другими словами, вместе с идеальным приходит действительное, они соединены как короб и крышка! Только тогда идеальное страдает от действительного, когда вы сами допускаете, чтобы это произошло. Когда же вы сохраняете сердце в чистоте, следуете правилам и советам, изложенным в этих главах, тогда ничто не принесет вам вреда. Это важно. Люди Запада должны помнить и о том, что, поскольку они составляют меньшинство в храмах Японии, им придется встретиться со многими проблемами, характерными для небольших замкнутых сообществ западных стран. Нужно быть готовым к подобным проблемам, уметь к ним приспособливаться. Все это я говорю не для того, чтобы отвратить читателя от путешествия в Японию. Я хочу лишь предупредить о возможных трудностях, ждущих его там, не самая малая из которых — культурный шок. Многие искренне стремятся в Японию и едут туда, оставаясь слепыми к этим вещам. Но я и вся моя община — мы хотим, чтобы глаза этих людей открылись.

В Древнем Китае жила известная женщина, мастер дзэн. Звали ее Мо Шань. Она была наставницей большого зала для медитации, где занималось довольно много учеников-мужчин. Однажды туда пришел молодой послушник, желавший заниматься под ее руководством. Зная, что мастер — женщина, он предложил следующее: «Вы слывете великим мастером дзэн. Если это правда, я останусь и буду учиться у вас, если же нет — выбью из-под вас ваше сиденье». Мо Шань ответила молча, и это смутило юношу. «Если вы столь велики, почему вы все еще только женщина, почему бы вам не превратиться в мужчину?» «Я это я, — ответила Мо Шань. — Я не могу менять форму. Я не колдунья».

Молодой человек поклонился, занял самое скромное место и долгие годы провел, обучаясь у Мо Шань.

Слова Мо Шань истинны и по сей день. Никто не в силах изменить свою форму, как бы он того ни хотел. Следует научиться принимать ее. Конечно, можно улучшить свой характер, перевернуть страницу и реализовать природу будды. В противном случае Будде не было бы смысла приходить в мир. Говоря: «Все суть одно, и все различно», — мы говорим и об этом. Нам приходится такие вещи, как пол, национальность, цвет и внешний облик, принимать такими, какие они есть. Мой нос никогда не станет плоским, как у японца, а глаза всегда будут серыми и круглыми, а не миндалевидными. Когда мои западные друзья говорят, что для желающего стать последователем дзэн важно следовать японским обычаям — есть палочками, по-японски сидеть на полу, — я понимаю, что их «религия» выродилась в не-религию. Единственный смысл сидения со скрещенными ногами на полу, т. е. изначальной дзэнской позы, — а эта поза индийская по происхождению, а вовсе не японская — заключается в том, что оно дает прочную опору сидящему, т. е. в этом положении трудно упасть. Ничто не мешает успешно практиковать дзэн, сидя на стуле или на табурете с большим сидением и без спинки. Западному человеку лучше довольствоваться своими обычаями, а не чваниться перед друзьями крохами культуры таинственного Востока, более или менее удачно перенятыми. Изучение и практика дзэн должны сделать нас нормальными, а не наоборот.

Чуть ли ни с первой минуты моей жизни в Японии — я приехала туда более десяти лет назад — мне постоянно твердили, что я должна сосредоточиться на основополагающей Истине, не обращая внимания на обычаи и культуру. Запад может воспользоваться этой Истиной, для того чтобы создать собственную форму дзэн. Однако многие так называемые буддисты в странах Запада убеждены, что учить их может только человек с Восто-

ка и что восточные обычаи существенно важны для буддизма. Они так же презирают своих соотечественников, вступающих на путь буддийского служения, как презирают они и свою собственную культуру, полагая, что ей, как и ее носителям, недостает чего-то, чем во всей полноте обладает Восток. Обращаясь к подобным буддистам, мастер дзэн скажет, что белые коровы не хуже коричневых, и ни те ни другие не нуждаются в большем совершенствовании. Еще несколько лет назад я тоже придерживалась этого обычного для среднего европейца мнения. Тисан Кохо, последний старший настоятель Содзидзи, указал мне на то, что если человек с Запада не может быть учителем, то, очевидно, и научиться он ничему не в состоянии — перст, указующий на луну, был принят им за саму луну. Стоит об этом немного поразмыслить, и натолкнешься на поразительное открытие: философия, истина могут быть перенесены, пересажены на другую почву, обычаи же и культура — нет. Значит, философия, как и сама истина, должна облачиться в обычаи и культуру места своего нового пребывания. В конце концов, лунный свет окрашивает снега Исландии иначе, нежели зеленые заросли тропиков, — а ведь это все тот же свет все той же луны. Как точно отметил последний старший настоятель, Догэн был японцем, привезшим дзэн из Китая в Японию; Китай не посылал миссионера для обращения Японии в дзэн. Некоторые японцы выходят из себя, когда слышат, как Догэна критикуют за допущенную им серьезную ошибку, а именно за попытку переноса китайской формы дзэн в Японию. Они клянутся, что китайская и японская культуры ничем не отличны, что они суть одно. Это верно во многих отношениях. Но когда живешь в замкнутом сообществе, то особенно раздражительно действуют на нервы незначительные, а не серьезные различия в обычаях. Мелкие же обычаи и привычки жизни в этих двух странах, без сомнения, сильно отличаются друг от друга. Я жила в китайских храмах в Малайзии и в Гонконге и потому говорю со знанием дела.

Когда западный человек научится буддийскому всеприятию, он перестанет задирать нос перед своими соотечественниками. С истинно буддийским смирением он пожелает научиться у них. Говоря словами последнего настоятеля Содзидзи: «Запад сам найдет своего учителя, когда будет готов к этому. Этот человек, возможно, пройдет обучение в Японии, но он, или она, должен быть человеком Запада, а не чужестранцем. Буддизм не откроется людям Запада до тех пор, пока они стремятся учиться у японского наставника. Они видят японцев и чужестранцев как отличающихся друг от друга по природе будды, а не как одно и единое и потому пребывают в двойственности».

В связи со сказанным выше мне вспоминаются слова Догэна: «Нет смысла отправляться в далекие темные земли, надолго покидая свою циновку; если вы не можете найти истину там, где находитесь сейчас, вы не найдете ее нигде». Прошло много времени, прежде чем я поняла, что поездка в Японию не была для меня делом первой необходимости.

Мы должны верить в то, что природа будды — в каждом из нас; значимость этого обстоятельства нельзя переоценить. Без этой веры не понять дзэн; и, наконец, если вы не верите в то, что потенциально обладаете состоянием будды, его бытие — бытие будды — никогда не откроется вам. Иными словами, дзэн-буддизм — это религия, и она нуждается в вере, а не в философии. Для верующего излишни все объяснения написанного в этой книге, неверующему же не поможет никакое объяснение. Вы должны верить, что Будда Шакьямуни открыл для себя свою природу будды, реализовав свое собственное врожденное изначальное просветление в единстве со всей вселенной, и именно потому, что он реализовал его, вы также можете сделать это.

КНИГА I

СТЕБЕЛЬ ЛОТОСА

Всем людям знакомо страдание, оно — та влажная почва, в которую пускает лотос свои корни. Все люди знают цветок лотоса, смотрящий в небо. Немногим известно, как выпестовать в себе корни Истинной Религии, взрастить их в окружающей нас почве невежества. Но еще меньше тех, кто знает, как сделать так, чтобы корни дали росток — росток, который вырастет в длинный, идущий сквозь толщу темных вод, стебель, прежде чем в ясном свете дня раскроется цветок. В этих главах я пытаюсь показать, как вырастить длинный стебель лотоса, от корней до цветка, потому что стебель лотоса и практика дзэн суть одно.

Глава I

ИСТОРИЯ БУДДЫ СОГЛАСНО ДЗЭНСКИМ ВЕРОВАНИЯМ

В день полнолуния, в мае 623 г. до н. э, в саду Лумбини около Капилавасту, что на границе Непала, родился царевич Сиддхартха Гаутама, будущий Будда Шакьямуни. Семья его принадлежала к аристократическому роду шакьев; отцом Сиддхартхи был царь Шуддходана, матерью — царица Махамайя. Она умерла через семь дней после его рождения. Младшая сестра Махамайи, Махапраджапати, также жена царя Шуддходаны, стала приемной матерью маленькому царевичу. Аскет Асита, близкий друг царя, пришел во дворец, чтобы увидеть младенца. Ребенок же, когда его поднесли к аскету, положил свои ноги на спутанные волосы Аситы. Усмотрев в этом жесте предвестие будущего величия царевича, Асита встал со своего места и приветствовал его жестом *гассё*, то же самое сделал и царь. Сперва Асита улыбнулся, потом заплакал, потому что знал: Гаутама был Буддой, который должен был прийти в мир; ему же, Асите, в силу предыдущих смерти и рождения в сфере не-форм, не суждено было дожить до того времени, когда он смог бы приобщиться высшей мудрости Будды.

На пятый день ребенку дано было имя Сиддхартха Гаутама; слово «Сиддхартха» означает «исполненное желание». Для участия в церемонии наименования во дворец были приглашены многие ученые брахманы. Среди них восемь выделялись своей мудростью. Семеро,

внимательно осмотрев ребенка, подняли вверх два пальца, давая понять, что, по их мнению, новорожденный царевич станет или царем всего мира, или Буддой. Однако самый молодой и самый ученый из всех, Конданна, поднял только один палец, уверенный в том, что принц оставит мир и станет Буддой.

Во время праздника пахоты будущий Будда пережил необычайный духовный опыт, в котором можно усмотреть предвестие его будущего просветления. Этот праздник устраивался в честь сельских работ, для сообщения им большей успешности. В нем участвовали и благородные, и простой народ, все в праздничных одеждах. Маленького Гаутаму оставили под присмотром няnek на закрытом пологом ложе под розовым деревом. В разгар праздника нянки улизнули полюбоваться зрелищем, ребенок же, сев со скрещенными ногами, сосредоточив внимание на выдохе и вдохе, достиг *самадхи* — сосредоточенности сознания, т. е. первой ступени экстаза. Когда нянки вернулись, принц был так глубоко погружен в созерцание, что, объятые благоговейным трепетом, они поспешили рассказать об этом царю. Шуддхадана пришел и почтительно приветствовал сына.

Получив блестящее образование, приобретя познания и навыки как в искусствах, так и в военном деле, Гаутама взял в жены свою прекрасную двоюродную сестру Яшодхару. Им обоим было по шестнадцать лет в ту пору. Они погрузились в жизнь, полную роскоши и удовольствия, не ведая о нелегкой доле большинства из тех, кто жил за стенами дворца. Для того чтобы в полной мере наслаждаться жизнью, у Гаутамы было три дворца, предназначенных для разных времен года — жаркого, холодного и дождливого. В то время он и не помышлял об отказе от роскоши и удовольствий.

Однако созерцательная натура и присущее Гаутаме чувство бесконечного сострадания не позволяли ему полностью погрузиться в наслаждения, подобно другим. Царевич не знал горя, и все же, несмотря на собственное

благополучие, он был снедаем желанием узнать жизнь других людей. Жажда знания вывела его однажды за стены дворца, и там он увидел темную сторону человеческой жизни. Первым ему встретился дряхлый старец, затем больной, потом Гаутама увидел умершего. Последним царевич встретил почтенного отшельника. В первых трех встречах ему открылась неумолимая природа жизни, он понял, что все люди поражены недугом. Четвертая же встреча показала ему путь излечения болезни, путь достижения мира и покоя. Осознав пустоту и бесполезность чувственных удовольствий, с одной стороны, значимость отречения — с другой, он решил покинуть мир. Уже после того как решение было принято, Сиддхартха узнал о рождении сына, который теперь был для него препятствием, а не благословением, почему тот и получил имя Рахула, «преграда».

Гаутама осознал, что пришло время ухода, и приказал своему любимому слуге Чханне оседлать коня Кантхаку. Стоя на пороге, он бросил бесстрастный взгляд на жену и сына. Однако даже тогда, в момент ухода, сострадание было в нем столь сильно, что он ушел тайно, в ночи, в сопровождении одного лишь Чханны; ушел, чтобы в 29 лет стать нищим странником.

После долгого путешествия царевич остановился на далеком берегу реки Аномы, где срезал волосы и отдал свою одежду и украшения Чханне, велел ему отвезти их обратно во дворец. Покончив таким образом с прошлой жизнью, Гаутама облачился в желтое одеяние аскета, и с этого дня для него началась жизнь добровольной бедности, жизнь бездомного нищего.

Свои поиски покоя и умиротворения он начал под руководством Арады Каламы, известного аскета, который, после того как его ученик достиг третьей *арупа дхьяны*, или области ничто, стал видеть в нем равного себе. Гаутама же не мог найти удовлетворения в простом умственном сосредоточении. Он отправился к Удраке Рамапутре и с этим учителем достиг последней сту-

пени — области «ни восприятия, ни не-восприятия». В те дни духовное развитие мудрецов заканчивалось на этой стадии, поэтому учитель предложил Гаутаме взять на себя заботу о всех его учениках.

Не найдя никого, кто мог бы стать его учителем, видя, что все погрязли в невежестве, Гаутама оставил поиски помощи со стороны, поняв, что истина и мир должны быть найдены внутри самого себя и не могут быть получены ни от кого другого. С тех пор он странствовал в области Магадха, пока наконец не пришел в Урувелу. Прослышав о его уходе и отречении, Конданна, предсказавший когда-то судьбу Гаутамы на церемонии его наречения, и сыновья еще четырех мудрецов, присутствовавших при этом, — Бхаддия, Ваппа, Маханама и Ассаджи — также отреклись от мира и присоединились к нему. Отшельники Древней Индии практиковали суровейшие формы аскетизма. Гаутама, которого теперь звали Шакьямуни, прошел через все виды лишений, доведя свое изнеженное некогда тело почти до состояния скелета. Но чем сильнее он истязал себя, тем более далекой казалась его цель, единственным же результатом аскезы было истощение.

И вот пришел к Шакьямуни демон Мара, внушая ему, чтобы тот вел добродетельную жизнь, целомудренную и полную жертв. Но будущий Будда не поддавался искушению, зная, что чувственные желания, отвращение, голод, жажда, стремление к чему-то, лень, расслабленность, страх, сомнение, рассеянность, упрямство, корысть, хвала, почести, ложная слава, самолюбование и презрение к другим — все это армия Мары. Решив, что лучше погибнуть в борьбе с этими искушениями, чем жить в рабстве у них, он устранил все мысли о них из своего ума и укрепился в решимости достичь состояния будды.

Приняв это решение, Шакьямуни оставил самоумерщвление как занятие тщетное и встал на срединный путь, лежащий между аскетизмом и гедонизмом. Теперь он

осознал, что путь к просветлению — это то самое простое сидение, которое было непосредственно открыто им еще в младенчестве. Тогда он принял пищу, что возмутило пятерых его спутников-аскетов, которые оставили его, обвиняя в отступничестве. Приняв от женщины по имени Суджата простую пищу, которая подкрепила его силы, Будда решил просто сесть и отдаться созерцанию.

Так, сидя под знаменитым впоследствии баньяновым деревом в Бодхгае, с сознанием очищенным и успокоенным, он раскрыл всю полноту сверхъестественного знания истинного пути к уничтожению страстей, и, познав вещи, как они есть в истине, Шакьямуни реализовал свое изначальное просветление и воскликнул: «Я был просветлен одновременно со вселенной». Ему было тогда тридцать пять лет.

Он родился человеком, жил и умер как человек. Однако будучи не бессмертным, не богом, но просто человеком, он стал человеком необычайным. Не следует думать, что он воплощение Вишну или другого бога и что его личное спасение не может спасти других. «Вы сами должны сделать усилие; будды — это только учителя», — так он говорил. «Помни, ты должен идти один; будды лишь показывают путь», — другое известное высказывание Будды. Вместо того чтобы поместить всемогущего, незримого бога над человеком, заставив последнего служить этой вере, Будда Шакьямуни возвысил значение человека. Бескорыстное служение и равенство всех людей — вот краеугольные камни его учения.

Глава II

ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЕ УЧЕНИЯ РАННЕГО БУДДИЗМА, ИМЕЮЩИЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ДЗЭН

1. *Анатта* («не-я»)

Нет бессмертной души, отделенной от сознания и материи, составляющих основу такого существа, как человек. Мы не наделены вечным эго, и нет никакого таинственного способа, который помог бы нам получить это эго от некоего таинственного существа или силы. Буддийское учение о перерождении следует отличать от теории перевоплощения (реинкарнации), или трансмиграции, потому что буддизм отрицает существование неизменной или вечной души. Формы человека и животного суть временные явления, манифестации присущей всем жизненной силы. «Существо» — это только понятие, употребляемое по договоренности; рождение — вступление в реальность психофизического существования. Как физическое состояние обуславливается состоянием, ему предшествующим, так же и вступление в психофизическую жизнь обусловлено ранее сформировавшимися обстоятельствами. Как отсутствие постоянного, неизменного элемента, переходящего из одного момента мысли в другой, не препятствует процессу одной жизни, так и ряд жизней возможен без некоей общей для всех них, неизменной составляющей. Тело умирает, сообщая свою жизненную силу другому телу, но в то же время не передавая ему ничего, что можно было

бы назвать самостоятельной сущностью. Бытие, которому суждено сбыться «там», в будущем, обусловлено жизненной силой, присутствующей здесь и сейчас. Новое существо не будет тождественно предшествовавшему, поскольку различен их состав, различна комбинация составляющих их элементов; но оно и не совершенно отлично, будучи тем же самым потоком жизненной силы. Поток этот подобен потоку электричества, который обнаруживается тогда, когда ввернута лампочка, позволяющая ему вспыхнуть светом, но остается незримым, когда лампочка разбита. В случае с электричеством поток не исчезает, не прерывается, когда лампочка разбита — нужно лишь вставить новую. Так же и с новым рождением — жизненная сила присутствует постоянно и непрерывно, манифестируя себя в рождении и оставаясь незримой, скрытой в смерти. Только это, больше же ничего.

2. *Карма*

(действие или поступок, благой или дурной)

Карма — это закон нравственной причинности; действие и его результат в этической сфере. Карма охватывает деяния, совершенные в прошлом и совершаемые в настоящем. Это не судьба, не предопределение, налагаемое на нас некоей таинственной силой, которой мы беспомощно подчиняемся. Карма — дело собственных рук каждого, и она обладает силой обратного воздействия на деятеля. Вот почему мы можем определять процесс нашей кармы. *Карма* есть действие, *vipaka* — ответ на него, реакция; иными словами, мы имеем дело с причиной и следствием. Будучи законом как таковым, карма не нуждается в законодателе. Она действует в своей собственной сфере, куда не проникает вмешательство внешнего, независимого деятеля. Ей присуща по природе способность произведения должного результата. Результат, как цветок в бутоне, заложен в своей причине. Карма,

благая или дурная, вызывается незнанием истины вещей; невежество и стремление — основные причины ее существования. «Нет деятеля, свершающего деяние, и нет того, кто от плода деяния вкусит» — эта идея становится совершенно ясной после глубокой и правильной медитации. Наша воля, или эго, творит карму, чувство пожинает ее плоды. Нет ни сеющего, ни жнущего, кроме этих двух проявлений, или способностей, нашего психического существа. Ни в сознании, ни в теле нет места, где обреталась бы карма. Но, связанная с сознанием и телом, она проявляется в соответствующий момент и является индивидуальной силой, переходящей из одного существования в другое. Однако не все определяется кармой. В противном случае дурная карма обрекала бы индивида навсегда оставаться дурным. Явления времен года; связь зародышей и семян; теория клеток и генов; связь действия и результата; природные явления, такие как гравитация и другие закономерности; связь сознания и физического закона, выраженная, например, в процессах сознания, в его возникновении и гибели, — все это суть самостоятельные законы. Карма — третий из этих пяти всеобщих законов, и вместе с другими четырьмя она помогает объяснить многообразие мира. Карма дает надежду и уверенность в себе, в ней буддист находит утешение и нравственное мужество. Она учит личной ответственности и проясняет проблему страдания, тайну так называемых судьбы и предопределения, неразрешимую в других религиях; наконец карма указывает причину неравенства людей.

3. Перерождение

Прошлая карма обуславливает настоящее рождение; карма настоящего в сочетании с кармой прошлой определяет будущее рождение. Как уже говорилось, новое рождение следует отличать от перевоплощения

(реинкарнации), или трансмиграции, так как не существует неизменной, вечной души; нет индивидуального «я», самости, которую можно было бы помыслить, а следовательно, нет ничего, что могло бы воплотиться вновь.

4. Четыре благородные истины

Как уже было сказано в главе I, Будда Шакьямуни, выйдя за дворцовые стены, увидел проявления старости, болезни, смерти и монашеской жизни. Целью его поиска было открытие способа освобождения человечества от страдания, порождаемого первыми тремя состояниями. Путь к обретению этого способа открылся ему в четвертом состоянии, монашестве, которому он и посвятил свою жизнь. Решение проблемы пришло в пробуждении, открывшем «четыре благородные истины».

Первая из этих истин гласит, что страдание существует. Рождение, разложение, смерть, печаль, сожаление, боль, горе, отчаяние, невозможность достичь желаемого, само существование, каким его знает мир, — все это страдание, все это кармически обусловлено. Три признака — *аничча* (преходящесть, изменчивость), *дуккха* (страдание), *анатта* (не-я, бес-самость) — можно понять на опыте, но их не объяснить в словах; три бедствия — болезнь, старость и смерть — придут к каждому, но начало вращения «колеса бытия» непостижимо.

Вторая истина говорит о причине страдания. Причина кроется в желаниях, стремлениях, которые делятся на три вида: чувственные, духовные и материальные. Первый вид понятен, второй же и третий нуждаются в объяснении. Духовное стремление — это желание возродиться в состоянии лучшем, нежели нынешнее, например желание попасть на небеса. Материальное

стремление — результат ложного представления о более или менее реальном эго, уничтожаемом со смертью и не имеющем никакой причинной связи с тем, что было до смерти и будет после нее. Это стремление возникает как результат деятельности ощущений и сознания. Учение о причинно-зависимом происхождении¹ можно рассматривать как детальное объяснение второй истины.

Третья истина — истина о прекращении страдания. Нирвана возможна в этой жизни, так как является победой над алчностью, злобой и заблуждением. Речь идет о постоянном очищении своего Я — очищении, совершаемом непрестанно как до реализации врожденного каждому просветления, так и после достижения его; об отказе от желаний, идей и представлений, которыми мы наполняем наш ум, из-за чего создаем постоянное волнение и рябь на его поверхности, мешающие ясно видеть отражение луны нашего истинного Я. После того как весь мусор выброшен, мы реализуем состояние, в котором нет ни твердого, ни жидкого, ни жаркого, ни движения, ни этого мира, ни мира того, ни солнца, ни луны.

---

¹ Санскр. *пратитья-самутпада*. Цепь причинно зависимого происхождения состоит из двенадцати звеньев (*нидана*), которые соотносятся с тремя периодами времени. Прошлая жизнь включает в себя два «звена», а именно: 1) *авидья* — неведение; 2) *санскара* — формирующие факторы, мотивации, базовые импульсы. Настоящая жизнь: 3) *виджняна* — сознание, обусловленное наличием санскар; 4) *нама-рупа* — имя и форма; 5) *индрия* — шесть органов, или способностей, восприятия; 6) *спарша* — соприкосновение с объектами чувственного восприятия; 7) *ведана* — чувство приятного, неприятного или нейтрального; 8) *тришна* — влечения, страсти; 9) *упадана* — привязанность, схватывание; 10) *бхава* — сансарическая жизнь. Последняя приводит к следующей, будущей жизни, которую охватывают еще два звена: 11) *джати* — новое рождение и 12) *джара-марана* — старость и смерть. Подробнее о пратитье-самутпаде см.: *Торчинов Е. А.* Введение в буддологию. СПб., 2000. С. 25 сл. — *Прим. пер.*

Это состояние не знает возникновения и ухода, ему не ведомы недвижность, рождение или смерть, там нет точки опоры, развития, основания. Оно — конец страдания, в нем — нечто нерожденное, безначальное, несотворенное, бесформенное, без него невозможна реализация нашей истинной природы. Но медитация все равно не должна прерываться — ведь и Будда Шакьямуни никогда не выходил из медитации. Стоит ей прерваться, и озеро нашего сознания вновь наполнится нашими собственными идеями и представлениями, ощущениями приятного и неприятного, лишая нас созерцания своего истинного Я. Потому-то истинный последователь Будды никогда не говорит, что постиг буддизм, как не утверждает он и обратного. Он просто не прекращает практики, становясь буддой и пребывая буддой постоянно, в каждый момент своей жизни, которая потому обращается в ежесекундное просветление, в ежеминутный дзэн. С его стороны в этом нет осознанности, но нет и неосознанности. Он практикует буддизм ради буддизма, так же как Будда Шакьямуни не расставался с чашей для подаяний, не снимал нищенского одеяния во все дни своей жизни после просветления и не прерывал медитации.

Четвертая истина — восьмеричный путь, ведущий к прекращению страдания. Большинство людей привержены одной из двух крайностей — погоне за чувственными наслаждениями или самоумерщвлению; в этом причина существования страдания. Будда избегал обеих крайностей. Он обрел Срединный Путь, ведущий к истинному миру сознания, к нирване. Подробно об этом пути будет говориться далее, в трактате *Кёдзюкаймон*, здесь же я просто перечислю этапы пути: правильное понимание, правильные помыслы, правильная речь, правильное поведение, правильный образ жизни, правильное усердие, правильное памятование, правильное сосредоточение.

5. Аничча (непостоянство, изменение)

Все изменяется, все стареет, увядает, постоянно изменяется. В учении об аничче говорится о полном различии всех моментов опыта, что в конечном итоге ведет к пустоте, описанной в сутрах праджняпарамиты и в догэновском Удзи.

Все учения, перечисленные здесь, находятся в ряду основных учений тхеравады — ранней формы буддизма. В раннем буддизме можно найти много других учений и верований, зародившихся в лоне изначальных индийских учений или же имевших другие истоки. Но все они, упомянутые здесь, не отступают ни на шаг от учения Будды Шакьямуни, и знание их необходимо для изучения дзэн.

Глава III

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ДЗЭН ИЗ ОСНОВОПОЛАГАЮЩЕГО УЧЕНИЯ ТХЕРАВАДЫ

Дзэн часто определяют как традицию передачи учения, не опирающуюся на священные тексты, или традицию передачи вне сутр и писаний. Это, однако, не значит, что следует совершенно пренебрегать текстами, письменными источниками, особенно если речь идет о новичке, не знакомом с буддизмом. Чтобы понять дзэн, необходимо глубокое знание основополагающих учений тхеравады, которые вкратце были изложены в предыдущей главе. Начинаящий должен также знать историю жизни Будды Шакьямуни, знать о путях развития и распространения учения вплоть до его оформления в то, что ныне известно как буддизм махаяны. Поэтому, предполагая, что читатель внимательно ознакомился с содержанием двух предыдущих глав, мы можем теперь приступить к изучению развития дзэн.

Нельзя забывать, что даже те дзэнские мыслители, ученые, которые пытаются объяснить и обосновать свою позицию при помощи рационально выстроенной философской аргументации, вглядываются в истину не глазами философа; их сердца — сердца веры. Скажу проще: пытаюсь понять дзэн с рациональной, философской, точки зрения, вы никогда не найдете убедительного аргумента в его пользу; но вам вовсе не потребуется таковой, если вы подойдете к пониманию дзэн интуитивно, действуя сердцем веры, а не аргументирующим умом.

Не следует ли отсюда, что дзэн — не философия, не образ жизни, но *интуитивная* религия?

Хотя в этой главе я буду говорить по преимуществу о философской и религиозной аргументации, не они составляют цель и предмет дзэн. Метафизика — лишь гора мертвых слов; для адепта дзэн важно одно — воплотить учение Будды на практике и работать над собой так же, как это делал учитель. Поэтому после окончания этой главы я не вернусь больше к метафизике и философии, полностью перейдя в область практического приложения.

В предыдущей главе мы познакомились с основными доктринами тхеравады. В этом раннем течении буддизма особенно настоятельно подчеркивается необходимость отказа от мира. Ищущий просветления должен всем сердцем отдаться пути *араханта* (санскр. *архат*) — того, кто оставил дом, семью, удобства, всю свою обычную жизнь, чтобы освободиться от уз рождения и смерти, приковывающих его к сансаре, этому миру зависимости, и в конечном итоге достичь полного покоя нирваны, невзирая на то, есть у него последователи или нет. Согласно тхераваде, единственное, что может сделать арахант для других, — подать своей жизнью пример для подражания, пример, которому последуют если не в этой жизни, так в другой. Разве вера с таким настроением могла дать жизнь идеалам махаянского буддизма, требующим от просветленного не вступать в нирвану до тех пор, пока он не сможет взять с собой каждую травинку? Ответить на этот вопрос трудно. Без сомнения, не последнюю роль сыграли здесь особенности национального характера, но главный ключ к решению проблемы нам даст сравнение взглядов тхеравады и махаяны на Будду Шакьямуни.

Буддист тхеравады видит в Шакьямуни человека, очистившего себя от всех привязанностей, первопроходца, открывшего путь ухода от страданий, гнетущих и терзающих все существа этого преходящего мира; последователь тхеравады полагает, что для Будды было совершенно естественным принять награду нирваны по-

сле достижения просветления. Тхеравадины словно не помнят о том, что после просветления Будда оставался в мире еще сорок пять лет и целью его жизни было оказание помощи людям. Буддист же махаяны видит не столько первопроходца, сколько того, кто оставил роскошь ради поиска пути к спасению человечества, кто сделал это из жалости, из сострадания миру, а не ради собственного покоя. С точки зрения махаяны желание Шакьямуни поделиться своим великим открытием со всем миром доказывает присутствие в нем истинного понимания единства всех существ — желание собственного счастья не было властно над учителем, в противном случае он ушел бы в нирвану, не заботясь о других. Эта истинная любовь к миру, о которой позже я буду говорить как о сердце Фугэна, — высший знак духовного совершенства. Вернуться, чтобы служить всему сущему дарующими благословение руками, стало целью бодхисаттвы — просветленного, который, дойдя до порога нирваны, решает, что войдет в нее не один, но лишь со всеми живыми существами этого мира. В жизни Шакьямуни нам явлен идеал бодхисаттвы, который вопреки заявлениям тхеравадинов не был позднейшим добавлением к первоначальному учению.

Однако в связи с нашим предметом особенно интересным представляется выяснение того, как махаяна обосновывает это смещение цели, поскольку здесь затрагиваются самые основы и средоточие учения дзэн. Среди специфически махаянских сутр, написанных после ухода Будды в целях разъяснения некоторых сторон его учения, есть *Лотосовая сутра благого закона*, в которой Будда открывает истину только в той мере, в какой она может быть воспринята конкретным учеником и в конкретный момент. По мере духовного развития группы учеников Учитель открывает им более высокие истины. Учение тхеравады было адресовано начинающим, учение махаяны — тем, кто продвинулся по пути совершенствования. Это означает, что Будда осознавал на-

личие более высоких истин; они были внутренне прису- щии ранним учениям, «просвечивали» в них, однако из- за того, что ученики еще не были к ним готовы, они не могли раскрыться полностью. И только Макакасё (Ма- хакашьяпа), улыбнувшемуся в ответ на поднятый Буд- дой цветок, была открыта вся истина, открыта в молча- нии. Эта интуитивная передача, идущая от сердца к сердцу, не нуждающаяся в священных текстах, стала основой традиции дзэн, первым патриархом которой считают Макакасё.

Могут возразить, что, открывая истину частями, Будда намеренно вводил своих учеников в заблуждение. В *Лотосовой сутре* аллегорическое опровержение это- го возможного обвинения мы находим в истории о неко- ем человеке, у которого в охваченном огнем доме оста- лись трое сыновей. Они отказываются выходить из дома, когда отец предлагает им приготовленный большой по- дарок. Тогда он предлагает сыновьям незначительные вещи, о которых они, как ему известно, давно мечтали, и, таким образом, добивается их согласия выйти из го- рящего дома. Когда же сыновья, целые и невредимые, стоят у ворот, отец вручает им тот самый большой пода- рок, который предлагал вначале. Притча ставит следу- ющий вопрос: обманул ли отец сыновей? Сутра отвеча- ет так:

Хотя отец и соблазнял сыновей, обещая дать три колесницы, а потом подарил им лишь одну большую, украшенную драгоценностями и великолепно осна- щенную, все же он не виновен во лжи. Так и Татхага- та: не было лжи в том, что первоначально он пропове- довал о «трех колесницах», дабы привлечь все живые существа, затем же спас их посредством одной лишь «великой колесницы». Почему он так поступал? По- тому что Татхагата наделен бесконечной мудростью, могуществом, бесстрашием и сокровищницей законов, благодаря чему может одарить все живые существа «великой колесницей закона»; но не все способны при-

нять этот дар. О Шарипутра! Вот почему будды, об- ладая способностью действовать сообразно обстоятель- ствам, в одной колеснице выявили и раскрыли три¹.

Мысль о том, что «ребенку следует предлагать столько пищи и такой пищи, чтобы это в точности отве- чало его потребности», доведена до крайности японски- ми наставниками дзэн, что мы и увидим в нижеследую- щих главах.

Изучающие дзэн зачастую не уделяют должного вни- мания идеалу бодхисаттвы. Особенно характерно это для Запада, где людей влечет прежде всего метафизическое, философское и мистическое содержание учения, что пре- пятствует пониманию глубокого значения служения че- ловечеству — служения, которое, в сущности, может рассматриваться как другое имя практики дзэн. В связи с этим важно отметить еще несколько моментов. Оче- видно, что бодхисаттва есть тот, кто вышел за границы противоположности «себя» и «другого» и не тревожит- ся больше о своем спасении. В то же время в его заботе о спасении других — и это довольно трудно понять — нет *сознательного* усилия, нет намеренности. Он про- сто делает то, что должно быть сделано, ради самого этого делания. Я надеюсь, мне удастся прояснить это чрезвычайно важное обстоятельство по ходу дальней- шего изложения. Бодхисаттва — не просто человек, тво- рящий добро в христианском понимании. Он остается в мире как обычный человек, посвящая себя мягкому и сострадательному направлению людей на истинный путь, проповедуя и уча в меру их возможности понимания. Последнее означает прежде всего помощь и наставле- ние через подачу людям примера собственной жизни, что делается бодхисаттвой совершенно естественно, без

¹ The Teachings of the Compassionate Buddha / Ed. by E. A. Burt. New York: New American Library, Mentor Books, 1955. P. 147 (слегка перефразировано).

усилия. Но бодхисаттва не только подает пример. Он осознал свое вечное единство со всеми людьми: победив причины страдания, он страдает их страданием, и для него нет разницы между собой и другими. Чтобы устранить все препятствия на пути углубления своего единства с человечеством, бодхисаттва не прерывает само совершенствования; с углублением же единства в нем возрастает сила служения людям — как друзьям, так и врагам.

Есть вопрос, перед которым начинающие буддисты всегда останавливались в недоумении: что есть нирвана? Вопрос этот приобретает еще большую важность для бодхисаттвы с его изменившимся мировоззрением. Если нирвана — это то состояние, в которое входит достигший просветления, как в случае с архатом, то как же тогда быть с бодхисаттвой, также заслужившим нирвану, но лишенным ее из-за своего сострадания? Очевидно, если придерживаться взгляда тхеравады, для будд и бодхисаттв не может быть нирваны. Однако постепенно, проходя через все стадии буддовости (Buddhahood), бодхисаттва приходит к осознанию того, что нирвана — не некая награда в будущем, но, скорее, состояние сознания, ведущее к подлинному духовному совершенству. Возможно, именно об этом состоянии Майстер Экхарт писал: «... человек будет свободен и чист, как в тот день, когда в утробе матери он был свободен от понимания, когда он ничего не имел, ничего не желал и ничего не знал. Такова истинная духовная нищета». Это то состояние, когда сострадательное единение столь превзошло всякую мысль о себе, что перестало существовать для себя как таковое. Осуществляющий себя как бодхисаттва уже достиг нирваны, ведь для него нет различий между нирваной и сансарой. Фактически нет ничего за пределами нирваны, и позже мы увидим, что и нирвана не существует. Отказываясь от нирваны ради других, бодхисаттва оказывается в нирване в истинном, духовном, ее смысле.

Именно это духовное состояние и есть нирвана, к которой стремится дзэн. Хотя я и не устаю повторять, что из десяти китайских школ махаяны именно дзэн стоит ближе к изначальному учению тхеравады, идея бодхисаттвы и это видоизмененное понятие нирваны, которые разделяет дзэн, весьма далеки от позиции тхеравады. Вместе с тем основные доктрины тхеравады, как и ее истоки — т. е. учение самого Будды, — сохраняются в дзэн без существенных изменений, хотя, конечно, в несколько развернутом виде. И совершенно определенно можно утверждать, что *Кёдзюкаймон* представляет собой такое развертывание изначальных положений учения Будды.

Некоторые махаянские философы предлагали весьма убедительные обоснования причинности и нирваны, призванные оправдать те видоизменения основных понятий, которые были внесены махаяной. Наиболее значительные из этих философов — Ашвагхоша, Нагарджуна, Асанга, Васубандху, причем первые двое — прямые преемники Макакасё. Мы не должны забывать, что они были не просто писатели, но люди, достигшие высокого духовного совершенства. Поэтому без интуитивного сердца веры едва ли можно понять то, что они стремились выразить при помощи слов. Цель их была прежде всего религиозной и только потом — метафизической, к словам же они прибегали для освобождения энергии интеллекта из тех шор, которые он сам воздвигает на пути духовного постижения. Нагарджуна идет к этой цели, взламывая все понятия рассудка, разбивая их вдребезги; аналогичной участи не избегают и идеи буддизма, коль скоро они, подобно нирване, не более чем понятия. Васубандху работает над разрушением физической реальности, расшатывая понятие атома, и способностей восприятия, оставляя право на реальность только за субъективными восприятиями, принадлежащими исключительно сфере сознания. Подобного рода метафизические рассуждения совершенно естественно вели к иссле-

дованию истинной природы сознания; той природы, которая, будучи схвачена интуитивно, составляет интеллектуальную сторону просветления.

Эти теории и метафизические объяснения являются собой не что иное, как вновь и вновь возобновляемые на протяжении веков попытки патриархов дзэн прояснить природу реальности, интеллектуальный аспект просветления, что с западной точки зрения всегда было наиболее привлекательной и интригующей стороной учения дзэн. Но высшая и окончательная реальность находится за пределами того, что выражается в словах. Искания тщетны, так как действителен лишь всеобщий разум. Этот разум может быть реализован только тогда, когда всякий поиск оставлен, когда отброшены прочь все теории, понятия, идеи, которые мы знаем и которых придерживаемся. Он — вспышка просветления, развернутая в философском языке. Позже я покажу путь к нему через практику. Тем не менее уже сейчас необходимо понять, что ум и средства его истолкования взаимно противоречивы, истина же лежит за пределами словесных выражений. Зная это, Будда Шакьямуни никогда не давал ответа на некоторые вопросы. По той же причине ответы мастера дзэн, как правило, нацелены на то, чтобы навсегда отбить у ученика охоту спрашивать. Таким образом, мастер дает понять, что проблема ученика в самой потребности задавать вопросы, а это свидетельствует об уме, все еще приверженном к рассуждениям. Именно от этого рассуждения следует отказаться, чтобы совершить прыжок в совершенную свободу.

Прыжок требует сердца, исполненного веры, интуиции, а не рассуждения; вместе с тем он не означает полного ухода из мира чувств. Просто, как учил Будда Шакьямуни, чистую гладь нашего сознания возмущает, приводит в волнение ветер мысли и рассудка. Но вот он затихает, и мы видим, что свет Будды никогда не переставал лить свое сияние на тихую гладь ума. Здесь вновь нам приходится прибегать к образам, чтобы выразить истину.

Мы сами, и никто другой, замутили сором изначально чистые воды нашего ума; мы выпустили на волю ветры, возмущающие его гладкую поверхность, и никто, кроме нас, не может вычистить грязь и усмирить ветры. Но помните: образ водной поверхности — только способ представления невыразимой истины; природа сознания должна быть постигнута интуитивно, а не интеллектуально. Как точно сказал Хуэй-нэн:

Бодхи не подобно древу,
Ум — не светлое зеркало,
Ничего нет от начала,
Так на что же ляжет пыль?

Глава IV

НЕОБХОДИМОСТЬ ДЗАДЗЭН, ИЛИ ПРАКТИКИ МЕДИТАЦИИ

Три вещи необходимы для того, чтобы человек, наделенный истовой верой в буддизм, смог взрастить семена буддовости, скрытой в нем, как и в каждом из нас. Способен на это лишь тот, кто всем своим существом осознает, владеет и в каждом миге своей жизни являет:

сердце Кандзэон, или взращивание семени великого сострадания, таящегося в нас;

сердце Фугэн, или взращивание семени великой любви, таящегося в нас;

сердце Мондзю, или взращивание семени великой мудрости, таящегося в нас.

Только тот, в ком пробудились три эти силы, может вернуться в мир, словно несущий благословение Мирокку, грядущий Будда. Эта троица — сострадание, любовь, мудрость — три великих барабана; они безмолвны до поры, но когда все наше существо проникнуто ими, тогда голоса их гремят на весь мир. Они — ключи к безвратным вратам истинной свободы, открыть которые нам не мешает ничто и никто, кроме нас самих, ведь, в действительности, ворота эти никогда и не были заперты. Упорствуя в привязанностях и неприязни, предрассудках и понятиях, иначе говоря, постоянно выбирая то или это, мы сами создаем тучи, скрывающие сияние луны нашего истинного я. Стоит прогнать их прочь, как обнаружится, что луна никогда не переставала сиять, но взгляд наш был затемнен той уверенностью в собствен-

ной правоте, которая за другими этой правоты не признает. Поэтому в первую очередь во время утренней службы в храме дзэн читают *Сутру Кандзэон*. Сострадание — мать ребенка мудрости; отец же ее — любовь — любовь, которая не стремится к обладанию в мирском смысле, но все объемлет собой в смысле духовном. Вот почему отыскание в себе страдающего сердца и выведение его на свет является первой обязанностью мирянина, приступающего к занятиям дзэн. Прежде всего мы обратимся к методу медитации, позволяющему решить эту задачу; в следующей главе разговор пойдет о той позиции, или установке, которая позволяет проявиться сердцу Кандзэон.

Большинство тех, кто желает заняться дзэн, предпочитают начинать с философии. Это неверно. Как я уже говорила в предшествующей главе, прежде всего необходимо воспитывать в себе сознание бодхисаттвы. Поэтому, подражая Шакьямуни в *Лотосовой сутре благого закона*, я оставляю изложение философии и метафизики напоследок и даю учащемуся ровно столько, сколько может он воспринять с пользой для себя.

Дзадзэн, или «сидячая медитация», учит реализации нашего истинного ума — реализации, достигнув которой, ум уже никогда не вернется к прежнему состоянию. Помните, это не попытка успокоения сознания — последнее невозможно. Правда, мы успокаиваем ветры мысли, не позволяя ни одной мысли тревожить нас, но совсем перестать мыслить невозможно и нежелательно. Мы просто следим за тем, как мысли возникают и как они исчезают.

Если у вас нет возможности заниматься в зале для медитации, тихая комната в вашем доме, где никто не потревожит вас, будет лучшим местом для вашей практики. Она не должна быть слишком светлой или темной, слишком холодной или теплой. Лучше всего практикуйте медитацию, когда чувствуете легкую прохладу. Вам понадобится большая квадратная подушка, около двух или трех квадратных футов, и еще одна, меньшая

по размеру, круглая как шар, около восьми дюймов в диаметре и восьми дюймов в высоту, которая кладется поверх первой. Если у вас нет такой, возьмите еще одну квадратную и сложите ее вдвое. Одежда не должна стеснять вас: не стоит надевать брюки, чулки, узкие или короткие юбки и тому подобные неудобные вещи. Японцы, и священники, и миряне, если они не одеты в специальные одеяния, носят так называемые *хакама* — широкие плиссированные юбки с прорезями по бокам, куда можно прятать руки от насекомых. В такой юбке удобно сидеть со скрещенными ногами — она не причинит неудобства, не нарушит кровообращения.

Разумеется, лучше всего сидеть в позе лотоса, когда ступня каждой ноги покоится на бедре другой. Но для многих эта поза слишком трудна, даже невозможна. Некоторые могут сесть в полулотос, т. е. только одну ступню положить на противоположное бедро; другие сидят в так называемой бирманской позе, в которой ноги не скрещены, но согнуты в коленях, как бы вывернуты в противоположные стороны, ступни же находятся друг против друга. Эта поза наиболее предпочтительна для западных людей, большинство из которых не в состоянии долго высидеть в позе лотоса. Существуют и другие позы, которые наверняка сможет показать хороший учитель, коль скоро окажутся болезненными все остальные. Можно сидеть на стуле, но помните: когда тело устает, невозможно сохранять его положение неизменным, если ваша поза не дает значительного пространства опоры, как три основных положения, описанные выше; кроме того, если долго сидеть с опущенными ногами, они могут отечь. Во время обучения европейцев в Содзидзи я обнаружила, что, хотя поначалу поза лотоса может причинять почти невыносимую боль, усилия вознаграждаются той легкостью, с которой впоследствии переносятся даже очень длительные сидения. Привыкнуть же к этому положению можно, если начинать с непродолжительных упражнений. В конце концов, дзадзэн — не испытание

выносливости, хотя в некоторых японских храмах эта практика, по-видимому, понимается именно так. Догэндзи, который привез этот способ медитации из Китая в Японию, настойчиво предостерегал против чрезмерностей аскетизма, подчеркивая, что к дзадзэн надо относиться как к «удобному способу» упражнения. Пять минут в день, если вы проведете их в правильном положении тела и сознания, через три или шесть месяцев дадут вам возможность медитировать по двадцать-сорок минут, сохраняя спокойствие и сосредоточенность сознания. Длительность сидения следует увеличивать постепенно, не принуждая тело к тому, что невозможно для него. Результат подобного насилия над собой неизменно один и тот же: начинающий в конце концов быстро теряет интерес к дзадзэн из-за страха перед болью.

В первое время колени сами собой будут приподниматься над подушкой, и вам придется прижимать их к подушке снова и снова. Это движение самопроизвольно и вызвано мышечным спазмом. Я помню, как мое левое колено поднималось с подушки в Содзидзи, несмотря на огромное мускульное усилие, которым я старалась воспрепятствовать этому. Большинство учителей понимают произвольность этого движения, но не все; есть такие, которые вместо помощи ученику прибегают к наказаниям. В больших дзэнских храмах ученика, едва он пошевелится, учат неподвижности при помощи *кёсаку*, или «пробуждающей палки». Как правило, палка находится в руках опытного наставника, понимающего возможность произвольных движений и поэтому не спешащего наказывать нарушителя. И все же время от времени *кёсаку* попадает в руки к начинающему воспитателю, что приводит к нежелательным результатам. Как бы то ни было, важно сидеть неподвижно, насколько это возможно, если же сидящий испытывает неодолимую потребность движения, лучше на несколько минут прерваться, а затем продолжить сидение. Как Будда Шакьямуни оставил ненужный аскетизм, так и нам, со-

временным его последователям, не нужно стараться осилить непосильное. Я не хочу сказать, что мы должны отказаться от стараний побороть свое тело, но это лучше делать постепенно и с наименьшим напряжением, потому что напряженное, скованное тело вызывает напряженность и скованность сознания.

Расположив удобно ноги, вложите кисть правой руки в левую ладонью вверх, так, чтобы большие пальцы обеих рук слегка соприкасались и руки образовывали чуть сплюснутый овал. Такое положение предписывается правшам, так как оно помогает нейтрализовать активную сторону тела пассивной его стороной; левша же должен поместить кисть левой руки в правую. В этом отношении мнения разделяются, я же полагаю, что, по крайней мере для западных людей, лучше всего следовать именно этим предписаниям. Если мы стремимся достичь наилучшего покоя, более активная сторона тела должна быть успокоена противоположной.

В физическом отношении наиболее важно держать спину совершенно прямо. Она не должна быть напряженно прямой — это свидетельствовало бы о гордости, а гордости следует избегать так же, как и уныния, выражаемого обычно сутулостью. Состояние тела указывает на состояние сознания, а ни гордость, ни уныние для практикующего дзадзэн нельзя признать благоприятным настроением сознания. Убедитесь, что маленькая круглая подушка находится прямо под основанием позвоночника; наклонитесь вперед и уточните положение ляжек; затем покачайтесь из стороны в сторону семь или восемь раз, понемногу уменьшая амплитуду, подобно маятнику, стремящемуся к равновесию, пока тело ваше само собой не займет совершенно прямого положения. Тогда вы почувствуете совершенную невесомость в теле, от пояса и выше. Уши и плечи должны располагаться в одной плоскости, нос — на одной линии с пупком. Рот должен быть закрыт, и кончик языка должен слегка касаться нёба за передними зубами. Сидеть следует с от-

крытыми глазами, поскольку, закрыв глаза, вы рискуете впасть в дрему или даже в гипнотический транс. Последнее совершенно несовместимо с дзадзэн. Веки должны быть слегка опущены, взгляд ни на чем не сфокусирован, покоясь на любой, естественной для такого положения, точке на полу. Иногда говорят, что точка эта должна быть по меньшей мере в трех футах от медитирующего, но, поскольку некоторые страдают близорукостью, другие же, напротив, дальновзорки, трудно установить точную дистанцию для всех. Просто остановите взгляд на некоей точке на полу неподалеку от вас, так, чтобы глаза ваши были слегка прикрыты, но не закрыты совсем — это избавит их от излишнего напряжения и, следовательно, от усталости. Держите голову прямо, дышите естественно, через нос. Спина также должна оставаться совершенно прямой — стоит ей ссутулиться, как это скажется на пищеварительной и прочих важных функциях организма, что, в свою очередь, вызовет беспокорство сознания и телесный дискомфорт, не говоря уже о болях в спине. Лучше всего сидеть лицом к стене или занавесу, не позволяя сознанию развлекаться созерцанием пейзажа и обстановки комнаты. Не останавливайте внимания ни на чем определенном, менее всего на складках и узлах занавесей или на щелях в стене. Последнее произошло с одним из моих учеников: он дошел до того, что не мог спать ночью, боясь увидеть во сне огромный узел, раскрывающийся и проглатывающий его.

Приняв удобное, покойное положение, сделайте два-три глубоких вдоха. Как вдох, так и выдох должны быть медленными, дышите через нос. Это поможет вашему сознанию успокоиться, и вместе с тем дыхание ваше постепенно станет совершенно естественным. Чтобы научиться сосредоточению на этой первоначальной стадии, лучше всего считать вдохи и выдохи. Это послужит преградой для посторонних мыслей и соберет сознание в одном направлении; волны мышления начнут успокаиваться. Ни в коем случае не считайте больше десяти!

Дойдя же до десяти, начните снова с единицы. Сначала считайте и вдохи, и выдохи, потом, по мере возрастания сосредоточения, считайте только вдохи. Нет большой беды в том, что мысли будут проходить через ваше сознание, пока вы не попытаетесь их остановить или избавиться от них. Многие все еще думают, что дзадзэн — не что иное, как способ остановки всякой сознательной деятельности. Некоторые школы йоги действительно стремятся к этой цели, но не такова цель дзадзэн. Вы не можете перестать слышать вещи, видеть их, коль скоро они попадают в поле вашего слуха или зрения, и, следовательно, они все равно будут оставлять мысленные следы в вашем сознании, как бы усердно вы ни считали вдохи и выдохи. Все это нисколько не повредит вашей практике, пока вы не пытаетесь анализировать образы, всплывающие в сознании, не углубляетесь в различения, что неминуемо провоцирует мысленные волны. Следует помнить, что сами по себе мысли не препятствуют дзадзэн. Многие заблуждаются в этом вопросе и воздвигают в своем сознании целые преграды, от которых впоследствии трудно избавиться. Просто сосредоточьтесь на счете вдохов и выдохов и не тревожьтесь о случайных мыслях, словах, звуках и видениях. Обычно советуют не садиться слишком близко к стене или слишком далеко от нее; два-три фута будут вполне подходящим расстоянием. Естественные звуки — щебет птиц, жужжание насекомых, журчание воды, гул механизмов — не беспокоят вас; а вот человеческие голоса, радио и тому подобное могут оказаться серьезной помехой даже для опытного адепта дзэн. Поэтому постарайтесь выбрать место, защищенное от таких звуков. Когда я была в Малайзии, я не могла найти храм, куда не проникали бы подобные звуки, добавок еще и очень громкие. Ни один храм совершенно не годился для медитации, по крайней мере для тех людей, кто не практиковал сидение в течение хотя бы нескольких лет. Конечно, возможно достичь такого состояния, в котором вы будете совершенно не-

достигаемы для любых звуков, но не на той стадии практики, о которой идет речь.

Само собой разумеется, что комната, в которой вы сидите, должна быть чисто убрана; украсьте ее цветами и обкурите немного благовониями. Никогда не практикуйте дзадзэн в постели, если, конечно, вы не прикованы к ней болезнью. Идеи чистоты, аккуратности, свежести существенно важны для практики дзадзэн, и соблюдение упомянутых выше условий имеет отношение именно к ним. Лично мне практика удается лучше всего после душа или ванны, потому что именно тогда я ощущаю себя наиболее свежей. Однако когда я была в Содзидзи, младшим священникам разрешалось принимать ванну не чаще одного раза в пять дней — так было установлено правилами. Между тем практиковать дзадзэн надо было, разумеется, каждый день. Для меня дело осложнялось еще и тем, что женская ванна в те годы вообще отсутствовала в Содзидзи и зачастую мне приходилось обходиться без ванной по два месяца. Это послужило для меня лишним доказательством того, что, хотя телесная чистота и помогает успешной медитации, она не столь существенна. Современные ученики в Содзидзи гораздо счастливее меня: в их распоряжении большие современные ванные комнаты и для мужчин, и для женщин, старое же правило соблюдается без прежней строгости. Иными словами, важно, чтобы вы были настолько чисты, насколько вам позволяют обстоятельства; не надевайте ночных или просто несвежих одежд. Человек — это и тело, и сознание; держа в чистоте тело, мы значительно приближаемся к чистоте сознания.

Лучшее время для дзадзэн — незадолго перед рассветом или в сумерки, перед заходом солнца. Но для многих это время может быть неудобно. Темные шторы или неяркий свет в темной комнате создадут вам тот же эффект в любое время суток. С моей точки зрения, наилучшее время — раннее утро, когда сознание, только пробудившись от сна, сохраняет ясность и отчетливость. Ранним утром

меньше вероятность, что вам помешают, — немногие любят вставать рано. Хорошо любое время до еды, но никогда не садитесь для дзадзэн по крайней мере в течение получаса после того, как вы поели, — важно, чтобы пищеварение происходило естественно, без помех.

Если вы практикуете постоянно, хотя бы по пять-десять минут в день, не чересчур утруждая ваше тело, вы вскоре пожелаете дольше сидеть в дзадзэн, побуждаемые к этому прежде всего все возрастающим чувством телесного здоровья и покоя сознания. Как только почувствуете неловкость, неудобство — прервитесь; в противном случае вы скоро устанете от дзадзэн и с ужасом будете ждать того времени, когда нужно будет сесть вновь. Я сама пережила подобное и хорошо знаю, что это значит, когда не в меру усердный «учитель» принуждает вас вновь и вновь садиться для дзадзэн. Мне понадобилось не только чрезвычайное усилие воли, чтобы продолжать занятия, но и смена так называемого «учителя»! Средний мирянин, чья жизнь проходит вне стен монастыря, возможно, отнюдь не намерен братья за дело с чрезмерной горячностью, напрягая всю свою волю. Даже в больших монастырях, как правило, никто не сидит дольше сорока пяти минут, после чего делается небольшой перерыв. Подобный режим объясняется тем, что напряжение, которое требуется от вас на первых порах для сохранения собранности сознания, значительно снижает плодотворность сидения. Пять или десять минут, если провести их в сидении обстоятельно, стоят целого дня плохой практики.

Обычная система предполагает, что после сорока пяти минут сидения вы переходите к *кинхин*, форме медитации в движении, т. е. во время прогулки, работы в саду, уборки дома вы по-прежнему сохраняете сознание в собранности и тишине. По легенде, этот вид «подвижной медитации» практиковался самим Буддой Шакьямуни — весь день после своего пробуждения он провел, прогуливаясь вокруг дерева просветления (*бодхи*). Здесь дзадзэн вновь старается идти по стопам Будды Шакьяму-

ни. Если следовать этой системе, соблюдая соотношение длительности сидения и движения, медитации и работы, возможна практика «непрерывного дзадзэн»: куда бы вы ни пошли, ваш зал медитации повсюду будет с вами. В этом цель старинной практики дзадзэн. Она наполняет живым смыслом многообразные виды деятельности, процветающие в стенах храмов, которые многими представителями западной культуры воспринимаются как досадное препятствие и помеха практике. Некогда и сам Догэн-дзэндзи разделял этот ошибочный взгляд на повседневный труд. Когда же он высказал свое мнение священнику-повару — Догэн повстречал его в Китае, по пути к горе Тяньдун, — старый китаец укорил будущего наставника в том, что тот «даже не начал понимать цель и задачи буддизма» (см. кн. II, *Тэндзюкёкан*). Разговор завершился тем, что старик посоветовал Догэну отправиться на гору Тяньдун и самому узнать обо всем. В следующей главе я поговорю о том, как физический труд помогает очищению сознания и приводит к столь существенному для духовного роста изменению сердца.

Хотела бы пожелать: не ешьте слишком много! Но едва ли я вправе слишком настаивать на этом. Догэн-дзэндзи учил, что есть нужно, удовлетворяя голод лишь на две трети; еда же должна быть овощной, поскольку мясо оставляет окиси в крови, а это вредно для тела. Исходя из текстов Догэна, можно предположить, что он одобрил бы большую часть овощей, ныне употребляемых на Западе. Вместе с тем он советует избегать растительных масел — те разогревают тело, а оно должно оставаться прохладным; по этой же причине нежелательны лук и чеснок — во время медитации они действуют возбуждающе. Поскольку цель дзадзэн состоит в максимальном успокоении мысленных волн, следует всячески избегать неприятных ощущений, вызванных несварением, а также неудобств, связанных с чересчур разгоряченной кровью и сексуальным желанием. На эти три вида пищи — мясо, растительные масла (из тех, что

используются при жарке), лук, чеснок и, конечно, алкоголь — во всех действительно крупных храмах Японии наложено абсолютное табу. В умеренных количествах допускается употребление молока и его производных.

Мне следует, видимо, упомянуть о теории, согласно которой неправильное питание может вызвать галлюцинации и видения, повергающие в отчаяние. По-японски подобные явления называются *макё*, или «демоны объективного мира», но я не уверена, что их вызывает неправильное питание. Мнения относительно источника их разнятся, однако все авторитеты согласны в том, что галлюцинации и видения могут быть вызваны неправильными положением тела и дыханием при медитации. Сам Догэн-дзэндзи в своих сочинениях, посвященных практике дзадзэн, описывает возможные ощущения телесного жара или холода, твердости или «стеклоподобности», легкости или тяжести, вызываемые нарушением гармонии дыхания и сознания. Он говорит также о том, что медитирующий может испытать ощущение погружения или почувствовать себя словно плывущим, возможны ощущения необычайной бодрости или затуманенности; порой медитирующему может казаться, что он обрел способность видеть сквозь плотные предметы, словно они прозрачны, или воспринимать свое тело как прозрачное. Медитирующего могут посещать видения Будды и других святых, прозрения; случаются также внезапные постижения трудных мест священных текстов и другие «сверхъестественные» состояния, свидетельствующие о том, что дыхание не гармонирует с сознанием. Не отрегулированное с самого начала дыхание может привести к лицемерию богов, слышанию их голосов и даже к чудесам, которые, как кажется адепту, он свершает своей силой. Для кого-то все это, возможно, и желательно, но не для ученика дзэн. Для него описанные явления свидетельствуют лишь о том, что он попал в ловушку *гэдо-дзэн* — вторую и наиболее опасную стадию медитации, которой никому не миновать. Хотя подобные состояния

по-своему могут порождать ощущение совершенства, гармоничности существования, все же их следует понимать только как эманации перенапряженного сознания, далекие от истинной религиозности. Множество целителей и чудотворцев от веры, периодически удивляющих мир, являются как раз примерами такого рода измененных состояний сознания; чудеса Христа — лишь один из примеров того, что может быть сделано посредством развитого *гэдо-дзэн*. В принципе, любой, сумевший внушить кому-либо веру в свои силы, может творить чудеса. Разного рода чудеса, как и массовые галлюцинации, хорошо известны и довольно часты в дзэн; существует множество историй о чудесах, совершенных дзэнскими монахами. Но ученик дзэн равнодушно минует подобного рода рассказы, хотя, возможно, и сам мог бы творить аналогичные вещи, не будь ему хорошо известно, что они являются результатом извращенного воображения других людей, не более того. Они не лучше снов, испаряющихся при пробуждении. Поверить в их реальность — значит, впасть в суеверия. Слишком усердный аскетизм также может вызывать видения, я испытала это на себе. Все, что ведет к противоестественной жизни тела, скорее всего, приведет к соответствующему психологическому состоянию. Этим объясняются и те видения Господа и его святых, которые были явлены им после подвигов суровой аскезы. Видения эти не означают близости сподобившихся их к небесам, но свидетельствуют о непомерном умерщвлении тела, побуждающем сознание к созданию таких состояний, которые пожат конец самоистязаниям. Просто ум этих подвижников творил те образы, к которым они так стремились. Будда Шакьямуни также вкусил аскезы в самом начале своего пути и назвал осаждавшие его видения «преграждающими путь демонами». Только отказавшись от крайностей аскетизма, сев и погрузившись в созерцание, он реализовал Истину. Галлюцинация учеников Христа после распятия, когда, как им казалось, они видели Христа

«восставшим из мертвых», легко объяснима взвинченным состоянием их сознания в тот момент. Эта разновидность массовых галлюцинаций хорошо известна восточным религиям и не представляет собой ничего необычайного. Опасность приходит, когда мы начинаем придавать подобным вещам значимость. Поэтому, если вам явятся *макё*, не придавайте им значения; уточните — в той мере, в какой вы в состоянии это сделать, — правильно ли вы сидите, дышите, правильно ли организована ваша жизнь, и продолжайте занятия *дзадзэн*, словно ничего не произошло. Стоит вам однажды решить, что силой дарованных вам видений вы становитесь святым, движение вперед тотчас и полностью прекратится.

По завершении *дзадзэн* положите руки ладонями вверх на колени и покачайтесь из стороны в сторону. В отличие от прежних раскачиваний теперь начните с движений небольшой амплитуды, постепенно ее увеличивая; сделайте семь или восемь движений. Встаньте медленно, осторожно и приступите к *кинхин*. Сначала сложите левую руку в кулак, большой палец внутри, правую руку положите сверху. Не прижимайте руки к груди; держите их свободно, так, чтобы они образовывали овал на уровне груди. Тело держите прямо, глаза слегка опущены, смотрят немного вперед. Продолжайте считать вдохи и выдохи, начинайте движение с левой ноги. Идите спокойно, медленно, с достоинством. Не бродите просто так, рассеянно. Каждый шаг должен быть не больше шести дюймов. Ступайте с пятки, затем на всю поверхность ступни и на носок так, чтобы нога как бы зарывалась в землю. Ходите пять-десять минут по окончании каждого тридцати- или сорокаминутного сидения. Помните, *кинхин* есть *дзадзэн* в движении, а не упражнение для распрямления ног, как полагают некоторые.

Здесь можно завершить изложение физической стороны *дзадзэн*. В следующей главе я буду говорить о той сознательной и психической установке, которая должна воспроизводиться начинающим.

Глава V

НЕОБХОДИМОСТЬ ПОСТИЖЕНИЯ СЕРДЦА КАНДЗЭОН-БОСАЦУ

В начале главы IV я говорила о необходимости для мирянина обнаружить в себе и проявить сердце сострадания, затем перешла к физической стороне медитации, осуществляемой с этой целью. Теперь мне хотелось бы остановиться на том умственном и психическом настрое, который мы должны поддерживать в себе, — как в повседневной жизни, так и практикуя *дзадзэн*, — чтобы достичь указанной цели.

В *Сутре Кандзэон-босацу* есть такие слова: «Мудзинни-босацу обратился к Будде: „Почитаемый миром, как приходит Кандзэон в этот мир страдания? Как проповедует он дхарму всем существам? В какой мере прибегает он к искусным средствам?“ Будда сказал Мудзинни-босацу: „О благой муж, если где-нибудь, в какой-либо стране есть существа, которым суждено быть спасенными Кандзэон, принявшим одну из бесчисленных форм, от будды до человека, от животного до дьявола, Кандзэон явится в форме этого существа и будет проповедовать Дхарму“».

Первоначальное индийское имя Кандзэон — Авалокитешвара, и на заре своего существования он определенно был мужского рода, но, переселившись на китайскую почву, Кандзэон, или Каннон, трансформировался в женскую сущность. Утратив смысл семени сострадания в сердце каждого из нас, он, или она, стал теперь богиней милосердия. Как это произошло? Дело в том,

что китайцы нашли буддизм в его ранней форме способом спасения, не подходящим для массового распространения, поскольку предполагалось, что буддизм указывает индивидуальный, а не всеобщий путь спасения. С развитием идеала махаяны были написаны новые сутры, в которых расширялись старые учения, сам же новый идеал нашел воплощение в космическом Будде Амитабхе и сострадательных бодхисаттвах, особое место среди которых принадлежит Кандзэон. Согласно махаянской вере, состояние будды было достигнуто Амитабхой, или Амида, при условии, что все, кто от чистого сердца призывает его имя, после смерти отправятся в его Западную Землю Блаженства, где продолжают работу для собственного освобождения в условиях более благоприятных, нежели земные. Другими словами, махаяна понимает Будду Шакьямуни не как историческое лицо, но как воплощение трансцендентной космической реальности, природы будды, вечно действующей во всех мирах ради спасения всех чувствующих существ. Амида стал небесным образцом буддовости. Всемилосердный Кандзэон стал богиней, помогающей верным приверженцам Амида не сбиться с пути к Чистой Земле Западного Рая. Мы видим, что, в то время как в школе Чистой Земли, или син-буддизме, — так это направление называют в Японии — на первый план выступает благочестие, для практики дзэн существенно прежде всего интуитивное проникновение в природу будды, присущую каждому из нас. Для дзэн Кандзэон остается образом, воплощающим в себе милосердие и сострадание, которые призван найти в себе каждый ученик; она — семя, и его должно выпестовать, взлелеять и взрастить посредством дзадзэн. В мире достаточно места для обеих точек зрения — и для набожного поклонения, или пие-тизма, и для интуитивизма, — хотя некоторые полагают, что школа Чистой Земли и дзэн совершенно несовместимы друг с другом. Я же думаю, что в бездонной пучине религиозного знания эти столь различные на пер-

вый взгляд учения суть лишь два разных выхода из одного и того же туннеля, — выбор того или другого определяется темпераментом и характером верующего. Внешне они кажутся разными, однако невозможно сказать, какой из выходов следует предпочесть, — это решает идущий. Во всяком случае в дзэнских храмах не читают *Сутру Амида*, но читают *Сутру Кандзэон-босацу*, дабы способствовать возвращению семени сострадания в ученике.

Японские скульптурные изображения Кандзэон сначала кажутся женскими, но стоит подойти поближе, как вы понимаете, что они — ни женские, ни мужские, но преодолевшие половые и другие различия. Это связано с тем, что тот, кто истинно осуществил в себе сердце Кандзэон, становится новым существом, существом, стоящим выше мужского и женского, истинного и ложного. Поэтому в каждом большом дзэнском храме, как правило, есть два зала медитации: один для мирян, другой для *унсуй* (термин, который можно перевести как «ученик дзэн», или «практикующий дзэн»). В зале медитации для мирян стоит статуя Кандзэон, потому что миряне, пока они не обрели сердца Кандзэон, не могут выйти за пределы двойственности, а значит, пребывают в мире страдания, где господствуют противоположности мужского и женского, истинного и ложного. В зале для *унсуй* возвышается статуя Мондзю, или Великой Мудрости; входящим туда неведомы уже мужское и женское, истинное и ложное, приязнь и отвращение. Они — *унсуй*, свободные, как облака, сильные и мягкие, как вода; с неотвратимостью облаков и воды прокладывают они свой путь через всю вселенную в поисках истины и мудрости, сметая все препятствия со своего пути, ибо они прошли через истинное возрождение.

Мирянина, пришедшего в храм для занятий, приводят в медитационный зал для мирян и показывают ему статую Кандзэон. Мирянину говорят, что он должен уподобиться бодхисаттве Кандзэон, чей образ явлен

в этой статуе: стать всеосстрадательным, всевидящим, всепомогающим. Как статуя имеет тысячу рук для оказания помощи повсюду и во всякое время, тысячу глаз, чтобы видеть, где нуждаются в помощи, так и ученик-мирянин должен в самом себе изыскать способы оказания помощи людям во всем мире. Он должен в самом себе обрести силу тысячи рук и зрение тысячи глаз. Он должен так очистить свое сердце, чтобы в нем не осталось места для привязанности к старому, ограниченному собственной самостью «я». Он достигает этого посредством той силы и практических навыков, которые приобретаются в медитации, описанной в предыдущей главе. Но занятия не должны быть нацелены исключительно на помощь окружающим или на собственное спасение. Смысл и цель практики — в ней самой и более ни в чем. В некотором смысле подобного рода медитацию можно назвать «промывкой мозгов» (brainwashing), так как она предполагает постоянный и ежеминутный контроль над собой в каждой мелочи; но эта «промывка мозгов» отличается тем, что делается не по принуждению, а по свободному желанию.

Прежде всего важен мотив, которым руководствуется пришедший в дзэнский храм. Любовь к миру заставила Будду Шакьямуни предпринять поиски причин страдания, старости, увядания и смерти. И в более позднее время, когда он практиковал просто ради самой практики, он по-прежнему действовал на благо человечеству. Желающие посвятить себя практике дзэн должны серьезно обдумать это обстоятельство. Цель дзэн не состоит в размышлениях о достижении чего бы то ни было (это должно стать яснее в ходе дальнейших наших рассуждений). Будда Шакьямуни обрел сердце Кандзэон прежде, чем отправился в свое долгое странствие; уже тогда он был «наполовину» просветленным. Слишком многие в наши дни хотят заниматься дзэн исключительно ради собственного блага, которого им никогда не достичь без сознания бодхисаттвы, т. е. без сердца Канд-

зэон, без сердца Фугэн. Образы, созданные на Востоке, — если, конечно, у нас есть глаза, чтобы увидеть их, — указывают именно на это. Кандзэон всегда изображается как мать, изливающая воды милосердия на моря этого мира, вслед за ней идет ее маленький сын Мироку, грядущий Будда. Ищущие только мудрости и не желающие искать сердце Кандзэон не обретут ни того, ни другого — ведь движущий ими мотив глубоко эгоистичен.

Именно по этой причине ученик дзэн должен прежде всего найти свое истинное сердце, сердце Кандзэон; только тогда он может быть допущен в зал медитации для унсуи. От него потребуют пребывать в медитации с трех часов утра и до девяти часов вечера; каждое мгновение он будет находиться под наблюдением, малейшее его действие будет замечено наставником. Ученик должен быть нравственно чист, малейшее нарушение, отклонение от заповедей повлечет строгое порицание. Медитация не сводится к одному только сидению. Если новичку удастся правильно расположить свои сандалии — а это первое, чему учат пришедшего в храм, — столь простое действие также становится формой медитации. Сандалии следует ставить аккуратно рядом друг с другом, задниками к порогу, так, чтобы вид их не был неприятен окружающим, чтобы они не мешали входящим и выходящим из помещения. Один из существеннейших элементов надлежащего умственного настроения — постоянное попечение о порядке, аккуратности, удобстве окружающих. Небольшая церемония, предшествующая мытью, исполняется с той же целью. Произносится следующая молитва: «Я собираюсь очистить свое тело и молю об очищении моего сердца». Когда же мытье закончено, произносятся следующие слова: «Я очистил тело, теперь я должен усердно поработать над очищением сердца». В ванной комнате следует соблюдать строгий порядок, складывая и развешивая одежду на специальные вешалки и полки; складывать нужно так, чтобы

вид вашей одежды ни для кого не был неприятен, чтобы она не занимала много места, никому не мешала. Нельзя пользоваться мылом в ванной, потому что она общая, салфетку для лица или полотенце нельзя опускать в воду. Моются на специально отведенном помывочном месте, вне ванной, стоя особым образом, чтобы вода не попала на ноги окружающих. Только после такой помывки можно войти в ванную. В ванной следует сидеть в позе дзадзэн, положив мочалку на голову — так она никому не помешает. Процесс мытья, как и все остальное, происходит в совершенном молчании — нельзя забывать, что окружающие усердно трудятся над очищением своего сердца и вовсе не желают, чтобы им мешали пустой болтовней. Существует также небольшой особый ритуал, совершаемый перед посещением уборной и после нее: ученик принимает определенную позу, отличную от обычной, призванную напомнить, что все привычки сознания и тела того, кто намерен постичь истину дзэн, должны совершенно измениться. Нельзя шуметь при ходьбе, стоять же и сидеть следует в положениях, которые не могут быть восприняты окружающими как неуважительные по отношению к ним. Спать полагается на правом боку, положив голову на подушку для медитации, а не на обычную подушку. Одежду же следует привязывать к телу двумя шнурами, чтобы во сне не раскрыться случайно, — если кто-нибудь в зале для медитации проснется среди ночи, ему может быть неприятно и даже оскорбительно увидеть полураскрытое или лежащее в неприглядном положении тело. Поскольку все спят вместе, в зале для медитации, эта предосторожность едва ли лишняя. *Тэнкиэн* — ответственный за ночное дежурство — обходит зал со светильником и смотрит, все ли в порядке. В руках он держит *кёсаку* и имеет право ударить всякого, кто раскроется во сне хотя бы слегка. Это одно из самых строгих правил в храме.

Молитва, произносимая в начале трапезы, также выражает столь существенную для дзэн идею о необхо-

димости постоянно обращать внимание прежде всего на других и только потом на себя (см. кн. II, *Фусюкухампо*). По окончании трапезы — она проходит в полной тишине, чтобы все имели возможность осмыслить необходимость питания, объясняемую в молитве, — всех обносят водой для мытья. Каждый ученик должен прополоскать свою чашку и совершить из этой воды приношение, отпив несколько глотков и читая про себя молитву: «Я хочу принести эту воду в дар голодным духам, дабы и они насытились». Таким образом, вода выплескивается; чашки вычищены, напоминая ученику, что и он должен быть безупречно чист, свободен от всего лишнего. Чашку для еды, она же чашка для подаяний, на языке дзэн называют «круглой головой монаха»; она всегда должна быть совершенно чиста, ничем не испачкана. Принятие пищи — существенно важный момент в дзэн, и в совершении трапезы мы можем найти все учение дзэн. Домашняя работа должна делаться в том же духе сосредоточенной бдительности: ученик не только заботится о чистоте своего места, но не обходит вниманием и места своих соседей — сознание так устроено, что заботящийся лишь о собственной чистоте погружается в эгоцентризм. Каждый последователь дзэн приносит обет бодхисаттвы служить всем существам. Подобным же образом ухаживают и за садом; периоды медитации в зале перемежаются с физическим трудом на кухне, в саду и в доме. Незамысловатая хозяйственная работа должна восприниматься не как обременительный поденный труд, но как медитация в движении. Образ жизни и мышления старшего повара и его помощников должны быть таковы, чтобы и в кочане капусты они могли увидеть тело будды и при приготовлении пищи обращались бы с ним соответственно. Тот же, кто продолжает видеть в вещах чистое и нечистое, святое и нечестивое, пребывает в сфере противоположностей; он далек от дзэнского образа жизни. Именно здесь скрыта величайшая трудность для начинающего: он уже уразу-

мел, что должен усердно трудиться для достижения чистоты, непорочности сознания, а учитель вдруг ошеломляет его каким-нибудь нечестивым, дурным поступком, давая понять, что у адепта дзэн не должно быть привязанности ни к чистому, ни к нечистому. Стремясь научить своих учеников, друзей или знакомых, учитель порой прибегает к весьма странным, даже фантастическим методам, рискуя показаться непоследовательным, вспыльчивым, ворчливым, лстивым, лживым, безумным. Сколь бы странным ни казалось поведение учителя, нельзя забывать: он держит зеркало перед тем, кого учит, а ученику, чем критиковать учителя, лучше обратиться к самому себе. Если наставник уполномочен учить, он знает, что делает. Догэн-дзэндзи не слишком щедр на слова, но в его трудах, особенно в *Тэндзюкёкан*, или в «Наставлениях для старшего повара», можно найти множество свидетельств тому, что истоки прозрений их автора следует искать в его физической работе, например на кухне. Иные последователи дзэн доходят даже до утверждения, что глубина дзэн в том или другом монастыре всегда может быть проверена посредством тщательного исследования старшего повара, чей характер должен обладать всеохватностью и многообразием, позволяющими ему в одном рисовом зернышке объять весь буддизм. Не менее важен для ученика дзэн и процесс мытья. Совершенно очевидно, что очищение от своей грязи синонимично освобождению от ложных идей и представлений. Починка одежды, приведение себя в порядок, бритье голов — все эти действия пропитаны соответствующими духовными значениями, которые развертываются в том же смысловом поле. Так, каждая сторона жизни претворяется в медитацию над двумя проблемами: как думать о других и как очищать себя. Каждый из нас имеет какой-то недостаток, требующий исправления: тайный порок, резкий голос, тяжелую походку, неприглядную одежду. Все это может быть неприятно или оскорбительно для окружающих и потому

должно быть продумано и исправлено. Никогда последователь дзэн не должен думать только о себе.

На первоначальном этапе медитации следует сосредоточиваться на счете вдохов и выдохов, но позднее, когда появятся различные проблемы — боль в ногах и других частях тела, отвлекающие предметы в поле зрения, посторонние звуки, — придется учиться справляться с ними, не сосредоточиваясь на них, но и не стараясь изо всех сил выбросить их из головы. Лучше всего спокойно наблюдать, как они приходят и уходят.

Постепенно, по мере развития практики, в ученике дзэн растет сознание укрепляющейся силы сосредоточения, углубляется внутренний покой. Он спрашивает себя, что такое Кандзэон, в каком виде она является. К нему приходит понимание того, что «кандзэоны» не всегда приходят в облике прекрасных дам в белых одеяниях. Иногда они являются как судьи, наказывающие, чтобы исправить; как врачи, причиняющие боль скальпелем ради исцеления; как учителя, жестокие из любви к своим ученикам. Часто мы ошибочно истолковываем смысл сострадания.

Многие, к сожалению, не понимают роль священника-ино, или наставника, чья неблагодарная работа заключается в постоянном наблюдении за исполнением всех правил храма, в наказании нарушителей даже за незначительные проступки. Дважды в месяц *ино* должен сечь всех монахов своим *кёсаку*, побуждая их к большим усилиям и в то же время научая тому, что похвала и порицания — две стороны одной медали. Он — живое воплощение поговорки: «Добрейшую Кандзэон ищите в аду». Не истолкуйте неверно слова *небеса* и *ад* — оба этих места даны нам здесь и сейчас, они суть творения наших рук. Постепенно, по мере углубления медитации, адепт дзэн открывает радость быть просто живым, он постигает, что все люди, независимо от цвета кожи, от пола или религии, всегда были и будут одним. Когда настает этот момент, стираются противоположности ис-

тинного и ложного, мужского и женского, приятного и неприятного — они просто перестают существовать; ученик же дзэн погружается в океан радости, наполняющий вселенную. С этого момента для него перестают существовать «я» и «другой»; далее он практикует дзэн только ради самой практики.

Сам не отдавая себе в этом отчета, ученик дзэн становится живым воплощением Кандзэон, подтверждая истинность сказанного в сутре, что Кандзэон можно встретить в любом облике — от Будды до человека, от человека до дьявола. Достигший этой стадии, живя на земле, рождается на небесах, и эти небеса навеки пребывают с ним, потому что они — его собственное творение, его собственное открытие.

Глава VI

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ С СЕРДЦЕМ ФУГЭН

Вплоть до настоящего момента наше повествование не выходило за рамки доступного обычному сознанию. Ведь не так уж трудно понять, что пассивное состояние, описанное в предыдущей главе как сердце Кандзэон, является признаком духа. Для некоторых дух этим и исчерпывается; все, что идет дальше, они отказываются считать духом. Это во многом связано с недостаточно ясным пониманием смысла слов *деятельность* и *покой*. Духовность, т. е. жизнь в духе, может быть описана как деятельность в покое и покой в деятельности. Позвольте мне уточнить это. Кого-то, возможно, устроит состояние пассивного покоя и безмятежности, но едва ли оно будет плодотворным — разве что в качестве примера того, что может быть достигнуто при помощи самодисциплины. С точки зрения дзэн на место простой пассивности должно прийти то, что я назвала бы *пассивной деятельностью*, объяснить смысл которой чрезвычайно трудно.

Коль скоро мы действительно полны решимости исполнить обет бодхисаттвы, то нам следует, очевидно, предпринять нечто более практичное, более действенное, нежели пассивное отношение ко всему. Нам надлежит проявить такую «динамичную» активность, обучая других, чтобы обучение становилось порой болезненным для учеников. Такой поворот обоснован в сознании дзэн. Последнее, если оно действительно постигло сердце Кандзэон, сострадание, и сердце Фугэн, любовь, идет пу-

тем, далеким от общеизвестного, иначе мыслит и, следовательно, иначе действует. Своим странным поведением дзэнские наставники частенько провоцируют нелестные отзывы о себе, зарабатывают дурную репутацию, создают множество трудностей на своем пути. Но истинный учитель равнодушен к разговорам о результатах своего труда — все его поступки не имеют основания в его «самости», в «я», именно потому, что направлены исключительно на обучение других.

Подобная стратегия обучения требует от ученика абсолютного признания учителя. Постоянная критика учеником своего наставника помешала бы развитию доверия между ними — абсолютно необходимого, существенно важного условия передачи Дхармы. Ученику надлежит также глубоко продумать истинный смысл слов *любовь* и *сострадание*. Сострадание неотделимо от милосердия. Но истинное милосердие, как я уже говорила, не обязательно облачается в белые одежды и является нам в облике прекрасной дамы; так же и любовь, активная сторона милосердия, не обязательно должна выражаться в нежном, мягком действии. Каждый врач знает: пациента, страдающего истерией, лучше любой самой трепетной заботы приведет в чувство пощечина, что и будет настоящей добротой по отношению к нему. Наставник дзэн находится в том же положении, что и врач. Прежде всего, на основе вопросов, задаваемых учеником, он должен диагностировать духовное «заболевание», затем — прописать и осуществить лечение; едва ли он может позволить себе мягкость, исцеляя больного. Совершенно очевидно, что без слепой веры в учителя ученик никогда ничего не достигнет. Учитель же, со своей стороны, должен смириться с плохими отзывами о себе, включая обвинения в дурном обращении с учениками, потому что все это — логическое, кармическое следствие его действий, хоть последние и имеют своей целью благо других. Именно обусловленность поступков учителя пользой для ученика

приводит к их «превращению»: кажущееся верным оказывается ложью и злом, воспринимаемое поначалу как ложное оборачивается и истинным, и благим. Учитель постиг учения об *аничче* (изменение) и *анатте* (отсутствие самостной сущности). На основе первого он знает: то, что сейчас истинно, позже будет ложным, чтобы затем вновь стать истинным. Маятник раскачивается, и его движение часто ошибочно истолковывается сознанием, погруженным в дела этого мира. Мне довелось знать учеников дзэн, впадавших в совершенное недоумение, даже отказывавшихся от занятий дзэн только потому, что они, как им казалось, не могли понять «двуличности» учителя, который мог утверждать нечто совершенно противоположное тому, что сам же он говорил минуту назад; мог приписывать ученику слова или действия, к которым тот не причастен ни сном, ни духом; буквально превращать черное в белое и затем снова в черное. У восточного учителя гораздо больше шансов позволить себе обучение в подобном стиле, нежели у его собрата в странах Запада. Средний западный ученик оправдывает «двуличие» своего восточного учителя, отнеся противоречивость поведения последнего на счет таинственного Востока. Но, встретив то же поведение у западного наставника и не имея возможности объяснить его, незадачливый ученик либо заплатит учителю ненавистью и недоверием, либо вообще оставит дзэн. Отнесясь этот критикующий ученик к проблеме немного серьезнее и вдумчивей, он осознал бы, что для восточного студента дело обстоит так же непросто, между тем восточный студент не пытается объяснить рационально поведение учителя, он просто принимает его, сколь бы загадочным оно ему ни казалось. Западнему ученику, с присущей ему обостренной критической способностью, трудно полностью довериться учителю, ему вообще редко удается успешно справиться с этой задачей. Однако, когда ученик с Запада ищет истинной религии, а не восточного мистицизма и культуры, он должен научиться

совершенно верить своему наставнику, взгляд которого направлен в область, запредельную противоположностям, в истинное сердце предмета. Неспособность окружающих к столь же проникновенному и ясному видению — бесконечный источник печали для мастера; и потому он от всей души желает, чтобы окружающие разделили с ним радость знания и истинной свободы. Удел наставника дзэн — одиночество. Его нередко охватывает печаль, источник которой не в нем, но в ограниченности других.

В *Дэнкороку*, или «Книге Передачи» (см. кн. III), где рассказывается о том, как истина передавалась от патриарха к патриарху по линии буддийской учительской преемственности, каждый патриарх отмечен каким-либо заблуждением, ошибкой, или грехом, выражаясь языком христианства. Читая этот труд, постепенно убеждаешься, что патриархи были не лучше и не хуже современных людей, но все они непосредственно и совершенно верили своим учителям с того самого момента, как находили их. Каждый патриарх являет собой какой-нибудь тип индивидуальности, встречающийся и в наши дни. В одном отношении всех людей Запада можно объединить в тот тип, к которому принадлежал индийский патриарх Ананда: их объединяет с ним любовь к аргументации и гордость своей образованностью. Предостерегая моих западных собратьев, я бы хотела обратить их внимание на то, что Ананде, исключительно в силу его чрезмерной привязанности к книжной учености, понадобилось почти в пять раз больше времени, нежели другим ученикам Будды, чтобы реализовать истину дзэн. Кэйдзан-дзэндзи, написавший «Книгу Передачи» в начале XIII в., отмечает:

Мне хорошо известно, что сама истина — не у разумных и образованных, и не у тех она, кто достиг высоких чинов. И вот подтверждение. Двадцать лет Ананда следовал повсюду за Макакасё как его слуга

[до просветления]. Родился он в ту ночь, когда Господин наш [Будда Шакьямуни] достиг просветления... Он же любил образованность и потому не обрел просветления. Однако Будда Шакьямуни сосредоточил сознание и так был просветлен. Мне хорошо известно, что образованность мешает просветлению; история Ананды — свидетельство тому. Вот почему говорится в *Сутре Кэгон*: «Бедняк, считающий чужие сокровища, не может владеть своими. Таково же и образование». Если вы действительно стремитесь постичь истину, не обольщайтесь образованием. Все силы приложите к сосредоточению ума.

Ананде всегда казалось, что акт передачи подразумевает не только монашескую рясу, кэса, но и что-то еще. Должно быть нечто таинственное, простая передача кэса — это слишком просто. Кэйдзан продолжает:

Истины не достичь на путях образования. Пусть человек умен, пусть у него острый слух, и ему понятен каждый (китайский) иероглиф в сутрах и учениях; но пока их истинный смысл остается скрытым от него — он занят лишь подсчетом чужого сокровища. Причина же этого — не в отсутствии смысла в сутрах и учениях... Поэтому вот в Японии смысл сутр ищут в словах и потому не в состоянии совершенно постичь его. Конечно, над Истиной следует размышлять всем сердцем. Если Ананда, будучи учеником Будды, мог понимать сутры и учения нашего Господа, кто же не сможет пройти его путем? Много лет он был слугой Макакасё и после того, как обрел просветление, повторил все сутры и учения. Мы должны это знать. Если вы стремитесь к единению с Истиной, как одно пламя сливается с другим, отбросьте прочь свои собственные мнения, старые чувства, высокомерие, упрямство; с наивным умом ребенка старайтесь познать истинное сознание нашего Господина... Вы сами суть явление истины. Мгновение реализации Истины будет мгновением вашего полного исчезновения. И это так; вонне истины не найти.

Помня об этом весьма серьезном предостережении, я старалась по возможности избегать умствований и демонстрации учености в этой книге. Тем из моих читателей, которым по душе книжная ученость, я настоятельно советую просто запомнить эти замечания Кэйдзана и постараться «поместить их в свое сердце», поскольку они глубже, чем все то, что такие читатели когда-либо поймут о дзэн рациональным образом.

Чтобы сделать все вышеизложенное более понятным, мне следовало бы, подобно многим писавшим о дзэн, привести здесь несколько историй о дзэнских наставниках прошлого. Однако интересующийся читатель может обратиться к соответствующей литературе и самостоятельно ознакомиться с этой стороной дзэн. Тем же, кто критикует действия учителей, хотела бы сказать следующее. Дзэнские учителя — прекрасные актеры, да они и должны ими быть. Они могут дать в высшей степени убедительное и совершенное представление вплоть до появления краски гнева на лице при полном отсутствии малейшей взволнованности со своей стороны. Как глубины океана остаются покойными, когда на поверхности их бушуют штормы, поднимая гигантские волны, так же обстоит дело и с опытным, признанным наставником дзэн. Ученикам, обеспокоенным эмоциональностью учителя, лучше обратиться к подоплеке своих собственных чувств, прежде чем критиковать то зеркало, которое учитель постоянно держит перед ними: как зеркало остается покойным, что бы ни отражала его поверхность, так и мастера дзэн не тревожат отраженные в его действиях поступки, чувства и мысли его учеников.

Однако ученику, уже достигшему стадии постижения сострадания, все еще нелегко действовать так, как подобает подлинному наставнику. Объяснение следует искать в том обстоятельстве, что путь к стадии сострадания пролегает скорее по боковой ветви дерева, чем по главному его стволу. Ученик дзэн приходит к всепоглощающей пассивности. После этого он должен пере-

прыгнуть на другую, противоположную, ветвь — активность. Способ, к которому вынужден прибегнуть ученик, покажется грубым обычному рефлектирующему сознанию. Когда кому-то в руки дается *кёсаку* не просто для исполнения повседневной службы *дзюкидо* — зрителя — в зале для медитации, но как младшему наставнику, он знает: настало время научиться быть активным. Многие не сразу могут употребить *кёсаку* в дело, ведь теперь они должны проявлять жестокость к своим собратьям ради того, чтобы быть добрыми к ним. В некоторых храмах дзэн на стенах встречаются изображения ученика, которого секут *кёсаку*, под ними можно прочесть: «Деяние высшей доброты». Подход этот в религиозном смысле совершенно уместен, но различающее сознание не видит в нем ничего, кроме обычной жестокости. Присмотр за несколькими новичками — другая разновидность наставнической деятельности, из тех, что обычно возлагают на ученика, достигшего третьей стадии. Отныне он не может сидеть, когда захочет, в зале для медитации; свой зал ему придется научиться находить повсюду — и на небесах, и в преисподней, дабы ни практика наставника, ни практика его учеников не знали перерывов. В этом одно из значений «бесконечной практики», или практики ради самой практики.

На этой стадии, как, впрочем, и на остальных, труд учителя неблагодарен, что само по себе не так уж важно, поскольку наставник дзэн в любом случае стоит выше потребности в благодарности. Вместе с тем желающие заниматься дзэн должны хорошенько обдумать это обстоятельство, ведь вряд ли они окажутся в чести у множества ложных толкователей их попыток преподавать истинное учение. Не миновать дурной славы тому, кто избрал для себя путь дзэн, если ученикам его не доставит безусловной веры в своего мастера. Лишь подлинного учителя не заденут неприятности подобного рода. Будде Шакьямуни было довольно одного дерева, под которым он жил, не нуждаясь более ни в чем, уча со-

гласно своим побуждениям. Как только является потребность в финансовой поддержке, на методы обучения накладываются определенные ограничения. В *Сюэги*, наиболее популярном дзэнском тексте в Японии, говорится следующее: «Когда вы встречаете мастера дзэн, и он учит истине, какое вам дело до сословия, к которому он принадлежит, до его внешнего вида, недостатков или поступков? Поклонитесь ему из уважения к его мудрости и старайтесь не тревожить его».

Говорят, что на вершине славы достаточно места, и это же с уверенностью можно утверждать о разреженной атмосфере четвертой и пятой стадий медитации. Немногим хватает мужества и силы пройти практику до конца, бесстрашно расстаться с друзьями и врагами ради проповеди истинного учения. Вырвать ученика из состояния пассивности третьей стадии сострадания, состояния, в каком-то смысле родственного «смерти при жизни», или безумию, — не только чрезвычайно трудное, но и опасное дело, так как оно сродни воскрешению из мертвых. Стадия эта — а многие монахи и иные миряне надолго, порой навсегда, остаются на ней — столь уютна и столь исполнена разного рода удовольствий, что кажется невозможным найти что-либо лучше, чем она. И все же есть опыт превыше ее, как есть радость и свобода, превышающие возможности воображения.

Истинный наставник может определить, когда ученик обрел сердце Фугэн, наблюдая за его действиями и реакциями на ситуации, создаваемые учителем согласно методу обучения последнего. Подтверждение же того, что ученик действительно возлюбил человечество всем сердцем Фугэн, обнаруживается в его желании следовать и далее избранным путем, невзирая на противодействие, недоверие и непонимание, не беспокоясь о вещах материальных, о славе, состоянии, репутации, почестях, жизни и смерти. Заблуждается тот, кто полагает, будто наставник в состоянии с первого взгляда оценить дости-

жения ученика, сказать, достиг он истины или нет. Только наблюдая за своим учеником в течение долгого времени, учитель может ясно видеть происходящие в том изменения. Учителя — не волшебники, они — люди; те же, кто приписывает наставникам дзэн чуть ли не магические возможности, заслуживают несмолкаемого звона в ушах за ту медвежью услугу, которую они оказывают своим нелепым пустозвонством великой, глубокой и прекрасной религии.

Глава VII

СЕРДЦЕ МОНДЗЮ

Когда Будда Шакьямуни увидел утреннюю звезду и реализовал истину, он произнес: «Я просветлен и всегда был просветленным, я достиг просветления одновременно с рождением вселенной». Обычно начинающие заниматься дзэн оставляют эти слова без должного внимания, хотя они чрезвычайно важны, неся в себе один из величайших ключей к пониманию буддизма вообще.

Когда я впервые спросила своего мастера, как мне следует подходить к своим занятиям, он ответил: «Ничего не жди, ничего не ищи, просто живи». В то время такой ответ не мог удовлетворить меня, объехавшую полмира, чтобы иметь возможность заниматься дзэн. И все же в словах моего мастера не было ничего, кроме правды. Аналитико-критическое сознание западного человека не может не желать большего; дзэн же нацелен на устранение именно этого типа сознания. Последнее невозможно без понимания того, что́ есть действительный ум, а что́ — ложное представление, или заблуждение.

В двух последних главах я говорила о тех методах, к которым прибегают наставники дзэн, воспитывая в своих учениках способность выходить за пределы двойственности, достигать единства и вновь возвращаться к двойственности через активность в покое. Теперь я хотела бы остановиться на том, как активность и покой, сострадание и любовь претворяются в мудрость, которая есть незамутненная чистота ничто, сообщающая спо-

собность просто жить, ничего не ожидая, ничего не ища и ни о чем не ведая; и это — высшее совершенство духовной нищеты, что владеет нашей вселенной. Прежде всего следует обратиться к рассмотрению того типа мышления, того духовного настроя, из которых рождается деятельность любви и сострадания, сообщающая истинный смысл понятиям ум и просветление.

В *Шурангама сутре* сформулированы четыре фундаментальных вопроса: 1) где находится ум, действующий через ощущения? 2) если ум не находится в ощущениях, то как определить его реальность и природу? 3) предполагает ли способность воспринимать изменяющееся способность воспринимать неизменное? 4) если даже неизменная способность восприятия не абсолютна, то что же тогда абсолютно и почему?

Не входя в пространное и подробное обсуждение этих вопросов, постараюсь в нескольких словах обрисовать, к чему они ведут. Если бы сознание (или ум) пребывало в наших ощущениях, очевидно, что глухой или слепой были бы лишены сознания в той мере, в какой оно связано с недостающими у них способностями восприятия. Однако и слепой, и глухой имеют представления о темноте и тишине. Поскольку это так, сознание, или ум, не может находиться в ощущениях. Тем не менее видящий и слышащий воспринимает вещи как изменяющиеся: замечает морщины, постепенно, с возрастом покрывающие руку, наблюдает увядание и опадание листьев. Но сознающий изменения вещей сам не изменяется. Четвертый вопрос — наиболее важный: если способность ощущений, оставаясь неизменной, как таковая не является абсолютной, что же тогда абсолютно и почему? Пример, приводимый Буддой в той же сутре для иллюстрации этого вопроса, исключительно выразителен, и я привожу его здесь полностью.

Хотя мы и видим благодаря способности зрения, видение как таковое не зависит от этой способности;

даже тогда, когда мы «видим», мы можем быть очень далеки от «истинного зрения». Представьте человека, чей глаз поражен катарактой. Ночью, когда перед ним светит лампа, ему кажется, что он видит круглый нимб, окружающий пламя, составленный из пяти перетекающих друг в друга цветных дуг. Но где эти прекрасные цветные дуги — в глазах или в свете лампы? Если они в свете лампы, то почему их не видит здоровый глаз? Значит, они порождены зрением смотрящего, являясь результатом его взгляда. Как же мы назовем тогда способность, порождающую эти цвета? Нам приходится заключить, что созерцаемый предмет, пламя, связан с лампой, цветной же круг является результатом ущербного зрения. Подобное зрение вызвано болезнью. И увидеть причину болезни, т. е. катаракту, означает встать на путь исцеления болезни. Поэтому все, что видите вы и другие существа, — результат изначального искажения зрения, катаракты, затемняющей истинную, пребывающую в вечной славе способность зрения, которой владею я. И если обычная способность зрения — лишь катаракта на оке зрения истинного, то чистый и ясный ум моего истинного знания, созерцая ложные связи, все же не доступен воздействиям несовершенного. Постигший заблуждение сам не заблуждается. Поэтому, когда достигнута истинная идея зрения, нет места для таких выражений, как «слышал своими собственными ушами» и «знаю, потому что видел». Способность, называемая нами зрением, которой обладаем мы и еще двенадцать видов существ, — то же, что и катаракта, поражающая глаз, т. е. неполноценность, несовершенство истинного зрения. Но истинная и изначальная способность зрения, искаженная таким образом, а по природе своей не имеющая недостатков, едва ли может быть названа тем же именем, что и первая¹.

¹Цит. по: Ultimate Reality is Absolute Mind // The Teachings of the Compassionate Buddha / Ed. by E. A. Burtt. New York, 1955. P. 193—194 (слегка перефразировано).

Отсюда очевидно следует, что ум, и только ум, есть абсолютный Будда, ярко блистающий и совершенный во всем, являющий себя во всех вещах и во все времена; и этот всеобщий ум-сознание, который есть Будда, может быть реализован только путем выхода за пределы обычных рассудка, анализа, веры и знания. Дзадзэн и интуитивное постижение, неустанно демонстрируемые мастером, — единственно возможный путь к пробуждению к истинной реальности. Но здесь мы вновь встречаемся с трудностью, так как истолкование ума-сознания подобным образом — что составляет учение дзэнского направления *обаку* — противоречиво: если действительная истина лежит за пределами любых словесных объяснений и выражений, тогда и ума, как он описан выше, не существует.

Согласно учению *обаку*, ум есть ясное зеркало; сото же учит, что козь скоро изначально ничего нет, то и ум не есть ясное зеркало. Тем не менее необходимо знать о позиции *обаку*, поскольку она является естественным путем к учению *риндзай* и в конце концов к высшему из всех — сото. Есть один-единственный путь понимания изложенного здесь — практиковать свой дзадзэн и прийти к своей собственной реализации. Я могу сказать вам, что огонь обжигает, но вы не будете знать, что значит «обжигает», пока сами не протянете руку к огню. Я не в силах передать вам свое понимание — вам придется найти свое собственное. Хотя Будда Шакьямуни и знал об этом, он открыл только основы этих учений, поступив так из сострадания к другим, полный надежды, что по мере продвижения по пути знания и постижения люди достигнут более высоких ступеней реализации.

Вот почему передача Буддой своего постижения Ма-какасё — первому после него патриарху — свершилась в полном молчании, как повествуется об этом в известной истории о цветке и улыбке: слова не могли передать того, что знали они оба. Об этом хорошо сказал величайший китайский учитель *обаку* Киун:

Если ученики Пути жаждут стать буддами, им зачем изучать Дхарму, нужно лишь научиться избегать стремлений и привязанностей. Когда нет стремления, ум пребывает в своем «нерожденном» состоянии; когда не к чему цепляться и нечего познавать, тогда ум не вовлечен в разрушение. То, что не рождено и не разрушается, есть будда. Восемьдесят четыре способа противодействия восьмидесяти четырем формам заблуждения — не более чем фигуры речи, привлекающие людей к учению. В действительности нет никакого способа. Отказ от всего — вот истинная Дхарма; понимающий это — будда; но когда мы отрекаемся от всех заблуждений, не остается у нас и Дхармы, и нам нечем более овладевать. Стремясь к постижению подлинной тайны, ученик должен освободить ум от привязанности к чему бы то ни было; прежде всего пусть откажется он от своих собственных мнений и критических суждений. Говоря, что подлинная Дхармакая будды подобна пустоте, мы имеем в виду, что она действительно есть пустота, и пустота есть Дхармакая. Пустота и Дхармакая так же не отличимы друг от друга, как не отличимы друг от друга чувствующие существа и будда, феноменальный мир и нирвана, заблуждение и бодхи. Будда — там, где нет этих форм, где они отброшены. Обычные люди смотрят вовне, в то время как идущие Истинным Путем смотрят в свой собственный ум; но истинная Дхарма — в забвении и внешнего, и внутреннего. Первое легко, второе трудно. Люди боятся забыть свое собственное сознание, боятся упасть в пустоту, туда, где не за что ухватиться. Им неизвестно, что пустота — это не пустота, но подлинная область Дхармы. Эта духовно просветленная природа не имеет ни начала, ни конца, она стара как пространство, она не подвержена ни рождению, ни разрушению; она ни существует, ни не существует; ни загрязнена, ни чиста... Ее нельзя искать, к ней невозможно стремиться, ее не объять мудростью или знанием, не объяснить в словах, к ней не прикоснуться физически и ее не достичь посредством накопления заслуг. Если человек на пороге смерти сможет познать

пять элементов своего сознания как пустоту... если только в единственной и мгновенной вспышке он пробудится к пониманию пустоты и освободится от еще остающихся пут тройственного мира [прошлого, настоящего и будущего], тогда воистину он оставит мир без малейшей склонности к новым рождениям. Если при виде прекрасного облика всех будд, пришедших приветствовать его, в нем не вспыхнет желание спешить им навстречу; если при виде демонов и других порождений зла, осаждающих его, в сердце его не родится страх; если он пребудет в самозабвении и в единстве с абсолютным, тогда воистину достиг он бесформенного состояния¹. Полное отсутствие анализирующей мысли, обращенной на настоящее, прошлое и будущее, может быть названо совершенным отречением от тройственного мира. С тех самых пор, как Будда доверил Макакасэ Дхарму, и вплоть до сегодняшнего дня передача осуществлялась от ума к уму; умы же эти тождественны друг другу. В действительности ум не есть ум, принятие передачи не есть ее принятие. Когда Будда был жив, он желал проповедовать Истинную колесницу, но люди не поверили бы ему и посмеялись бы над ним. Передача ума не может быть осуществлена посредством слов, и всякая передача, облеченная в определенные слова, не может быть передачей Дхармы. Передача происходит из ума в ум, и эти умы взаимно тождественны. Вместе с тем, если бы Будда ничего не сказал, это было бы слишком эгоистично с его стороны. Тогда он счел благоразумным проповедовать три колесницы [т. е. открывать истину ровно в той мере, в какой она может быть воспринята в конкретный момент]. Ни одна из этих колесниц не являет истинной Дхармы. Потому сказано, что существует только Путь одной колесницы, ведь нет истины там, где присутствует разделение на «то» и «это». Но выразить всеобщий ум (который есть не-ум) невозможно. Вот почему Буд-

¹ Это справедливо не только для предсмертного часа, но и для дзадзэн вообще; Будда Шакьямуни подвергся именно этим «искушениям» и отверг их все.

да призвал Маакасе к трону Закона, где восседал сам, и наказал ему практиковать эту область Дхармы отдельно, сказав, что, когда достигнуто безмолвное понимание, приходит и состояние буддовости¹.

Я сочла нужным значительно видоизменить текст, во-первых, из-за его пространности; во-вторых, чтобы сделать его более понятным для западного читателя. Всякий, кто прочтет этот отрывок, наверняка задастся вопросом: «Каким образом и когда приходит постижение; по каким признакам мастер оценивает состояние ученика?» Ответить на него нетрудно. Когда ученик просто живет, не помышляя ни о себе, ни о другом, исполняя должное без страха, но и без чрезмерного восторга, не обращая внимания ни на похвалу, ни на порицание, вызванные его поступками, тогда учитель знает, что ученик вернул себе свою изначальную истинную природу, свое истинное «я». Жизнь его тогда можно уподобить крутящемуся волчку: снаружи он стремительно движется, в центре — покоен и недвижим. Дойдя до этой стадии, прямо и открыто глядя друг другу в лицо, мастер и ученик знают: от века были и остаются едины их умы, как едины они с умом Будды Шакьямуни и всех будд прошлого, настоящего и будущего². Но прошлого, настоящего и будущего также не существует, ведь и время превзойдено, оно осталось позади. Это истинно для тех, в ком внезапно и мгновенно вспыхнуло истинное постижение, и потому настоящий миг, сейчас, когда вы читаете эти строки, не отличен от того мига, когда в далекой Индии Шакьямуни улыбнулся Маакасе, и вы —

¹ Перефразировка из: Ultimate Reality is Absolute Mind. P. 198—201.

² Обратите внимание на совпадение описываемого состояния с дзадзэн: не пытайтесь думать, не пытайтесь не думать, просто сидите. Тот, кто являет истинную буддовость, ничему не привержен, но и ничего не отталкивает, — он просто живет; дзадзэн — ключ ко всей буддовости.

Маакасе; этот миг в настоящем не отличен от того полуночного, когда Хуэй-нэн тайно получил печать Дхармы, и это вы — Хуэй-нэн в Древнем Китае; сейчас — тот самый миг, когда в XII в. в Японии Догэн смотрел на Коуна Эдзэ, и вы — Коун Эдзэ. Если вы жаждете истины так же, как повешенный жаждет ослабить петлю, охватившую его шею, истина этих слов внезапно откроется вам, вы узнаете, что вы есть, всегда были и всегда пребудете буддой; во все времена вы были и есть просветленный, и ваше просветление родилось одновременно и вместе со всей вселенной. Тот, кто обрел сердце Мондзю, превзошел не только двойственность, но и само единство. Вечно подтверждается истина слов Майстера Экхарта: «И человек будет так же свободен и чист, как в день, предшествовавший пониманию, когда пребывал он в утробе матери, ничего не имел, ничего не желал, ничего не знал. Только это состояние может быть названо истинной духовной нищетой». Бодхидхарма же сказал:

Природу ума, когда она познана,
Словам не объять, не раскрыть.
В просветлении не обретешь ничего,
Достигший его не скажет: «Я знаю»¹.

Таков истинный дух и истинное просветление; но не следует оставаться с единством более, нежели с двойственностью; бойтесь стать воплощением изречения: «[И мнящий себя Буддой], вот он сидит на своем троне, невидимый никому, кроме себя самого».

Каждый философ знает: достичь совершенства значит достичь завершения, чтобы снова вернуться к началу. Достигший буддовости — будда, потому что он — это он сам и ничего более. Он не претендует на святость или не-святость, как не заботят его ни поношения, ни поклонение окружающих. Он делает то, что должно быть

¹ Ultimate Reality is Absolute Mind.

сделано, и ничего более, не объявляя себя буддой или не-буддой; он непрерывно становится буддой и оставляет буддовость в каждом ушедшем мгновении. Он держится за буддовость не больше, чем вы за этот миг в настоящем, когда читаете строки, только что мною написанные.

Знающий никогда не скажет: «Я знаю», как не скажет и обратного; он просто живет. Труд мастера дзэн неблагодарен, но ему даровано воздаяние — воздаяние, неведомое ему, ведь он вообще ничего не знает ни о воздаяниях, ни о наградах как таковых. Он не прерывает своего труда, продвигаясь как можно далее по пути самосовершенствования, делая то, что должно быть сделано.

Последняя стадия на пути адепта дзэн, предназначенная ему после обретения сердца Мондзю, — возвращение в мир с дарующими блаженство руками Мирроку, грядущего будды. В «Очерках о дзэн-буддизме» Д. Т. Судзуки мы читаем:

Вступление в город с дарующими блаженство руками. Его крытая соломой хижина заперта, и даже мудрейший не знает его. Невозможно поймать и отсвета его сокровенной жизни, ведь он идет своим путем, не следуя за древними мудрецами. С тыквой-горлянкой идет он на базар, опираясь на посох, возвращается домой. Его можно встретить в компании забулдыг и мясников — все они вместе с ним обратились в будд.

С обнаженной грудью и босой выходит он на базар,
В грязи и пепле — как широко он улыбается!
Нет нужды в чудесных божественных силах,
Смотри! От его прикосновения зацветают сухие
деревья!¹

Обязанность каждого ученика дзэн — разделить с миром славу своего постижения. Для этого существует

---

¹ Из «Десяти рисунков о пастьбе» Каку-ана Ши-яня (см.: Судзуки Д. Т. Очерки о дзэн-буддизме. Первая часть. СПб., 2003. С. 452).

множество способов — ученик не ограничен каким-либо одним из них. Помните, что Кандзэон открывает себя этому миру на самых разных путях жизни, в различных областях деятельности. Посвятивший себя дзэн может избрать работу врача или сиделки, учителя, хозяина гостиницы или слуги: чем бы он ни занялся, на любом из этих поприщ он будет столь отличен от обычных людей, что мир неминуемо заметит его и пожелает уподобиться ему. Так, будучи архатом, в действительности он — бодхисаттва. Посредством этого мягкого способа обучения, свободного от активного обращения в свою веру, он постепенно отвлечет окружающих от соображений личной пользы, направив их умы к более высоким вещам. Так от века являет себя Кандзэон миру страдания.

Глава VIII

ЧТО ТАКОЕ КОАНЫ?

Практика дзадзэн существенно важна для нас, если мы стремимся достичь более глубокого постижения мира, чем то, что доступно среднему человеку. Речь не идет о чем-то исключительном, ведь во все времена и во всех религиях в той или иной форме практиковалось созерцание. Даже собаки и кошки любят спокойно сидеть в течение долгого времени. Однако большинство людей Запада, в силу того что в них обычно доминирует интеллектуальная сторона, обречено терзаться страхами или скукой в те периоды, когда им не о чем особенно думать, поэтому главная причина привлекательности коанов школы риндзай для среднего западного человека — они не оставляют его без пищи для размышления. Трудно вообразить более ложное употребление коанов и дзадзэн.

Дайэ Соко (он родился в 1089 г.) выступил в защиту коанов как элемента дзадзэн, предпочтя их старому методу безмолвного сидения, известного в Японии как *сикан тадза*, который в годы своего учения практиковал он сам, как и все великие мастера, жившие до введения коанов, включая самого Риндзая. Дайэ Соко известен как блестящий интеллектуал, и это дает мне право подозревать, что старинный метод медитации был для него слишком труден. По-видимому, простое безмолвное сидение нелегко дается всякому, кто грешит чрезмерной приверженностью интеллекту (см. главы в кн. III, посвященные Ананде и другим интеллектуалам). Основ-

ная цель дзадзэн состоит в успокоении волн мышления, без чего невозможна реализация истинной природы. Ввиду этого обстоятельства, современный подход к коанам, распространенный среди многих западных последователей дзэн и заключающийся в стремлении к разрешению наибольшего их числа, — что, по сути, приравнивает их к головоломкам, — представляется совершенно ложным. В Японии мне не раз с грустью и неприязнью приходилось быть свидетельницей проявлений чванливой гордости со стороны приверженцев описанного подхода, похвально себя перед своими товарищами по ученичеству количеству решенных коанов и теми «высотами постижения», которых им якобы удалось достичь. Следует осознать со всей ясностью: единственной целью практики коанов всегда было и по сей день остается приведение адепта к истинному постижению и к соблюдению предписаний, т. е. к выражению просветления в повседневной жизни.

Последнее положение, возможно, несколько удивит тех, кто ошибочно понимает идею дзэнской «свободы», — а о ней было сказано так много неправды. В своей книге «Путь дзэн» Алан Уоттс с глубоким знанием предмета приводит шесть видов коанов, освобождая меня от необходимости приводить их здесь вновь. Но я хотела бы объяснить, как сото использует коаны при обучении предписаниям.

Вообще к коанам прибегают лишь в том случае, когда ученик явно нуждается в определенном виде коана. В сото-дзэн от ученика не требуется решить три сотни коанов, для того чтобы мастер подтвердил истинность его достижений. Связано последнее обстоятельство прежде всего с тем, что практика коанов не нацелена на получение свидетельств, одобрения или чего бы то ни было; единственная ее цель — постижение истинного смысла буддизма. В силу недостаточной выявленности связи между учениями Будды и техникой коанов многие — и не без основания — прежде полагали, что дзэн вооб-

ще не является направлением буддизма; смягчающее их вину обстоятельство заключается в отсутствии на сегодняшний день сколько-нибудь основательного труда, убедительно поясняющего связь дзэн и буддизма. Вместе с тем нельзя не признать абсурдность подобного мнения, так как в дзэн состоит самая суть буддизма. Будда никогда не достиг бы просветления без дзадзэн, и разве коан самого Шакьямуни не был первым из коанов? После того как взору его предстали четыре вида страдания (см. гл. I), после того как он глубоко осознал необходимость отыскания причины страдания и поиска пути освобождения (самый первый коан), он сел под деревом бодхи, погрузившись в дзадзэн, и сидел так до тех пор, пока решение его коана не пришло в виде четырех благородных истин. Тогда Будда приступил к неустанной проповеди Четырех благородных истин и Восьмеричного пути; и все последующие сорок пять лет, отданные Шакьямуни служению человечеству, были лишь развернутым объяснением и практическим применением ответа на его собственный коан — ответа, который мы называем его просветлением. Вся система коанов в ее настоящем виде направлена на пользу и благо ученика в той мере, в какой она обучает его следованию Восьмеричным путем и разрешению всех могущих возникнуть на этом Пути проблем. Обращаться же с коанами как с головоломками или — что еще хуже — полагать, будто решение всех коанов автоматически обеспечивает постепенное продвижение по пути к Истине, — пустая трата времени. Сото-дзэн прибегает к помощи коанов только тогда, когда применение их уместно и необходимо в конкретной ситуации, никогда не злоупотребляя ими.

Согласно Алану Уоттсу, шестая стадия упражнения в коанах есть не что иное, как изучение самих предписаний; предыдущие же пять стадий призваны подготовить сознание ученика к этой последней. Давайте остановимся на этом моменте. Попытаюсь внести некоторую ясность. В «Превосходнейшем зеркале-самадхи» сказа-

но, что, стоит ученику задать свой вопрос, мастер тут же дает ответ, исчерпывающий существо вопроса; наставник прибегает к самым разнообразным способам научения, вплоть до объявления черного белым, ведь в заблуждающемся сознании ученика все тоже перевернуто вверх ногами. Другими словами, поскольку ученик полностью лишен ясного понимания *действительного* существа буддизма, понимания истинного приложения буддизма и соблюдения его предписаний, все первоначальные попытки ответа на вопрос отвергаются мастером, несмотря на то что ученик порой может давать точные интеллектуальные ответы на коан. Мастер до тех пор отвергает ответы ученика, пока тот не вырастет духовно настолько, чтобы удостоиться одобрения. Вновь и вновь приходит ученик к мастеру, задавая ему все тот же, пусть порой по-другому сформулированный, вопрос, и с каждым новым приходом крепнет его убежденность в своей правоте, пока однажды ответ не взорвется в нем ослепительной вспышкой. Тогда ученик идет к учителю, не заботясь, согласится тот с ним или нет, потому что теперь он *знает* всем своим существом: его ответ единственно верный.

Важно помнить, что мастер всегда дает ответы, соответствующие вопросам ученика; другими словами, именно ученик, а не учитель, движет и направляет этот словно многократно возвращающийся к собственному началу процесс. Мастер играет роль зеркала, отражающего действия и реакции ученика и, повинуясь взятой на себя роли, нередко объявляет черное белым, хотя хорошо знает, что этим лишь больше запутывает своего подопечного. Опытный мастер, намеренно указывая сбитому с толку ученику на сумятицу в его мыслях и поступках, дает ему возможность самому изменить себя.

Эта система — прекрасный способ воспитания характера для того, кто намерен следовать Восьмеричным путем. Когда ученик впервые переступает порог храма, он, как правило, знаком с верованиями и основными прин-

ципами буддизма, ему известны десять основных обетов и другие существенные составляющие учения — но он знает их умом, они не сплавлены с его кровью и костями. Коаны идеально приспособлены для гармонизации противоположности истинного и ложного, которая в конечном итоге должна быть полностью превзойдена; поднявшийся же над ней обретает свободу от всех привязанностей. Таким образом, ученик, проведенный в храме несколько лет и прошедший надлежащее суровое нравственное воспитание, воспитывает в себе безупречный характер — задача, которая, скорее всего, успешно выполняется, если перед глазами у него прекрасный пример учителя. Прошедший подобную закалку будет исполнять заповеди не потому, что этого требует некое строгое внешнее божество, а потому, что отныне их исполнение принадлежит самой природе его существа. Здесь вновь перед нами пример связи практики дзэн с древними буддийскими предписаниями. В большинстве религий нравственный закон насаждается и санкционируется внешним божеством, буддист же сам принимает на себя нравственные обязательства. У буддиста нет бога, который гарантировал бы и освящал своим авторитетом истинность закона, и потому он в самом себе должен отыскать и взрастить убежденность в истине заповедей; орудием для стимуляции этого процесса как раз и являются коаны. Когда учитель видит, что нравственный буддийский кодекс стал естественным образом жизни его ученика, тогда он знает, что последний, наконец, нашел свое прибежище в Будде, дхарме и сангхе в истинном их смысле и потому просветлен так же, как Будда Шакьямуни и все патриархи. Нужно жить буддизмом, быть им; вот почему исполнение заповедей должно стать кровью в наших венах. Как мы не замечаем течения крови — она струится сама по себе, совершенно естественно, — так и буддист живет согласно нравственным заповедям, не препятствуя их естественному осуществлению, в то время как они не мешают ему. Вспышки по-

нимания, *кэнсё*, по временам происходящие как итог медитации, работы над коаном или в результате обычного спокойного, ничем не занятого сидения, углубляют характер, развивая способность более полного принятия предписаний. Более же всего другого подвигает ученика к окончательной стадии — той стадии, на которой характер его настолько очищается от всяческих алчности, злобы и заблуждений, что сам он становится живым воплощением нирваны, — пример буддийской жизни его мастера. Вместе с тем тот, кто сделал постоянное исполнение заповедей своей второй природой, не осознает этого, как не осознает и того, что сам стал буддой. Ученик видит, что его мастер — живое воплощение буддизма, и тогда будда узнает будду; мастер же узнает будду в ученике, когда тот придерживается заповедей, не благоухая святостью и не источая зловония порока, свободный от того и другого; будда в нем ходит, спит, сидит, ест и работает, не ведая о себе как о будде, не привязываясь к будде. Он духовно автономен. Многим удастся успешно достичь этой стадии, не прибегая к коанам традиционного типа. Возможно, в их распоряжении свой собственный коан, но интеллектуал, как правило, все же испытывает нужду в коанах. Риндзай навязывает сборник коанов абсолютно всем; сото внимательно подходит к каждому отдельному ученику, искусно приспособлявая коан к его нуждам.

Для того чтобы довести ученика до этого уровня принятия заповедей, необходимо максимальное укрепление его убежденности, доведение ее до высочайшего пика; прежде всего неколебимой должна быть уверенность практикующего в том, что он действительно обладает природой будды. Особенно полезны здесь ранние виды коанов, решительно и полностью ниспровергающие, отрицающие все рассудочные решения этой проблемы. И в животных, и в неодушевленных вещах надлежит обнаружить природу будды. Достигший несомненной уверенности в своей собственной природе будды вступает в

поток буддизма; отныне ничто не препятствует его свободному продвижению по пути углубления постижения, от коану к коану. Но необходимо понимать, что решение каждого коана есть углубление изначального просветления, а не некое достижение, отделенное от просветления. Просветление не приходит по частям, оно едино и неделимо. Беглый ответ — не меньшее просветление, чем глубокий и ровный его свет. Мы все изначально наделены природой будды; значит, мы все уже просветлены; нам остается лишь усиленно работать над собой, чтобы полностью реализовать изначальное присутствие нам просветление. Сказанное не означает тождественности знания об обладании природой будды просветлению — некоторые критики сото именно в этом усматривают наиболее вопиющее его заблуждение. Иметь нечто, не обладая действительным знанием того, чем обладаешь, не тождественно обладанию. Необходимо пробудить в себе *знание обладания*. Но, зная о своем обладании, надо еще и полностью реализовать его; а для этого следует продолжать практику, не прерывать духовного делания. Когда ученик не убежден совершенно в своем обладании природой будды, его вера в нее может быть оживлена и подкреплена, чтобы постепенно, при посредстве коана, обратиться в уверенность знания всем существом.

Читатель может спросить, как совместимы дурное обращение мастера и система коанов, призванная воспитать в ученике подлинное понимание заповедей. Я же отвечаю, что там, где отсутствует полное знание истинного и ложного, невозможна и гармония этих противоположностей. Не познав ада, не узнаешь рая; нельзя понять их, не преодолев их. Большинство людей связано моральным законом исповедуемой ими религии, буддизм же учит своих последователей, как через нравственный закон прийти к освобождению. Последнее не означает одобрения и поощрения аморальности. Но если вы всем своим существом не познали злого характера того или

иного поступка, вы не постигли зла как такового; не познав всем своим существом доброго характера того или иного действия, вы не постигли добра как такового; всем существом своим не познав, что и добро, и зло, будучи разными сторонами одной монеты, причастны как Будде, так и дьяволу, вы не знаете, что милостивого Кандзэон надо искать в аду, а худший из дьяволов обитает на высочайших небесах. Четыре вида коанов призваны преподать это знание тому, кто в нем нуждается. Наставник же поставлен перед необходимостью принимать кармические последствия тех дурных поступков, без которых ему не научить своих подопечных выходу по ту сторону добра и зла. Лишь выйдя за границы этого противоречия (противоположности добра и зла), ученик в состоянии постичь учение *гои* (пять стадий практики коанов) и предписания, ибо только тогда сможет он следовать предписаниям, не будучи связанным ими, но и не привязываясь к ним. Соблюдать заповеди ради нравственности как таковой так же плохо, как не соблюдать их вовсе. Полезно и хорошо порой нарушать их для демонстрации аморальности морали тем, кто все еще страдает чрезмерной приверженностью к моральности. Наиболее серьезная опасность, таящаяся в заповедях, — в их специфической способности создавать духовную гордость, что также ставит мастера перед необходимостью грубого, даже «дурного» обращения с учеником. Когда заповеди преодолены настолько, что сама аморальность становится моральностью, тогда они перестают существовать как таковые, поскольку ученик становится их живым воплощением. Достигший этой стадии ведет нравственную жизнь, но не в состоянии объяснить почему, просто сама его природа заключается в этом. Таково истинное соблюдение заповедей.

Глава IX

УЧИТЕЛЬСКАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ

До сих пор мне не доводилось встречать упоминания о существовании священнической иерархии в сото-дзэн, как не встречала я и объяснений употребляемых терминов и титулов. Но в силу того что именно этот предмет является источником значительных разногласий в западных странах, я решила посвятить ему целую главу.

Прежде всего должен быть объяснен термин *токудо*, чаще других страдающий от ложных истолкований. Точный смысл *токудо* — «посвящение» (ordination), но японцы расширили его, обозначив им также христианское крещение и конфирмацию, не создав дополнительного термина, который позволял бы проводить различия между этими тремя значениями. Многие возвращаются из Японии домой, уверенные в том, что они священники, в то время как в действительности они — лишь прошедшие конфирмацию миряне. Виноваты в этом только японские учителя: упорствуя в употреблении одного слова для трех различных вещей, они не вправе обвинять незадачливого иностранца, который, обратившись к своему словарю и обнаружив там напротив «токудо» значение «посвящение», интерпретирует его в христианском, естественном для его культуры, смысле и считает себя законным священнослужителем. Важно постараться предотвратить подобные заблуждения в будущем, хотя это немногим лучше, чем запира́ть двери конюшни после того, как лошадь сбежала. Мне известны по меньшей мере три прошедших конфирмацию мирянина, полагающих

себя священниками, одетых в соответствующие одежды и совершающих разнообразные церемонии. Чтобы выяснить, стали вы священником или остались конфирмированным мирянином, приняв участие в церемонии, поинтересуйтесь, должны ли вы теперь обрить голову, надеть рясу и войти в храм для обучения. Если ответ отрицательный — вы можете быть уверены, что прошли только конфирмацию, а не посвящение, даже если священник, обратившись к своему словарю, говорит вам противоположное. Чтобы стать конфирмированным мирянином, вы должны признать необходимость соблюдения заповедей, после чего вам вручат маленькое *ракусу*, или миниатюрную *кэса*, которую можно теперь носить. Возможно, в большей степени, нежели употребляемая терминология, в заблуждение вводит именно этот признак, поскольку *кэса* всегда была и остается знаком буддийского священника. Оказавшись в Японии, во избежание недоразумений самое благоразумное сразу хорошенько расспросить священника, в храме которого вы можете получить *токудо*. Называть себя священником, не будучи таковым, значит наносить большую обиду японцам, и едва ли вам хочется прослыть религиозным мошенником, не будучи повинным в обмане ни сном, ни духом.

Теперь обратимся к словам *монах* и *монахиня*. В дзэнских храмах Японии в ходу лишь один термин для обозначения этого статуса — *унсуй*, составленный из двух китайских иероглифов, первый из которых означает «облако», второй — «вода». Вместе они означают следующее: *унсуй* — человек, женщина или мужчина, свободно, как облако, странствующий по миру в поисках истины, но наделенный такой же мощью, как океан, который способен смыть даже горы, если они поднимутся на его пути. Очевидно, это смысл, совершенно отличающийся от того, что обычно вкладывается в слова *монах* и *монахиня* в странах христианской культуры. Жизнь монаха (монахини) посвящена служению Господу с принесением обетов бедности, целомудрия и по-

слушания, *унсуй* же не приносит подобных обетов. Единственный даваемый им обет — обет бодхисаттвы: «Сколь бы бесчисленны ни были существа, я даю обет спасти их всех; сколь бы трудны ни были учения, я даю обет овладеть ими; я даю обет очистить мое собственное сердце». Существует и еще одно различие: в дзэн предполагается, что и мужчины, и женщины *унсуй* станут впоследствии членами священнической общины, не ограничиваясь стадией *унсуй*. Здесь особенно отчетливо проступает различие буддийского и христианского монашества: последнее отрицает женское священнослужение, в то время как в дзэн предполагается, что женщина-*унсуй* станет священником храма. Согласно буддийскому идеалу, довольно ясно выраженному во многих текстах, мужчина и женщина равны в Уме Будды, поэтому мужчины и женщины могут на равных подниматься по иерархической лестнице священничества. К сожалению, японский обычай (или предрассудок, если вы предпочитаете это определение) гораздо чаще, чем хотелось бы, встает на пути женщины, и священников-женщин меньше, чем могло бы быть. Те же, кому удается достичь ранга священника, располагают гораздо более убогими храмами, чем их собратья-мужчины. Но, оставляя в стороне предрассудок и возвращаясь к идеалу, мы находим полное равенство полов, и женщина, если она энергична и талантлива, может пройти всю семиступенчатую лестницу священнической иерархии. Многие из моих друзей смогли сделать это. До войны препятствия на пути женщины были почти непреодолимы. Приток в Японию свежих идей из внешнего мира создал условия, облегчившие жизнь женщин-священников, и теперь действительно решительная женщина, готовая стерпеть пренебрежительное отношение со стороны мужчин-священников, вполне может стать священником. Возможно, женщинам западной культуры легче, чем их японским сестрам, пройти этот путь в силу присущей им большей настойчивости.

Огромная разница в значении слова *монах* (*монахиня*) и японского термина *унсуй* не позволила мне называть дзэнского ученика¹ монахом в этой книге. Ученые колеблются между «учеником» и «семинаристом» как наиболее соответствующими переводами слова *унсуй*, я же убеждена, что «ученик» гораздо ближе к подлинному значению, поскольку «семинарист» не содержит в себе адекватного указания на реальную деятельность храмового *унсуй*. Возможно, лучше всего было бы сохранить неизменным японский термин «унсуй», перенеся его без перевода, — ведь ни одно слово на ином языке не передает его подлинного значения.

Что же касается слов *священник* и *священнослужительница*, то здесь мы не встречаем трудностей. *Осё* буквально означает именно «священник», *ни-осё* — «священнослужительница», или «женщина-священник». Так называют ученика, *унсуй*, достигшего пятой стадии служения; смысл этого термина, адекватно понятый однажды, в дальнейшем не вызывает осложнений. Конечно, обязанность каждого священника — отдавать все свои силы и дарования служению людям, что может вовлечь священника в дела, далекие от его изначального предназначения, такие как коммерческая деятельность, работа в какой-либо сфере индустрии, что является еще одним препятствием для перевода *унсуй* как «монах»,

¹ Однако в данной книге Дзию Кеннетт остановила свой выбор на слове «trainee» как наиболее адекватно выражающем смысл японского *унсуй*. Русское «ученик» не совсем точно передает его смысл, оставляя невыявленным значение «практикующий». Как правило, в русскоязычных текстах, посвященных дзэн-буддизму, широко употребляются все три слова — ученик, монах, практикующий, порой даже адепт. Переводчик, употребляя в основном термин «ученик», призывает читателя не упускать из виду его условности в данном контексте и не забывать об изначальном японском смысле слова *унсуй*, который, как справедливо замечает Дзию Кеннет, равно далек от всех европейских коррелятов (как английских, так и русских). — *Прим. пер.*

так как каждый священник или священнослужительница, на каком бы поприще им ни пришлось трудиться впоследствии, начинали как *унсуй*.

Обратимся теперь к различным рангам священнослужения в сото. Всего их семь.

1. *Дзюкай токудо*. Эта стадия соответствует конфирмации мирянина в христианской церкви и не является духовным рангом в строгом смысле этого слова. Прохождение через эту церемонию посвящения не обязательно для мирянина-буддиста, но обязательно для того, кто собирается стать священником.

2. *Токудо* означает рукоположение в ранге ученика.

3. *Сюосё* — ранг старшего ученика; подразумевается, что достигший этой стадии поднялся на определенный уровень постижения, в состоянии декламировать любые священные тексты, играет ведущую роль в дискуссиях учеников храма и совершает различные церемонии. Вновь объявленный старший ученик проходит через церемонию *хоссэн*.

4. *Передача*. Через церемонию передачи *унсуй* присоединяется к учительской (apostolic) линии наследования, к которой принадлежит его мастер, и потому после ее совершения он уже не может оставить священнослужения. Церемония передачи держится в тайне, поэтому она не могла быть включена в мою книгу, хотя преподобный Суйган Ёго и я перевели ее текст на английский язык. Желаящие проникнуть в суть учительской преемственности и передачи должны тщательно изучить *Дэнкороку* (кн. III).

5. *Дзуйссэ* — особая поздравительная церемония, совершаемая только в главных храмах Содзидзи и Эйхэйдзи, в ходе которой ученик получает бумаги, подтверждающие его священнический статус. Церемония не является обязательной, и многие молодые ученики путешествию за свой счет в главные храмы сото предпочитают внесение определенной суммы в центральное правление церкви сото; затем они проходят через экзамен,

подтверждающий их навыки в совершении определенных ритуалов, таких как похороны, свадьба и *сэгаки*. Церемония эта была установлена императорской властью и потому не так уж важна для представителей западного мира, на которых не распространяется власть японского императора, — им вполне достаточно пройти экзамен у своего мастера.

6. *Синдзан* и *кёси*. *Кёси* — «божественная степень», присваиваемая тем храмом, в котором прошел обучение вновь посвященный. Удостоившийся ее может совершать церемонию *синдзан* («восхождение на гору») как новый настоятель (священник) храма.

7. *Кэссэй*. Четыре церемонии *кэссэй* включены мной в книгу IV; они совершаются, когда у священника есть ученик, под его руководством прошедший путь от *токудо* до *сюосё*. Строго говоря, термин *кэссэй* относится к стодневной практике, проводимой дважды в год, весной и осенью, и требующей особенно строгого соблюдения храмовой дисциплины во всем ее объеме. В наши дни этот термин употребляется произвольно и относится к четырем упомянутым выше основным церемониям, уже не происходящим сотни дней, но сжатым в пространстве одной недели.

Зачастую детей вписывают в священники еще в младенчестве, а иногда сразу при рождении. В этом случае термин *токудо* применяется не в строгом смысле и предполагает простую запись того, что, возможно, никогда не станет действительностью. Молодой человек, записанный таким образом в священники, но не имеющий склонности к священнослужению, может ограничиться участием в *дзюкай токудо* или просто пройти через *дзюкай* — что-то вроде каждодневного посещения храма в течение нескольких дней. Он может одновременно делать и то и другое. *Дзюкай* совершается ежегодно, и многие год за годом приходят в храм ради этого.

Прохождение через весь церемониальный цикл *дзюкай токудо* предполагает неделю жизни в храме на тех

же дисциплинарных условиях, которым подчиняются все ученики и священники храма, с обязательным участием во всех церемониях (см. кн. IV, *Дзюкай*). Те же, кто проходит только дзюкай, не допускаются к настоящей церемонии конфирмации и не получают ракусу. Как правило, священническое токудо, или посвящение в унсуй, происходит после дзюкай токудо; но иногда оно происходит до него, что нельзя одобрить: это как повозка, впряженная перед лошастью. Но родители, желающие отдать своих детей в священники, часто прибегают к этому способу, чтобы избежать расходов, связанных с прохождением всего дзюкай токудо в их собственных храмах. Те незадачливые унсуй, чьи церемонии совершаются в таком несколько измененном порядке, вынуждены выполнять всю черную работу в храме вплоть до следующей сессии дзюкай, что, как правило, бывает не раньше следующей весны. После исправления этой церемониальной ошибки они могут продолжить свои занятия в храме в нормальном режиме.

Как и Будда Шакьямуни, каждый ученик имеет двух мастеров, под руководством которых он занимается, прежде чем найдет своего хонси, «истинного мастера», с которым, когда придет время, совершит церемонию передачи. Первый мастер считается отцом ученика в буддизме, так как при посвящении последнего помогает ему родиться в семье будд, он дает «новорожденному» новое имя в вере, а вместе с ним возможность освободиться от мира страдания, или сансары. Именно с первым мастером ученик изучает священные тексты, в обязанности первого мастера входит исправление и уточнение нравственного облика ученика в согласии с заповедями; он должен следить за питанием, одеждой и удовлетворением прочих потребностей своего подопечного, во всем оказывая ему отеческую заботу, а случись нужда, помогает и деньгами. Зачастую именно последнее обстоятельство становится почти непреодолимым препятствием для западного человека, если он хочет при-

нять посвящение от японского священника. Нести финансовую ответственность за юношу или девушку одной с тобой культуры — это одно, и совсем другое дело — взять под свою ответственность взрослого чужестранца, о котором знаешь очень мало или совсем ничего. Некоторым священникам в недалеком прошлом пришлось немало пострадать от бесцеремонных иностранцев. Как заставить взрослого иностранца, говорящего на чужом языке, а по-японски, как правило, изъясняющегося с трудом, вести себя так, как положено ученику храма: выполнять все мытье, уборку, готовку, прислуживать жене и детям священника, как если бы он был слугой в их доме, получая в ответ ругань, а порой и побои? Выдержать столь непростое испытание легче в юном возрасте, но уже двадцатилетние уроженцы стран Запада часто с трудом справляются с этой задачей. Японские же учителя, кажется, не в состоянии уяснить, что со взрослым человеком нельзя обращаться как с юнцом. Для них ученик, каков бы ни был его биологический возраст, есть новорожденный будда, нуждающийся в соответствующих его младенческому состоянию воспитании и обучении. Подобный подход оправдан и хорош в религиозном отношении, но становится нелеп и смешон, когда его переносят в повседневную жизнь, пытаясь со взрослым человеком обращаться в физическом смысле, как с младенцем. Среди западных людей встречается психический тип, отчасти тяготеющий к такому обращению, способный найти его привлекательным по крайней мере на какое-то время, но никогда надолго. Все описанные обстоятельства значительно затрудняют обрители головы и получение посвящения в Японии, особенно от японского священника. Немногие идущие на это наставники, как правило, не принадлежат к «сливкам» духовенства, и движет ими скорее стремление поднять свой авторитет в глазах других, похваливаясь многочисленными учениками-иностранцами. Такие мастера любят, когда их ученики дают интервью для телевиде-

ния и печати к вящей славе наставника или храма. Подобного рода публичность тяжела для ученика — по сути, это последнее, чего может желать искренний, усердный ученик, поглощенный поисками истины. Банальные, личного свойства вопросы, столь любимые средствами массовой информации, зачастую крайне грубы и направлены на вовлечение несчастного ученика в фальшивое и пустое шоу. Все это я пережила на своем опыте, и мне довелось пострадать от подобного отношения, пока последний старший настоятель Содзидзи не разобрался в ситуации и не положил конец дальнейшим интервью. Пусть те, кто намерен отправиться в Японию для занятий дзэн, внимательно отнесутся ко всему сказанному. Мне посчастливилось найти истинного друга и учителя, многим повезло меньше.

По истечении первого года практики или немногим ранее ученик может стать *сюсосё*, или старшим учеником. Если же его учителем был его собственный отец, на это может потребоваться гораздо больше времени. Требования к *сюсосё* описаны выше в этой главе. Он отвечает за проведение различных церемоний и дискуссий в течение ста дней. В этот особый период он избирает второго мастера — по крайней мере, он должен это сделать. На практике первый мастер становится не только вторым, но частенько принимает на себя и обязанности третьего.

Следующая ступень — передача. Сроки ее невозможно предугадать. До нее пройдет ровно столько времени, сколько необходимо конкретному ученику для подлинного обращения, т. е. для обретения своего истинного духовного потенциала — истины дзэн. Ни при каких обстоятельствах невозможно совершение церемонии передачи прежде достижения этой последней стадии, для чего, впрочем, не всегда требуется много времени. Ни пол, ни возраст не влияют на сроки окончательного созревания. Как правило, ученик проходит передачу в возрасте между двадцатью пятью и сорока пятью

годами, но бывают и исключения. Читая *Дэнкороку* (кн. III), вы обнаружите, что и в древние времена все обстояло примерно так же: Будде Шакьямуни было около тридцати пяти, почти столько же было Христу, Догэну — двадцать восемь. Дольше всех шли к реализации те, кто питал пристрастие к книжной учености и аргументации. К несчастью, девяносто пять процентов уроженцев западных стран, обращающихся к дзэн, попадают именно под эту категорию. Трудно преувеличить опасность книжной учености для встающих на путь дзэн, и потому вслед за Кэйдзаном я говорю: эрудиция — наиболее серьезное препятствие на пути к дзэнскому постижению.

Между жизнью Будды Шакьямуни и современной церемонией передачи существует интересная связь, а именно расположение циновки мастера и ученика. История Шакьямуни (см. гл. I) повествует о том, как, будучи младенцем, он был вынесен к аскету Асите, которому (возложив свои ступни на его голову) показал, что превзойдет его. В церемонии передачи циновки мастера и ученика располагаются так, что сначала, когда мастер и ученик кланяются друг другу, верхний край циновки мастера слегка покрывает циновку ученика; затем, когда они бок о бок склоняются перед алтарем, боковой край циновки ученика немного закрывает циновку мастера. Во время церемонии звучат слова: «Ученик стоит под стопами мастера, но он должен встать на голову мастера» — иными словами, только тогда буддизм жив, когда каждый ученик идет дальше своего мастера. На японском Будду Шакьямуни называют *дайхонси*, или «великий истинный учитель»; мастера же передачи именуют просто *хонси*, т. е. «истинный учитель»; для ученика дзэн хонси занимает место Шакьямуни Будды как его представитель и преемник по учительской линии. Именно хонси подтверждает, что ученик достиг окончательной реализации истины дзэн. Но здесь скрыта и серьезная опасность: кому-то может показаться, что

без хонси невозможно достичь истины дзэн. Нет мнения, более чуждого смыслу и духу дзэн. В конце концов, не было же хонси у Шакьямуни. Он сам нашел путь к реализации, оставаясь человеком — человеком, а не богом — от начала своей жизни и до ее конца. И не было у него силы, какой не были бы одарены и мы с вами. До тех пор пока мы верим, что он обладал природой будды и следовал той системе медитации, которой учил, мы в состоянии открыть в себе ту же самую природу будды без помощи извне. Все, что нам действительно нужно, — это вера в себя. И вновь я цитирую: «Помните, вы должны быть одни; будды лишь указывают путь».

Хонси может играть роль катализатора в процессе достижения учеником реализации, но не будем забывать о многочисленных историях, посвященных тем последователям дзэн, к которым реализация пришла благодаря некоему неодушевленному предмету, сыгравшему в этих случаях роль катализатора. Хотя истинность подобных реализаций впоследствии должна быть так же засвидетельствована хонси, его дело — лишь дать подтверждение; он не может в буквальном смысле «залезть» внутрь ученика и удостовериться в подлинности реализации природы будды. Только интуиция и длительное наблюдение скажут учителю, готов его ученик к передаче или нет. Можно поспорить, что более значимо — наблюдение или интуиция. Порой и после реализации истины дзэн ученику приходится еще долго идти по пути самосовершенствования. Интуиция говорит мастеру и ученику о встрече сознания с сознанием, сердца с сердцем, о слиянии двух в одно и о растворении в чистоте ничто. Но, несмотря на интуитивно подтверждаемую реализацию, ученик может быть не готов к передаче, если не закончено воспитание его характера. Хотя в этом смысле готовность к передаче вообще невозможна, ибо невозможен совершенный характер. Тем не менее подлинное кэнсё сделает дальнейший процесс воспитания и

обучения в тысячу раз легче как для мастера, так и для ученика.

Чрезвычайно важно воспитание характера ученика — процесс, в котором особое значение приобретает именно наблюдательность мастера, — и потому хонси должен неустанно подавать пример совершенного, насколько это возможно, следования заповедям; обязанность же ученика — подражать его достоинствам, но не промахам и недостаткам. Мастера — люди, они обречены на ошибки; порой мастер намеренно совершает сомнительные поступки, желая удостовериться, что ученик не застыл в точке непорочности, но идет к постижению того, что не существует ни святого, ни нечестивого. В то же время мастер не прерывает своей практики, памятуя о собственном несовершенстве. Таким образом, ради обучения ученика подлинному смыслу истинного и ложного наставнику приходится время от времени совершать кажущиеся дурными поступки, сохраняя, однако, верность самому себе. В практическом же плане единственная функция хонси заключается в том, что после долгого наблюдения за учеником он может подтвердить или не подтвердить постижение последнего. В первом случае подтверждение выражается в даровании ученику шелковых, скрепленных печатью, удостоверений передачи и в совершении соответствующей церемонии, во втором случае дело не доходит ни до удостоверения, ни до церемонии. Беда большинства европейцев, приезжающих в Японию, в том, что они ищут некоего представителя «Бога-Отца», универсального учителя, который преподал бы им истину. Они не готовы идти по стопам Шакьямуни. Необходимо понять, что учение можно найти во всем и всегда; для того, кто действительно стремится научиться, подлинным наставником может стать любая вещь, даже самая незначительная. Все то, что способно вызвать реализацию истины, — будь то вещь или человек — суть и Будда, и хонси. Ничего не добьется тот, кто ищет какого-то особого мастера: подобный поиск

прочно приковывает его к миру противоположностей, ведь такой разборчивый искатель все еще делит мир на будд и не-будд.

Не стоит думать, будто патриархи, принадлежащие к линии учительской преемственности, о которых мы читаем в *Дэнкороку*, сильно отличались от нас. Первым был Макакасё — личность глубоко духовная, одаренная способностью интуитивного постижения вещей. Затем следовал Ананда, который был настолько увлечен движением по кругам учености в своем сознании, что прошли долгие годы, прежде чем он сумел принять один простой факт — слишком простой для его многоумной головы, чтобы уверовать в его истинность. Сёнавасю никак не мог освободиться от личной психологической проблемы, связанной с ношением одежды, и потому можно считать его проблему прототипом тех психологически непростых ситуаций, которые в наши дни встречаются в дзэнских храмах. Мисьяка увлекался чародейством — до тех пор пока не нашел в религии занятия, более интересного для себя. Басюмицу, наверное, был одним из последних забулдыг в этом мире, пока случай не привел его к встрече с истинным священником; до этого же момента он считал, что выпивка — это лучшее, что есть на свете. Подобные человеческие промахи и недостатки не являются препятствием на пути к святости до тех пор, пока не формируется привязанность к ним и сознание не закрывается для иного. Духовный рост питается волей к вере в существование чего-то лучшего. Человек, страдающий каким-либо пороком, должен прежде всего перед самим собой признать свою неправоту, совершить *сангэ суру* — признание своего заблуждения, неправоты, без чего невозможен дальнейший духовный рост. Если читатель желает серьезно заняться дзэн, ему придется хорошенько всмотреться в себя самого и признать, что представшее его взору не лишено изъяна; он также должен совершить *сангэ суру*.

Все остальные ранги, или ступени, священнослужения, за исключением *кэссэй*, едва ли могут быть интересны западному человеку; они принадлежат скорее японским традициям, чем изначальному буддизму, поэтому я не вдаюсь в их дальнейшее разъяснение. *Кэссэй* же может пригодиться в других странах и как церемониальная форма — поскольку соединяет в себе церемонии, необходимые для проверки мастера и *сюсосё*, — и как подтверждение их навыков. Запад нуждается в сохранении учения дзэн в его изначальной чистоте, для чего ему вовсе не нужны такие пышные церемонии, как *дзуйсэ*. Удостоверения, которые выдаются обучающими храмами, имеют какое-то значение, но нет никаких причин, чтобы после образования обучающихся храмов на Западе подобного же рода дипломы не выдавались на английском с проведением экзаменов на том же языке. Подобного рода дипломы обладали бы гораздо большей значимостью, чем такие же бумаги на японском, в связи с почти непреодолимой для многих трудностью овладения этим языком.

Титул *руси* (некоторые читают как *роси*) часто понимается ошибочно. Поскольку он означает «преподобный», многие используют его как почтительное обращение к священнику. Но большинство священников не в восторге от этого обращения, так как оно устарело и в наши дни бессмысленно, хотя и звучит благородно. Священники предпочитают целому слову его вторую часть, т. е. второй из составляющих его китайских иероглифов — *си* или *сэнсэй*, что на японском означает «учитель». В дзэн существует немало титулов или обращений, по смыслу тождественных «роси»; один из наиболее употребительных — *дзэндзи*, буквальный смысл которого «мастер дзэн».

И в риндзай, и в сото титул «роси» может быть передан мастером только тому ученику, которого он считает действительно достойным. Однако употребление этого титула в двух школах различается. Получив от

своего мастера титул «роси», священник риндзай навсегда сохраняет его за собой, в то время как в этом нет необходимости для священника сото. Мастер может считать священника сото достойным титула за его духовные достижения, в то время как другие придерживаются иного мнения. И это вовсе не означает, что священник плох, — хороший для одних учеников, он может оказаться неподходящим для других. Таким образом, священник сото может быть роси только для своего мастера. Одно из важных достоинств практики сото заключено в ее способности охранения роси от искушений, которым священник, будучи всего лишь человеком, легко может поддаться. Нельзя забывать, что священник, познав истинный дух и став роси, остается человеком и, как всякий другой, может ошибаться. Вот почему в Сюсёги Догэн пишет, что не прав тот, кто обращает внимание на недостатки и ошибки священника, наставляющего в истинной религии; обязанность наша — быть благодарными, а не критиковать, помня о невозможности совершенства.

Целью написания этой главы было прояснение некоторых моментов, нередко ложно понимаемых на Западе. Отдавая себе отчет в недостаточности столь короткого объяснения, надеюсь, что, по крайней мере, оно заставит тех, кто был в Японии и прошел там «посвящение», еще раз подумать о подлинном значении своего посвящения. Только тот, кто потратил долгие годы на восхождение по лестнице описанных выше рангов и прошел их все, действительно является священником сото-дзэн в Японии. В западных странах достаточно дойти до *передачи*, ведь мы стремимся идти прежде всего дорогой Будды Шакьямуни, а не той, что проложена японцами.

КНИГА II

УЧЕНИЯ ДОГЭНА-ДЗЭНДЗИ

ВВЕДЕНИЕ К ПЕРЕВОДАМ

Догэн-дзэндзи родился в Японии в 1200 г. На путь буддийского служения он вступил, когда ему исполнилось двенадцать лет, начав с изучения буддизма школы тэндай на горе Хиэй. Но так как эти занятия не удовлетворяли религиозным потребностям Догэна, он отправился в храм-монастырь Кэнниндзи в Киото, где обратился к изучению дзэн школы риндзай под руководством Эйсаё (1141—1215), основателя риндзай в Японии. Затем он продолжил эти занятия с учеником Эйсаё Мёдзэном. В 1223 г. Догэн вместе с Мёдзэном отправился в Китай, потому что риндзай, как прежде тэндай, не мог насытить его духовной жажды. Он много занимался в разных храмах в Китае и в конце концов получил печать Дхармы от Тэндо Нёдзё-дзэндзи, настоятеля Тэндо-дзан. По возвращении в Японию в 1227 г. Догэн провел некоторое время в Кэнниндзи, но в 1230 г. покинул его, чувствуя себя еще не вполне готовым к руководству таким большим монастырем. Он нашел приют в небольшом храме, где и приступил к работе над своими ставшими столь известными впоследствии сочинениями. В 1233 г. Догэн стал первым настоятелем Косёдзи. В 1244 г. Хатано Ёсисигэ предложил ему основать Дайбуцудзи (позднее Эйхэйдзи). В этом храме он и скончался в 1253 г. В Японии он известен как Эйхэй Догэн-дзэндзи, или же под своим посмертным титулом — Косодзёё-дайси.

Догэн-дзэндзи привез из Китая переданную ему печать дхармы и учение сото, старейшей из школ дзэн. Из нее вышли и обаку, и риндзай. Сото является, возмож-

но, единственной школой махаянского буддизма, сохранившей некоторые изначальные индийские элементы буддизма тхеравады. Основа привезенного Догэном учения сото заключалась в следующем: поскольку ни слова, ни священные тексты не выражают духа буддизма во всей его полноте, постольку те, кто связан словами и писаниями, не в состоянии постичь истину, переданную самим Буддой его ученику Макакасё, передавшему ее в свою очередь дальше, и так, от сознания к сознанию, от патриарха к патриарху, передававшуюся вплоть до наших дней.

Приводимые ниже сочинения — это прежде всего завещание Догэна своим последователям, которых он желал бы видеть усердными и упорными в своих занятиях, о чем и говорит с предельной ясностью. Идеалами Догэна были безмятежность, простота и чистота, и вся его жизнь была непосредственным воплощением этих идеалов. Жизнь всякого последователя Мастера должна быть совершенно чистой, согласной с заповедями Будды, но не скованной ими; тогда мораль станет естественной нормой, свободной от давления внешних установлений, правил, предписаний. Чистота жизни и мысли, гармония внутри сообщества, отрицание и разрушение тех правил и нормативов, которые не ведут к полному освобождению сознания и соединению его с Единым Умом Будды, — вот каковы были важнейшие принципы всех последователей Догэна. Сердце учения, тот источник жизни, к которому неизменно все возвращается, — безмолвная медитация, то простое сидение, практиковавшееся самим Буддой, сидение, во время которого ум пребывает в высшей безмятежности созерцания, соединяясь с Умом Будды. Философии же Догэн не придавал значения. Мастеру была ближе интуитивно направляемая духовная практика, ведущая к воспарению над мирскими заботами и желаниями, стирающая следы как самого страдания, так и привязанности к нему, что завещано было Буддой в Четырех благородных исти-

нах. Без сомнения, Догэну следовать трудно, так как в его мистицизме есть нечто пуританское. И вместе с тем, конечно, он оживил буддизм Японии, вдохнув в него новый дух.

Основные работы Догэна таковы: *Сёбогэндзо* («Сокровищница ока истинной Дхармы»), наиболее известная часть которой — *Гякудоёдзинсю*; *Эйхэйкороку* и *Эйхэйсинги*. Приведенные здесь отрывки взяты из *Сёбогэндзо*. Переводы не следуют оригиналу буквально, и это связано с тем, что в противном случае труд Догэна утратил бы немало от своего исконного чувства и духа. Я пыталась передать религиозный жар, столь отличающий писания Догэна. *Сёбогэндзо* приводится здесь не полностью, но уверяю читателя: я старалась не упустить ничего действительно значимого для изучения и понимания этой религии; все опущенные главы являются, в общем, не более чем расширением приведенных здесь.

СЁБОГЭНДЗО
(СОКРОВИЦНИЦА ОКА
ИСТИННОЙ ДХАРМЫ)

ТАЙТАЙКОХО

(Правила поведения младших священников
в присутствии старших)

Тайко — старший член братства священников (мужчина или женщина), прошедший в обучении как минимум на пять лет больше, чем обучающийся у него священник. Проведя много времени в обучении, *тайко* достиг глубокого понимания буддизма, и все младшие члены во всех повседневных действиях должны выказывать ему уважение как старшему собрату. Хорошо, если в наши дни начинающие ученики также будут следовать этим нормам поведения, состоящим из следующих шестидесяти двух правил.

1. В присутствии старшего ученик должен быть всегда одет в кэса и иметь при себе свою циновку.
2. В присутствии старшего не следует носить кэса как простой покров, брошенный на плечи. Один из священных текстов гласит: «Если мы не делаем ничего, кроме покрытия плеч кэса перед Буддой, то все мы — и священники, и ученики — сгинем в наихудшем из адв».
3. Почтительно сложите руки при виде старшего, не позволяйте себе встречать его с опущенными руками.
4. В присутствии старшего сидите прямо, не заваливаясь назад, и никогда не смотрите на него пристально.

5. Не смейтесь громко, не раздражайтесь внезапным или неуважительным хохотом в присутствии старшего.
6. Выказывайте всем старшим то же уважение, с каким относитесь к вашему мастеру.
7. Будьте благодарны за наставления, получаемые от старшего. Будьте внимательны, не просите повторения.
8. Будьте смиренны, общаясь со старшими.
9. В присутствии старшего не пытайтесь приклепать беспокоящее вас насекомое, не гоняйтесь за ним.
10. Не сморкайтесь, не хлопайте носом.
11. Не чистите зубы, не полощите рот в присутствии старшего.
12. Не садитесь в присутствии старшего, если он не позволит вам сделать это.
13. Не садитесь на какую-либо возвышающуюся поверхность, на которой может сидеть или спать старший.
14. Никогда не прикасайтесь к старшему.
15. Старший пятого года имеет ранг *ачарья*; старший десятого года — ранг *упадхья*. Таков закон Будды, и следует хорошо помнить его.
16. Никогда не садитесь, пока старший вам не позволит; усевшись, почтительно соедините руки. Сидите с уважением, держась прямо, не выказывая признаков вялости или непочтительности.
17. Не позволяйте себе склоняться влево или вправо в присутствии старшего — это в высшей степени непочтительно.
18. Сообщая о чем-то старшему, делайте это со смирением, никогда не говорите всего, что хотели.
19. Не зевайте в присутствии старшего. Если же вы не можете удержать зевка, прикройте рот.
20. Никогда не прикасайтесь к лицу, голове или другим членам и органам тела в присутствии старшего.
21. Не вздыхайте тяжело, но держитесь уважительно в присутствии старшего.
22. Когда вы стоите перед старшим, стойте так, словно вы на карауле.

23. Если старший входит в помещение, где вы сидите с другим старшим, вы должны встать и почтительно поклониться.

24. Если комната старшего соседствует с вашей, не декламируйте священные тексты слишком громко.

25. Вы не должны делиться своими познаниями из области вероучения с другими учениками без особого указания старшего, сколько бы вас ни просили.

26. Отвечайте правдиво на вопросы старшего.

27. Старайтесь ничем не разочаровать и не раздражить старшего; обращаясь к нему, смотрите ему в глаза.

28. Никогда не кланяйтесь другому младшему ученику, если рядом находится старший.

29. Не принимайте выражений почтительности от кого бы то ни было в присутствии старшего.

30. Живя со старшим, всякую трудную работу старайтесь сделать быстрее его, приятную — медленнее.

31. Где бы вы ни встретились со старшим, немедленно выразите ему свое почтение.

32. Если вам посчастливилось быть знакомым со старшим, всегда справляйтесь у него о смысле писаний винаи; никогда не выражайте ему своего презрения, не будьте праздными в его присутствии.

33. Если старший заболевает, ваша обязанность — ухаживать за ним.

34. Не шутите в присутствии старшего, не насмехайтесь ни над ним самим, ни над его жилищем; не увлекайтесь праздным разговором.

35. В присутствии старшего не критикуйте и не хвалите другого старшего.

36. Не выражайте презрения к старшему, задавая легкомысленные, насмешливые вопросы.

37. Бритье головы, подстригание ногтей, замена исподних одежд — все это не должно совершаться в присутствии старшего.

38. Младший ученик не может лечь на свое ложе для сна, прежде чем лягут все старшие ученики.

39. Младший ученик не может приступить к трапезе прежде старших.

40. Младший ученик не должен совершать омовение прежде старших.

41. Младший ученик не может сесть прежде старших.

42. Встретив идущего старшего, следует поклониться и следовать далее за ним; обратно же вернуться можно лишь тогда, когда он скажет вам об этом.

43. Если старший обнаружит рассеянность, забывчивость, почтительно освежите его память.

44. Если старший допустит ошибку, не насмехайтесь над ним ни публично, ни втайне.

45. Входя в комнату старшего, трижды щелкните пальцами, сообщая о своем приходе.

46. Входя в комнату старшего, не следует идти прямо посередине, ведь это указывает на гордость, но держитесь правой или левой стороны входа.

47. Если вы постоянно посещаете комнату старшего, всегда входите и выходите, держась какой-либо из сторон, — не должно дерзко шествовать прямо по центру.

48. Не торопитесь приступать к еде прежде старшего.

49. Вы не должны вставать с сиденья прежде старшего.

50. Если некий благодетель или жертвователь на нужды храма приходит к старшему, вам следует сидеть, держась совершенно прямо, вежливо слушать всю проповедь, которую старший, возможно, сочтет нужным произнести; вы не можете внезапно выйти.

51. Не укоряйте других в присутствии старшего, сколь бы заслуженными ни были ваши укоры.

52. В присутствии старшего не окликайте кого-либо издалека.

53. Сняв кэса, не оставляйте ее в комнате старшего.

54. Младший ученик не может критиковать проповедь старшего или его лекцию.

55. Не обхватывайте руками коленей в присутствии старшего.

56. Не кланяйтесь старшему, если во время трапезы или другого общего действия ему случилось занять место, уступающее вашему по значению.

57. Не кланяйтесь старшему из своей комнаты или стоя на пороге, но выйдите для этого наружу.

58. Никогда не кланяйтесь старшему, если вы сидите на стуле, а он сидит на полу.

59. Если старший имеет наставников, будьте внимательны к ним.

60. Если старший имеет учеников, уважайте их так же, как и его; ваше уважение к старшему должно быть неколебимым.

61. Когда старшие находятся друг с другом, их взаимное старшинство не имеет для вас никакого значения.

62. Для вас всегда будут существовать старшие; всегда будет кто-то старше вас, и пока вы унсуи первой ступени, и когда вы станете буддой.

Приведенные выше нормы поведения являются выражением Истинного Тела и Ума будд и патриархов. Если вы во всей полноте не постигнете этого, Чистый Закон сгинет как дым, втуне пребудет Путь будд и патриархов. Только тем открыты смысл и ценность этих норм поведения, кто в предшествующих существованиях совершил много добрых деяний. Таково подлинное совершенство махаяны.

СЮРЁСИНГИ

(Правила поведения в зале для учеников)

Вести себя в зале для учеников следует в согласии с заповедями будд и патриархов, не отступая от учений священных текстов тхеравады и махаяны, обращая особое внимание на правила Хякудзё. В своих правилах он говорит о необходимости соответствия каждого нашего действия — как малого, так и большого — заповедям будд и патриархов. Поэтому мы должны читать винаю и священные тексты.

Находясь в зале, следует читать священные тексты махаяны и наставления патриархов. Надлежит глубоко и сосредоточенно размышлять над учениями мастеров дзэн, стараясь следовать их учениям.

Нёдзё-дзэндзи, мой бывший мастер, однажды сказал своим ученикам: «Читали ли вы когда-нибудь речь, произнесенную Буддой на смертном ложе? Пребывая в этом зале, мы должны любить друг друга и питать глубочайшую благодарность за дарованное нам сострадательное сознание, благодаря которому мы можем быть родителями, родственниками, учителями и мудрыми священниками; благодаря этому сострадательному сознанию лица наши всегда будут выражать нежность, а жизнь наша будет благословенна. Никогда не должны мы говорить о других дурно, даже если их язык груб. Не пристало осуждать такого человека в его отсутствие, но надлежит обратиться с нежностью даже и к такому грубияну, мягко указав на его заблуждения. Услышав о чем-то достойном, тут же стремитесь воплотить это на практи-

ке — велики заслуги поступающего таким образом. Как счастливы мы, собравшись здесь все вместе! Какое счастье пребывать в этом зале, где нам дарована возможность познакомиться с теми, кто в прежних жизнях совершал благие деяния и благодаря этому стал ныне драгоценностью священства. Великая радость! Среди мирян есть имеющие родственников, семьи, но есть и одинокие; члены же буддийского братства связаны друг с другом теснее и глубже, чем большинство людей с самими собой. Мастер дзэн Энан из Орюдзан сказал как-то: „Силой совершенных нами в прошлых жизнях благих деяний мы приведены в этот челн; по этой же причине нам дарована благословенная возможность пребывать во время обучения всем вместе в одном монастыре. Сейчас мы в положении мастера и учеников, но настанет время, когда все мы станем буддами и патриархами“ ».

Не следует беспокоить других, находящихся в зале, громким чтением священных текстов и стихов. Не должны мы в присутствии других перебирать четки. Будьте тактичными!

Нельзя допускать в зал посетителей. Если же таковые явились, не вступайте с ними в разговор, кем бы они ни были. Те же, кому приходится общаться с торговцами, пусть делают это в другом месте.

Находясь в зале, никогда не развлекайтесь праздным разговором или шутками. Сколь бы сильно ни хотелось вам смеяться, не позволяйте себе этого. Неизменно и постоянно помните о четырех буддийских принципах: чувственная сфера отмечена нечистотой тела и болью; сознание непостоянно и преходяще, вещи не имеют самости; мы должны неослабно помнить о преданности Будде, Дхарме и Сангхе. Как возможно удовольствие в мире, в котором жизнь так же быстротечна, как существование рыбы в маленьком озере? Не болтайте со своими товарищами-учениками. Кто бы ни окружал нас, когда жизнь наша насыщена энергией, сила практики сделает ум наш подобным горной вершине.

Не покидайте своего места, любопытствуя о книгах, которые читают ваши соседи. Подобные действия мешают продвижению в изучении буддизма, как вашему, так и ваших товарищей. Нет большего несчастья, чем это.

В случае нарушения правил ученического зала виновный лишь предупреждается старшими, когда нарушение несерьезно; если же оно значительно, наставник практики, выяснив все обстоятельства происшедшего, должен действовать соответственно правилам. Начинающих и тех, кто в зрелом возрасте встал на путь священнослужения, следует наставлять с уважением и сочувствием. Внемлют они наставлениям или нет, будет зависеть от искренности намерений каждого конкретного ученика. Храмовыми правилами установлено, что речь, поведение и поступки определяются правилами зала для учеников. Старшие должны подавать пример младшим, направляя их, как родители направляют своих детей. Подобное поведение согласно с Умом будд и патриархов.

Мирские дела — слава, стяжание, война, мир, ценность приношений и тому подобное — не обсуждаются в зале. Подобные беседы строго запрещены, так как не обладают ни содержательностью, ни полезностью, лишены чистоты и совестливости. Мы должны ясно понять: со времени смерти Будды прошло много лет, и потому наша способность достичь просветления слишком слаба и незначительна, чтобы болтать о ней. Когда мы медлительны в нашей практике, время летит как стрела и жизнь наша стремительно ускользает. Откуда бы ни приходили ученики, они должны прилагать титанические усилия к практике; эти усилия можно уподобить лишь тем, с какими человек, чья голова охвачена огнем, пытается потушить сжигающее его пламя: время дорого, невозможно тратить его на пустую болтовню.

Нельзя проходить перед лицом священной статуи — не важно, с правой или с левой стороны вы идете. Не обращайтесь внимания на чье-то отсутствие или присут-

ствие и не высказывайте замечаний на этот счет; ученику также не пристало смотреть на чужое место.

Ученик не должен ложиться, вытягивать ноги, прислоняться к стенам или сидеть, выставя интимные места, — все это может беспокоить окружающих. Мы не должны забывать, как безупречно держались будды древности и патриархи, сидя на открытых местах или под деревьями.

Недопустимо хранение в зале золота, серебра, денег или одежды. Древние будды ясно говорят об этом в заповедях. Макакасё, первый патриарх, будучи еще мирянином, был в тысячу раз богаче царя Бимбисары; даже если бы собрали сокровища шестнадцати стран того времени, они не превысили бы богатства Макакасё. И все же однажды он покинул свой дом и встал на путь священнослужения; он одевался в лохмотья, не стриг волос и до самой своей кончины на горе Куккутапада жил подаянием. Ученическое *фундзоэ* было его неизменным одеянием. Да будет это достигнуто ясно и исчерпывающе! Так жил Макакасё, и потому мы, ученики последующих поколений, должны бдительно следить за собой и за своими поступками.

Обращаясь к кому-то в зале, говорите спокойным и тихим голосом. Не шаркайте сандалиями, не сморкайтесь слишком громко; не беспокойте окружающих плевками, громким кашлем, зевотой. Изучайте учения будд и патриархов, не тратьте время на поэзию. Находясь в зале, даже и сутры Будды не следует декламировать слишком громко — это грубо в отношении окружающих.

Обязанность наставника практики предостеречь всякого, чьи действия тревожат окружающих или даже обидны для них, и старшинство нарушителя не может служить ему оправданием.

Если потеряна какая-то вещь — одежда, чаша или что-то еще, — на специально предназначенной для этого доске помещается сообщение: «Ученик... потерял...

на... в... Прошу нашедшего известить меня, написав об этом на доске». Один великий священник однажды сказал, что тот, кто виновен и должен быть наказан по законам мира, может быть недосягаем для наказания согласно буддийскому закону. Вот почему мы не должны по собственному усмотрению составлять суждения или высказывать предположения, которые могут оказаться губительны для репутации другого. Разрешение дел о пропавших вещах должно полностью согласовываться с храмовыми правилами. Поэтому если кто-то найдет потерянный предмет, об этом следует немедленно сообщить на доске.

Мирские, астрологические, географические книги, еретические, а также философские, поэтические и прочие сочинения не должны находиться в зале.

Запрещено вносить в зал чаши и стрелы, военное снаряжение, мечи, доспехи, другое оружие. Того, у кого найдут меч, тут же выводят из храма. В храме не должно находиться никаких вещей безнравственного характера.

Ни в зале, ни рядом с ним не разрешается играть на музыкальных инструментах или танцевать.

В зале не должно быть вина, мяса, чеснока, сельдерея, лука — ни зеленого, ни репчатого.

Когда в зале много учеников, пусть младшие как можно быстрее справляются с трудной работой; старшим же нет необходимости поступать так же — такова традиция. Работу приятную младшие могут делать, не торопясь опередить старших, — это истинный закон будд.

Все работы, связанные с шитьем, следует выполнять вне зала. Сидя за этой работой, не развлекайтесь праздною болтовней, но размышляйте о будде и патриархах.

Так как зал предназначен только для обучения, нельзя допускать в него ни для отдыха, ни с другими целями никого, чье поведение грубо и вызывающе; нежелательно и присутствие того, чьи манеры отлича-

ются благовоспитанностью, но чей ум слаб. Недопустимо, чтобы они спали в зале или бродили вокруг, мешая другим.

В зале не пристало обсуждать мирские дела, решать коммерческие проблемы.

Эти правила — заповеди будд. Они должны неизменно соблюдаться в храме Эйхэй.

ФУСЮКУХАМПО

(Предписания для совершения трапезы)

«Соединяясь с пищей, которую вкушаешь, соединяешься со всей вселенной; когда мы одно со всей вселенной, мы одно и с той пищей, которую вкушаем». Эти слова взяты из *Вималакирти сутры*. Таким образом, вселенная и пища обладают одним и тем же качеством.

Если вся вселенная есть Дхарма, тогда и пища — Дхарма; если вселенная — Истина, пища также есть Истина; иллюзия, если одно из них — иллюзия, то и другое — также иллюзия; если вся вселенная есть Будда, тогда и пища — Будда. Все равно во всех своих формах и проявлениях. «Идеи и реальность равны, когда пребывают они в очах будд, и нет между ними различий». Так сказано в *Ланкаватара сутре*.

«Когда вселенная предстает как реальность духа, нет ничего вне реальности духа. Если мы видим ее как истину, тогда нет ничего помимо истины; предстает она как равная повсюду сущность — только эта единственная сущность существует. Когда мы видим ее как „различную явленность“ — существует только „различная явленность“». Это слова Басо.

Здесь «равное» означает не относительное, но абсолютное, т. е. мудрость Будды. Нет различия между всей вселенной и истиной, как их видит Око мудрости, ибо сама манифестация истины есть эта тождественность. Поэтому, вкушая пищу, и мы также воплощаем всю вселенную, но во всей полноте это понимают лишь будды. Вселенная — воплощение истины. Когда мы едим, все-

ленная в ее проявлении, природе, субстанции, силе, деятельности, причине, результате, соотношенности, последствиях и индивидуальности есть вся истина. Так истина являет себя, когда мы едим; и так, вкушая пищу, мы можем реализовать явление истины. Подобное умонастроение во время еды передавалось от будды к будде; оно порождает экстаз телесный и умственный.

Когда по завершении утреннего дзадзэн звонит колокол, завтрак подается в зал для медитации, ученики остаются на своих местах, где перед тем предавались медитации. Трижды бьет барабан, восемнадцать раз звонит колокол, объявляя всем о наступлении времени для трапезы. В городских храмах сперва звонит колокол, в сельских же храмах первым бьет барабан. При первых звуках колокола или барабана те, кто медитировал лицом к стене, поворачиваются лицом к сидящим на другой стороне *тана*; работающие вне зала оставляют свою работу, моют руки и спокойно, без суеты возвращаются в зал. Они входят в зал молча после трех неспешных ударов в деревянный *хан*. Все разговоры в зале запрещены.

Когда бы ученик ни переступал порог зала, он должен сложить руки в *гассё*, т. е. соединить пальцы рук под кончиком носа; независимо от положения головы — поднята она или слегка склонена — кончики пальцев неизменно должны быть сложены прямо под носом, руки слегка отведены от груди, локти разведены в стороны. Входя в зал через центральную дверь, все, кроме настоятеля, держатся левой стороны, независимо от расположения их мест; проходя мимо левой колонны дверного проема, ступают с левой ноги. Настоятель входит в зал, держась правой стороны входа или же идет прямо по центру. В любом случае он, согласно традиции, ступает на правую ногу, кланяется перед статуей Манджушри, поворачивается направо и садится на свое место. Старший ученик проходит через *гайтан* и входит в зал через центральный вход, держась левой стороны. Входя через боковую дверь, ученики, чьи места расположены в

правой части зала, держатся правой стороны входа, ступая сначала на правую ногу; те же, кто сидит в левой части, держатся левой стороны и ступают с левой ноги. Они кланяются в восточную сторону, стоя за статуей Манджушри, и идут к своим местам.

Места в зале для медитации распределены в зависимости от времени посвящения, времени допущения в храм или согласно той работе, к которой приставлен ученик. Во время девятидневного периода практики неизменно учитывается именно первый из этих трех факторов.

Прежде чем сесть на тан, ученик должен поклониться своему месту — причем поклон этот обращен и к местам его соседей, — после чего он поворачивается кругом, по часовой стрелке, и кланяется ученику, сидящему на противоположной стороне тана. Затем правой рукой он слегка откидывает левый рукав своего *коромо*, левой рукой — правый рукав; обеими руками приподнимает передний подол *кэса* и, придерживая его левой рукой, держа ноги вместе, садится на край тана и снимает сандалии. Опираясь на тан правой рукой, ученик поднимает на него сначала левую ногу, затем правую и всем телом отодвигается назад от края так, чтобы не сидеть на той части тана, которая служит столом. Он садится прямо и кладет левую ногу на правое бедро. *Кэса* расправляется на коленях так, чтобы исподние одежды были полностью закрыты. Не подобает, чтобы одежда свешивалась с края тана; между учеником и краем должно оставаться место для чаш с едой. Это место считается чистым по трем причинам, которые называют еще *тремя чистотами*: 1) на это место кладется *кэса*, 2) на это место ставятся чаши, 3) в эту сторону направлены головы во время сна.

Управляющий, наставник практики, повар, главный эконом и помощники настоятеля сидят справа от *гайтана*; слева сидят мастер по приему гостей, смотритель мыльных, старший лекарь, библиотекарь, начальник работ, учитель.

После третьего удара по деревянной рыбе [мокугэ] запрещается входить в зал — все уже должны быть на своих местах. Тогда несколько раз бьют в *умпан*, висящий рядом с кухней, сообщая ученикам, что пора встать, взять чаши, находящиеся над сиденьями, и поставить их на чистое место перед сиденьем. Это делается всеми одновременно: все тихо встают, поворачиваются направо, почтительно кланяются имени, написанному над их сиденьями, совершают *гассэ*, двумя руками берут чаши, стараясь держать их не слишком высоко и не слишком низко, поворачиваются налево, держа чаши у груди, садятся и ставят чаши слева от себя. Совершая все это, стараются не беспокоить соседей, не толкнуть их, не задеть их лица или обритые головы подолом священной *кэса* при слишком поспешном повороте.

Затем старший ученик, прислуживающий статуе Манджушри, предлагает ей вареный рис, совершая *гассэ*; его сопровождает ученик-официант, несущий чан с рисом. Старший кланяется статуе, снимает покров с деревянного молотка, находящегося позади статуи, возвращается на свое место перед лицом статуи, сохраняя все время руки в положении *гассэ*, кланяется вновь, поворачивается направо и покидает зал, проходя мимо тана служителей левой половины храма. Он возвращается на свое место.

После трех ударов в барабан семь раз звонит колокол, находящийся перед залом медитации. Входит настоятель, все ученики приветствуют его вставанием. Настоятель кланяется Манджушри, ученикам, садится на свое место. Ученики также садятся. Теперь, когда все расселись по местам, прислуживающий настоятелю священник, следовавший за ним до входа в зал, кланяется, входит, ставит перед настоятелем стол, вновь кланяется и выходит из зала. На стол ставятся чашки настоятеля. Ученики, держась совершенно прямо, ставят перед собой свои чашки. Входит наставник практики. Он кланяется Манджушри, возжигает благовония, вновь кла-

няется и идет к молотку, руки его все время сложены в *гассэ*. После одного удара молотком по деревянной доске ученики разворачивают покрывающие чаши салфетки.

Дабы расставить чаши, необходимо сложить руки в *гассэ*, затем развязать узел на покрытии чаш. Полотенце для чаш свертывается так, чтобы оно не занимало слишком много места: дважды поперек и трижды в длину; после этого его кладут прямо перед коленями вместе с мешочком, в котором лежат палочки для еды. Колени покрывают чистой салфеткой, под которую убирают полотенце и мешочек. Затем разворачивают покрытие так, что дальний конец ниспадает с края тана; остальные же три угла подворачивают, чтобы образовалась подстилка для чаш. Лакированную бумагу для покрытия стола берут двумя руками: нижний край — правой, верхний край — левой; ее разворачивают, словно хотят накрыть ею чаши. Затем, держа ее правой рукой, левой берут чаши и ставят их в середине левого угла бумаги, после чего вынимают их по очереди из большей и расставляют по порядку, начиная с меньшей. Вынимают их друг из друга при помощи больших пальцев рук, чтобы избежать постукивания чашек друг о друга. Для небольшой трапезы достаточно трех чаш. Из мешочка достают палочки для еды, затем ложку; по окончании еды их складывают в мешочек в обратном порядке. Щетка для мытья чаш остается пока в мешочке. Палочки и ложку кладут перед чашами ручками вправо. Затем достают из мешочка щетку для мытья чаш и кладут ее между чашей для супа и чашей для солений, ручкой к краю тана. Теперь ученики ждут предложения риса ушедшим душам. Пустой мешочек для палочек складывают втрое и убирают под салфетку на краю бумаги (лежащей поверх полотенца для чаш).

В том случае, если пища принесена храму в дар жертвователем, он сам входит в зал вслед за старшим лекарем, несущим курильницу для благовоний. Покуриив благовониями перед Манджушри, лекарь обводит жерт-

за статуи Манджушри, кланяется старшему ученику и просит его поблагодарить за дар. Следящий за дисциплиной один раз бьет по доске, и старший ученик громко читает благодарственные строки:

Два вида милостыни есть — материальная и духовная;
Заслуги их бесконечны;
Теперь, свершаясь в этом акте милосердия,
Радость несут и свершившему их, и другим.

Рис подают осторожно, без спешки, дабы участники трапезы не впали в замешательство. Но не следует подавать его и чересчур медленно — это может быть утомительно для ожидающих. Подается рис теми учениками, которые исполняют обязанности официантов; никто из сидящих на тане не имеет право обслужить себя сам. В первую очередь подают старшему ученику, в последнюю очередь — настоятелю. Во время раздачи еды суп и каша не должны попасть на руки или на края чашек. Сидящие на тане держат ложку в правой руке, ручкой в направлении раздающего. Желая показать, что еды достаточно, следует два-три раза слегка качнуть ручкой ложки и поклониться. Количество каши полностью определяется этим. Когда суповая или другая чашка стоит на тане, свободная рука не свисает безвольно, но сохраняет положение «однорукого» гассё. Получая еду, ученикам не подобает чихать или кашлять. Если нет сил удержаться, следует повернуться спиной к другим. Когда бы ни несли вы короб с рисом, не отступайте от заповедей Будды.

Рис или кашу принимайте почтительно — таковы были наставления Будды, о которых нам надлежит всегда помнить. Принимая еду, держите чашу прямо, подерживая ее снизу двумя руками. В чашу кладут ровно столько каши или риса, сколько необходимо, — совершенно недопустимо оставлять что-нибудь несъеденным. Поэтому, своевременно подняв два пальца руки, давайте знать раздающим, что положено достаточно риса. Получив пищу, не набрасывайтесь на нее с жадностью,

вырывая у раздающего ложку или палочки. Не следует также одалживать палочки или ложку официанту, чтобы он с их помощью положил еду в вашу чашу. Один из патриархов сказал, что принимать еду можно лишь в надлежащем умонастроении, держа свою чашу в горизонтальном положении. Наполняются и суповая чаша, и чаша для риса; есть следует в должной последовательности. Во время еды колени должны быть опущены. Если, паче чаяния, раздающий ученик поспешит и хотя бы одно зерно риса или капля супа упадут мимо чашки, он должен начать все сначала. Нельзя поднимать свои чаши или приступать к еде, прежде чем следящий за дисциплиной ударит в деревянный гонг, возвещая, что все наделены едой и трапеза может начаться. Заслышав этот звук, ученики складывают руки в гассё, кланяются чашам с едой и читают «Строфы о пяти мыслях»:

Во-первых, мы разделим достоинства этой пищи с
Тремя Драгоценностями Дхармы;

Во-вторых, мы разделим их с четырьмя благодетелями: Буддой, правителем, родителями и всем народом;

В-третьих, мы разделим их с обитателями шести миров;

Со всеми ими мы разделим нашу пищу и всем им предлагаем ее;

Первый кусок — для отсечения зла;

Второй кусок — для совершенной практики;

Третий кусок — для помощи всем существам;

Молитва наша — о всеобщем просветлении.

Обдумаем глубоко пути, приведшие к нам эту пищу;

Обдумаем то благо, которое дарует она нам, ее вкушающим;

Оградим себя от заблуждения, изгнав из умов наших алчность.

Мы вкусим этой пищи, дабы нас не постигло истощение, и мы не умерли.

Мы принимаем эту пищу, дабы достичь просветления.

Подношение риса душам умерших не может быть сделано прежде прочтения этих строф. Совершая это подношение, нужно положить семь зерен риса на ручку щетки для мытья чашек или на край лакированной бумаги. Подношение всегда делается при помощи большого и среднего пальцев правой руки. Если подаются рисовые колобки, лапша или греча, тогда берется небольшой комочек, размером с маленькую монету, и кладется так, как описано выше. Когда же вся трапеза состоит из каши, предложение не делается вовсе; хотя в прежние времена даже эти случаи не допускали исключений, но ни ложка, ни палочки не использовались при этом. Совершив предложение, все ученики складывают руки в гассэ и хранят молчание.

Теперь перейдем к тому, как съесть свой завтрак. Кашу кладут в самую большую из чаш, которая затем ставится обратно на свою подставку. Спустя несколько секунд правой рукой берут вторую чашу, кладут ее в левую ладонь, слегка прихватывая подвернутым внутрь большим пальцем. Правой рукой берут ложку и перекладывают семь или восемь полных ложек каши из первой чаши во вторую, причем вторую чашу держат слева от первой. Затем вторую чашу подносят ко рту и едят кашу ложкой. Так, несколько раз повторяя эти действия, съедают всю кашу. Если каша остается в первой чаше, вторую ставят на стол, берут первую и съедают кашу. Затем первую чашу очищают при помощи щетки для мытья чашек и ставят обратно на подставку. Берут вторую чашу, доедают всю оставшуюся в ней кашу; почистив чашу щеткой, ждут, когда будет разноситься вода для мытья.

Теперь послушайте, как съесть обед. Первая чаша поднимается до уровня рта и в нее кладется рис; ее нельзя просто ставить на стол, но не годится и подносить ее к самому рту. Будда говорил, что пищу следует вкушать с почтением, пренебрежение же к ней недопустимо; когда всем видом своим мы выражаем пренебрежение, тогда

мы подобны детям или гуляющим женщинам. Верхняя часть чаши считается чистой, нижняя же — нечистой. Первую чашу придерживают снизу вторым и третьим пальцами, большим пальцем прихватывают ее за край. При этом четвертый и пятый пальцы должны быть отведены в сторону. Именно так следует держать чашу.

В далекой Индии Будда Шакьямуни и его ученики не пользовались ни палочками, ни ложками, просто скатывая рис в шарики правой рукой. И мы, современные буддисты, должны помнить об этом. Ведь так делали многие небожители, так делали цари-чакравартины, и так же поступали императоры, ибо это древний способ. Ложки использовали только больные монахи, все остальные ели при помощи рук. В Индии никогда не видели и не слышали о палочках для еды, которые употреблялись лишь в Китае и некоторых других странах. В дзэнских монастырях их используют просто в силу местных обычаев. Заповедям Будды должно следовать неизменно, обычай же есть руками давно ушел в прошлое. Нет учителей, которые поведали бы нам о древнем традиционном способе, и потому мы едим при помощи ложки, палочек и чаш.

Брать или переставлять чаши, ложки и палочки следует бесшумно; не нужно мешать рис ложкой. Просить дополнительной еды могут только больные; нельзя наполнять рисом лишние чаши. Не пристало заглядывать в чашу соседа или как-то иначе беспокоить его. Обед следует есть особенно тщательно; не нужно класть в рот большие комки риса, не следует также скатывать рис в шарики и закидывать их в рот. Если зернышко риса упало на стол, его нельзя подбирать и есть. Жуя рис, не следует причмокивать губами, также не принято жевать, когда ешь суп. Будда говорил, что языки не следует слишком высовывать и нельзя облизывать губы во время еды. На это стоит обратить внимание. Не размахивайте руками, не опирайтесь локтями о колени, не перемешивайте еду. Будда говорил, что нельзя подобно повару ме-

шать пищу так, чтобы она попадала на руки; нехорошо также есть с шумом. Не годится воздвигать из еды «могильные курганы», придавая своей чаше видимость переполненной; не следует поливать супом еду, смывая ее со стенок чашки. Не полагается смешивать в чашке разные виды еды. Нельзя также смешивать рис с остальной пищей и держать все это во рту, уподобляясь обезьянам.

Не ешьте слишком поспешно, но и не будьте чересчур медлительны в еде. Не очень-то вежливо быстро проглотить свою еду, чтобы потом сидеть, сложа руки, и смотреть, как едят другие. Прежде чем официант громко объявит о раздаче второй порции, не должно быть слышно ни стука передвигаемых чаш, ни звука проглатываемой слюны. Не оставляйте рис несъеденным, но не пристало и просить добавки. Не чешите голову во время трапезы — перхоть может упасть в еду, кроме того, пачкаются руки. Не нужно трястись или раскачиваться, поднимать колени или держаться за них руками, зевать или громко сморкаться. Если ученик не в силах справиться с позывом чихнуть, пусть осторожно прикроет нос рукой; застряла между зубов еда — ее следует удалить одной рукой, аккуратно прикрывшись другой. Семечки от фруктов и другой сор кладите в неприметное место, чтобы неприглядным их видом не обидеть окружающих, — лучше всего на бумагу под прикрытием чашки. Если кто-то пытается угостить соседа остатками своей пищи или лепешкой — такого рода угощение не следует принимать. Даже в жаркое летнее время ученик, подающий еду, не должен пользоваться в зале для медитации веером, ведь в это же время его соседи могут страдать от холода. Тот, кто чувствует приближение простуды, должен сообщить следящему за дисциплиной о недомогании и перенести свою трапезу в другое место. Желая спросить о чем-то, ученик может сделать это, но тихо. Если к концу общей трапезы в чашке остается еда, ее следует завернуть в полотенце. Не

пристало ученику широко открывать рот или поглощать рис большими ложками; нельзя пересыпать рис в первую чашку или пачкать ложку. Будда говорил, что нельзя сидеть с открытым ртом, ожидая еды; порицал он и говорящих с полным ртом. Он также говорил, что ученики не должны выпрашивать себе дополнительные порции еды, прибегая к хитростям, — покрывая рисом еду в своих чашах или, наоборот, пряча рис под другой едой. На этот совет следует обратить особое внимание. Будда также осуждал причмокивание языком во время еды, облизывание губ, попытки остудить пищу, дую на нее. После завтрака все чашки должны быть тщательно очищены при помощи щетки для мытья. Каждую горсть риса следует разделить ложкой на три части и есть понемногу. Будда говорил, что рисовые шарики не должны быть слишком большими или слишком маленькими.

Во время еды в рот следует брать всю ложку, чтобы пищу не просыпать. Старайтесь не ронять рис или другую пищу на салфетку. Если на салфетку все же упала еда, отдайте ее ученику-официанту. Если в чашу с рисом попали неочищенные зерна, их следует очистить и съесть. Ни в коем случае их нельзя выбрасывать прочь или проглатывать неочищенными.

В сочинении «Три тысячи правил» сказано, что, найдя в еде нечто неприятное, не следует это есть, но нельзя и сообщать о найденном соседу по столу; также нельзя выплевывать неприятную пищу. Оставшийся в чашке рис не оставляйте до прихода старшего, но отдайте его подающему. Окончив трапезу, ученики должны довольствоваться съеденным и не требовать большего. С рациональной и практической точки зрения, ни одно зернышко риса не должно пропасть даром во время еды. Вселенная полностью тождественна пище, вкушаемой нами. Не стучите по чашам ложками или палочками — это создает лишний шум и повреждает гладкую поверхность чаш. Чаши с поврежденной, неровной поверхностью непригодны для использования, ведь они быст-

ро загрязняются. Когда пьете, старайтесь делать это бесшумно; не выплевывайте воду в чашу или другую посуду. Не вытирайте лицо и руки салфеткой.

Прежде чем приступить к мытью чаш, аккуратно подверните рукава так, чтобы они ничего не касались; затем в первую чашу налейте холодную или теплую воду. Приготовив воду, щеткой для мытья тщательно вымойте чашу, осторожно поворачивая ее по часовой стрелке. Использованную воду перелейте во вторую чашу; первую же ополосните как изнутри, так и снаружи, вновь прибегнув к помощи щетки для мытья, — левой рукой поворачивая чашу, в правой держа щетку. Затем, держа чашку в левой руке, правой разверните полотенце и разложите его словно для покрытия чашки. После этого двумя руками возьмите чашку и вытрите ее развернутым полотенцем, поворачивая слева направо. Покончив с вытиранием, следует положить полотенце в чашку так, чтобы его не было видно снаружи, чашку же поставить на подставку. Теперь во второй чашке моются ложка и палочки, их также вытирают полотенцем. Во время этого последнего действия полотенце остается в первой чашке, по-прежнему скрытое от глаз соседей, — используется лишь его краешек. Когда ложка и палочки вытерты, их следует положить в мешочек, который затем кладут перед второй чашкой. После этого вторую чашку моют в третьей, держа ее и щетку для мытья в левой руке. Третью чашку берут правой рукой и ставят на место второй; переливают воду из второй в третью так же, как и прежде. Третью и четвертую чашки моют в той же последовательности, что и первую. В первой чашке не моют ни ложку, ни палочки, ни другие чашки. Прежде всего моется и вытирается первая чаша, затем следуют палочки, ложка и остальные чаши. Все чаши вкладываются в первую по очереди, после чего вытирают щетку для мытья чашек и убирают ее в мешочек. Салфетку не убирают, пока не выльют грязную воду, — ее ни в коем случае нельзя выливать на пол. Будда говорил, что остатки

еды не должны попадать в воду для мытья, и к этим словам следует отнестись с особым вниманием. Когда вносят чан для грязной воды, ученики должны совершить гассэ и вылить в него использованную воду, стараясь не замочить рукава своей одежды. В этой воде не моют пальцы и ее не выливают в грязное место. Вторую, третью и четвертую чаши складывают в первую только при помощи больших пальцев рук в порядке, обратном тому, в каком их расставляли перед началом трапезы.

После этого левой рукой берут первую чашку и ставят ее в середину салфетки для заворачивания чашек. Из-под нее правой рукой вытаскивают покрывающую стол лакированную бумагу. Эта бумага затем сворачивается двумя руками и кладется поверх первой чаши. Чаши накрывают покровом, — ближайший край его кладут на чаши, дальний заворачивают к себе. Салфетку сворачивают и кладут на крышку, мешочек с палочками кладут на салфетку. Раньше щетку для мытья клали на салфетку, теперь ее убирают в мешочек. На мешочек укладывают полотенце и два свободных конца покрова для чашек связывают узлом. Оба конца этого узла должны быть справа, указывая направление вокруг чашек, облегчая распаковывание. После того как чаши завернуты, ученики совершают гассэ и сидят тихо и спокойно. Прислуживающий статуе Манджушри бьет один раз по доске, оповещая всех о завершении трапезы и о том, что все могут покинуть зал для медитации.

Ученик, сидящий на *гайтане* слева от помощника настоятеля, поднимается со своего места, кланяется статуе Манджушри, кланяется деревянному гонгу, подойдя к нему с западной стороны, с юга от чаши с благовониями, складывает руки в гассэ и ждет, пока настоятель и все ученики не закончат заворачивать свои чаши. Когда же все управятся с этим делом, он бьет по доске, накидывает покров на молоток, совершает гассэ и вновь кланяется доске. Следящий за дисциплиной возглашает:

Небу бескрайнему подобна вселенная,
Лотосу, цветущему над мутной водой;
Чист ум ученика и миру запределен,
В тебе обретаем прибежище, о Будда святой!

Настоятель Эйсай завещал нам этот традиционный способ завершения трапезы, и мы неизменно придерживаемся его.

Затем настоятель покидает зал. Когда он поднимается со своего места, ученик, прислуживающий Манджушри, должен немедленно покинуть свое место возле доски и спрятаться за пологом статуи, дабы настоятель не увидел его.

Ученики встают и ставят чаши на свои места над сидениями. Поднимаясь со своих мест, ученики держат чаши обеими руками, поворачиваются через правое плечо и правой рукой вешают чашки на крючок над своим местом, придерживая их левой рукой. После этого все ученики совершают гассё, подходят к краю тана, не спеша спускаются, надевают свои сандалии и кланяются друг другу. Когда в зале для медитации пьют чай, то все происходит так же: так же садятся на тан, так же спокойно сходят с него — эти правила неизменны.

Подушки убираются под тан, и ученики покидают зал. Когда настоятель выходит из зала, три удара колокола возвещают окончание утреннего дзадзэн. Если же дзадзэн должен быть продолжен, колокол молчит. Однако если жертвователю попросит учеников собраться в зале для медитации, они должны сделать это независимо от колокола, после чего колокол звонит еще раз, сообщая об окончании утреннего дзадзэн. По окончании послеполуночного чаепития, когда настоятель кланяется Манджушри и выходит из зала, колокол также звонит трижды, сообщая ученикам о том, что пришло время сойти с тана и покинуть зал. Они выходят из зала в том же порядке, в каком входили. Ходить в зале можно только согласно методу *кинхин* — полшага на каждый вдох, как и в периоды *кинхин* во время дзадзэн.

БЭНДОХО

(Как практиковать буддизм)

Будды и патриархи смогли постичь и обрести Путь буддийской практики только через его проявленность в Дхарме. И вот, садясь или ложась для отдыха, все ученики должны действовать точно так же; все, что делается ими, пусть делается единообразно, одним, установленным для всех, способом. В течение всей своей жизни они должны сохранять чистоту и не покидать своих монастырей; они должны сохранять ясным сознание бесмысленности любых своевольных действий, направленных против их собратьев-учеников, ведь поступки такого рода идут вразрез с поведением истинных последователей дзэн. Распорядок повседневной жизни — сердце буддизма. Тогда только освобождаемся мы от ввергающих нас в заблуждение тела и сознания, когда являем сердце буддизма, надлежащим образом упорядочив свою повседневную жизнь. Упорядоченная, подчиненная дисциплине жизнь ученика дзэн воплощает чистые и непорочные от начала времен просветление и практику. В этом — первое явление коана. Тем, кто следует этим путем, нет нужды стараться постичь просветление.

Вечерний дзадзэн начинается с первым звуком вечернего колокола. Ученики надевают кэса и идут к своим местам в зале для медитации. Настоятель совершает вечерний дзадзэн, сидя на своем месте лицом к статуе Манджушри. Старший ученик сидит лицом к краю тана. Остальные ученики практикуют дзадзэн лицом к стене. Помощник настоятеля (или другой прислуживающий

ученик) сидит на скамье за ширмой, стоящей позади стула настоятеля так, чтобы он мог прислуживать настоятелю.

Настоятель входит через правую сторону центральной двери зала для медитации, подходит к статуе Манджушри, совершает поклон перед ней, воскуривает благовония, вновь кланяется, обходит зал медитации вокруг, совершая *кэнтан* (руки его при этом сложены в гассё), возвращается к Манджушри и опять кланяется. После этого настоятель идет к своему месту, кланяется, поворачивается по часовой стрелке так, чтобы встать лицом к Манджушри, опять кланяется, садится и аккуратно подбирает рукава своей рясы; затем снимает сандалии, покрывает ноги подолом рясы, садясь в позу *парьянка*. Помощник или прислуживающий ученик не совершают *кэнтан* вместе с настоятелем, ожидая слева от центрального входа. После того как настоятель занимает свое место, прислуживающий ему ученик направляется к своему, за спиной настоятеля; прежде чем сесть, он также кланяется Манджушри. Помощник настоятеля всегда имеет при себе ящик с благовониями. Если настоятель намерен отдохнуть в зале для медитации, его постель должна быть приготовлена слева от старшего ученика. Пробудившись, настоятель тут же возвращается на свое место и возобновляет дзадзэн. Во время утреннего дзадзэн ученики не надевают кэса; кэса настоятеля висит на его стуле.

По завершении вечернего дзадзэн раздаются барабанный бой и колокольный звон, извещая всех о времени — часе и минутах, — определенном настоятелем для утренней медитации. Трижды бьют в *хан*.

С последним звуком ученики складывают руки в гассё, снимают и сворачивают кэса, укладывают их в сундучки, которые ставят на свои шкафы. Настоятель не снимает кэса. Он встает со своего стула, кланяется Манджушри и выходит из зала через правую сторону центрального входа. Помощник и прислуживающий

ученик ждут его перед дверью зала для медитации. Если настоятель засыпает в зале, один или двое из прислуживающих ему остаются сидеть на скамье за его стулом, некоторые же из пяти его помощников спят на гайтане слева от прислуживающего статуе Манджушри, где обычно располагаются начинающие ученики. Всем ученикам надлежит практиковать дзадзэн, пока настоятель остается в зале. Как только он покидает зал, они тихо раскладывают свои постели, укладывают подушки и ложатся спать. Никому не дозволяется продолжать дзадзэн самостоятельно или бодрствовать, наблюдая за сном остальных. Также запрещается без разрешения, повинувшись лишь собственному желанию, оставить зал и отправиться в туалет. О надлежащем поведении в зале для медитации в сочинении «Три тысячи правил» сказано, что существует пять правил для сна: 1) голова должна быть направлена в сторону статуи Будды, 2) никто не должен смотреть на Будду лежа, 3) нельзя раскидывать ноги в стороны, 4) ученикам не следует спать лицом к стене или лежать лицом вниз, 5) колени не должны быть подняты.

Спать следует только на правом боку, головой к краю тана, в направлении статуи Манджушри. Запрещено ложиться на живот или спину, нельзя спать с поднятыми коленями или скрещенными ногами. Нельзя также раскидывать ноги в стороны, стаскивать с себя одеяло; тело ни в коем случае не должно быть открыто во сне, как это принято среди неверующих. Когда бы мы ни ложились, пусть наш ум будет исполнен такого же яркого света, какой излучают небесные существа.

Обычно в три часа утра раздаются три удара в хан, висящий напротив комнаты старшего ученика; однако точный час пробуждения определяется настоятелем. Ученики поднимаются в полной тишине, без шума и суеты. Никому не позволено оставаться в постели, когда все встали, — это невежливо по отношению к остальным. Каждый ученик кладет подушку возле своего

шкафа, стараясь делать все это тихо, не побеспокоив соседей. Затем все остаются сидеть на своих местах на подушках для дзадзэн, укрытые одеялами. Глаза открыты во избежание дремоты. Ученики изо всех сил борются со сном, вновь и вновь открывая глаза, пока утренний ветерок не откроет их окончательно. До чего же далеки они пока от понимания пути будд, а время мчится подобно пущенной из лука стреле. Если дремота все же одолевает, не нужно встряхиваться, резко выпрямляться, зевать, вздыхать — таким образом, как-либо беспокоить своих соседей; уважение к другим должно неизменно предшествовать всем соображениям и действиям, определяя их. Никому не позволено словом или действием выражать пренебрежение к другим. Не пристало также натягивать на голову одеяло. Если же сонливость становится совершенно неодолимой, скиньте одеяло и продолжите медитацию в легком одеянии.

Для мытья рук и лица лучше всего улучшить время, когда предназначенное для этого помещение — оно находится за залом медитации — не переполнено народом. Длинное, сложенное вдвое, полотенце перекидывают через левую руку так, чтобы оба его конца свешивались внутрь. Ученики встают, сходят с тана и выходят из зала для медитации через боковую дверь, свернув закрывающую ее снаружи бамбуковую ширму и стараясь делать все это бесшумно. Сидящие справа от Манджушри покидают зал, держась правой стороны от выхода; проходя через дверь, они ступают с правой ноги. Те же, кто сидит слева, ступают с левой ноги и держатся при выходе левой стороны. Не подобает шаркать сандалиями при ходьбе, ступать следует спокойно, без суеты. По пути в помывочную комнату ученики не заговаривают со встречными, не распевают и священных текстов, даже когда никого нет поблизости. Руки при ходьбе не должны свисать безвольно, их следует держать сложенными. В помывочной ученики не должны толкать соседей локтями,

ожидавая своей очереди, но ждать тихо. Заняв место для мытья, можно начинать мыться.

Чтобы правильно вымыть лицо, следует повесить полотенце на шею так, чтобы концы его свешивались на грудь. Концы потом отводят под мышки, перекрещивают на спине и вновь выводят на грудь, где аккуратно связывают. Это все равно, что рукава заткнуть за кушак, подвязанный под мышками. Воротник и рукава откидывают назад, дабы не намочить.

Затем ученик берет палочку для чистки зубов, совершает гассё со словами:

Я беру зубную щетку ради блага всех существ;
Да постигнут они истину немедля и обретут
истинную чистоту.

Почистив зубы, ученик произносит:

Зубы наши очищены в это утро ради блага
всех существ;

Они властвуют над жалом заблуждений, так сокрушим же заблуждение, как сокрушаем во рту эту палочку для зубов.

Будда говорил, что не следует засовывать зубную палочку в рот более чем на одну треть, — во всем, что касается очищения зубов и очищения языка, мы должны строго следовать учению Будды. Не проводите палочкой по языку более трех раз, если же язык кровоточит, лучше перестаньте скоблить его. В старинных предписаниях для учеников сказано, что жевание палочки, полоскание рта и скобление языка — все это эффективные способы очищения рта. В присутствии других рот следует прикрывать при очищении так, чтобы не оскорбить ничьего взора неприглядным зрелищем. Прочищать нос и сплевывать слюну также нужно тактично. В эпоху Великой Сун в большинстве храмов не было помывочной комнаты позади зала для медитации, но в наше время она расположена именно там.

Таз для мытья находится возле водогрея. Подогретую воду наливают в таз и несут к месту мытья, там ее аккуратно зачерпывают руками и тщательно ополаскивают лицо. Глаза, ноздри, уши и рот должны быть очищены так, чтобы они, согласно заповедям Будды, могли статьместилищем чистейшей непорочности. Ученики не должны безоглядно расходовать горячую воду. Воду, которой полоскался рот, нельзя выплевывать в таз, ее следует сплюнуть в другое место. Лицо моют наклонившись или нагнув голову. Нельзя во время мытья стоять прямо — так можно обрызгать своих соседей и их тазы. Всю грязь, жир, пот следует тщательно смыть с лица пригоршнями воды. После этого развязывают правой рукой узел на полотенце и вытирают лицо. Однако, если в помывочной имеется общее полотенце, следует воспользоваться им. Не беспокойте окружающих громким плесканием в тазу или отхаркиванием. Согласно старинным предписаниям, мытье лица в четыре утра — необходимая часть буддийской практики. В предписаниях сказано также о том, что недопустимо для учеников сплевывать неосторожно слюну или воду, беспокоить других, грохоча своим тазом.

После этого ученики возвращаются в зал для медитации в том же порядке, в каком покидали его. Возвратившись на свои места, они возобновляют дзадзэн, при желании укрываясь одеялом; кэса в это время суток не надевается. Ученики сменяют ночные одежды на дневные, не покидая своих мест. Для этого они накидывают на голову дневную рясу, осторожно развязывают ночную рясу, высвобождают руки из рукавов и дают одежду соскользнуть с плеч так, чтобы она упала к коленям. Затем дневное платье завязывается, ночное же берется за рукава и аккуратно складывается, после чего убирается в шкаф. Такова же процедура вечернего переодевания в ночное платье. Строжайше воспрещено обнажение на тане; ученики не должны складывать свои одежды стоя. Они не должны также чесать головы или читать

молитвы, выказывая таким образом пренебрежение к другим ученикам; нехорошо разговаривать с соседями, сидеть или стоять согнувшись. Ученики не должны ползти по тану, поднимаясь или спускаясь с него. Последнее следует делать осторожно, не слишком шурша одеждой, волочащейся по тану подолом или рукавами. В четыре часа раздается удар в хан перед комнатой старшего ученика. Ни один ученик не должен входить через центральный вход после того, как настоятель или старший ученик заняли свои места. Постели не убираются в шкафы, прежде чем в кухне прозвучит умпан и различные хан перед различными зданиями храма возвестят об окончании утреннего дзадзэн. При этом звуке постели и подушки убираются, поднимается занавес; ученики облачаются в кэса и поворачиваются лицом друг к другу. Ученик, прислуживающий смотрителю лазарета, складывает бамбуковые ширмы, закрывающие передние и задние двери зала для медитации, воскуривает благовония и зажигает лампаду перед статуей Манджушри.

Чтобы сложить одеяло, необходимо взять два конца его и соединить их, сложив одеяло в длину сначала в два и потом в четыре раза; затем его складывают четверо поперек, сложив, таким образом, всего в шестнадцать раз, после чего убирают в шкаф, уложив подушку внутрь свертка, краями обращенного к дверце шкафа. Ученики совершают гассё, берут ящики с кэса, кладут поверх постели; открывают их, вновь совершая гассё; затем опускают вниз две стороны ящика так, чтобы они прикрыли свертки с постелью с правой и левой стороны, но не спереди и сзади. После этого все совершают гассё, возлагают кэса на головы, руки снова складывают в гассё и читают:

Как удивительны, как велики просветления одеянья:
Они бесформенны, и все же объемлют собой
все драгоценности;

Учение Будды я стремлюсь раскрыть,
Силы снискать для помощи всем существам.

Ученики разворачивают кэса и облачаются в них, поворачиваясь затем лицом друг к другу. Сворачивая постель, все стараются не задеть сидение соседа. Ученикам пристало благоразумное поведение, не допускающее грубости и шумливости, и тогда Закон неизменно пребывает с ними. Каждым своим действием ученик выказывает уважение к окружающим, никогда не позволяя себе обидеть, задеть своих собратьев по обучению. При звуках колокола, извещающих об окончании утреннего дзадзэн, никому в зале не дозволено вновь разобрать постель и улечься. После завтрака все ученики возвращаются в ученический зал, пьют чай, теплую воду или просто спокойно сидят на своих местах.

Над дверями зала для медитации, как и над дверями зала для учеников, комнаты старшего ученика, у дверей комнаты настоятеля и у входа в лазарет вывешивают табличку с надписью «дзадзэн». Старший ученик и все другие ученики надевают свои кэса, входят в зал для медитации и идут к своим местам; все, кроме старшего ученика, медитируют лицом к стене, включая и тех, кто живет в западной части монастыря. Как и прежде, настоятель сидит на своем стуле лицом к статуе Манджушри. Ученику не подобает вертеть головой, наблюдая за тем, как другие входят и выходят из зала, или по какой-либо другой причине.

Собираясь выйти из зала, чтобы посетить туалет, ученик, прежде чем сойти со своего места, должен снять кэса и положить ее поверх сложенной постели. Затем он поворачивается лицом к краю тана, спускает с него ноги и надевает сандалии. Сходя с тана, руки держат сложенными в гассё. При входе или выходе из зала для медитации глаза должны быть опущены — ученик не должен видеть спин своих товарищей. Во время ходьбы ноги и все тело двигаются в естественной гармонии, глаза же смотрят в пол примерно в восьми футах перед собой. Длина шага не превышает длины стопы идущего; идти следует медленно, бесшумно, так, чтобы идущий

казался как бы стоящим на одном месте. Не подобает волочить ноги, шаркая сандалиями, топая, шлепать ими; подобные звуки невежливы по отношению к окружающим, так как могут побеспокоить их. Идти следует со сложенными руками, чтобы рукава не свисали к ногам.

Кэса не сворачивают, стоя на танае, а сворачивая, никогда не берут концы в рот. Ее нельзя встряхивать, наступать на нее, прижимать подбородком к груди; нельзя брать ее мокрыми руками, вешать рядом со статуей Манджушри или на край тана. Садясь в кэса, ученик старается не сесть на нее, следит, чтобы край ее не попал ему под ноги. Надевают кэса только после совершения гассё. Гассё обязательно делается и перед тем, как убрать кэса в сундучок, — такова традиция, и отступать от нее не следует. Покидать свое место и выходить из зала в кэса строжайше запрещено. При ударе кухонного умпана все ученики одновременно делают гассё, ведь звук этот возвещает об окончании утреннего дзадзэн. Если это ранний дзадзэн, то, услышав звук умпана, ученики надевают свои кэса и выходят из зала, оставляя подушки на своих местах, поскольку их нельзя убирать до обеденного времени. Как только отзвонит колокол, сообщающий об окончании утреннего дзадзэн, смотритель лазарета посылает ученика убрать табличку «утренний дзадзэн» — она может висеть только в утреннее время. Об отмене вечернего дзадзэн предупреждает также соответствующая табличка, висящая до звона вечернего колокола. Надлежащее возвещение о дзадзэн утром — удар в хан, вечером — удар в колокол. При этих звуках ученики облачаются в кэса, входят в зал для медитации и, сев на свои места на танае, приступают к дзадзэн, повернувшись лицом к стене. Ранним утром и вечером в зал не входят одетыми в кэса; вечером, входя в зал, сложенные кэса несут на левой руке. Ученики направляются к своим местам, где достают подушки и приступают к дзадзэн; постели при этом не разложены, хотя старые правила и предписывали рас-

кладывать постель до половины перед вечерним дзадзэн. Кэса снимают с левой руки, складывают вчетверо и кладут поверх постели; после этого приступают к дзадзэн. Во время раннего утреннего дзадзэн кэса кладут на вершину шкафа; кэса не перекладывают с места на место по собственному желанию.

Практикуют дзадзэн, непременно сидя на подушках. Сидеть правильно — значит сидеть с полностью скрещенными ногами: правая стопа лежит на левом бедре, левая стопа — на правом бедре. Можно сидеть и в поллотосе, т. е. положив лишь правую стопу на левое бедро.

Кисть правой руки ладонью вверх лежит на левой ноге, левая кисть вложена в правую, большие пальцы обеих рук слегка касаются друг друга. Сидеть нужно совершенно прямо, так, чтобы голова находилась на одной прямой линии с позвоночником, тело не должно склоняться ни вправо, ни влево, ни назад, ни вперед. Уши находятся в одной плоскости с плечами, нос — на одной линии с пупком. Язык слегка касается вершины нёба, губы и зубы плотно сомкнуты. Глаза естественно приоткрыты, так, что веки не закрывают зрачков. Задняя часть шеи и спина составляют совершенно прямую линию. Медитирующий дышит спокойно, через нос, без шума и натуги. Дыхание не должно быть слишком редким или частым. Принимая это устойчивое положение сознания и тела, ученики должны выдохнуть до конца и семь-восемь раз качнуться всем телом справа налево. В мыслях следует избегать различения дурного и доброго, ибо понимание возможно лишь по выходе за пределы различающей мысли. Это жизненно важно для дзэн.

Желая сойти с тана, ученики встают и уходят спокойно, плавно, без спешки. Они не делают стремительных движений, руки их сложены; недопустимо болтать руками или позволить им безвольно свисать вдоль тела. Во время ходьбы ученику не пристало глазеть по сторонам; он смиренно смотрит под ноги, ступая легко и бесшумно. Все ученики должны выполнять положенные

им действия вовремя и регулярно. Такова практика буддизма.

Об отмене вечернего дзадзэн сообщается во время полуденного дзадзэн. Тогда после обеда ученики убирают свои подушки и выходят из зала для медитации; они отправляются в зал для учеников, чтобы там отдохнуть на своих местах. По прошествии примерно двух часов, т. е. около трех пополудни, ученики возвращаются в зал для медитации, достают свои подушки и вновь приступают к дзадзэн, по завершении которого уходят до обеда следующего дня. Старший ученик входит в зал для медитации, прежде чем объявят об отмене вечернего дзадзэн. Он входит через левую половину центральной двери. Иногда, перед тем как войти в зал, он трижды ударяет в хан, висящий перед его комнатой. Войдя в зал, старший ученик прежде всего воскуряет благовония перед статуей Манджушри и обходит зал, идя вдоль края тана, как при кэнтан. После этого ученик, прислуживающий смотрителю лазарета, обходит все помещения храма, сообщая всем, что старший ученик находится в зале для медитации. Если вечерний дзадзэн отменен, об этом сообщают три удара в хан, находящийся перед залом для учеников. Услышав эти звуки, ученики возвращаются в зал для медитации, надевают свои кэса и садятся на тан лицом друг к другу. Те, кто обычно сидят лицом к стене, облачаются в кэса и поворачиваются лицом к своим соседям. Ученик, прислуживающий смотрителю лазарета, вывешивает сообщение о том, что вечернего дзадзэн не будет согласно решению настоятеля. Затем он сворачивает бамбуковую ширму, вновь входит в зал, кланяется перед статуей Манджушри и идет к старшему ученику, которому кланяется, совершая гассё. Кланяясь, он негромко говорит, что настоятель освободил учеников от вечернего дзадзэн.

Старший ученик принимает это известие, молча совершая гассё; прислуживающий ученик идет к статуе Манджушри, кланяется, совершает гассё и громко воз-

глашает: «Отдых», — т. е. вечернего дзадзэн не будет. После этого он оставляет зал, чтобы трижды ударить в колокол, объявляя о решении настоятеля всем в храме. Ученики кланяются друг другу, совершая гассё так же, как и во время трапезы. Настоятель — если он присутствует в зале — кланяется своему сидению, кланяется Манджушри и выходит из зала. Ученики сходят с тана, кланяются друг другу, вновь всходят на тан, чтобы приготовить свои постели. После этого бамбуковая ширма опускается и все идут в зал для учеников. Там ученики также кланяются друг другу и садятся на свои места лицом друг к другу. Желаящие могут поужинать.

Старший ученик садится на свое место, а старший по залу священник воскуряет благовония; статуе Манджушри почтительно подносится горячая вода. Во время подношения благовоний все ученики сидят, сложив руки в гассё. Священник, совершающий это подношение, может держать свою кэса перекинутой через левую руку, если таковы указания настоятеля или обычай данного храма.

Священник, проводящий эту церемонию, кланяется Манджушри, правой рукой подносит благовония, совершает гассё, поворачивается направо (поскольку подношение благовоний происходит возле курильницы), возвращается к Манджушри, кланяется, делая гассё, кланяется в центре правой части зала, совершает гассё, поворачивается направо, идет к центру левой части зала; проходя перед Манджушри, кланяется, делает гассё, поворачивается направо, возвращается к Манджушри, кланяется, вновь делает гассё, совершает подношение чая или горячей воды, курит благовония, опять кланяется.

ГЯКУДОЁДЗИНСЮ (Важные стороны дзадзэн)

1. *Необходимость устремленности к Пути*

Многими именами нарекают устремленного к Пути, но все эти имена относятся к одному и тому же Уму. Нагярадзюна (Нагарджуна) сказал: «Совершенное постижение всеобщности изменения, возникновения и исчезновения — это прозрение в сердце вещей; Ум, владеющий этим знанием, и есть Ум, истинно устремленный к Пути». Если это так, то почему временно опирающееся на обычный человеческий ум называется Умом, устремленным к Пути? Тот, кто прозревает изменчивость вселенной, не прибегает к обыденному эгоистическому сознанию; то, что ищешь ради себя, не найдешь никогда.

Время летит как стрела, выпущенная из лука, и потому всю нашу силу мы должны вложить в практику, отдаваться которой нам следует с той же энергией, с какой мы тушили бы свои волосы, будь они охвачены огнем. С усилием Будды, поднимающего стопу, должны мы неусыпно бодрствовать, не давая телу поддаться столь присущей ему слабости. И пусть прельстительные и отвлекающие звуки, подобные зову *киннары* или голосу птицы калавинка, будут для нас лишь шепотом вечернего ветра; вид прекрасных куртизанок — росой, павшей на глаза. Однажды освобожденный от уз восприятия, от звука и цвета Ум, устремленный к Пути, пребывает в естественной гармонии с самим собой.

С древних времен были те, чьего слуха не достигали истины буддизма; другие не имели возможности читать и понимать священные тексты. Попав в ловушку, расставленную славой и стяжанием, большинство людей навсегда лишается жизни Будды — о такой судьбе можно лишь пожалеть и оплакать ее. Сколь бы усердно ни читали мы тексты, ни пытались обычным своим умом проникнуть в истину и передать другим открывшееся и оставшееся скрытым, — Умом, устремленным к Пути, мы не владем до тех пор, пока властны над нами жажда стяжания и славы.

Лишь Ум, устремленный к Пути, некоторые полагают истинно просветленным, ибо он совершенно свободен от славы и алчности. Другие говорят, что Ум, устремленный к Пути, охватывает три тысячи миров в едином мгновении мысли, рождаемой в его созерцании. Говорят также, что устремленный к Пути Ум учит о невозникновении заблуждения, что он входит сразу и непосредственно в мир будд. Никто из говорящих и думающих так не знает Ума, устремленного к Пути, и потому они, далекие от истины будд, ложно истолковывают его. Размышляющему об уме эгоистическом, ограниченном своим «я», погруженном в дела славы и стяжания, становится совершенно ясно, что такой ум не в состоянии в едином мгновении мысли познать три тысячи миров, не свободен он и от заблуждений. Полностью погруженный в алчность и славу, такой ум не знает ничего, кроме заблуждения. Как можно сравнивать его с Умом, устремленным к Пути? Многие совершенномудрые, устремившись к пробуждению, прибегали к мирским способам, однако ум их не блуждал в дебрях привязанности к славе и стяжанию. Они были свободны даже от привязанности к Истине, не жаждали они и мира, каким его знает большинство людей.

Истинно устремленный к Пути Ум может быть всем из того, о чем говорилось выше, если только он ясно прозревает изменчивость вселенной, а также обладает

высшим пониманием возникающего и исчезающего. Ум этот совершенно отличен от ума обычного человека. Прекрасно практиковать созерцание невозникающего ума и появления трех тысяч миров уже после того, как вы обрели Ум, устремленный к Пути, — не следует лишь заниматься этим раньше времени.

Забудьте свое эгоистическое «я» хоть ненадолго; позвольте уму попребывать в своем естественном состоянии, ведь именно оно ближе всего Уму, устремленному к Пути. «Я» — основа шестидесяти двух частных мнений. Поэтому, когда вас переполняют собственные мнения, просто сядьте спокойно и наблюдайте за их возникновением. Каковы основания их внутри и вовне вас? Ваше тело, волосы и кожа достались вам от родителей. Однако семена, доставшиеся вам от родителей, пусты; они были пусты от начала времен и до конца пребудут такими. Здесь нет самости, нет «я»; ум, скованный различением, знание и двойственность мысли — вот что ослепляет нас. Так что же есть то, что вдыхает и выдыхает? И вдыхающий, и выдыхающий — ни один из них не есть «я»; и нет «я», к которому можно было бы прилепиться. Пребывающие в заблуждении прилепляются ко всем вещам, тогда как просветленные свободны от вещей и от привязанности к ним. Но мы по-прежнему смотрим на все сквозь лишенное реальности «я» и хватаемся за кажимость и явления этого мира, пренебрегая буддийской практикой. Нам не удастся высвободиться из пут этого мира, и вот мы отворачиваемся от истинного учения и устремляемся за ложным. Со всей возможной осторожностью следует избегать такого рода ошибок.

2. Практика необходима ради истины

Когда верный слуга дает совет, сила его зачастую велика; достаточно одного слова, изреченного буддой или патриархом, дабы все живые существа обратились к спа-

сению. Только мудрый царь прислушается к совету, только исключительный ученик воистину услышит слова Будды. Если сознание не в силах перескочить с одного берега на другой, то невозможно и освобождение от источника перерождений; когда не прислушиваются к совету преданного слуги, тогда правительство страны лишено добродетели и мудрости.

3. Постоянная практика пути необходима для реализации просветления

Большинство людей полагает, что обучение необходимо, ибо оно ведет к приобретению благосостояния. Но Будда учит, что практика несет с собой просветление. И если до сих пор мне не доводилось слышать, чтобы кто-либо достиг благосостояния без длительного обучения, то не слышал я и о том, кто достиг бы просветления без длительной практики. Безусловно, методы обучения различаются, как различны вера и понимание, внезапное и постепенное, но в любом случае просветление приходит только в результате практики. Существуют способы обучения поверхностные и глубокие, интересные и скучные, однако лишь ценой усиленного обучения добывается сокровище. Все, о чем здесь говорится, не зависит ни от способностей правителя, ни от простой удачи. Будь благосостояние доступно и неучу — кто стал бы толковать о способе обучения правителей истинному правлению? Так же и просветление: будь оно доступно без практики — учение будд не достигло бы совершенства. Пусть вы практикуете в мире заблуждений — это все тот же мир просветления. Коль скоро вы постигли, что все корабли и плоты — не более чем ушедший в прошлое сон, значит, в ваших силах навсегда освободиться от самостных мнений, приковывающих вас к священным текстам. Будды не вынуждают, свобода приходит как результат ваших личных усилий, с которыми вы про-

двигаетесь по Пути. Практикуя, вы призываете просветление. Ваше сокровище внутри вас, не вовне. Награда практики и просветления в них самих; просветленный действует, не оставляя следа. Оглядываясь на свое обучение просветленными глазами, вы не видите ни пылинки; искать же нечто подобное — то же самое, что пытаться разглядеть белое облако на расстоянии десяти тысяч миль. Ни единая пылинка не падет под стопу объявшего в своем существе практику и просветление, иначе сгинули бы и небо, и земля. Возвращаясь в наш истинный дом, мы превосходим состояние будды.

4. Практика должна быть бессамостной

Истина буддийской практики была унаследована нами от наших предшественников, и поэтому уму, ограниченному самостью, нет места в ней. Нельзя достигнуть Истины буддизма ни с помощью ума, ни без него. Следует помнить, что, если воля к практике и Путь будд не приведены в состояние взаимной гармонии, ни тело, ни сознание не вкусят мира; не зная мира, они терзаются в неустроенности.

Как привести Путь будд и практику к взаимной гармонии? Чтобы достичь этого, ум не должен ни принимать, ни отрицать; он должен быть совершенно свободен от оков славы и стяжания. Буддийская практика совершается не ради других. Многие последователи буддизма — как и большинство людей в наши дни — далеки от понимания Истинного Пути. Они делают то, что высоко оценивается другими, хоть и понимают всю ложность своих поступков; в то же время они не следуют Истинному Пути, потому что это презирается другими. И это большое несчастье. Такого рода поведение далеко от надлежащего действия Ума будд. Будды и патриархи, свободные от самости, освещали вселенную взглядом своих всепроникающих очей; наша обязанность —

поступать так же. Не совершая ничего ради самих себя, могут ли последователи буддизма стараться ради славы и стяжания? Практиковать буддизм должно лишь ради него самого. Побуждаемые глубоким состраданием ко всем живым существам, будды ничего не делают ради себя или других — все, ими совершаемое, совершается ради буддизма. Такова истинная традиция буддизма. Даже насекомые и животные пестуют своих детенышей, ради них претерпевая всяческие лишения, трудясь изо всех сил; когда же дети вырастают, родители не ждут от них никаких наград за свои усилия. Если и у таких маленьких существ столь сильна сила сострадания, может ли она быть меньше у будд? Но не только сострадание является выражением великих учений будд. В тысяче образов и видов являются они во вселенной, ибо таков истинный дух буддизма. Мы все — дети Будды, и поэтому нам не дано иного пути, кроме Пути буддизма. Став буддийским учеником, не думай, что практикуешь ради своих блага и славы, не должно также практиковать ради определенных целей или стремясь к обретению чудодейственных сил. Практикуй буддизм ради самого буддизма. Таков Истинный Путь.

5. Необходимо найти истинного учителя

Один патриарх минувших дней сказал как-то: «Когда неистинен устремленный ум — практика бесполезна». Это совершенно верно, и качество практики неизбежно зависит от качества учителя. Ученик подобен прекрасному куску дерева, и, как искусный плотник, учитель должен обработать его. Даже самое прекрасное дерево не обнаружит своего рисунка, если плотник плохо знает свое дело, в руках же знающего ремесленника и искривленный кусок дерева может принять прекрасную форму. Истина или ложь учителя находятся в прямой связи с истинностью или ложностью просветления уче-

ника — пойми это со всей ясностью и стань просветленным. Однако на протяжении столетий в этой стране не было хороших учителей. Откуда мы это знаем? Достаточно услышать их слова. Учителя подобны людям, судящим об источнике потока по пригоршне зачерпнутой из него воды. На протяжении веков эти учителя писали книги, обучали учеников, читали проповеди людям и богам, но слова их были подобны зеленым, незрелым плодам, ибо они так и не достигли вершины практики, не достигли единства с истинным просветлением. Учителя передавали своим ученикам одни лишь слова, без конца повторяемые имена, звуки. День за днем пересчитывали они сокровища других, не привнося ничего своего. Без сомнения, в этом ошибка учителей прошлого. Многие из них привили своим последователям ложное представление о том, что просветление следует искать где-то вне сознания; другие же учили, что следует стремиться к возрождению в иной земле. Именно здесь скрыт источник заблуждения и запутанности. Лекарство — если принимать его, не следуя предписаниям, — может лишь усугубить болезнь, неразумное принятие обратит его в яд. На протяжении столетий эта страна не знала хороших докторов, которые могли бы правильно прописывать лекарство, умели бы отличить лекарство от яда. Вот почему чрезвычайно трудно лечить страдания и недуги жизни. Возможно ли при таком положении вещей избежать страданий, обрушиваемых на нас сначала старостью, потом смертью? Учеников нельзя обвинять в этом — только учителей. Почему? Потому что учителя направляют других, заставляют их карабкаться по ветвям, давно отказавшись от попыток влезть на дерево по стволу. Не успев достичь верного и определенного понимания, они уже увлекают других на ложные пути, сосредоточившись на своих эгоистических мнениях. Воистину ужасно, что учителя столь слепы к своим заблуждениям. В этой ситуации в состоянии ли ученики различать истинное и ложное? Буддизм еще не глубоко пустил кор-

ни в почве нашей маленькой страны, и, наверное, именно поэтому подлинный учитель еще не родился. Если ты действительно стремишься познать подлинный буддизм, искать его лучше у учителей Китая, хотя путь туда и не близок. Глубоко обдумай истинную дорогу, пролегающую за пределами окутанного заблуждениями сознания!

Когда невозможно найти истинного учителя, лучше вообще не изучать буддизм. Неважно, молоды или стары те, кого считают хорошими учителями; они — просто люди, способные прояснить истинное учение и получить печать подлинного мастера. Ни учение, ни знание не играют роли, ведь отличают таких учителей прежде всего сила их исключительного влияния на других и мощь их собственной воли. Они не опираются на свои собственные мнения, ни к чему не привязаны, ничем не поглощены, потому что практика и понимание сплавлены в них в совершенное гармоническое единство. Таковы отличительные черты истинного учителя.

6. Необходимо сохранять сознание бодрствующим во время дзадзэн

Дзадзэн обладает величайшей важностью, а потому совершенно недопустимо пренебрегать им или относиться к нему легкомысленно. Величественные примеры даны нам древними учителями Китая, ради Истины отсекавшими себе руки и пальцы. Много столетий назад Будда оставил свой дом и родную страну, в чем мы также усматриваем верный признак подлинной практики. Однако в наши дни люди говорят, что нуждаются лишь в легкой практике, и это плохо. Подобный образ мыслей далек от истинного буддизма. Сосредоточься на одной-единственной вещи, посвети ей свою практику — и ты уже не сможешь забыть в отдыхе. Когда ум скован скукой, столь же скучным и лишенным жизни становится все вокруг. Я хорошо знаю, что ищущие легкого пути не

ищут Пути Истинного. Только пройдя через труднейшие практики, Шакьямуни создал учение, пребывающее в нашем мире по сей день; он — Великий Учитель, в нем находится исток. Коли так, возможно ли, чтобы идущие вслед за Шакьямуни достигли чего бы то ни было без усилий? Ум, устремленный к Пути, не ищет легкой практики, которая — стоит хотя бы однажды увлечься ею — вряд ли приведет тебя к истинной реализации; легкий путь не ведет к сокровищнице. Наиболее выдающиеся из патриархов прошлого говорили, что практика трудна, ибо глубок и неохватен буддизм. Великие мастера не сказали бы так о буддизме, будь его истина легкодоступна. В сравнении с патриархами древности люди наших дней не стоят и волоса с головы пастуха девяти коров. Даже напрягая все свои силы, полагая, что совершают наитруднейшее, они по своему слабосилию и недостатку знаний не приближаются и к легкой из практик, к самому простому знанию патриархов. Что же преподается ныне как легкое учение, что столь привлекательно для современного человека? Учение это не принадлежит ни миру, ни буддизму; его не сравнишь с учениями демонов или злых богов, с ересью или с учением двух «колесниц». Глубоко уходят корни заблуждений простых людей, которым мнится, будто они убегают от этого мира, в то время как они все больше запутываются в ловушке вечных перерождений. Нелегко сломать кости и раздробить мозг снаружи, но управлять сознанием еще труднее; более трудно пройти истинную практику, вынести длительные лишения; труднее же всего — привести в гармонию тело и сознание. В прежние времена многие подвергали себя практике, в которой сокрушали свои кости; если бы это имело значение, они неизбежно должны были достичь просветления, однако лишь горстка из них его достигла. Те, кто занимался аскезой, тоже должны были обрести просветление, но и в этом случае таких было немного. Причина этого лежит в почти непреодолимой для такого рода практик трудности

приведения в гармонию тела и души. Как бы то ни было, ни ясный ум, ни глубокие познания не имеют решающего значения, по сути, они так же бесполезны, как ум, воля, сознание, мысль и тело. Чтобы войти в поток буддизма, необходимо просто привести в гармонию тело и ум. Шакьямуни говорил о необходимости обратить внутрь себя поток сострадания, об отречении как от знания, так и от признания важности последнего. Именно здесь скрыта полнота смысла всего сказанного выше: истинная гармония — в отсутствии превосходства движения над покоем, и наоборот. Будь буддизм постижим на путях учености силами изоциренного интеллекта, Дзинсю Дзэйдза постиг бы его. Если бы низкое рождение препятствовало проникновению в истину буддизма, разве смог бы Дайкан Эно стать одним из мудрейших патриархов? Пути передачи буддизма пролегают в области, недостижимой для обычного интеллекта и разума. В самих себе ищите указаний, созерцайте себя, будьте неустанны в практике!

Дзэн не отдает предпочтения старым или молодым. Дзэсю приступил к практике, когда ему было больше шестидесяти, и это не помешало ему стать хорошим патриархом. Преподобная Тэйдзэ начала свой путь, когда ей было двенадцать лет, и стала одним из лучших священников своего монастыря. Только напряженность приложенного усилия определяет глубину постижения буддизма, которая различается в зависимости от интенсивности практики. Пусть те, кто прежде все свое время отдавал изучению наук мирских или духовных, придут туда, где практикуется дзэн; и многие уже пришли. Бодхидхарма учил умного Эси, известного как Нангаку, а Дайкан Эно учил Ёка Гэнкаку. Чтобы истина прояснилась, чтобы встать на Путь, необходимо заниматься под руководством мастера дзэн. Не пытайтесь опустить учение мастера дзэн до уровня своего понимания! Стараясь понять мастера со своей точки зрения, основанной на порождаемых твоей самостью мнениях, вы ниче-

го не поймете. Прежде чем спрашивать мастера об Истине, необходимо очистить ум и тело, успокоить восприятие так, чтобы умиротворенными стали зрение и слух. Просто внимайте учению и не позволяйте своим мыслям загрязнять его. Ваше тело и ваш разум должны пребывать в совершенном единстве, как единая вода, которую переливают из одной чаши в другую. Придете к такому состоянию тела и ума — сможете соединиться с Истиной учения мастера.

В наши дни недалекие люди заучивают священные тексты, цепляются за слышанное когда-то, пытаются приравнять это к учению мастера. В итоге они снова и снова слышат свои же мнения или мнения других, которые никоим образом не могут быть приравнены к только что полученному ими учению. Некоторые, убежденные в верности собственных мнений, выучивают несколько отрывков из священных текстов и это свое «знание» называют буддизмом. Если учение вашего мастера дзэн находится в противоречии с вашими собственными мнениями, то, скорее всего, у вас хороший мастер дзэн. Плохой признак, когда с самого начала столкновения мнений нет и в помине. Люди, застрявшие в своих собственных мнениях, зачастую не знают, как от них избавиться, и потому не в состоянии употребить преподаваемое им учение. Они обречены долго страдать, погруженные в пучину заблуждений и достойные глубокого сожаления.

Предположения, различение, воображение, интеллект, человеческое понимание и тому подобные вещи не имеют ничего общего с буддизмом, коль скоро речь идет о практике дзэн. Слишком многие люди подобны детям: с самого рождения они, не переставая, забавляются, играют с такого рода вещами. Пробудитесь для буддизма прямо сейчас! Прежде всего избегайте предвзятых суждений и выбора — подумайте об этом хорошенько! Врата Истины известны только мастеру дзэн, ученый о них и не подозревает.

7. Необходимо практиковать дзадзэн, дабы обрести истинную свободу

Достоинства буддизма многих привлекают к нему; но пока был жив Шакьямуни, был лишь один учитель и одно учение: Шакьямуни один, без чьей-либо помощи, вел всех живых существ к совершенному пониманию. С тех пор как Маакасеё положил начало передаче истины, сменились двадцать восемь патриархов в Индии и шесть в Китае; патриархи пяти школ без перерыва передавали друг другу истину вплоть до сегодняшнего времени. Со времени периода Рёкай все, кто хоть чего-то стоил, — и священники, и те, в чьих жилах текла царская кровь, — приходили к дзэн-буддизму. Любить же нужно подлинно высокий буддизм, не прельщаясь тем, что лишь выдает себя за буддизм. Не очень-то хорошо любить дракона, как это делал Сэкко. В некоторых странах к востоку от Китая сеть учености, а не подлинный буддизм, перекинулась через горы и моря. Она простерта над горами, но сердце облаков не бьется в ней; она протянулась над морями, но сердце волн лишь разрушается ею; она — наслаждение глупцов — тех, кто хранит в сокровищнице рыбий глаз, считая его жемчужиной, играя и забавляясь с ним. Поступать так, все равно что хранить гальку из Гэн, думая, будто это алмаз. Многие подверглись разрушению, впад в обитель демонов.

В стране, изобилующей предрассудками, Истине трудно явить себя — встречные ветры преграждают ей путь. Хотя Китай и обрел прибежище в Истине буддизма, наша страна, как и Корея, все еще далека от нее. Почему? В Корее по крайней мере слышат истину, у нас же нет и того, потому что те, кто отправился за истиной в Китай, прельстились ученостью. Они передают священные тексты, но, по-видимому, забывают передавать истину. Есть ли в этом хоть какая-то заслуга? Никакой. Неудача их вызвана недостаточным пониманием истин-

ной практики. Как несчастливо сложилось, что тело так бесплодно, впустую тратит на нелегкий труд всю отмеренную ему естественную жизнь!

Постигая Путь, внимая учению мастера, отдаваясь практике, впервые войдя во врата, вы должны знать кое-что. В *Рёгонкё* сказано, что внешние вещи управляют самостью, самость же управляет вещами внешними; когда я управляю внешними вещами, я силен, а они слабы, но когда мной управляют внешние вещи, тогда сильны они, я же слаб — эти противоположности существовали в буддизме изначально. Не знавший истинной передачи не сможет это понять; даже имена этих противоположностей не коснутся слуха того, кто не обрел истинного мастера. Не знающие об этом не могут изучать истинный буддизм, потому что они не в состоянии различать истинное и ложное. Тот же, кто, постигая Путь, практикует истинный дзэн, естественно и свободно передает ученикам смысл этих противоположностей, не допуская ошибок, обычных для многих учений. Понимание Истинного Пути невозможно без практики дзэн.

8. Надлежащее поведение ученика дзэн

Прямая и непрерывная линия передачи Истины протянулась до нашего времени от времени Будды и патриархов. Двадцать восемь патриархов сменили друг друга в Индии и шесть патриархов — в Китае, но за все это время не было добавлено и тончайшей нити, не было утрачено и пылинки. После того как ряса патриарха была передана Дайкану Эно, от одного конца мира до другого распространилась Истина; так Истина Будды расцвела в Китае. Невозможно искать Истину. Узревшие Путь хотя бы однажды забывают знание и славу, ибо они выходят за пределы относительного сознания. Гунин был в Обай, когда Дайкан Эно лишился лица. Эка, второй патриарх, потерял руку, стоя перед пещерой Бод-

хидхармы: уничтожив этим свой самостный ум, он добыл костный мозг буддизма. Обретя сердце буддизма, Эка обрел свободу, ибо отныне жил вне тела, вне ума; он не обладал, не привязывался и не нуждался. Один ученик дзэн спросил Дзёсю, обладает ли собака природой Будды. Дзёсю ответил: «Му!» Разве можно определить, измерить это «му»? В нем не за что зацепиться. Оставьте его так, как оно есть. Что есть тело и сознание? Что такое дзэнское поведение? Что есть рождение, смерть, дела этого мира, горы, реки, земля, люди, животные, дом? Следуя по этому пути, придешь к неразличимости действия и не-действия, в которой нет ничего неизменного. Воистину, немногие понимают это, большинство же страдает от заблуждений. Взирая на себя из центра своего существа, ученик дзэн может обрести просветление. Но я искренне надеюсь, что вы не возгордитесь, ступив на Истинный Путь.

9. *Необходимость практики для обретения буддийского Пути*

Стремящиеся познать Путь прежде всего должны выяснить, куда ли обращены их взоры. Шакьямуни, сумевший овладеть своим «я», увидел утреннюю звезду, сидя под деревом бодхи, и тогда мгновенно достиг высочайшего просветления. Путь его нельзя сравнивать с путем шравак или пратьекабудд. Будда не только сам обрел просветление, но так передал свое просветление другим буддам и патриархам, что линия передачи не прервалась вплоть до сегодняшнего дня. А коли так, возможно ли, чтобы достигшие просветления не стали буддами?

Надлежащим образом встать на Путь, значит, познать истинный источник буддизма и расчистить подход к нему, ведь Путь находится здесь, прямо под ногами каждого живущего. Вы обретете буддизм в том самом

месте, где увидите Путь. Совершенство «самости» приходит вместе с всепроникающей силой просветления; но возгордившийся своим просветлением лишь наполовину узнает его.

Вот в каком умонастроении следует встретить Путь; но познающим Путь неведомо, открыт он или закрыт. Некоторые страстно желают научиться творить чудеса — и глубоко заблуждаются. Они уподобляются тем, кто оставил родителей и бежал, тем, кто отказался от сокровища и блуждает неведомо где; они подобны тому единственному сыну богатого отца, который стал нищим, устремясь на поиски вещей внешних, — все эти примеры подлинно изображают суть дела.

Истинно познать Путь значит пытаться проникнуть в него, а для этого и малейший проблеск просветления надлежит предать забвению. Пусть тот, кто намерен посвятить себя практике буддизма, уверует в него полностью и совершенно. Последнее невозможно без веры в то, что Путь уже найден и никогда не исчезал из виду, что он не искажался вследствие заблуждения, не представлялся вывернутым наизнанку, не преувеличивался, не умалялся, не толковался ошибочно. Вот какой верой должна подкрепляться ваша практика, чтобы Путь проявился, — таковы основы буддийской практики. Описанный метод позволяет пресечь всякую работу сознания и повернуться спиной к дороге учености. Именно в этом, указанном здесь, направлении следует вести учеников дзэн. Только такая практика сделает нас свободными от противоположностей тела и ума, просветления и заблуждения.

Воистину, мало тех, кто верует, что уже встал на Путь; но если вы в силах действительно уверовать, тогда открытие и завершение Великого Пути постигаются совершенно естественно, корень же просветления и заблуждения предстает вашему взгляду так, как он есть. Пытаясь пресечь работу различающего сознания, вы почти видите Путь.

10. Принятие прямого учения

Есть два способа правильной организации тела и ума: услышать учение от мастера или самому практиковать чистый дзадзэн. Когда вы *слышите* учение, это побуждает к работе ваш сознающий ум, в то время как *дзадзэн* обнимает в себе и практику, и просветление. Для постижения Истины необходимо и то и другое. Ум и тело даны всем живым существам, каким бы ни было их поведение, — неважно, исполнено оно силы или слабости, ведь поведение может меняться. Однако именно посредством тела и ума мы приходим к просветлению, и это есть принятие учения. Все, что нужно, — следовать просветленным путем подлинного мастера дзэн; таково прямое принятие учения. Следовать за мастером дзэн не значит следовать старыми путями, как не предполагает это и создание новых; следование мастеру означает простое принятие учения.

БЭНДОВА (Речь о практике)

Буддам открыт превосходный путь к постижению, благодаря чему они могут передавать Истину; передаваемая от одного будды к другому истина есть воплощенная медитация, и это само по себе дарует высшую радость. Правильное сидение существенно важно, оно — истинные врата естественного вступления в эту медитацию. Каждое живое существо щедро одарено природой будды, что, однако, может проявиться только в практике; не проявится эта одаренность и в повседневной жизни, пока не обретено просветление. Если вы умеете не привязываться к природе будды, руки ваши не оскудеют ею, ибо она превосходит и «всё», и «ничто». Когда вы говорите о ней, уста ваши полны ею, ведь высота ее и обширность неизмеримы; все будды от века обитают в ней, свободные от односторонних привязанностей; все живые существа — коль скоро они превзошли ограниченность односторонней привязанности — трудятся в ней. В моем учении, которое я излагаю здесь, все вещи даны как сущие в изначальном просветлении, единство же выражено в действии; однажды вполне этим овладев, положишь конец привязанности к пустякам.

После того как Ум, стремящийся к Пути, пробудился во мне, я посетил многих буддийских учителей нашей страны и наконец в Кэнниндзи повстречал Мёдзэна. Девять лет я провел с ним, и время это пролетело как один миг. От него я узнал многое о риндзай. Мёдзэн

был старшим учеником Эйсяя и передавал своим ученикам высшее учение буддизма, известное в то время; ни один из остальных учеников Эйсяя не мог сравниться с ним. Отправившись в Китай, я и там посещал учителей дзэн и познакомился с пятью различными школами буддизма, существовавшими там. В конце концов я остался учиться в Тэндодзэне под руководством Нёдзё, где и завершил свое обучение. В начале Сётэй я вернулся в Японию, ибо желал, неся и распространяя повсюду Истину, спасти все живые существа. Я был подобен человеку, обремененному тяжелой ношей. Затем мне пришлось в голову, что лучше будет повременить немного с распространением Истины и дожидаться более удобного времени для исполнения моей миссии. Я странствовал повсюду и искренно старался учить тому, что знал сам, потому что встречаются еще истинные ученики, те, кто действительно отвернулся от славы и стяжания ради поисков Истинного Пути. Однако, к великому несчастью, их часто вводят в заблуждение лжеучителя, что приводит к сокрытию истинного понимания. Ученики бессмысленно опьяняются безумием своей самости, своего «я», и в конечном итоге тонут в мире заблуждений. В подобных обстоятельствах может ли дать ростки подлинное семя мудрости, может ли быть с толком использована возможность достичь просветления?

Подобно облаку или тростнику блуждал я с места на место, спрашивая себя, к какой реке или горе направить свой путь. Сердце мое было с теми, кто ищет Пути, и потому я отправился в Китай и нашел там монастырь. Там принял я Истину дзэн. Все, что видел и узнал там, я собрал и записал, чтобы оставить в наследство всем ученикам, дабы и они смогли отыскать Истину буддизма. Это — средоточие дзэн. Будда Шакьямуни передал истину Маакасе на горе Рёдзю; от него через долгую череду патриархов истина была передана Бодхидхарме, который, в свою очередь, пришел в Китай и передал истину Тайсо Эка.

Так было положено начало линии восточной передачи дзэн, которая естественным образом и в изначальной чистоте дошла до шестого патриарха Дайкана Эно. Незамутненный профанациями истинный буддизм был передан Китаю. Два великих ученика шестого патриарха, Нангаку и Сэйгэн, приняли и передали далее истину Будды; мастера эти главенствовали и над людьми, и над богами. Школы их распространились, положив впоследствии начало пяти стилям дзэн: хогэн, игё, сото, уммон и риндзай. Однако в наши дни один лишь стиль риндзай процветает в Китае. Хотя между пятью названными стилями и существуют незначительные различия, все они — часть Единой Истины Ума Будды. С конца эпохи Хань вплоть до наших дней преподавались все тексты, принадлежащие разным школам, и никто не мог решить, какой из них лучший. Однако после того как Бодхидхарма пришел из Индии, проблема это была решена, и стало возможным повсеместное распространение чистого буддизма. Нам надлежит сделать то же самое в нашей стране. Все будды и патриархи учили, что простое сидение в медитации, само по себе исполненное высшей радости, выводит на Истинный Путь, ведущий к пониманию; так практиковали все просветленные, ибо и мастера, и ученики передавали этот метод друг другу, принимая таким образом истину во всей ее чистоте.

Вопрос. Говорят, что дзадзэн превыше всех остальных методов; но обычные люди могут усомниться в этом, указав, что выйти на путь Будды можно через многие врата. Если это так, почему вы защищаете именно дзадзэн?

Ответ. Я так отвечу этим сомневающимся: дзадзэн — единственные истинные врата буддизма.

Вопрос. Почему же дзадзэн — это единственные истинные врата буддизма?

Ответ. Шакьямуни, великий мастер, даровал нам этот несравненный Путь к пониманию, и все будды прошлого, настоящего и будущего, как и патриархи

Индии и Китая, также обрели просветление посредством дзадзэн. Поэтому я могу сказать вам, что это и есть истинные врата, через которые человек всходит на небеса.

Вопрос. Истинная передача и несравненный Путь будд, как и следование путем патриархов, недостижаемы для обычного разумения. Для большинства естественный путь к просветлению — чтение текстов и повторение нэмбуцу. Вы же только сидите со скрещенными ногами и больше ничего. Так как же это простое сидение может привести вас к просветлению?

Ответ. Полагая, что медитация и Истина будд не более чем праздное сидение, не смотрите ли вы свысока на весь буддизм махаяны? Подобное заблуждение сравнимо с заблуждением человека, который посреди океана умоляет дать ему воды. Мы действительно счастливы, что можем прямо сейчас удобно сесть и погрузиться в медитацию Будды, что само по себе дарует высочайшую радость. Это ли не великое благословение? Жаль, что очи ваши закрыты и умы опьянены. В обычном сознании, в обычном мышлении нет места миру будд, как не узнают его ни неверие, ни низменное знание, — только истинно верующий войдет в этот мир. Сколь бы долго и усиленно ни учился неверующий, ему будет не просто найти его. Когда Будда проповедовал на горе Рёдзю, неверующим было позволено удалиться оттуда. Развитие в уме истинной веры требует усиленных занятий и практики; если вам это не по силам, лучше остановиться на какое-то время, сожалея о том, что предшествующая хорошая карма не подкрепляет вас в ваших поисках истины. Что проку в чтении священных текстов и повторении нэмбуцу? Ни толку, ни пользы не будет от предположения, что все блага буддизма зарабатываются голосом и языком. Весьма далек от истины тот, кто полагает, будто весь буддизм сводится к такого рода вещам. Читайте тексты, но лишь затем, чтобы узнать о заповеданной Буддой необходимости постепенного и

внезапного обучения, что и приведет вас к реализации просветления. Не стоит читать тексты, чтобы после выказывать бесполезную ученость. Пытаться достичь цели буддизма таким способом — все равно что, указывая на север, самому направляться на юг или забивать квадратный кол в круглую дыру. До тех пор пока вы смотрите на слова и фразы, путь ваш пребудет во мраке. Подобное поведение так же бесполезно, как и действия доктора, забывающего свои собственные предписания. Не менее бессмысленно и непрерывное повторение нэмбуцу — лягушка в поле тоже квакает день и ночь без перерыва. Однако тем, над кем еще властны чары стяжания и славы, чрезвычайно трудно отказаться от своего нэмбуцу, потому что цепи, приковывающие их к их желаниям, глубоко укоренены: они тянутся из прошлого и достигают настоящего, — жалко смотреть на таких людей. Вы должны ясно понять одно: Истина семи будд — если она действительно и истинно передана мастерами и учениками — являет себя совершенно просто и переживается во всей полноте. Этого никогда не понять тем, кто лишь изучает священные тексты и иероглифы, их составляющие. Поэтому им лучше просто остановиться и попытаться излечиться от своих заблуждений и сомнений. Следуйте учению истинного мастера и, прибегая к силе дзадзэн, старайтесь найти исполненное высшей радости просветление Будды!

Вопрос. Учения тэндай и кэгон были завезены в Японию как высшие формы буддизма. Школа сингон, которая была непосредственно и прямо передана Буддой Вайрочаной Ваджрасаттве, учит об отсутствии омрачения между мастером и учеником, утверждая, что Будда и есть этот самый ум и именно этот ум становится Буддой. Учение сингон не содержит указаний на необходимость долгой и трудоемкой практики, проповедуя лишь о внезапном просветлении пяти будд. Учение это не имеет себе равных во всем буддизме. Зная об этом, почему же вы полагаете дзадзэн настолько превосходя-

щим все остальное, что совершенно исключаете прочие учения?

Ответ. В буддизме акцент всегда ставится на полнотности реальной практики; превосходство же или ничтожность, глубина или поверхностность учения второстепенны. В старые времена человека приводили к буддизму трава, цветы, горы или речные потоки; иные брали в руки комки земли, камень, песок или гравий, и к ним приходила истина буддизма. Истина превыше всех форм, и порой даже мельчайшая пылинка может произвести проповедь. Мысль о том, что ум есть Будда, подобна отражению луны на водной глади. Сказать, что сидение со скрещенными ногами само по себе и есть буддизм, — то же самое, что увидеть отражение в зеркале; бойтесь стать жертвой тонких словесных игр. Когда я выступаю за эту практику, дарующую внезапное просветление, я поступаю так, желая сделать из вас истинных существ, и потому показываю вам высший Путь, переданный нам Буддой и патриархами. Дабы наследовать Истину Будды, необходимо найти просветленного учителя. Не следуйте за ученым, погруженным в изучение иероглифов священных текстов. Чем отличается он от слепого, ведущего слепых? Уважение к тем, кто обрел просветление, — вот в чем находит поддержку Истина, переданная буддами и патриархами. Когда все, что от мира сего, отвергает мастера дзэн, когда просветленные араханты устремляются к Пути, тогда есть все необходимое для открытия сознания Будды. Но подобные методы обучения не по силам другим учениям. Все, что должны делать последователи буддизма, — познавать Истину. Поймите ясно, что именно здесь находится высшая мудрость и что, хотя мы можем наслаждаться ею вечно, мы не всегда в гармонии с ней просто потому, что заиклены на себе и мечтаем о материальной выгоде: эти вещи воздвигают перед нами помехи на Пути. Злые духи появляются в результате этой нашей концентрации на себе. Возьмите, к примеру, учения

о взаимозависимом происхождении, двадцати пяти мирах, трех колесницах, пяти колесницах, будде и не-будде: все это порождает бесконечные спекуляции, тогда как истинное учение не связано с такого рода вещами. Потому-то, когда, сидя со скрещенными ногами, мы даем проявиться природе будды, отрекшись от всех мнений, оборвав все связи, тогда наше наслаждение великой мудростью легко и естественно, ведь мы в тот миг входим в мир, запредельный и заблуждению и просветлению, мир, где нет различия между мудрым и глупцом. Цепляющимся за слова невозможно достичь этой высоты.

Вопрос. Просветление ищут в трех видах практики, способы медитации — в тех шести ступенях просветления, которые познаются всеми бодхисаттвами — не важно, умны они или глупы, — от начала их практики; вероятно, дзадзэн как раз и является частью этой практики. Почему вы настаиваете, что дзадзэн содержит Истину во всей ее полноте?

Ответ. Вопрос этот порожден тем обстоятельством, что Сокровищница Истины, которую мы находим в несравненных учениях Будды, была названа «школой дзэн»; но это имя дано было ей в Китае и на востоке, в Индии же о нем никогда не слышали. Когда Бодхидхарма девять лет смотрел на стену в Сёриндзи, ни священники, ни миряне, бывшие там, не знали Истины Будды. Они видели в Бодхидхарме простого учителя, настойчиво указывающего на важность сидения со скрещенными ногами. Однако все патриархи после него истово отдавались этому сидению. Миряне же, ничего не понимавшие в этих делах, увидев его впервые, говорили о практикующих дзадзэн как о членах школы дзадзэн, и презрительность их отзывов обнаруживала, насколько далеки они от Истины. В наши дни компонент *дза* выпал из слова, и практикующих дзадзэн называют теперь членами школы дзэн; это ясно следует из всех писаний патриархов. Остерегайтесь ставить дзадзэн в один ряд с шестью ступенями и тремя стилями практики. Дух пе-

редачи совершенно ясно выражен в жизни и всех деяниях Будды. Одному Макакасё передал Будда Истину на горе Рёдзю, и даже среди богов на небесах немногие были свидетелями этого. Не сомневайтесь в покровительстве, навечно даруемом буддизму небесными божествами! Даже и сегодня это подлинно так. Ясно поймите: дзадзэн — это всё, это вся полнота буддийского пути, и превосходство его ни с чем не сравнимо.

Вопрос. Существует четыре основных типа действия. Коль скоро это так, почему буддизм избирает сидение со скрещенными ногами как единственный путь достижения просветления?

Ответ. Чтобы достичь просветления, мне не нужно размышлять над способами практики Будды, не пристало этим заниматься и вам. Патриархи высоко чтили сидение со скрещенными ногами, называя его удобным путем; я и сам знаю, что из четырех действий оно наиболее удобно. Вам следует понять со всей ясностью, что способ дзадзэн практиковался не одним и не двумя, но всеми буддами.

Вопрос. Тем, кто совершенно несведущ в буддизме, следует практиковать дзадзэн для достижения просветления. Но какая польза от дзадзэн тому, кто уже просветлен?

Ответ. Я не могу говорить о снах прошедшей ночи, и у меня нет топора для дровосека, но у меня все еще есть кое-что, чему я мог бы научить вас. Полагать, что практика и просветление отделимы друг от друга, значит, впадать в ересь, потому что для буддизма они суть одно и то же. Практика содержит в себе просветление, и потому самое начало практики обнимает всю полноту изначального просветления; наставник учит своих учеников никогда не искать просветления вне практики — именно в практике, как в зеркале, отражается просветление. Так как практика уже есть просветление, просветление бесконечно; так как просветление уже есть практика, у практики нет начала. И Шакьямуни, и Ма-

какасё были неизменно погружены в практику, и она была их просветлением; и Бодхидхарма, и Дайкан также жили и направлялись ею. Подобные знаки передачи обычны для буддизма, потому что практика неотделима от просветления. С самого начала просветление передается практикой, поэтому изначальное просветление обретается естественно. И будды, и патриархи настаивали на необходимости напряженной практики для сохранения чистоты просветления, единого и тождественного с практикой. Если вы не привязываетесь к практике, то руки ваши не оскудеют просветлением; не прилепляясь к просветлению, тела свои вы наполните практикой. Во многих областях Китая я видел дзэнские монастыри, в которых жило от пяти сотен до тысячи двухсот учеников, практикующих дзадзэн днем и ночью в залах для медитации. Когда бы я ни спрашивал наставников дзэн, которым была вверена Истина, в чем Истина буддизма, все они неизменно отвечали, что практика и просветление неотделимы друг от друга, и понуждали своих учеников неустанно следовать путем учителей, поскольку именно этому учили и Будда, и патриархи. Не ограничиваясь преподаванием дзадзэн своим ученикам, они проповедовали и отстаивали достоинства его перед всеми ищущими Истинного Пути: перед начинающими и уже искушенными в практике, перед простецами и мудрыми. Нангаку сказал как-то, что, хотя и неправда, будто не существует ни практики, ни просветления, привязанность к ним лишь искажает их. Другой патриарх сказал, что всякий, видящий Путь, практикует его. Вот почему непрерывная практика существенно важна для просветленного.

Вопрос. Почему японские патриархи минувшего, возвращаясь из Китая, проповедовали не дзэн, а другие учения?

Ответ. Патриархи прошлого не проповедовали и не передавали дзэн, потому что время для этого еще не пришло.

Вопрос. Понимали ли дзэн древние патриархи?

Ответ. Если бы они его понимали, они бы проповедовали его.

Вопрос. Сказано было, что нет нужды в отсечении заблуждений, ибо дух вечен и, следовательно, существует легкий путь освобождения от рождения и смерти. Дух бессмертен, хотя тело обречено родиться и умирать. Дух этот, не имеющий ни начала, ни конца, обитает во мне, и он есть дух истинный и изначальный; тело мое существует в физической и неподвижной форме, умирая здесь и возрождаясь там, но неизменен вечный дух и в прошлом, и будущем. Познавший эту истину свободен от рождения и смерти, они исчезают для него, и он вступает в океан духа. Слившийся воедино с этим океаном обретает достоинство Будды. Тело есть плод твоих прежних заблуждений, но, даже зная об этом, ты не становишься подобен мудрым; не зная же, обрекаешь себя на вечное перерождение. Поэтому одно лишь знание существенно важно — знание вечности духа. Нет другой надежды для тебя, даже если всю жизнь ты проведешь сидя. Разве не таково мнение будд и патриархов?

Ответ. Изложенное мнение далеко от истин буддизма, это ересь *шреника*. Шреника учит, что внутри нас есть некий познающий дух, который позволяет различать подобное и различное, истинное и ложное, удовольствие и страдание, боль и радость. Когда тело умирает, этот дух оставляет тело, дабы возродиться в новом; поэтому оно, хотя и кажется умершим в одном месте, всегда возрождается где-то еще, т. е. не умирает никогда, но живет вечно. Придерживаясь этой ереси, видя в ней подлинный буддизм, вы поступаете так же глупо, как тот, кто собирает гальку и обломки черепицы, считая их золотом. Подобные мысли постыдно глупы и недостойны серьезного обсуждения. Наставник Эту предупреждал о серьезной опасности ереси шреника. Люди, придерживающиеся ее, полагают, будто разум вечен, а форма преходяща; и они считают свое учение тожде-

ственным практике будд. Подобным образом мыслей они, как им кажется, освобождают себя от рождения и смерти, на деле же только усиливают их пагубную власть над своим существованием. Это мнение не только ложно, но достойно жалости, вы не должны внимать ему. Возможно, мне не следует говорить так, но, сожалея о вас, я хочу уберечь вас от заблуждений. Буддизм учит, что тело и ум суть одно, так же как дух и форма. И в Индии, и в Китае истина эта постигнута со всей ясностью. Когда учение говорит о вечности, для него вечно все, а значит, тело и ум не могут быть отделены друг от друга. Когда учение говорит о прекращении, речь идет о прекращении существования всех вещей, и, следовательно, дух и форма не делимы друг от друга. Утверждение, что тело умирает, в то время как разум живет вечно, противно Истине. Жизнь и смерть — вот сама нирвана, и мы не можем говорить о нирване вне жизни и смерти. Поймите это ясно и до конца! Совершенно заблуждается тот, кто думает, будто мудрость будд свободна от жизни и смерти. Ум ваш знает и видит, приходит и уходит, он никоим образом не вечен. Вам необходимо ясно понять это, ведь буддизм всегда утверждал единство тела и ума. Принимая сказанное во внимание, как возможно предположить освобождение ума от рождения и смерти, в то время как тело сковано ими? Примите вы утверждать, что тело и ум иногда суть одно, а иногда — нет, вы совершенно затемните учение будд; думать же, будто следует бежать рождения и смерти, значит явно ошибочно понимать буддизм, который познается именно через рождение и смерть. Когда пробуждается вера в буддизм махаяны, тогда сокровищница Будды развертывает цепь причинности рождения и смерти, но не разделяет реальность и кажимость, явление и исчезновение. Просветление есть не что иное, как сокровищница Будды, тождественная всем вещам и всех их в себе объемлющая. Все учения основаны на учении Единого Ума; и не допустите здесь ошибки или вы

не поймете Ума Будды. Разве возможно разделить Ум Будды на ум и тело, на заблуждение и просветление? Вы — уже дети Будды, а потому не слушайте лунатиков, проповедующих ересь!

Вопрос. Должен ли тот, кто со всей серьезностью относится к практике дзадзэн, строго придерживаться всех заповедей и очищать как тело, так и ум?

Ответ. Будды и патриархи завещали нам строгое соблюдение заповедей и чистую жизнь как основные законы, управляющие практикой дзэн. Тот, кто еще не принял заповеди, должен сделать это незамедлительно; тот же, кто нарушил их, пусть кается и сожалеет о своих ошибках; все, поступающие так, смогут соединиться с мудростью Будды.

Вопрос. Если усердный ученик дзадзэн произносит мантры сингон или прибегает к практике умиротворенного просветления тэндай одновременно с упражнениями в дзадзэн, наносит ли он тем самым вред своему обучению?

Ответ. В бытность мою в Китае учителя, от которых воспринял я Истину буддизма, говорили, что им никогда — ни в прежние годы, ни при их жизни — не доводилось слышать о патриархе, который, следуя одновременно различным практикам, передал бы Истину Будды. Если стремишься постичь Истину, необходимо сосредоточение только на чем-то одном.

Вопрос. Может ли мирянин практиковать дзадзэн, или эта практика доступна только священникам?

Ответ. Все патриархи, ясно видевшие суть буддизма, говорили об отсутствии различия между дзадзэн женщины и мужчины, богатого и бедняка.

Вопрос. Священник ничем не связан, ничто не препятствует его практике дзадзэн, но как может вечно занятый мирянин, который все же желает достичь просветления, подвигнуться на серьезную практику?

Ответ. Будды и патриархи, побуждаемые своей безграничной любовью, широко распахнули врата состра-

дания для всех живых существ, для людей и для богов. Это подтверждено множеством примеров с древности и до наших дней. Государственные чиновники Дань-цзун и Сун-цзун были чрезвычайно обременены правительственными делами, и все же они постигли Путь будд и патриархов через практику дзадзэн. Первый министр Ли и другой первый министр Фан достигли того же, не переставая быть советниками императора. Все зависит от воли определенного человека, и не имеет значения, мирянин он или священник. Если человек в состоянии отличить превосходное от заурядного, он может естественно веровать в буддизм. Тот же, кто видит в мирских занятиях препятствие для буддийской практики, убежден, что в мире нет буддизма, поскольку в буддизме не найдешь мирских проблем. Пин, первый министр китайского императора, достигнув единства с Путем патриархов, написал такие строфы:

Когда делами государства я не был занят,
то практиковал дзадзэн;
И столь усердно, что, кажется, почти совсем не спал;
А ныне я везде известен как мастер дзэн,
Хоть я и первый министр.

Пин был чрезвычайно занят на государственной службе, но его желание практиковать дзадзэн было столь сильным и глубоким, что он стал одним целым с просветлением. Поразмысли о своем положении в свете положения этих людей прошлого! В Китае даже и теперь император, министры, солдаты и простой люд, и женщины и мужчины, — все они чувствуют влечение к Пути патриархов. И в воинах, и в ученых сильна воля к практике. Многие из них постигнут Истину. Жизни всех этих людей ясно указывают нам, что мирская работа не может быть препятствием для буддизма. Когда в стране распространяется истинный буддизм, будды и небесные божества берут ее под свою защиту, и земля эта пребывает в мире. Когда же на земле мир, то крепнет буддизм.

Преступники, слышавшие учение Будды при его жизни, обретали просветление; и те, кто охотился в лесах, и те, кто рубил деревья, — все они приходили к просветлению под руководством патриархов. Чтобы достичь просветления, вам нужно лишь внимать наставлениям истинного учителя.

Вопрос. Разве возможно обрести просветление через дзадзэн в наши времена упадка в мире, погруженном во зло?

Ответ. Большинство учений ориентировано на имена и доктринальные стили, но истинное учение не видит разницы между тремя пятисотлетними периодами¹. Каждый, кто практикует истинно, без сомнения, реализует просветление; обитая в адекватно переданной Истине, вы всегда и во всей полноте сможете наслаждаться редчайшей из драгоценностей, и обретете вы ее в своем собственном доме. Каждый практикующий знает, достиг он просветления или нет, как знает пьющий воду, холодна она или тепла.

Вопрос. Некоторые говорят, будто для постижения буддизма достаточно понимать, что сам ум и есть Будда. По их мнению, нет нужды изучать священные тексты и утруждать тело практикой. Если вы постигли, что буддизм — внутри вас и принадлежит вашей сущности, вы уже пробудились, дальнейшие поиски ни к чему. Если это так, какой смысл тратить силы на практику дзадзэн?

Ответ. Подобное рассуждение глубоко ошибочно. Но даже будь оно правдой и если бы именно таково было учение мудрецов — все равно вы не в состоянии постичь его. Однако, если бы вы действительно изучали буддизм, вам следовало бы выйти за пределы мнений, относящихся

¹ Согласно буддийской традиции, учение Будды проходит три периода в своем развитии, каждый из которых длится пятьсот лет: период расцвета закона, период его постепенного упадка и период его конца. Идея трех периодов была популярна в японском буддизме. — *Прим. отв. ред.*

к субъекту и объекту. Если бы была возможность обрести просветление, просто зная, что это «я» в его самостной данности и есть Будда, зачем тогда Шакьямуни прилагал столько усилий, проповедуя Путь? Обстоятельство это подтверждается теми высочайшими образцами, которые мы находим в практике учителей древности. Как-то наставник дзэн Хогэн спросил своего ученика: «Ты давно в этом храме?» «Три года», — ответил ученик. «Ведь ты моложе меня, почему же ты никогда не спрашиваешь меня о буддизме?» — поинтересовался учитель. «Я не могу лгать вам, — промолвил ученик, — но пока я занимался со своим прежним мастером, я понимал буддизм». «Какие слова принесли тебе понимание?» «Я спросил: „Что есть истинное «я» ученика?“ Учитель ответил: „Бог огня призывает огонь“». «Это превосходно, — воскликнул Хогэн, — но я сомневаюсь, что ты понял эти слова». «Огонь принадлежит богу огня, — ответил ученик, — и огонь нуждается в огне; это то же самое, что „я“, нуждающееся в самом себе». «Конечно, ты совершенно ничего не понял. Если бы таков был буддизм, он никогда не дожил бы до наших дней», — заключил Хогэн. Ученик был крайне растерян и покинул храм. Однако по дороге домой он думал: «У Хогэна пятьсот учеников и он превосходный учитель. Раз уж он указал на мою ошибку, в его словах должен быть смысл». Он вернулся в храм к Хогэну, раскаиваясь в своем поведении. Придя с приветствием к Хогэну, ученик спросил: «Что есть истинное „я“ ученика?» «Бог огня призывает огонь», — ответил Хогэн. Услышав это, ученик достиг полного просветления. Очевидно, невозможно постичь буддизм, располагая лишь знанием того, что «я» и есть Будда. Если бы в этом заключался буддизм, Хогэн никогда не показал бы своему ученику Путь так, как он это сделал, и не дал бы ему подобного совета. Впервые придя к учителю, вы должны спросить о правилах обучения и затем приступить к серьезной практике дзадзэн. Не омрачайте свой ум ник-

чемным знанием — только в этом случае несравненный Путь буддизма принесет плоды.

Вопрос. Как в Индии, так и в Китае от начала времен и до наших дней к одним наставникам дзэн просветление приходило в звуке ударявших по стволам бамбука камней, тогда как созерцание цветов сливы очищало ум других. Великий Шакьямуни достиг просветления при взгляде на утреннюю звезду, в то время как Ананда постиг Истину, увидев падение палки. Кроме того, многие дзэнские мастера пяти школ, жившие после шестого патриарха, обрели просветление благодаря одному-единственному слову. Все ли они практиковали дзадзэн?

Ответ. И в древности, и в наши дни все, кто когда-либо обретал просветление через цветы или звуки, практиковали дзадзэн без дзадзэн и достигали внезапного просветления.

Вопрос. В Индии и в Китае люди были объединены общей культурой, благодаря чему народы этих стран смогли постичь буддизм, едва лишь проповедь его достигла их слуха. Однако в нашей стране люди с давних пор страдают от недостатка воспитания ума, а потому Истине трудно пустить здесь корни. Воистину несчастно подобное положение, а причина его — в нашем варварстве. Кроме того, священники наши ниже мирян других стран. Все в Японии в силу глупости и узколюбости своей цепляются за мирское знание и влекутся лишь к вещам поверхностным. Возможно ли, чтобы такие люди могли достичь просветления быстро и только благодаря практике дзадзэн?

Ответ. Все это так, как вы говорите, ибо люди в нашей стране не объединены культурой и страдают от недостатка знаний; даже видя истину, сладость ее они превращают в яд. Они ищут славы и богатств, им не так-то просто освободиться от привязанностей. Но к просветлению нельзя прийти опираясь на мирское знание, будь то знание человеческое или божественное. Еще при жизни Будды было множество упорствующих в сво-

их заблуждениях и даже безумных людей, которые разными способами добивались просветления, но, лишь придя к истинной вере, встали они на Истинный Путь. Так, некая женщина-ученик, служившая поваром у одного старого простоватого священника, обрела просветление, просто наблюдая, как тот молча сидит. Случаи просветления, подобные этому, не опирались на знание, ученость, иероглифы, изречения мудрецов. Каждое из них указывает на необходимость истинной веры в буддизм. За последние две тысячи лет буддизм достиг многих стран, и не только образованные, умные и богатые внемлют его проповеди, потому что Истина с присущей ей силой добра при первой же возможности естественно распространяется в мире. Каждый, кто практикует с истинной верой, будет просветлен независимо от того, умен он или нет. Не думайте, что если в Японии низкая культура и народ ее необразован, то она не готова к восприятию буддизма. Все существа в изобилии одарены семенами Истины, но немногим это известно. Большинство не практикует с истинной верой, так как знание буддийской Истины еще не пришло к ним и у них нет опыта ее приложения.

Возможно, эти вопросы и ответы покажутся кому-то лишними необходимыми. Я всего лишь пытался помочь тем, чьи глаза слабы, увидеть цветы даже там, где их не было прежде. И все же сердце дзадзэн еще не принесено в Японию, и в этом заключено несчастье стремящихся к нему. Поэтому, находясь в Китае, я собрал все, что видел и слышал, записал учения мастеров, стремясь помочь тем, кто стремится к практике. Кроме того, я хотел бы поведать о храмовых правилах и церемониях, но у меня нет для этого времени, а в двух словах о них не расскажешь. Буддизм пришел в Японию с Запада примерно во времена императоров Кинмэя и Ёмэя. Мы далеки от Индии, и приход буддизма был для нас большим счастьем. Но имена, формы, предметы и связи привели к тому, что завязано много узлов и утерян путь практики.

Отныне я облекусь в свою простую рясу, возьму чашу и поселюсь среди заросших тростником скал. Когда я сижу и практикую здесь, то истинный дзэн-буддизм, превосходящий даже самого Будду, приходит легко и естественно и практика обретает свое завершение. Таково учение Будды и таков метод, завещанный нам Макакасё. Правила дзадзэн можно найти в *Фукандзадзэнги* — работе, написанной мной в период Кароку. Чтобы проповедовать буддизм в какой бы то ни было стране, необходимо разрешение правителя. Но многие цари, министры и военачальники явились в результате передачи Будды на горе Рёдзю, и они были благодарны Будде за его наставления и не забывали о духе, которым всегда исполнен буддизм. Куда бы ни приходил буддизм, место это тотчас становится страной Будды, а потому бессмысленно выбирать какое-то особое место, время или условия для проповеди. Не следует думать, будто сегодня все только начинается. Поэтому я составил эти записи и оставляю их тем подлинным искателям Пути, подлинным ученикам, которые странствуют повсюду в поисках Истины.

СЮСЁГИ

(Истинный смысл практики и просветления)

1. Введение

Самый существенный вопрос для всех буддистов — как полностью и совершенно постичь рождение и смерть. Если вы сумеете найти Будду в пределах рождения и смерти, то рождение и смерть исчезнут. Вам необходимо понять лишь одно: не нужно избегать рождения и смерти как таковых. Осознайте это, и они перестанут существовать. Коль скоро вы в состоянии постичь, что рождение и смерть суть сама нирвана, незачем тогда пытаться избежать их, но незачем также и искать того, что называется нирваной. Постигание этой истины разбивает цепи, приковывающие человека к рождению и смерти, потому и проблема жизни и смерти — а она есть величайшая проблема всего буддизма — должна быть постигнута полностью.

Трудно родиться человеком, но не менее трудно найти буддизм. Однако благодаря накопленной нами хорошей карме мы получаем исключительный дар — человеческое тело, а вместе с ним способность внимать истинам буддизма. Нам дарована величайшая возможность — вся жизнь в пределах, ограниченных рождением и смертью. Преступно не воспользоваться этой возможностью, отдав нашу хрупкую жизнь во власть изменчивости.

В изменчивом не обрести устойчивой опоры. На какие придорожные сорняки падет роса нашей жизни? В это самое мгновение мое тело не принадлежит мне. Жизнь,

над которой властвует время, не прерывает ни на минуту своего течения; юность, однажды придя, уходит, исчезает навсегда. Столкнувшись с изменчивостью, мы не в силах вернуть прошлое; невозможно искать помощи у царей, государственных чиновников, родственников, жены и детей, не поможет и богатство. В царство смерти ты должен войти один, и никто, кроме твоей собственной хорошей или дурной кармы, не последует туда за тобой.

Сторонись общества заблуждающихся, не ведающих об истине кармического следствия, трех состояний существования, добра и зла. Очевидно, закон причины и следствия не снимает ответственности с моей личной воли, ведь зло, без сомнения, низвергается, а добро торжествует — в противном случае буддизм никогда не явился бы на Земле, а Бодхидхарма не пришел бы с Запада.

Существуют три периода, на которые падают кармические следствия: присутствующий сейчас, следующий за присутствующим сейчас и тот, что придет вслед за следующим. Это необходимо понимать совершенно ясно, прежде чем приступишь к практике Пути будд и патриархов, иначе трудно будет избежать ошибок и впадения в ересь. Кроме того, жизнь тех, кто лишен понимания этой истины, может обратиться во зло, и их страдания будут продлены.

Все мы в течение нашей жизни владеем лишь одним телом, поэтому действительно трагично, уклонившись в ересь, вести жизнь, исполненную зла. Ведь, совершая зло, мы не избежим кармических следствий, и не следует думать, будто злое действие, не осознанное нами как злое, не повлечет за собой прироста дурной кармы.

2. Свобода достигается покаянием

Побуждаемые безграничным сочувствием будды и патриархи широко распахнули врата сострадания для людей и богов, и, хотя кармические следствия злодея-

ний неизбежно свершаются в какой-либо момент трех периодов, покаяние облегчает бремя этих следствий, неся с собой свободу и чистоту. А коли так, давайте же совершенно очистим сердца покаянием перед буддами!

Покаяние перед буддами приносит очищение и освобождение, оно дарует нам истинную убежденность и сообщает истовость нашим усилиям. Однажды ожив в сердце, истинное раскаяние изменяет не только кающегося, но и все существа. Благодать покаяния распространяется на все существующее, одушевленное и неодушевленное.

Вот как приносится истинное покаяние: «Пусть все будды и патриархи, достигшие просветления, осенят нас своим состраданием, освободят из тенет страдания, унаследованного нами от прошлого существования; пусть поведут они нас путем, на котором мы сможем соучаствовать в добродетели, наполняющей вселенную, ибо и они в прошлом были такими же, как мы сейчас, мы же в будущем станем, как они. Все зло, совершенное мной, вызвано безначальными алчностью, злобой и заблуждением. Все зло совершается нашим телом, речью и умом. Ныне я исповедуюсь во всем и от всего сердца». Этим актом покаяния мы открываем естественный путь, по которому придет к нам помощь будд и патриархов. Помня об этом, мы должны сесть прямо перед лицом Будды и повторить слова покаяния, отсекая таким образом корни наших злодеяний.

3. Принятие заповедей

После принесения покаяния нам надлежит отдать дань глубокого почтения Трем Драгоценностям — Будде, Сангхе и Дхарме. Наши дары и наше почтение принадлежат им по праву, какой бы ни была наша жизнь. Из Индии в Китай передали будды и патриархи почтение к Будде, Дхарме и Сангхе.

Если бы несчастные, страдающие от недостатка добродетели, не имели возможности услышать о Трех Драгоценностях, как стали бы они искать в них прибежище? Плохо искать убежища у горных духов и демонов, не следует также поклоняться в еретических капищах — это противно Истине. Спешите как можно скорее обрести убежище в Будде, Дхарме и Сангхе — в них вы найдете высшее просветление и освобождение от страдания!

Чист сердцем должен быть ищущий прибежища в Трех Драгоценностях. Всегда, и при жизни Будды, и после его ухода, мы, сотворив гассэ и склонив голову, должны повторять: «Я принимаю прибежище в Будде, я принимаю прибежище в Дхарме, я принимаю прибежище в Сангхе». Мы принимаем прибежище в Будде, потому что он наш истинный учитель, в Дхарме — потому что она лекарство от всех страданий, в Сангхе — потому что члены ее мудры и полны сострадания. Если мы следуем буддийскому учению, мы должны почитать Три Драгоценности; это — абсолютно необходимая основа для принятия заповедей.

Когда ученик и будда суть одно, тогда достоинство Трех Драгоценностей неизбежно приносит плоды. Кто бы ни переживал это единение — бог или человек, демон или зверь, — он неизменно обретает прибежище в Трех Драгоценностях. По мере перехода с одного уровня существования на другой достоинство прирастает, неизбежно ведя к наиболее совершенному просветлению. Сам Будда подтвердил великое достоинство Трех Драгоценностей, заключающееся в их наивысшей ценности и невероятной глубине. Для всех живых существ существенно важно обрести в них свое прибежище.

После Трех Драгоценностей необходимо принять «три чистые совокупные заповеди». Заповеди эти таковы: отступишь от зла; совершай лишь добро; делай добро другим. Затем должны быть приняты следующие десять заповедей: 1) не убивай; 2) не укради; 3) не воз-

делей чужого; 4) не говори неправды; 5) не торгуй вином заблуждения; 6) не осуждай других; 7) не гордись собой, принижая других; 8) не скупись, проповедуя Дхарму или раздавая богатство; 9) не гневайся; 10) не произноси хулы на Три Драгоценности.

Все будды принимали и тщательно блюли Три Драгоценности, «три чистые совокупные заповеди» и десять заповедей.

Если вы всем сердцем приняли эти заповеди, высшее просветление пребудет с вами, и это есть неразрушимая буддовость, постигнутая и постигаемая в прошлом, настоящем и будущем. Возможно ли, чтобы совершенномудрый отказался от достижения подобных высот? Будда ясно показал всем живым существам, что там, где есть истинное принятие заповедей, там обретается буддовость, и каждый, принявший их, становится истинным сыном Будды.

В этих заповедях обитают будды, обнимая все сущее в своей несравненной мудрости. Для обитающего в них нет различия между субъектом и объектом. Все вещи — земля, деревья, деревянные столбы, кирпичи, камни — становятся буддами, однажды приняв прибежище в заповедях. Заповеди эти дышат таким огнем и вихрем, что, когда языки пламени раздуваются силой Будды, все, захваченные этим порывом, устремляются к просветлению. Таково достоинство не-деяния и не-стремления; это пробуждение к истинной мудрости.

4. Пробуждение к сознанию бодхисаттвы

Когда человек пробуждается к истинной мудрости, это означает, что прежде своего собственного спасения он желает спасти все живые существа. Мирянин он или священник, бог или человек, купается он в удовольствии или претерпевает страдания — он должен как можно быстрее пробудить в себе это желание.

Сколь бы смиренным ни казался человек, как только в нем проснулось это желание, он становится учителем всего человечества. Даже маленькая семилетняя девчушка может быть учителем четырех видов буддистов и матерью истинного сострадания для всех живых существ. Одно из величайших учений буддизма — утверждение полного равенства полов.

Даже в долгих странствиях по шести мирам и четырех существованиях человек может прийти к реализации стремления к буддовости, коль скоро последнее было пробуждено. Возможно, мы потратили впустую много времени, но у нас все еще есть время для пробуждения этого желания. Пусть наши собственные заслуги созрели для реализации состояния будды, наша непреложная обязанность — использовать их полностью ради просветления всех живых существ. Во все времена жили люди, для которых собственная буддовость стояла на втором месте после необходимости работы на благо всех живых существ.

Четыре вида мудрости — милостыня, сочувствие, нежность и благоволение — вот основные средства, которыми мы располагаем для помощи другим; именно эти добродетели стремятся взрастить в себе бодхисаттвы. Милостыня противостоит алчности — мы приносим дары, хоть сами не имеем ничего. Размеры приношений не имеют значения, коль скоро они ведут к благим следствиям: будь это всего лишь одна фраза или строфа учения — и они могут стать семенем, которое принесет благие плоды и сейчас, и впоследствии.

Точно так же и пожертвование одного гроша или травинки может стать почвой, на которой произрастет добро, потому что учение само по себе и есть истинная драгоценность, а истинная драгоценность — само учение. Мы не должны жаждать награды, но всегда разделять все, что имеем, с другими. Строительство изгороди или моста, как и все виды работ, если они совершаются ради блага других, будут милостыней и милосердием.

Смотреть на все живые существа глазами сострадания, с добротой обращаться к ним — в этом смысл нежности. Постигание нежности заставляет человека обращаться к другим, любя их, как родных детей. Когда мы восхваляем добродетельных и сожалеем о тех, кто не достиг добродетели, враги становятся нашими друзьями, а в друзьях теплые чувства крепнут еще больше. И все это происходит благодаря силе нежности. Когда человек обращается к другому с добрыми речами, лицо его проясняется и сердце отогревается. Когда же доброе слово произносится в отсутствие того, о ком оно сказано, оно оставляет еще более глубокий след. Нежности по силам совершенно перевернуть сознание человека.

Трудясь над мудрыми способами помощи другим существам — высоко или низко их положение, — человек являет благоволение. Спасшие беспомощную черепаху и больного воробья не думали о награде — их действия питались одним благоволением. Глупцы полагают, будто, помогая другим, сами они лишаются чего-то, но они ошибаются, потому что благоволение помогает всем и каждому, включая самого благоволящего, — таков закон вселенной.

Если человек способен отождествить себя с тем, что не есть он сам, ему открыт истинный смысл сочувствия. Возьмите, для примера, то обстоятельство, что Будда явился в мир людей в форме человеческого существа. Сочувствие не делает различий между собой и другими; порой наше «я» бесконечно, порой так же бесконечны другие. Сочувствие подобно морю, которое не откажет в воде жаждущему, из какого бы источника та ни лилась, ведь если собрать все воды, получится лишь одно море.

О вы, стремящиеся к просветлению, размышляйте глубоко об этих учениях, остерегайтесь легкомысленного к ним отношения! Уважайте и почитайте их согласно их заслугам и достоинству, несущим благословение всем живым существам; помогайте всем существам перейти на другой берег!

5. Осуществление учения на практике и выражение благодарности

Сознание Будды должно быть пробуждено во всех живых существах этого мира, потому что исполнилось их желание и они родились в этом мире. Коль скоро это так, разве не должны они быть благодарны Будде Шакьямуни?

Если бы Истина не распространилась по всему миру, нам было бы не отыскать ее даже ценой собственной жизни. Следует глубоко обдумать это. Какая удача, что нам выпало родиться именно сейчас, когда можно узреть Истину! Вспомните слова Будды: «Когда ты встретишь мастера дзэн, наставляющего в Истине, не обращай внимания на его происхождение, облик, недостатки, поведение. Поклонись ему в знак уважения к его великой мудрости и постарайся не причинить ему беспокойства!»

Благодаря неустанному попечению о нас будд и патриархов нам дарована возможность уже сейчас узреть Будду и внимать его учениям. Если бы будды и патриархи не совершили подлинной передачи Истины, никто не услышал бы о ней в наше время. Даже короткая фраза или отрывок учения должны быть приняты и оценены с глубокой благодарностью. Можем ли мы не чувствовать благодарности за сострадание, явленное в этом величайшем из всех учений, которое есть драгоценное око истинного учения? Большой воробей не забыл проявленной к нему доброты и отблагодарил за нее кольцом трех великих министров; не была забывчивой и неудачливая черепаха, отблагодарившая за свое спасение печатью Ёфу. Если даже животные способны на благодарность, может ли человек оказаться ниже их?

Чтобы явить свою благодарность, вы не нуждаетесь в других учениях, кроме этих. И ваша благодарность должна быть истинной и выказана единственно истинным способом — пусть каждый день ваш будет напол-

нен делами, совершаемыми ради других, без траты времени понапрасну.

Время летит быстрее стрелы, и жизнь наша не долговечнее росы. Сколь бы ни были вы искусны, вам не вызвать к жизни хоть один день из прошлого. И проживите вы хоть сто лет, но если годы эти пройдут впустую, то каждый день ваш и каждый месяц будут наполнены одной лишь печалью. Если же все сто лет вы будете владеть жалкое существование в рабстве у своих чувств и только один день проживете истинной жизнью, то в этот единственный день вы проживете не только все сто лет жизни, но спасете еще сто лет жизни будущей. Жизнь в этот один-единственный день, в это непреходящее сегодня — это жизнь абсолютно живая; глубочайшей значимостью обладает ваше тело. И ваша жизнь, и ваше тело заслуживают любви и уважения, ведь именно благодаря им Истина реализуется в нашей практике и сила Будды являет себя. Семя всей буддийской деятельности и всей буддовости — в истинной практике истины заповедей.

Все будды пребывают в одном Будде Шакьямуни, и все будды прошлого, настоящего и будущего становятся Буддой Шакьямуни по достижении ими буддовости. Вот это сознание и есть Будда; когда вы пробудитесь к совершенному пониманию сей истины, ваша благодарность буддам будет безгранична.

СЁДЗИ (Жизнь и смерть)

Ни жизни, ни смерти нет, когда в них пребывает Будда. Когда в жизни и смерти нет Будды, они не вводят нас в заблуждение. Эти изречения принадлежат двум великим учителям дзэн — Гассану и Тодзану соответственно. Всем, кто стремится освободиться от рождения и смерти, следует серьезно размышлять над этими изречениями, дабы прийти к ясному их пониманию. Ищущий Будду вне жизни и смерти подобен повернувшему свой воз к северу, в то время как сам он направляется в сторону Эсю; его можно также сравнить с пытающимся разглядеть северную звезду на юге. Действия такого рода лишь усугубляют причину жизни и смерти, путь же к свободе теряется из виду.

Когда жизнь и смерть постигнуты как нирвана, очевидно, нет необходимости пытаться бежать от жизни и смерти, нет нужды искать нирвану, и свобода от жизни и смерти впервые действительно возможна. Не надо заблуждаться, полагая, будто жизнь отделена от смерти неким изменением, жизнь всего лишь некое положение во времени, охватывающее «до» и «после». Поэтому буддизм говорит, что жизнь, какой мы ее знаем, не есть жизнь. Также и смерть есть всего лишь некое положение во времени со своими «до» и «после», и поэтому смерть не есть смерть. Когда есть то, что называется жизнью, тогда есть только жизнь; когда же есть то, что называется смертью, — есть только смерть. Приходит жизнь — есть жизнь; приходит смерть — есть смерть.

Нет никаких оснований живому существу подчиняться тому или другому, как не стоит и уповать на них. Именно эти жизнь и смерть *суть* собственная жизнь будды; пытаюсь бежать от них, вы бежите от жизни будды и лишаетесь ее. В этом случае все ваши деяния сведутся к приверженности внешним проявлениям будды. Но вы сразу же войдете в Ум Будды, если не отрекаетесь от этой жизни, но и не стремитесь к ней.

Как бы то ни было, не пытайтесь постичь это интеллектуально или выразить в словах. Пусть ваша привязанность к телу и уму, ваша всегдашняя озабоченность ими отпадут сами собой, тем самым вы ввергнете себя в мир Будды. Когда все совершается Буддой, вы же без усилий, не тревожась ни о чем, следуете его свершениям, вы обретаете свободу от страданий и сами становитесь буддами.

Коль скоро это так, что же в вашем сознании препятствует вам? Путь к буддовости легок. Тот, кто не упорствует во зле, не цепляется за жизнь и смерть, но, исполненный высшего сострадания, трудится ради блага всех живых существ, питая к ним глубочайшее сочувствие, отдавая дань уважения старшим и относясь с любовным пониманием к младшим, тот, кто не отрицает, не ищет, не размышляет и не тревожится ни о чем, — тот нарекается буддой. Не ищите большего!

УДЗИ

(Существование и время)

Якусану принадлежат такие слова: «Стоять на горной вершине — это существование-время; спускаться в глубины океана — это существование-время; Кандзэон Босацу — существование-время; Будда высотой в два три метра — существование-время; посох и хоссу — существование-время; столб и светильник — существование-время; твой сосед и ты сам — существование-время; вся земля и беспредельное небо — существование-время». Это «существование-время» означает только то, что само время есть существование, а все существование есть время. Золотое тело Будды — это время. Так как все есть время, то все вещи выражают его и становятся как бы его украшением. Поэтому наш долг посвятить практике предстоящие нам двенадцать часов. Сквозь покровы времени проступает тело Кандзэон-босацу, оно наполнило и пропитало собой эти двенадцать часов. Они еще не измерены нами, и все же мы говорим о них как о «двенадцати часах». Так происходит потому, что движение времени оставляет следы на своем пути, чтобы у нас — хотя мы и не понимаем его — не было сомнений в его существовании. Средний человек, не имея привычки к глубоким размышлениям, сомневается во всем, о чем не имеет полного представления. Потому-то его будущие сомнения не согласуются с сомнениями настоящими, но ведь и сомнение — лишь часть временного.

Нет мира вне и помимо сомневающейся самости, ведь в действительности мир и есть эта самость. Все вещи

этого мира следует понимать как время, все вещи неразрывно связаны друг с другом в каждый момент времени. Поэтому естественно, как плод, созревший во времени, рождается жажда просветления. Время же возникает как порождение сознания. Кроме того, так же возникают практика и просветление, из чего ясно видно, что самость и есть время.

Это истинно, и поэтому столь важно для нас узнать, что на земле этой появляется множество вещей, и множество видов травы существует на ней, и каждая появляющаяся здесь вещь, каждый вид травы неотделимы от самой земли. Только воспитав в себе такое отношение к миру, можем мы приступить к практике, потому что для пришедшего в своем странствии к этому месту лишь одна вещь являет себя, один вид травы остается. Иногда являющееся узнается, но не всегда узнавание повторяется; временами узнается трава, но не всегда узнавание приходит вновь. Потому что существует лишь время этого описания; «удзи» есть все время-существование, и каждый вид травы и все являющееся — все это время-существование. Все существования и все миры существуют каждый миг. Только подумайте: есть ли существование или мир вне времени, отдельно от него?

Средний человек, невежественный в буддизме, услышав слово «удзи», думает так: «Было время, когда Будда был таким же деятельным, как Кандзэон-босацу, и было время, когда, переходя реки и взбираясь на горы, он был высотой два-три метра; мы также прошли через эти реки, преодолели эти горы и теперь живем в этом царственном доме; горы, реки, небеса, земля и я — мы существуем отдельно друг от друга». Однако время больше всего этого, потому что, когда пройдены и остались позади и горы, и реки, не только я, но и время существует. И вот я здесь, значит — я и время суть одно, ведь не будь приход и уход частью времени, вечное «сейчас» было бы тем самым моментом, когда я взбираюсь на гору. Если время охватывает приход и уход, то я есть вечное

«сейчас», и это также «удзи». Время, когда я взбирался на гору и переправлялся через реку, охватывает это время, когда я живу в царственном доме; время, когда я живу в доме, есть то самое время, когда я пересекал реку и карабкался в гору.

Три головы и восемь рук Кандзэон-босацу — вчерашнее время, время же бытия Будды высотой два-три метра — время сегодняшнее. Однако мы говорим «вчера и сегодня», а ведь они — одно и то же; точно так же, как, глядя на горы, мы одним взглядом охватываем множество вершин. Само время никогда не течет, и Кандзэон-босацу дня вчерашнего проходит как наше существование-время; кажется, что он существует где-то в другом месте и времени, но в действительности он есть здесь и сейчас. Будда двух-трех метров высотой, Будда дня сегодняшнего, существует как наше существование-время; он кажется существующим где-то в другом месте и времени, но он присутствует здесь и теперь. Это истинно, и потому сосна и бамбук — это время. Время не просто утекает прочь — оно больше этого. Если твоему пониманию доступна лишь текучесть времени, ты не понимаешь «удзи», постигая лишь нечто преходящее.

В конце концов вы поймете, что все существования соединены и сами суть время, мое собственное личное время; основная черта «удзи» — непрерывность, протекание из сегодня в завтра, из сегодня во вчера, из вчера в сегодня, из сегодня в сегодня и из завтра в завтра. Так как непрерывность — одно из основных качеств времени, не происходит накопления ни прошлого времени, ни времени настоящего. Коль скоро нет накопления, Сэйгэн, Обаку, Косэй и Сэкито — все суть время. Раз «я сам» и другой суть время, то и практика, и просветление — это тоже время, как время — вступление в грязь и воду. Некоторые говорят, что свободное от самостного интереса отношение среднего человека выражается в том, что он видит; это не так, потому что Истина просто помещает человека в переживание причинных отноше-

ний. Мы узнали, что время и существование не тождественны Истине, и потому думаем, что золотое тело Будды не принадлежит нам; мы пытаемся освободиться от того факта, что мы и есть золотое тело Будды. Тем не менее даже в этом бедственном положении мы остаемся «удзи», как и те, кто еще не обрел просветления.

Часы следуют друг за другом в известном порядке, обычном для нашего мира, они ясны благодаря восхождению и нисхождению времени, которое кажется нам определенным и измеренным. Шесть часов и восемь суть время так же, как время — все живые существа и будды. Небесные божества освещают мир своими тремя головами и восемью руками так же, как делает это Кандзэон-босацу. Будды совершают то же своими трехметровыми золотыми телами. Тот, кто может выйти за пределы движения и покоя, полностью входит в мир. Знаки обретения состояния Истинного Будды являются в стремлении, в достижении, они явлены в просветлении и нирване, и все это — существование-время. Нет абсолютно ничего, кроме внимательного постижения времени как существования. Однако заблуждение есть заблуждение, и потому существование-время, не постигнутое надлежащим образом, будет лишь половиной существования-времени. Тело, даже ложно увиденное, есть существование-время; и пусть вы не сделаете ничего для исправления ошибки, охватывающей и прежде, и после, — это все-таки существование-время. Действовать свободно и легко в том, что окружает вас, — это существование-время. Полагать все это слишком простым и обычным — значит впустую тратить время, но и проводить часы в умствованиях тоже незачем. Большинство думает, будто время проходит; в действительности оно стоит на своем месте, там, где оно есть. Эта идея прохождения может быть названа временем, но это ложная идея, потому что, видя только то, что оно проходит, невозможно понять, что оно стоит. Возможно ли, чтобы придерживающиеся подобных взглядов обрели сво-

боду? Кто может выразить эту свободу, даже будучи в состоянии во всей полноте понять то, что время стоит там, где оно есть? Но если спустя много лет вы все же сможете выразить свое понимание, вы и тогда все равно останетесь в неведении относительно своего собственного изначального облика, потому что, когда думаешь о существовании-времени обычным образом, тогда обычными вещами становятся мудрость и просветление, являющимися в возникновении и прохождении времени.

Свободное от вожелений существование-время являет себя иногда здесь, иногда там; цари небес и их слуги не разлучены с возникновением существования-времени; все существа, земные или морские, выходят на свет из него. Существование-время порождает все вещи независимо от того, добры те или злы, и их возникновение и есть сам ход времени, вне же этого ничего нет. Не следует думать, будто непрерывность движется с востока на запад подобно буре. Слова не неподвижны, но и не стоят на месте, и это пример непрерывности. Так же и весна — ведь в ней свершается то, о чем мы говорим как о непрерывном. Если вы можете понять, что ничто не существует вне непрерывности, вы поймете и то, что весна всегда остается весной. Поймите, что непрерывность обретает совершенство в весеннее время как действительная непрерывность весны. Обычный человек видит в непрерывности прохождение через многие миры и жизни, но это мнение, очевидно, является результатом неполноценной практики.

Следуя совету Сэкито, Якусан посетил Басо. Он спросил мастера: «Я изучил почти все учения трех колесниц. Почему пришел с Запада патриарх?» «Иногда я заставляю Будду поднять брови и моргнуть, — ответил Басо, — а иногда я не делаю этого. Иногда для него хорошо сделать так, но бывает, что и нет. Как ты думаешь?» Якусан мгновенно достиг просветления и сказал: «В храме Сэкито я был как комар, пытающийся ужалить железного быка». Басо пытался сказать нечто, от-

личное от того, что говорили другие, ибо поднятие бровей *есть* гора и океан. Гора и океан — это поднятые брови, а потому, подняв брови, ты действительно должен узреть гору; если же ты хочешь постигнуть смысл моргания, глазам твоим должен действительно предстать океан. Противоположности близки друг другу, действие и не-действие суть одно. Дурное не всегда бесполезно, потому что все есть существование-время. В противном случае не было бы ни океана, ни горы. Не следует утверждать, будто время не существует, ведь гора и океан существуют в абсолютном настоящем. Если время придет в упадок, распадется, то судьбу его разделят с ним и гора, и океан; не случится этого со временем — неизменными пребудут и они. Благодаря этому появляются и глаза, и сорванные цветы, и все это — существование-время. Если бы это было не так, то ложно бы было и все вышесказанное.

Ученик Сюдзана Сэккэн Кисэй сказал однажды своим ученикам: «Иногда воля настроена верно, но не слова; иногда слова верны, но не воля; иногда и воля, и слова верны, но в другое время неверно и то и другое». И воля, и слова суть существование-время; верность и неверность суть существование-время. Верное не обладает завершенностью; неверное уже завершено; воля — осел, слова — лошадь; слова означают лошадь, воля — осли; существование-время подобно им. Быстрее всего путешествуют те, кто еще не добрался до места: прибытие мешает прибытию, но пока путешествие не окончено, очевидно, что ничто не мешает прибытию. Путешествию препятствует не-прибытие, но прибытие ему не мешает. Через волю мы постигаем волю; посредством слов постигаются слова. Встречаясь с препятствиями, мы постигаем препятствия, и препятствию препятствует препятствие, и это также существование-время. Другие вещи могут прибегать к помощи препятствия, использовать его, но само препятствие не может использовать другие вещи. Люди встречают меня, они встречают друг

друга, я сам встречаю себя, и выход встречает выход. Ничего этого не было бы, если бы все эти вещи не разделяли существования-времени. Воля — коан нашей повседневной жизни; слова — ключ к нему; верность — единственность; неверность — двойственность; и все они — воля, слова, верность и неверность — сами по себе и есть существование-время. Это должно быть и постигнуто, и пережито.

Множество раз говорили об этом учителя дзэн былых времен, я должен повторить еще раз. И воля, и слова, идущие лишь до половины пути, — существование-время; не достигающие и полпути — существование-время. Заставить моргнуть Будду, вынудить его поднять брови — половина существования-времени; заставить Будду моргнуть, вынудить его поднять брови — все существование-время; не сделать этого — половина существования-времени; не сделать этого — все существование-время. Изучать и переживать это, не изучать и не переживать это — существование-время.

ГЭНДЗЁКОАН

(Проблема повседневной жизни)

Заблуждение, просветление, практика, жизнь, смерть, будды и все живые существа существуют, когда существует буддизм; ни одна из названных вещей не существует, когда все они в Истине; все эти вещи существуют, ибо Путь Будды превосходит и единство, и двойственность. Когда мы восхищаемся цветами, они увядают; сорняки укрепляются, когда мы стремимся их уничтожить. Когда мы хотим сами проповедовать всем вещам и всем им даровать просветление — мы пребываем в омрачении; когда же все вещи учат и просветляют нас — мы просветлены. Сделать омрачение просветленным — значит, стать буддой. Большинство живых существ омрачены, в то же время они пребывают в просветлении. Одни просветлены, пребывая в просветлении; другие же омрачены, погруженные в омрачение. Когда будда — истинно будда, тогда ему нет нужды знать о своем единстве с Буддой, ведь истинно просветленный будда выражает свою буддовость в каждом мгновении своей жизни. Видеть вещи, внимать голосам со всей полнотой и силой восприятия, которыми одарены наши тело и ум, — как отличается это от созерцания отражения в зеркале или от лунного света на водной глади: отражение всегда являет вам лишь одну сторону вещи, другую оставляя невидимой.

Постигая буддизм, постигаешь самого себя; постигая себя, забываешь о себе; забывая о себе, просветляешься благодаря всему. Это и есть просветление, вы-

свобождающее из пут, привязывающих нас к телу и уму; освобождение приходит не к одному просветленному, но ко всем существам. Когда просветление истинно, оно стирает всякие следы привязанности даже к самому просветлению. Вот почему истинное просветление с необходимостью ведет к возвращению в мир обычных людей и к жизни среди них. Тот, кто впервые видит Истину, непроизвольно и естественно выходит за ее пределы. Как только Истина пробуждается в человеке, он в тот же миг сливается со своим собственным изначальным обликом, отождествляется с ним. Человеку, плывущему в лодке мимо берега, естественно кажется, что движется берег, а не он сам. Но стоит ему всмотреться повнимательнее, он, конечно, обнаружит, что в действительности движется лодка. Точно так же, смотря на все с ложной точки зрения своих ума и тела, человек приходит к ошибочному заключению о том, что оба они вечны. Однако стоит ему научиться адекватному взгляду на них — что доступно лишь тому, кто проник в Истину, — он откроет, что нет формы, субстанциально присущей чему бы то ни было. Сгоревшее дерево становится пеплом, и оно не станет деревом вновь; не следует обманывать себя, полагая, будто дерево предшествует пеплу. Вы должны ясно понять, что горящее полено заключает в себе «до» и «после». Но вопреки тому, что «до» и «после» наличествуют в горящем дереве, само оно отделено от них. А вот в пепле есть «до» и «после». Как дерево не становится деревом вновь, будучи однажды сожжено, так и человек, однажды умерев, не родится вновь человеком. Вот почему правы буддисты, утверждая, что жизнь не становится смертью. Точно так же истинно, что смерть не становится жизнью. Будда всегда учил этой истине. Две эти истины называют «не-жизнью» и «не-смертью». Жизнь и смерть — лишь положения, занимаемые нами во времени, это временные периоды, подобные весне и зиме. Зима так же не может стать весной, как весна не может стать летом. Отражение луны в воде подобно

достигаемому человеком просветлению: вода не увлажняет луны, луна не тревожит водную гладь. Сколь бы ярко ни светила луна, ее свет все равно отразится в луже; и полную луну, и бесконечный небесный простор отразит маленькая капля росы, повисшая на кончике травинки. Человек не скован просветлением, не ограничен им, как луна не ограничена отражающей ее водой; он не воздвигает препятствий на пути просветления, как капля росы ни в чем не препятствует луне или бесконечному небу. Кроме того, чем выше луна, тем глубже лунное отражение. Длительность же времени отражения зависит от глубины воды и полноты луны.

Когда человек обладает неполным знанием Истины, ему кажется, что он знает достаточно, и только вполне познавший Истину понимает: чего-то все еще недостает. Если во время плаванья вы не видите ни гор, ни земли, то океан кажется вам округлым, хотя он не кругл и не квадратен, но обладает бесконечным многообразием свойств. Одни видят в нем дворец, другие — прекрасное украшение. Только на короткое время океан может показаться круглым в силу ограниченной дальности нашего зрения, которая, однако, постоянно изменяется. Глядя на вещи, не следует забывать об этом обстоятельстве. Мир просветления вмещает множество разных вещей, но ученик дзэн видит столько, сколько позволяет ему его понимание. Для желающего познать Истину существенно знание того, что и горы, и океан — кроме того, что они квадратные или круглые, — обладают множеством свойств. Наше непосредственное окружение не столь значимо. Важно знать, что весь океан содержится в единственной капле воды, а Истина вечно являет себя на том самом клочке земли, на котором мы стоим сейчас.

Океан бесконечен — не важно, как далеко может уплыть в нем рыба; небо бесконечно — не важно, как далеко может улететь в нем птица. От начала вещей и птица, и рыба пребывают в единстве с небом и океаном. Ясно пойми: когда является великая потребность, при-

ходит и великое употребление; когда потребность ничтожна, под стать ей и употребление. Очевидно, все вещи во все времена употребляются полностью согласно потребности в них. Если птица не едина с небом, если рыба не соединена в одно с океаном, то они умирают, потому что жизнь рыбы — океан, а жизнь птицы — небо. В равной мере истинно, что жизнь неба — в птицах, а жизнь океана — в рыбах; птицы суть жизнь, и рыбы суть жизнь. Легко найти множество примеров истинности этой идеи. Каковы бы ни были обстоятельства практики и просветления, каким бы разным ни был жизненный срок людей — все образы жизни являются воплощениями Истины. Однако если рыба попытается выйти за пределы океана, а птица — за пределы неба, то ни рыба, ни птица не обретут своего места вне им положенного.

Прикосновение к Истине вдохнет подлинную жизнь в каждое ваше действие, что бы вы ни делали: все будет лишь естественным выражением Пути; каждое ваше действие станет Истиной, полностью постигнутой и усвоенной, осуществляемой в повседневных делах обычной жизни. Эта Истина не постигается на пути двойственного понятийного различения, т. е. различения большого и малого, субъекта и объекта и т. п. Путь Истины существует от начала, он не явился только сейчас, неким неповторимым, особенным образом. Ныне он таков, каким и должен быть. Ибо Путь Истины такой, как сказано выше: взявшись за что-то одно, вы понимаете это одно; завершив практику, вы понимаете эту практику. Так практикуется буддизм. Вряд ли мы в состоянии ясно понимать, когда именно мы глубоко выражаем Путь Истины, ведь само действие выражения пути рождается в буддийской практике, оно едино с ней по сути и приходит одновременно с ней.

Ошибочно полагать, что тот, кто достиг просветления, полностью осознает свою просветленность даже после ее обретения. Нелегко найти выражение для ин-

туитивного, подыскать определенную форму для него даже тогда, когда мы уже обрели просветление, когда оно стало нашим.

Летним днем учитель дзэн сидел, обмахиваясь веером, когда к нему подошел монах и спросил: «Природа ветра неподвижна и присутствует везде, так почему же вы прибегаете к помощи веера?» «Ты знаешь, что его природа неизменна, но тебе неизвестно, почему она присутствует повсюду», — ответил учитель. «Так почему же она присутствует повсюду?» — не унимался ученик. Вместо ответа учитель просто продолжал обмахиваться веером. Ученик поклонился.

Перед нами пример истинной передачи и просветления, которые суть итог живого опыта. Совершенно не понимает природы ветра и его вечного присутствия тот, кто не видит необходимости в обмахивании просто потому, что природа ветра неизменна и ее можно ощутить. Именно потому, что она вечна и всегда здесь, ветер буддизма несет земле ее золотое сияние и топленным маслом наполняет реки.

ТЭНДЗОКЁКАН

(Руководство для старшего повара)

С первых дней существования дзэн-буддизма в каждой его общине существует шесть служб, по-японски называемых *тидзи*. Священники, отправляющие эти службы, совместно, как дети Будды, отвечают за осуществление всех процессов в храме. Одна из этих служб — *тэндзо*, служба старшего повара, — место, всегда занимаемое старшим священником.

Только искушенный священник, совершенно пробужденный и страстно стремящийся к буддовости, во все времена считался достойным службы *тэндзо*, потому что тот, кто не снедает жаждой буддовости, не преуспеет в этом деле, как бы он ни старался. В «Правилах храма дзэн» ясно сказано, что в сознании священника-*тэндзо* должна поддерживаться неослабевающая жажда буддовости, и он должен постоянно создавать такие блюда, которые доставили бы глубокое наслаждение вкусившим их монахам. Эта служба поручалась выдающимся священникам, таким как Годзан. Но важно понять, что священник-*тэндзо* никоим образом не может быть уподоблен царскому повару или официанту.

Проходя обучение в Китае, я часто спрашивал старших священников о службе и обязанностях старшего повара. Все они любезно удовлетворяли мое любопытство, передавая все, что знали сами. Среди прочего говорилось, что удостоенные этой службы всегда были и остаются «сливками» буддизма, и эта традиция передана нам всеми просветленными буддами и патриархами. Желая понять суть обязанностей повара, мы должны

полностью изучить все «Правила храма дзэн» и внимательно слушать объяснения старших относительно мельчайших их деталей.

Каждый день после обеда повар советуется с экономом и с управляющим относительно продуктов для последующих завтрака и обеда: они обсуждают, сколько риса, сколько и каких овощей потребуются для ближайших трапез. Когда необходимые продукты приготовлены, их оберегают как зеницу ока. Один из учителей дзэн сказал как-то, что к общей храмовой собственности следует относиться столь же бережно, как к своим собственным глазам. С продуктами обращаться надлежит так, словно они были предназначены для царского стола; заботливо относиться следует ко всей пище — и к необработанной, и к обработанной.

После упомянутого совещания происходит еще одно — на кухне, где решается, какие овощи будут поданы, какие вкусы следует подчеркнуть, какую кашу приготовить. В «Правилах храма дзэн» подчеркивается, что во время приготовления пищи повар должен посоветоваться со всеми храмовыми чиновниками — с экономом, с управляющим, священником, отвечающим за прием гостей, наставником практики, поварами и со всеми, кто занят на прочих службах храма, — относительно тех вкусов, которые будут преобладать в приготовляемой трапезе, и о тех овощах, которые будут поданы. После согласования всех этих вопросов, меню на весь день пишется на досках, что висят перед дверью настоятеля и перед входом в ученический зал. Затем приступают к приготовлению каши для утреннего завтрака.

После того как перебраны и вымыты овощи и рис, повар должен привести свой ум в состояние глубокого сосредоточения, которое не только не отвлечет его от работы, но, напротив, позволит исполнить ее наилучшим для него образом. Ни в коем случае он не должен позволить себе питать презрение, неприязнь к какой-либо пище. Пусть повар будет усерден в выполнении своей работы, не делая различий между вещами, не противо-

поставляя их друг другу. Обитая среди океана заслуг, он не должен расхотеть понапрасну ни капли из его вод, хотя бы хижина его и венчала гору добрых деяний. Сколь бы сиюминутной ни была заслуга совершаемой им работы, повар не должен пренебрегать накоплением этой заслуги, даже если она кажется ему бесконечно малой и оттого не стоящей особого внимания.

В «Правилах храма дзэн» сказано, что повар, не сумевший соотнести и подчеркнуть шесть вкусов, не приготовивший пищу с сердцем нежным и чистым, с умом, исполненным высшего уважения к пище, не осуществил своего поварского долга в отношении собратьев-учеников. Поэтому повар должен быть тщателен и усерден во многих вещах — например, в удалении песка из риса, — поступая так, трудясь с нежным и чистым сердцем, он достигнет желаемого естественно, приведя в должное соотношение все шесть вкусов.

Сэппо был поваром при Тодзане. Однажды, когда он мыл рис, в кухню вошел Тодзан. «Что у тебя осталось после мытья, рис или песок?» — спросил он. «Я смываю и то и другое одновременно», — ответил Сэппо. «Коли так, что же будут есть ученики?» — поинтересовался Тодзан. Вместо ответа Сэппо перевернул ларь с рисом. «Когда-нибудь ты обретишь просветление, — заметил Тодзан, — но это произойдет не под моим руководством». Прибегая к таким вот способам, замечательные мастера прошлого обучали своих учеников, исполняющих обязанности повара; так и нам не пристало спуская рукава выполнять эту работу, когда ее поручат. Во время приготовления пищи повар должен так же истово стремиться к буддовости, как в наши дни порой трудятся люди, в пылу усердия раздевшиеся до пояса. Необходимо, чтобы мы сами тщательно следили за рисом и песком, не позволяя им смешиваться. В «Правилах храма дзэн» сказано, что повар сам должен внимательно проверить все продукты, дабы убедиться в их чистоте. Поэтому воду, в которой моют рис, нельзя небрежно выплескивать прочь. В старину, желая убедиться,

что в воде не осталось ни зернышка риса, использовали мешок для процеживания. После того как рис положили в котел, он должен быть защищен как от крыс, так и от любопытных.

В первую очередь готовят овощи, предназначенные для завтрака следующего дня, и только потом наступает очередь риса и супа для обеда. Обеденный стол, ларь для риса и всю необходимую столовую утварь следует тщательно мыть и хранить в чистоте в удобном для этой цели месте. Будь то палочки для еды, половники или другая кухонная утварь — все их следует подготавливать для работы и обращаться с ними так же сосредоточенно и внимательно, как и с пищей.

Рис, предназначенный для обеда следующего дня, начинают готовить только после того, как удалены все рисовые жучки, зелёный горох, грязь, песок и мелкие камешки. Во время смешивания риса и овощей всегда зывают к богу огня. Зывает один из младших учеников.

Затем подготавливаются все овощи, жидкости и прочие сырые продукты; те из них, что предназначены в пищу храмовым чиновникам, должны быть приготовлены так же, как и обычная еда, независимо от ее качества и количества. Старшему повару не пристало обращать внимание на неаппетитный вид продуктов и тем более сетовать на это. Пусть его сосредоточенная углубленность в собственную практику не оставит и малейшего зазора между ним и приготовляемыми продуктами, приведя его в совершенное единство с ними.

До наступления полуночи следует полностью приготовить продукты для завтрака следующего дня; сам же завтрак готовится после того, как пробьет полночь. На следующее утро по окончании завтрака чистят котел и варят рис и суп для обеда. Старший повар удаляется в помещение для мойки и там самолично тщательно моет рис. Он ни в коем случае не уходит, пока промывка риса не окончена, пристально следя, чтобы не пропало ни одно зернышко. По завершении мытья и процеживания воды рис помещают в котел и варят над огнем. Один старый

священник сказал как-то, что котел для варки риса следует мысленно уподобить своей голове, воду же, в которой мыли рис, — самой жизни. Летом весь рис, прежде чем подать его на обеденный стол, кладут в рисовый короб.

К приготовлению овощей и супа приступают, как только старший повар начинает готовить рис. Как и прежде, старший повар должен сам следить за всей работой. Время от времени он обращается к прислуживающему ученику, слуге или истопнику, чтобы они подготовили необходимую ему утварь. Если в старые времена только старший повар имел право готовить еду, то в наше время на кухне работают несколько прислуживающих учеников, исполняющих должность рисовара или наблюдающего за приготовлением блюд, специально приставленного к приготовлению риса и каши. Есть еще должность эконома, который может оказывать помощь в приготовлении пищи в больших храмах.

Старший повар не скользит по продуктам поверхностным, беглым взглядом, но не взирает на них и критически. Душа его столь свободна, что даже в одной травинке взору его открывается земля Будды, а о сердцевине ничтожной пылинки он может произнести великую проповедь. Ему не пристало исполняться презрением, готовя скромный суп, как не годится и упиваться радостью, варя суп из молока. Свободный от привязанности к последнему, он и к первому не почувствует ненависти. В нем не должно быть лености, как бы мало аппетитно ни выглядели продукты. Если же находящаяся перед ним еда хорошего качества, его практика должна стать еще более глубокой, во избежание влечения к этой прекрасной еде. Речь его, обращенная к другим, должна быть неизменной по стилю и интонации, потому что тот, чья речь изменчива, не является истинным искателем буддовости. Ему следует быть неизменно вежливым во всех деяниях и сильным в совершенствовании своего поварского умения, потому что именно этот труд выведет его на путь чистоты и усердия, по которому прошли многие замечательные священники прошлого. Сам я стремлюсь к тому

же. Как возможно неизменно сохранять единомысленную сосредоточенность ума? Известно, что когда-то давно искусный повар приготовил скромный суп из продуктов, купленных лишь на три гроша. Но истинный старший повар должен уметь за ту же цену приготовить прекрасный, изысканный суп. Для современного старшего повара такая задача почти неразрешимо трудна, потому что разница между современным и древним так же велика, как между землей и небом. В наши дни старшему повару крайне непросто приблизиться в своем искусстве к поварам древности, и все же он сможет даже превзойти их, если будет прилагать к работе все свои силы и сохранит мягкость сердца во время приготовления еды. Сегодняшние люди, по-видимому, совсем не думают об этих вещах, ибо в такой степени отдаются во власть своим собственным причудам, чувствам, рассуждающему уму, что совершенно уподобляются диким необъезженным лошадям, прыгающим и лягающимся, или же диким обезьянам, скачущим с дерева на дерево. Но стоит лишь обратиться мыслью на себя самого, отбросив прочь капризы, чувства, различающее рассуждение, — и свое единство, как и единства других, будут высвобождены. Поэтому тот, на кого влияют люди и вещи, также способен влиять на них и управлять ими. Чистые действия старшего повара должны исходить из осознания им собственного единства со всеми вещами и существами — вот что абсолютно существенно; не будучи сам скован предрассудками, он должен обладать даром ясного видения в сердцах и умах других. Пусть в своей работе он будет бесконечно разнообразным, чтобы собратьям его казалось, будто из простого кочана капусты их старший повар сотворил тело Будды длиной пять метров. Даже в наши дни и в наш век старший повар может так развить многообразие своей природы, что все живые существа обретут в ней помощь и поддержку.

Приготовленную еду убирают в подходящее для этого место. Затем, едва лишь раздадутся звуки барабанов или гонга, старший повар отправляется в зал для меди-

тации, где совершает свой дзадзэн и слушает настоятеля вместе со всеми учениками. Так поступает он и утром, и вечером. Вернувшись в свою комнату, старший повар закрывает глаза и в тишине и покое размышляет о всех тех, для кого он готовит, не забывая ни старших учеников в их кельях, ни тех членов общины, которых болезнь удерживает в лазарете, ни престарелых, ни отсутствующих, ни монахов, пришедших из других монастырей и проживающих в храмовой гостинице, ни других гостей. Если имеются сомнения в числе обитателей храма, старший повар должен уточнить его у наставника практики, старшего ученика или других чиновников храма. Когда же у него нет такого рода сомнений, пусть вспомнит, что тому, кто съедает зернышко риса с Истинным Умом, следует дать еще зерно, ведь съеденное им зерно может быть разделено на два, три, четыре и даже более зерен. Даже половина зерна порой равна целому или двум; две же половины, соединившись однажды, дадут одно целое. Если одно зерно разделить на десять частей и девять раздать, сколько зерен останется? Когда же все розданные зерна собираются вновь, сколько остается? Вкушающий это зерно с Истинным Умом видит Исана и приручает бледно-голубую корову; бледно-голубая корова поглощает Исана. Важно, чтобы старший повар обратился мыслью к себе самому и уяснил, до конца ли понял он значение бесконечного разнообразия вещей. Обретя полное понимание, пусть учит он людей согласно своим возможностям, день за днем усиленно трудясь на религиозном поприще.

Когда некто предлагает деньги на пропитание общины, старший повар обязан обсудить этот вопрос с другими служащими храма — таков традиционный путь принятия решений, касающихся распределения приношений. Ни при каких обстоятельствах не допустимо вторжение старшего повара в сферу деятельности других служб.

После того, как рис и суп приготовлены, их ставят на обеденный стол. Старший повар, облачившись в кэса, зажигает благовония. Затем, прежде чем пища будет

послана в трапезную, он раскладывает свою циновку и совершает девять поклонов в направлении зала для медитации. Он должен быть неизменно усерден в приготовлении ежедневных завтраков и обедов, не позволяя себе лениться ни при каких обстоятельствах. Сохраняя неослабевающую бдительность сознания во время работы, он естественно пробудит в себе зерно буддовости — сосредоточенное размышление неминуемо приведет его к пониманию того, что именно такого рода деяния ведут к высшему блаженству.

Прошло много времени, с тех пор как буддизм был привезен в Японию, однако до сих пор мне не доводилось читать ни одного сочинения учителя дзэн, в котором говорилось бы о правилах приготовления пищи, также нигде не встречал я упоминания о том, что старший повар должен кланяться в направлении зала для медитации, прежде чем еда отослана на стол. Это вызвано царящим повсюду непониманием Истинного Ума, открывающегося в надлежащем отношении к общинной пище и в способах ее приготовления, — непониманием, доходящем до уподобления этой пищи простой еде птиц и животных. Это величайший позор! Давайте же подумаем, почему это так.

Когда я жил в Тэндодзане, там был старший повар по имени Лу. Однажды после обеда я направился в другую часть храма, путь к которой лежал через восточный коридор. Там я увидел Лу, озабоченно сушившего грибы перед *буцудэн*, управляясь при помощи бамбуковой палки. На нем не было шляпы, и солнце нещадно жгло его голову. Земля под его ногами была раскалена. Но он продолжал трудиться, обливаясь потом. Лу был весьма немолод. Спина его была согнута и напряжена как лук. Он явно страдал. Почувствовав жалость, я спросил: «Сколько вам лет?» Его густые кустистые брови были белы, как оперенье журавля, и он ответил: «Шестьдесят восемь». «Почему же вы не поручите эту работу кому-нибудь из младших учеников или слуг?» «Они — это не я», — промолвил старик. «Я знаю вашу искрен-

ность и усердие, но солнце печет нестерпимо. Зачем утруждать себя такой тяжелой работой в столь жаркое время?» — не отставал я. «Разве есть другое время, кроме настоящего?» — спросил Лу в ответ. На этом наш разговор завершился, но, идя своей дорогой по коридору, я вдруг интуитивно постиг важность отношения старшего повара к его работе.

В мае шестнадцатого года Цзятин я находился на корабле и беседовал с капитаном, когда на борт поднялся старый священник, желавший купить грибов. Мы вместе пили чай, и я узнал, что он был старшим поваром большого храма. «Я из Шишу, — сказал он, — и мне шестьдесят один год. Сорок лет назад я оставил дом. Почти во всех храмах, где мне довелось жить, жизнь общины была чистой и истинно религиозной. В начале прошлого года я был в Гуюне. Мне выпала возможность остаться на какое-то время в Аюване, но я не воспользовался ею. К счастью, несколько позже, в конце лета, я был назначен туда старшим поваром. Завтра пятое мая, и я должен приготовить пищу для всей братии, но в храме нет ничего подходящего. Сначала я хотел поднести им овощи и лапшу, но у меня не было грибов, поэтому я и пришел сюда». «Когда вы ушли из Аюваньшаня?» — спросил я его. «После обеда», — ответил он. «Вам пришлось долго идти?» «Я прошел около тридцати четырех-тридцати пяти ри», — ответил старый монах. «Когда же вы пойдете обратно?» «Как только куплю грибов». «Я так рад нашей встрече, возможности побеседовать с вами. Мне бы хотелось предложить вам что-нибудь». «Боюсь, это невозможно, ведь, если я задержусь, некому будет приготовить завтрашнюю трапезу», — ответил тот. «В таком большом храме, как Аюваньшань, уж наверное, есть кому приготовить еду? Неужели отсутствие одного старшего повара может что-то нарушить?» — удивился я. «Хоть я и стар, но как старший повар отвечаю за приготовление пищи. Такова практика, к которой я призван в дни моей старости, как же я могу переложить мои обязанности на

плечи других? Нельзя забывать и о том, что я не получал позволения отсутствовать ночью», — объяснил старик. «Разве для вас не лучше было бы изучать коаны или практиковать дзадзэн?» — спросил я. — Что толку от такого тяжелого труда, когда это всего лишь работа старшего повара?» Он рассмеялся от души над моими словами: «Мой добрый чужеземец, вы совсем не понимаете ни истинного смысла буддийской практики, ни ее свойства». Мне стало стыдно, и в то же время его ответ удивил меня. «В чем же они?» — спросил я. «Сохраняйте покой и тишину в самых глубинах своего вопроса, и тогда ответ явится сам», — ответил он. Я не мог понять его. Увидев мое изумление, он добавил: «Если вы не в состоянии понять меня, я могу предложить вам посетить Аюваньшань. Там мы поговорим об этом». Он поднялся, собираясь уходить. Последними его словами ко мне были: «Темнеет. Я должен поскорее добраться до дома, у меня нет времени на праздную болтовню».

Когда в июле я был в Тэндодзан, он навестил меня. «Я собираюсь оставить должность старшего повара в конце лета и уйду домой. Я случайно узнал, что вы здесь, от одного брата-ученика. Мне не терпелось повидать вас». Я тоже был рад снова встретиться с ним. Мы говорили о многом и среди прочего вспомнили о нашем разговоре на корабле. «Когда кто-то хочет понять истинное свойство буддийской практики, — сказал старый повар, — ему необходимо полностью осознать изначальный ее смысл. Посвятивший себя буддийской практике должен понимать истинный ее смысл». «Каково же это свойство?» — спросил я. «Один, два, три, четыре, пять», — был ответ. «Что такое буддийская дисциплина?» «Вся вселенная проявляется совершенно естественно», — ответил он. Он говорил со мной и о многом другом. Не вдаваясь в подробности нашей беседы, скажу лишь, что благодаря ему я смог значительно продвинуться в постижении свойства и практики буддизма. Когда обо всем этом я поведал моему наставнику Мёдзэну, он полностью согласился со мной. Несколько позже в

«Монашеских заповедях» я прочел следующие строфы, принадлежащие Сэттэ:

Один, семь, три, пять,
Опоры нет ни для какой вселенной;
Ночь приходит, всходит луна,
Светом своим она движет воды реки;
В пасти дракона чудных алмазов много
Смогу найти.

В этих строфах говорится о том же, о чем поведал мне годом раньше мой знакомый старший повар. Я знаю, он был истинным искателем буддовости.

Вначале моими свойствами были: один, два, три, четыре и пять; теперь же к ним присоединились шесть, семь, восемь, девять и десять. Для буддийского ученика существенно важно постигать истинное свойство буддизма всем сердцем, не впадая в крайности. Только так единство дзэн будет понято. В противном случае бесконечное разнообразие дзэн станет для нас разрушительным, и мы не сумеем должным образом приготовить пищу для всей общины.

Все старшие повара усердно исполняли свою работу, и в этом обстоятельстве мы находим изначальный смысл буддийской практики и ее истинное свойство — ведь это самый мозг истинно унаследованного буддизма.

В «Правилах храма дзэн» сказано, что завтрак и обед должны быть приготовлены с наибольшей старательностью, так, чтобы еды было в достатке. Не только завтрак, но и все остальные трапезы, еда и питье, как и вся необходимая утварь, лекарства, постельные принадлежности, — все это должно готовиться с неизменной тщательностью и в достаточном количестве. Двадцать лет своей жизни Будда отдал ради нашего блага. Столь велик свет, излучаемый им, что едва ли мы можем до конца постичь его благость. Поэтому старший повар все свои помыслы должен отдавать служению общине, не заботясь о собственном благосостоянии. Когда он совершенно не думает о выгодах своей работы, вечное блаженство

пребудет с ним. Таким, я полагаю, должен быть умственный настрой в отношении всей общины не только у старшего повара, но и у настоятеля храма.

Кто бы ни занимался приготовлением пищи, лучше всего, если он будет придерживаться искренне уважительного отношения к ней, независимо от ее качества. Женщине, поднесшей Будде кувшин с молоком, было обещано, что в будущей жизни она станет пратьекабуддой, потому что была искренней. Царь Ашока был освобожден от страданий в момент смерти за то, что поделился половиной плода со священниками, находившимися у его смертного ложа, и это было последнее его доброе деяние. Примеры эти показывают, что небольшие подаяния, совершаемые в духе благочестия, несут благо совершающим их не только в настоящем, но и в будущем. Сколь бы ничтожными и преходящими ни были наши подношения Будде, совершать их следует от чистого сердца и в духе истинной религии. Такие деяния суть достойные деяния для всех людей.

Старший повар, выбирая продукты для трапезы, не должен отдавать предпочтение густым сливкам перед супом или овощами. Случись ему выбирать между ними, пусть он руководствуется глубоко искренним умом, свободным от загрязнений. Священник, однажды вступивший в бескрайний океан буддизма, не усматривает различия между густыми сливками и простым овощным супом, ибо понимает, что все тождественно океану буддизма. Само собой разумеется, всякий старший повар, однажды истинно пробудивший в себе зерно буддовости, не видит различий между подобными вещами. Некогда великий учитель сказал, что как для огня нет различий между дровами, так и для священников нет разницы между разными видами пищи. Если во время приготовления пищи ум наш чист, то даже самые грубые виды еды станут для нас той почвой, из которой прорастет семя буддовости.

Никогда не пренебрегайте этим: сколь бы скудным ни было количество пищи и убогим ее качество, водите-

ли людей и богов даже посредством такой пищи могут привести к спасению все живые существа.

Священники бывают старые и молодые, некоторые из них обладают множеством заслуг, другие же совсем их не имеют — это во всей полноте и ясности должен охватывать умом старший повар. Он не может знать своего будущего, тем более недоступно для него знание будущего других. Вот почему дурно с его стороны пытаться судить других по своей мерке. Члены священнической общины — и младшие, и старшие, и умные, и глупые — все суть сокровище буддизма. То, что было ложным вчера, завтра может стать истинным. Невозможно отделить священное от мирского. В «Правилах храма дзэн» говорят, что в каждом священнике — свят он или нет — скрыта способность охватить, обнять собой всю вселенную. Мы должны быть совершенно свободны от нравственных различий. Усиленная практика, она одна, — вот истинный путь. Весь буддизм может открыться вашему взору, но стоит вам сделать всего лишь шаг в сторону проведения нравственных различий, — и этот один шаг уведет вас далеко от истины. Мастера прошлого явили подлинный смысл нравственного в тех напряженных усилиях, которые прилагали они к практике буддизма. Да будут старшие повара грядущего деятельны и усердны в исполнении своих обязанностей. «Правила храма дзэн» Хякудзё неживы.

Когда по возвращении в Японию я проживал в Кэнниндзи, я был крайне удивлен, обнаружив полную неосведомленность старшего повара в отношении истинного способа приготовления пищи. К несчастью, у него не было возможности научиться у великих старших поваров других храмов, потому что большую часть своего времени он проводил в праздности и лени, что совершенно неприемлемо в буддизме. Он никогда сам не занимался приготовлением еды, не готовил ни завтрака, ни обеда. Всю свою работу он перекладывал на неотесанного, невежественного слугу, который еще меньше своего господина беспокоился о способе приготовления

пищи. Никогда не давал он себе труда проверить, все ли должным образом делает его слуга. И вместе с тем этот старший повар не видел ничего постыдного в своих постоянных визитах к живущей неподалеку женщине. Единственными и неизменными его занятиями были сплетни и пустое чтение сутр у себя в келье. Ничего больше он не делал, подолгу не заглядывал в кухню, никогда не утруждал себя покупкой кухонной утвари, не задумывался о том, вкусна ли будет пища, которую он готовит. Очевидно, ему и в голову не приходило, что приготовление пищи может быть делом Будды. Ни малейшего представления не было у него и о том, что пища может подаваться только после воскурения благовоний и поклонов перед залом медитации. Он даже не подозревал о том, как должно направлять младших во время трапезы, — это ли не стыд! Он не обладал умом, стремящимся к пути, и никогда не был истинным искателем буддовости. Старший повар Кэнниндзи был одним из тех, кто, совершив путешествие к горе или океану сокровищ, возвращается с пустыми руками. Не пробудившись к буддовости, он все равно мог бы исполнять обязанности старшего повара, будь у него возможность увидеть хоть раз подлинного, истинно пробужденного наставника. Но он не пробудил в себе семя буддовости и не тревожился о приготовлении еды, — так какой же в нем был толк?

В китайских храмах срок службы любого чиновника ограничен годом. Когда — как это порой случается во время храмовых трапез — поступают приношения от мирян, особая роль отводится именно этим священникам. Они должны неизменно усиленно трудиться на своем поприще как ради своего блага, так и ради блага других. Им надлежит постоянно совершенствовать свою практику, строго следуя всем храмовым предписаниям, и, перенимая методы практики старых мастеров, стремиться встать вровень с установленными ими высокими образцами. Если мы сопоставим эти нормы жизни храмовых служащих с описанной выше жизнью старшего повара, нам придется признать, что о своей практике он

заботился так мало, как будто это была практика кого-то другого. В то время как те, кто следует приведенным выше нормам, к практике других столь же равнодушны, сколь равнодушны к своей собственной. В одном старинном стихотворении говорится:

Две трети его жизни протекли,
Но так и не очистил он свой ум.
Лишь выгода и слава всегда его влекли,
В словах моих не может он расслышать
предостереженья.

Ясно, что без истинных наставников нас поглотит жажда славы и выгоды. Старший повар, о котором я говорил, напоминает мне глупого сына богача из *Лотосовой сутры*: получив богатое наследство, он убежал из дома и выбросил все сокровища как никчемный хлам. Ужасная ситуация для старшего повара!

Вызывая в памяти образы старших поваров древности, я понимаю, что все они были достойны своей службы. Все они достигли просветления, трудясь на своем поприще. Годзан в трех фунтах льна явил будду перед всей братией. Нет ничего более ценного, чем просветление, как нет времени, кроме настоящего.

Обратимся теперь к размышлению о тех, кто истинно искал просветления. Ребенком он подарил Будде свое сокровище — горсть песка — и потому позже стал царем Ашокой. Будда Шакьямуни сказал однажды царю Удаяне, что после его (Будды) ухода кто бы ни взялся изваять статую Будды, быть ему пригожим или прекрасным на протяжении многих рождений, сколько бы их ни было. Кроме того, после смерти такой человек будет рожден на небесах. Очевидно, и служба и наименование старшего повара останутся неизменными. Рассказы о делах старших поваров древности дошли до нас, и потому подобные священники могут вновь явиться среди нас, если практика наша будет истинной.

Все чиновники храма должны воспитывать в себе три основные наклонности ума: благодарность, любовь и

щедрость. Ум экстатический изливается в благодарности. Живи мы на небесах, радость наша была бы столь неизмерима, что у нас не было бы времени ни для пробуждения семени буддовости, ни для практики, и мы никогда не смогли бы приготовить пищу для Трех Драгоценностей. Нет ничего более великолепного и превосходного, чем Три Драгоценности. Своим достоинством и великолепием они далеко превосходят величайшее божество на небесах, также неизмеримо выше они и высочайшего на земле. В «Правилах храма дзэн» сказано, что священники значительно превосходят своим достоинством любое существо на земле, ибо тело их и ум чисты и полностью свободны от земных привязанностей. Как прекрасно, что нам посчастливилось родиться людьми, — благодаря этому мы можем стать старшими поварами, которым дарована честь приготовления чистой пищи для величайших Трех Драгоценностей. Нет радости выше этой. Если бы мы родились в одном из злых миров, например в аду, в мире голодных духов, животных, асуров, или в любом из восьми миров, которых не достигает истина буддизма, у нас не было бы возможности приготовить чистую трапезу для Трех Драгоценностей вместе со всей великой священнической общиной, потому что и тело наше, и ум были бы тогда порабощены страданием. Нам посчастливилось, что в этой жизни у нас есть возможность поднести чистую пищу Трем Драгоценностям. Как же счастливы мы! Сколь благословенно это тело! Целую вечность у нас не будет возможности лучше этой, заслуга ее неопишима! Когда мы с чистым умом служим нашим братьям-ученикам, один день или даже один час работы несет в себе сотни, тысячи жизней, что непременно принесет плоды в множестве грядущих жизней. Постичь истину столь ясно значит излить свою благодарность. Даже если бы мы стояли превыше всего в этом мире, положение наше было бы не ценнее мыльного пузыря, не сумей мы приготовить трапезу для Трех Драгоценностей.

Умы наших родителей изливают любовь к нам. Давайте же и мы возлюбим Три Драгоценности так, как любят нас наши родители! Каким бы бедным ни был человек, мы часто видим, как выражает он любовь к своим детям. Вместе с тем, кто, кроме него самого, сможет постичь меру его любящего ума? Все люди, бедные и богатые, желают, чтобы дети их выросли сильными и большими, и потому с неиссякаемой привязанностью защищают их от невзгод, являя тем самым величайшую искренность. Тот, кто не одарен таким умом, не сможет понять его. Старший повар должен любить воду и рис так же, как родители любят своих детей. Будда отдал нам двадцать лет своей жизни потому, что желал на своем собственном примере научить нас отеческой любви, а не потому, что стремился к славе и выгоде.

Щедрый, великодушный ум тверд как скала и безграничен как океан, он свободен от различений. Обладающий таким умом не видит разницы между простым металлом и золотом; его не очаровывают ни прекрасные, ни отвратительные голоса, не замечает он и смены времен года. Нам следует постоянно прояснять наше постижение щедрого ума, записывая о нем, познавая его и узнавая его во всех наших повседневных делах.

Без ума, описанного выше, бывший старший повар не смог бы научить своего испорченного и легкомысленного ученика, Дайи не сумел бы показать свое понимание мастеру, подув три раза на погасшее пламя, а Годзан не явил бы Будду в трех фунтах льна. Отсюда вы должны понять, что наставники древности в своих повседневных делах руководствовались именно этим умом и его проявляли в своих поступках. Даже теперь они ясно показывают нам истинный смысл и важность практики, ведя нас к освобождению. Широкая столбовая дорога к просветлению — это наша собственная практика. Кем бы мы ни были — настоятелями, чиновниками, простыми учениками, — мы должны постоянно удерживать в нашем уме три этих состояния.

КНИГА III

УЧЕНИЕ КЭЙДЗАНА-ДЗЭНДЗИ

ВВЕДЕНИЕ К ПЕРЕВОДАМ

Кэйдзан-дзэндзи родился в префектуре Фукуи в 1267 г. В двенадцать лет он пришел в храм Эйхэйдзи, где настоятелем тогда был Коун Эдзё. Затем Кэйдзан продолжал обучение в том же храме под руководством Тэцу Гикая. Значительную часть своей жизни он основывал храмы в различных областях Японии, пока не занял место старшего настоятеля Дайдзёдзи в Исикава, в той же префектуре, где он учил на протяжении десяти лет. В 1321 г. по просьбе Дзёкэна-рисси, Кэйдзан-дзэндзи стал старшим настоятелем Сёгакудзи, со временем переименовав его в Сёгакудзан Содзидзи. Содзидзи, при императоре Го-Дайго (1318—1339) ставший «императорским молитвенным храмом», стал одним из двух главных храмов сото-дзэн в Японии, равным по своей значимости только Эйхэйдзи. Сам же Кэйдзан-дзэндзи стал величайшим патриархом сото после Догэна-дзэндзи. На священном изображении церкви сото-дзэн наверху в центре мы видим Будду Шакьямуни, справа под ним — Догэна-дзэндзи, слева — Кэйдзана-дзэндзи. Догэн считается отцом сото, Кэйдзан — его матерью.

До прихода Кэйдзана сото-дзэн существовал лишь в пределах нескольких весьма небольших монастырей, ни один из которых не располагался в Киото, духовной столице Японии того времени. Оживленный же гением Кэйдзана, сото не только расцвел с новой силой, но стал крупнейшей и наиболее влиятельной школой дзэн, соперничая впоследствии со школой син.

Сочинения Кэйдзана-дзэндзи, в отличие от вышедших из-под кисти Догэна, по природе своей интуитив-

ны. Догэн порой напоминает пуританского отца, постоянно требующего от своих детей высшей чистоты, искренности в их медитационной практике. Кэйдзан же, что легко почувствовать, читая переводы его сочинений, был гением интуитивным, более чутко, чем окружающие, чувствующим характер времени, его нрав и потому понимающим, как, применяясь к этому характеру, лучше всего обеспечить развитие сото-дзэн.

В письменное наследие Кэйдзана входят *Дэнкороку* и *Санкон дзадзэн сэцу*, равно как описание большинства (если не всех) церемоний, практикуемых в сото вплоть до сегодняшнего дня. С точки зрения понимания буддизма вообще, наиболее важной его работой следует признать *Дэнкороку*, или «Книгу передачи». Она состоит из пятидесяти двух глав, каждая из которых описывает один коан и его решение кем-либо из патриархов, начиная с Будды Шакьямуни вплоть до Догэна. Главы очень коротки и отличаются ясностью изложения. Каждая глава начинается с описания действительного момента решения коана, излагается и сам коан. Затем следует история патриарха, обогащенная какими-нибудь необычными подробностями его волшебного рождения или же последующей жизни, вкрапленными в историю и ставшими частью буддийского предания. Наиболее значимая часть каждой главы — собственно описание тех обстоятельств и того особого состояния ума, которые оказались необходимы для решения именно этого конкретного коана. Особое внимание обращается на идентичность методов решения всех коанов при видимом внешнем различии случаев, а также на то, что каждый коан есть лишь грань одного вечного всеобщего коана. Чтобы более выразительно представить последний тезис, Кэйдзан завершает каждую главу коротким стихотворением, соответствующим той грани вечного коана, которую представляет обсуждаемый коан. Взятые вместе, стихотворения образуют единую нить, бегущую от главы к главе, соединяющую все их в одно велико-

лепное произведение духовного искусства. В *Дэнкороку* поэтический и интуитивный гений Кэйдзана достигает полного расцвета. Кто бы ни взялся за чтение этой книги, если им руководит действительно искреннее желание постичь дзэн, он не закроет ее, не обретя хоть небольшого, но подлинного понимания дзэн. Поэтому перевод *Дэнкороку* существенно важен, особенно теперь, когда книжные прилавки ломятся от книг, претендующих на разъяснение учения дзэн. Я привожу здесь лишь пятнадцать глав из работы Кэйдзана, но полагаю, этого вполне достаточно, чтобы подогреть аппетит истинно ищущих узнать дзэн и, быть может, подтолкнуть какого-нибудь другого ученого к продолжению работы, начало которой положено мной и преподобным Ёго.

Санкон дзадзэн сэцу — короткая работа, описывающая три типа сознания, которые находят выражение в трех типах практики медитации. Манускрипт этот долго оставался неизвестным. Насколько мне известно, до сих пор западный читатель был знаком лишь с одним, весьма убогим переводом этого сочинения.

Книга *Кёдзюкаймон*, как и церемонии, приведенные в книге IV, важны для того, кто стремится проникнуть в суть нравственной практики сото и обрести целостный взгляд на учение сото во всем его объеме. Каждая церемония не только призвана воплотить учения Будды Шакьямуни, но должна служить разъяснением их, указывая и на конкретное приложение учения в повседневной жизни. Кроме того, церемонии выявляют то состояние ума, которое выводит за пределы церемонии как ограниченной формы, обращая ее в медитацию.

Книга IV, разумеется, не охватывает все церемонии сото, в нее входят лишь наиболее существенные из них. Многие церемонии создавались как некая альтернатива медитациям в тех монастырях, где, особенно в XIV в., не было других занятий, кроме возделывания земли. Кэйдзан-дзэндзи работал над совершенствованием церемоний, стараясь донести до сознания учеников своего

времени ту истину, что всякая деятельность является медитацией, коль скоро она совершается с надлежащим настроением ума. Но он сумел не только воспитать в своих учениках способность видеть во всех делах и действиях этой жизни одно главное действие — ему удалось достичь большего. Посредством великолепия, величественности этих церемоний Кэйдзан доносил свое учение до беднейших членов общества, в убогой жизни которых было так мало красоты: они приходили в храм и видели там нечто совершенно прекрасное. Многим из них удавалось переплавить увиденное в подлинную духовную энергию: они шли дальше одного лишь красивого зрелища, саму свою жизнь превращая в практику медитации, такую же, какой предавались ученики в своих храмах.

Я пыталась в своих переводах по возможности точно следовать оригинальным текстам, стараясь в то же время не выходить за рамки литературного английского языка. В отличие от Догэна, чьи работы требуют значительной редакции, Кэйдзан обладал, по-видимому, вполне отчетливым представлением о форме и стиле писания. В работах Догэна мы встречаем множество идей, высказывающихся неожиданно и совершенно не к месту. Сочинения же Кэйдзана отличаются совершенной художественной цельностью. На протяжении веков церемонии обрели разнообразные традиции, поэтому неудивительно наличие незначительных различий между теми, что совершаются в храмах в наше время, и записанными Догэном; так, отличаются описанный Догэном ритуал трапезы и действительный обеденный церемониал, описанный в книге IV. Невозможно сказать, проводилась ли когда-нибудь церемония общей трапезы в полном соответствии с изложением ее у Догэна. Эйхэйдзи заявляет, что при нем якобы так и было, но едва ли это верно. Изучив церемонии в их изначальном виде и затем в их современной форме, я пришла к выводу, что точное следование внешней форме не так существенно, как понимание внутреннего духа. Поэтому мы вместе

с моими коллегами-переводчиками отважились перевести текст церемоний согласно традиции, преобладающей в Содзидзи в наши дни. Читателю, которому случится посетить Японию, я советовала бы не тревожиться относительно незначительных несовпадений тех церемоний, свидетелем которых ему придется быть, и тех, что приводятся в этой книге, даже в том случае, если они будут отличны от проводимых в Содзидзи при новом настоятеле. Тисан Кохо-дзэндзи шел своим путем, его преемники идут своим. Настоятели — словно боги в своем праве, и власть их не ограничена даже в том, что касается церемоний. Помня об этом, вы оградите себя от лишних проблем.

Было бы неблагоприятно и непрактично переводить текст церемоний *дзюкай* и *кэссэй*, точно следуя их формам, принятым в Содзидзи. Большинство американских и английских храмов крайне малы, поэтому священники и монахи пришли бы в растерянность, исполняя те церемонии, которые обычно проводятся в огромном храме с множеством залов, с участием целого отряда помощников. Как правило, для любой церемонии, кроме, возможно, *хоссэн*, достаточно трех человек; впрочем, и с этой церемонией в Японии порой справляются сам мастер, его старший ученик и еще один-два участника. Хотя, как я уже говорила, внешняя форма не так существенна, как внутренний дух, это не значит, что допустимо проводить церемонию спустя рукава. Необходимо ясно понять, что тело выражает ум, и потому необходимо придерживаться традиции, не будучи скованным ею. Именно к этому стремился Кэйдзан-дзэндзи, того же желаю и я, и мои собратья переводчики.

Исторические подробности жизни Будды Шакьямуни и патриархов воспроизведены в *Дэнкороку* Кэйдзана-дзэндзи не слишком точно. Эту его работу следует читать как произведение интуитивного искусства, а не как собрание исторических фактов. Об этом следует помнить историкам.

ДЭНКРОКУ (КНИГА ПЕРЕДАЧИ)

Глава I

БУДДА ШАКЪЯМУНИ

Когда Шакьямуни увидел утреннюю звезду и достиг просветления, он сказал: «Я был просветлен мгновенно вместе со всей вселенной».

Будда Шакьямуни принадлежал к роду Ниссю, известному в Индии как Солнечная династия. Однажды в полночь — ему было тогда девятнадцать лет — он бежал из дворца и достиг горы Дандокусэн, где обрел свои волосы. На протяжении шести лет Шакьямуни практиковал аскезу. Шесть лет сидел он неподвижно на одном месте, пауки оплели его лоб паутиной, а птицы свили гнезда в его волосах. Травы пышно разрослись вокруг него и между его ног, но он сидел неподвижно еще шесть лет.

Когда восьмого декабря взошла утренняя звезда, он постиг духовное просветление и впервые произнес слова — те, что приведены выше. Ему было тогда тридцать лет.

После этого на протяжении сорока девяти лет он никогда не оставался один. Не было дня, чтобы он не учил своих учеников, как не было дня, когда бы он расстался с чашей для подаяния или с рясой. Он проповедовал тремстам шестидесяти ученическим общинам.

Последним, кому Будда передал истину, был Макакасё, и эта передача, не прерываясь, дошла до наших дней. Действительно, по всей Индии, в Китае и Японии практика ради обретения истины сохранилась до нашего времени.

Изречения, деяния и образ жизни Будды Шакьямуни — все это суть правила для его учеников. Хотя он и обладал тридцатью двумя признаками Будды, благими обликами и восьмьюдесятью приметами, он жил в облике старого монаха — облике, ничем не отличным от нашего. Поэтому живущие после него, во все три эпохи — Сё, Дзо и Мацу¹, — если стремятся они уподобиться ему, то принимают его облик; во всем следуют они образу жизни Господина, ни в чем не возносясь над ним. Со времени Будды Шакьямуни все будды и патриархи неизменно соблюдают непрерывность наследования и передачи истины. Это ясно.

Сколь бы различны ни были притчи, дела и слова, о которых было рассказано и которые были явлены тремстам и шестидесяти общинам на протяжении сорока девяти лет, они не существовали вне и помимо этой Истины. Так называемое «я» не есть Будда Шакьямуни. Он родился из этого «я». Не только он, но и весь мир, все живые существа находятся вне «я». Когда Будда Шакьямуни просветлен, весь мир и все одушевленные вещи просветлены вместе и одновременно с ним; они соединены с ним так же, как каждая из сплетенных в канат нитей соединена с этим канатом. Не только весь мир и все одушевленные вещи просветлены, но и все будды в тройственной вселенной предвкушают истину.

И все же Будда Шакьямуни не ведает о собственной просветленности. Не ищи Шакьямуни Будду вне вселенной, вне почвы и вне всех живых существ! Все вещи вселенной погружены в очи Будды Шакьямуни. И ты

¹ Три эпохи бытования учения Будды (см. сноску на с. 186). — *Прим. отв. ред.*

также в них. И не только ты в его глазах, но сами эти глаза и есть ты. Далее, глаза Шакьямуни стали частицей твоей плоти, и все пребывает во всем, и нет ничего, что правило бы всем. Поэтому не думай, будто глаза Шакьямуни — это глаза Шакьямуни, будто ты — это ты, постоянно и неизменно. Ты *есть* глаза Шакьямуни. Шакьямуни есть все в тебе. А если так, в чем заключается основополагающая идея просветления?

Я задаю тебе вопрос: просветлен ли Шакьямуни вместе с тобой, или это ты просветлен с Шакьямуни?

Когда сказано, что ты просветлен с Шакьямуни или что Шакьямуни просветлен с тобой, тогда это просветление не принадлежит Шакьямуни; не в этом основополагающая идея просветления. Если ты хочешь постичь идею просветления подробно, отбрось одновременно и Шакьямуни, и себя самого и узнай: они суть «я». «Я» и «вместе с» в первом изречении Шакьямуни суть весь мир, вселенная и живые вещи. Это «я» не есть *старый* Шакьямуни.

Постигай подробности, обдумывай до конца, пойми «я» и «вместе с»! Даже если ты можешь понять «я» и не можешь понять «вместе с», — ты еще не понимаешь полностью, ты видишь лишь одним глазом.

Но «я» и «вместе с» не есть одно и два. Твоя кожа, плоть, кости и мозг — все они «вместе с». Господин дома — это «я». В конце концов, если хочешь познать вечного Господина дома, не нужно размышлять о нем как обо всем мире и одушевленных вещах.

Хоть Господин дома явлен в весне, лете, осени и зиме, хоть горы, реки и почва различаются во времени, в этом мире Господин полностью явлен в поднятии бровей, в моргании глаза старого Шакьямуни.

Господин не выбрасывает прочь все мирское, но и не оставляет его. Преподобный Хогэн говорил: «Нет нужды говорить». Преподобный Дзидзо спросил: «Что называют всем?» Поэтому практикуй дотошно, не упуская подробностей, реализуй полностью и постигай про-

светление Шакьямуни и свое! Постигни этот коан до конца! Пусть речь твоя рождается в твоём сердце, не заимствуй слова у предшественников и современников! Я увижу ответ при нашей следующей встрече.

Хочешь услышать мои смиренные слова?

Ветвь старой сливы прямо растёт,
Шипы простирая со временем вместе.

Глава II

ПЕРВЫЙ ПАТРИАРХ МАКАКАСЁ-СОНДЗЯ

Тогда Шакьямуни-сэссон, почитаемый превыше всех в целом мире, взял цветок и на мгновение прикрыл глаза. Макакасё улыбнулся. Шакьямуни же сказал, что Истина пребывает в Макакасё, и передал ему Истину.

Досточтимый Макакасё-сондзя принадлежал к касте брахманов. Его индийское имя — Касяпа (Кашьяпа), что означает «тот, кто пьёт свет».

При его рождении комната наполнилась золотым светом, и свет этот влился в уста новорожденного патриарха. Именно этой истории обязан он тем, что позднее его стали называть «тем, кто пьёт свет». Тело его было золотым и обладало тридцатью благими признаками. Ему не доставало лишь утолщения на голове и завитка белых волос на лбу, закрученных вправо.

Впервые он повстречал Шакьямуни-сэссона перед башней Гаси — башней «многих сыновей». Сэссон обратился к нему: «Добро пожаловать, монах», — и в тот же миг волосы и борода отделились от лица Макакасё, тело же его облеклось в кэса.

После того как ему была передана истина, Макакасё практиковал двенадцать *дзуда*, т. е. двенадцать спосо-

бов укрощения мирских желаний, расчищающих путь Истинному Уму. Ни одного дня своей жизни не прожил он напрасно или в праздности.

Однако внешний облик Маакасе́ был столь странен, а одеяние так убого, что все видевшие его гадали, кем он мог быть.

Поэтому, когда бы Шакьямуни-сэссон ни проповедовал, половину своего сидения он неизменно уступал Маакасе́. Маакасе́ всегда был лучшим из старших учеников.

Так присутствовал он во все времена не только на проповедях Шакьямуни, но и на собраниях будд прошлого. Знай, что он был превосходным буддой! Не думай, будто место его среди сёмон, которые гораздо ниже бодхисаттв!

На собрании, что проходило на горе Рёдзю, перед восемью тысячами своих последователей Шакьямуни поднял цветок и на мгновение прикрыл глаза. Большинство бывших при этом не смогло понять смысла увиденного и потому безмолвствовало. Только Маакасе́ улыбнулся в ответ. Шакьямуни же сказал: «Я владею истинным законом, превосходной нирваной, Умом, округлым и ясным законом, не имеющим признаков. Все это передаю я ныне великому Маакасе́». Так называемое «поднятие цветка» дошло до нашего времени, передаваемое от патриарха к патриарху. Те, кто не наследовал, не может постичь этого, так же как скрыто это от учителей священных текстов и сутр. Я знаю, что им не дано понимания, которое было бы действительным. Коли так, значит, речь идет не о коане на горе Рёдзэн, но о коане башни Таси. Не следовало бы называть это коаном собрания на Рёдзэн, как говорится в *Дэнтороку* и *Футороку*. При первой передаче буддизма была совершена описанная выше церемония.

Оставь же «поднятие цветка»! Ты должен ясно понять смысл прикрытых глаз Шакьямуни. Нет никакой разницы между тем, как ты обычно прикрываешь глаза,

моргая, и тем, как это сделал Шакьямуни. Далее, нет разницы между твоим разговором и твоей улыбкой и разговором и улыбкой Маакасе́.

Но, не обладая подлинным пониманием поднявшего бровь и моргнувшего, ты все еще думаешь, будто существует различие между Шакьямуни и Маакасе́ в Индии, тебе кажется, будто сам ты обитаешь в скованном ограничениями теле. Цветок застилает твой взгляд, как пар, поднимающийся от палимой летним солнцем земли, и пелена эта тянется из далекого прошлого в бескрайнее будущее. Удастся тебе уловить Господина — Маакасе́ оживет в тебе. Знал ли ты, что, когда Шакьямуни поднял бровь и моргнул, он исчез? А знал ли ты, что Маакасе́ обрел просветление улыбнувшись? Коли так, разве это событие не носит всеобщего характера? Точно так же и нам была передана Истина. Поэтому мы не можем назвать ее ни Маакасе́, ни Шакьямуни.

Нечего давать и нечего получать. Это названо Истинным Законом. Подняв цветок, Шакьямуни явил вечность истины, улыбнувшись, явил ее бесконечность. Поэтому жизнь Истины переходила от мастера к ученику вплоть до нашего времени, и передача ее свершалась, когда смотрели они в глаза друг другу.

Так, обладая совершенной мудростью, не смешанной с мирским знанием, устранив сознание, взошел Маакасе́ на гору Кэйсоку, где ожидает он прихода Мироку. Вот почему Маакасе́ не мертв.

Если тебе по силам постижение и практика Истины, тогда вечен не только Маакасе́, но и Шакьямуни. Поэтому Истина, передаваемая из далекого прошлого, из времени, где никто не рожден, простирается непрерывно во все прошлое и будущее.

Не тоскуй по временам двухтысячелетней давности. И в наше время, если ты отдаешься практике истины всем сердцем, Маакасе́ не отправится на гору Кэйсоку, но, возможно, придет сюда. Поэтому теплая плоть Шакьямуни здесь, сейчас и вовеки; сейчас и вовеки нова

ВТОРОЙ ПАТРИАРХ
АНАНДА-СОНДЗЯ

улыбка Макакасё. Отыщи это место духа — и примешь Истину от Макакасё, и Макакасё примет ее от тебя! Изойдя из семи будд, сердце Истины пройдет через тебя, и, более того, ты сам можешь стать предтечей и патриархом семи будд. Самое сердце истины ныне здесь, вечно, за пределами всех времен и эпох. Вот почему Шакьямуни принял передачу Макакасё, и теперь он в Тосоцутэн. Теперь, в это самое время соучаствуешь ты в собрании на Рёдзэн, ты неизменен. Слышал ли ты такие стихи?

Неотлучно пребываю я в собрании на Рёдзэн
во всей вселенной.

И в огненном море пожара сердце мое под защитой,
покойно и добрых исполнено духов.

Индия и Китай, Япония и весь мир — все должны соучаствовать в собрании на горе Рёдзэн. Истина Господина приходит к нам неизменной. И значит, происходящее в этот час собрание должно быть собранием на Рёдзэн, собрание же на Рёдзэн должно быть этим, сейчас происходящим собранием. Только тогда, когда ты сосредоточишь свой ум, явятся будды. Твое неведение своего «я» привело к смерти Шакьямуни много столетий назад. Вы — дети Будды, почему же вы убили Будду?

Если ты спешишь практиковать Истину, ты скоро встретишь Будду. День за днем Шакьямуни ходит, оставаясь, сидит, лежит, говорит и видит — все это он делает в тебе, даже на миг не разлучаясь с тобой, не отделяясь от тебя.

Тебе не удастся разглядеть его в своей жизни? Должно быть, ты плохо выполняешь свой долг! Вы все — уже дети Будды, но если вы необязательны, если вы бежите от своего долга, вам не помогут и тысячи будд.

Хочешь ли послушать теперь мои смиренные строфы?

Разве не знал ты: у края глубокой долины
превосходная есть сосна,
Растущая прямо, долгим холодным годам вопреки?

Ананда спросил Макакасё: «Уважаемый старший ученик, что кроме кэса из золотой парчи передал тебе Шакьямуни?» Макакасё позвал: «Ананда!» «Да?» — отозвался Ананда. Тогда Макакасё сказал: «Срубика флагшток». Ананда достиг просветления.

Ананда-сондзя родился в крепости Ося. Он принадлежал к касте кшатриев. Отцом его был царь Кокубон, двоюродный брат Шакьямуни. При рождении своем второй патриарх был наречен Анандой, что означает «Радость». Родился же Ананда в ту самую ночь, когда Шакьямуни обрел просветление. Облик его отличался совершенной правильностью всех черт, и никто во всех шестнадцати соседних царствах не мог сравниться с ним красотой. Вид его дарил наслаждение всякому, кто видел его. Именно поэтому ему было дано такое имя.

Ананда был умнейшим и образованнейшим из всех учеников Шакьямуни и потому двадцать лет провел, служа Будде. Не было такой проповеди Будды, во время которой Ананда не играл бы роль толкователя; и не было у Будды пути, которого не изведal бы Ананда.

Тогда же, когда Шакьямуни передал истину Макакасё, он велел Ананде помогать и служить своему старшему ученику. Вот почему следующие двадцать лет Ананда во всем подчинялся Макакасё. И не было истины у Ананды, которая не была бы передана ему.

Это служит подтверждением того, что истина наших предшественников патриархов отлична от истины других. Ананда уже был умнейшим и образованнейшим из всех учеников, многими духовными дарами наградила его Шакьямуни. И все же тогда он не сподобился передачи истины и не обрел просветления.

Когда Макакасё пожелал собрать в Хиппаракуцу все учения, оставленные Шакьямуни, Ананда не был допущен в собрание, потому что все еще не был просветленным. Ананда же тогда достиг положения араханта, и Макакасё сказал ему: «Ты достиг положения араханта. Ты можешь войти, прибегнув к своим чудодейственным силам». Уменьшившись до необычайно малых размеров, Ананда вошел в Хиппаракуцу. Все ученики сказали в один голос: «Ананда был слугой Будды, он — умнейший и образованнейший из нас. Нет изречения Учителя, которого бы он не знал, — все они были переданы ему, как вода из одной чашки переливается в другую. Мы надеемся, что Ананда вновь повторит нам все изречения Будды».

Тогда Ананда, самим Буддой поставленный служить Макакасё, согласился исполнить желание Макакасё, поклонился в ноги ученикам и взошел на помост. Он повторил все проповеди Будды, каждый раз начиная следующими словами: «Так, я слышал, когда Господин наш жил в...» Ко многим ученикам обращался Макакасё, спрашивая, не нашли ли они ошибок в изложении Ананды, но все они отвечали, что не встретили ни одной. Слова Ананды не отличались от слов Будды. Те, кто говорил, что лишь великие араханты обладают «тремя мудростями» и «шестью чудесными способностями», не услышали в речах Ананды ничего, что не слышали бы они прежде от самого Будды. Все они сказали: «Трудно понять, произносит ли эти проповеди Ананда, или сам Господин вернулся к нам и говорит с нами. Воды буддийского моря хлынули в Ананду». Благодаря усилиям Ананды изречения Будды дошли до нас.

Мне хорошо известно, что подлинная Истина не у тех, кто умен и образован; не обладают ей и достигшие мирских почестей и чинов. И вот доказательство. Ананда следовал за Макакасё в течение двадцати лет и достиг просветления так, как об этом рассказано выше. Он родился в ту самую ночь, когда Господин достиг про-

светления. Он не слышал сутру *Кэгон* и многих других сутр, но он мог повторить изречения Будды благодаря *какусаммай* (способности, дарованной Буддой). Однако, подобно нам, он не мог войти в истину наших патриархов.

В Ананде, когда был он с Шакьямуни при будде Кё, жило стремление к истине, но он любил ученость и потому не обрел просветления. Будда Шакьямуни сосредоточил свой ум и пробудился. Мне хорошо известно, что ученость препятствует пробуждению, и история Ананды подтверждает это. Вот почему в сутре *Кэгон* сказано: «Пока бедняк занят подсчетом чужих сокровищ, у него не будет своих. Такова и ученость». Если вы действительно желаете постичь Истину, вам не следует прилепляться к учености. Направьте все силы на сосредоточение ума!

Ананда всегда думал, что должно быть что-то еще, помимо кэса из золотой парчи. Поэтому однажды он спросил: «Мой дорогой старший ученик, что еще кроме кэса из золотой парчи передал тебе Шакьямуни?» Зная, что время пришло, Макакасё позвал: «Ананда!» Тот отозвался: «Да!» В тот же миг последовали слова Макакасё: «Сруби-ка флашток, что возле ворот». Интонация Макакасё, его тон привели Ананду к просветлению, и одеяние Будды явилось и облекло его тело. Кэса из золотой парчи — та самая, что передавалась от времени семи будд.

Комментарий. Относительно этой кэса существует три теории. Согласно первой, кэса была на Шакьямуни еще в утробе матери. Согласно второй, она была подношением *дзэготэн* [мира]. В третьей предполагается, что её преподнес Будде некий охотник и что существуют еще несколько кэса. Кэса, переданная Бодхидхармой Сокэю, была сшита из материала *куцудзюн* темно-голубого цвета. В Китае эта кэса была подшита голубой тканью, и ее хранят в башне Дайкана Эно-дзэндзи как весьма ценное национальное достоя-

ние. В *Тидорон* говорится, что Шакьямуни носил кэса из грубой ткани. О кэса же из золотой парчи сказано в одной из сутр, что ее выткала родная тетка Будды и принесла ему в дар. Таковы лишь немногие из множества кэса. Во многих сутрах рассказывается о чуде кэса. Однажды Басясита-сондзя попал в неприятную историю с одним дурным царем — тот, схватив кэса, бросил ее в огонь. Кэса же воссияла, лучась пятицветным светом. Когда огонь погас, она оказалась совершенно целой. Полагали, что эта кэса и была одеянием Будды, которое впоследствии должно быть передано Ми-року.

Истина не была передана одновременно обоим — Маакакасе и Ананде. Только Маакакасё был полноправным преемником Будды. Ананда же обрел истину лишь после двадцати лет служения. Посему нам надлежит знать, что существует нечто помимо сутр. А ведь многие в наши дни полагают, будто сутры и Истина суть одно и то же. Если бы они были одним и тем же, то и Ананда мог бы стать первым патриархом — ведь именно он был арахантом, владевшим «тремя мудростями» и «шестью чудесными способностями». Кто проник в смысл сутр глубже Ананды? Если бы нашелся такой человек, то мы могли бы допустить, что Истина и смысл сутр суть одно. Но если нет разницы между ними, то почему Ананда провел двадцать лет как слуга и достиг просветления лишь тогда, когда срубил флагшток? Мы должны отличать смысл сутр и учений от Истины патриархов. Мы не говорим, что Будда не есть Будда истинный. Хоть Ананда и был слугой Господина, он не мог воспринять передачу истины, так как не обладал истинным пониманием подлинного Ума Будды.

Истина не обретается ученостью. Пусть человек умен, одарен острым слухом и его пониманию доступен каждый иероглиф в сутрах и учениях, — если он не постиг их подлинного смысла, то всего лишь пересчитывает чужие сокровища. Дело не в том, что сутры и учения

лишены всякого смысла, дело в том, что Ананда не был просветленным. В Японии смысл сутр ищут в словах и потому не приходят к полному пониманию. Истину, без сомнения, следует искать искренно, от всего сердца. Ананда, будучи учеником Будды, понимал сутры и учения Господина. Разве мы не можем следовать его примеру? Проведя многие годы в услужении у Маакакасё и обретя просветление, Ананда повторил все сутры и учения. Мы должны знать и это. Если вы желаете соединиться с Истиной, подобно пламени, сливающемуся с другим пламенем, отбросьте прочь все личные мнения, все дряхлые изношенные чувства, надменность, упрямство и наивным умом ребенка познайте Истинный Ум Господа!

Большинство думает, что, кроме кэса из золотой парчи, ничего нет. Но им следует знать, что, отслужив многие годы у Маакакасё, Ананда получил еще кое-что. Зная, что время пришло, Маакакасё позвал: «Ананда!» Ананда ответил: «Да!» Так эхо откликается на звук голоса и два камня высекают одну искру.

Маакакасё позвал: «Ананда!» — но он не звал Ананду. Ананда ответил: «Да!» — но не на зов Маакакасё отвечал он. «Срубить флагшток» означает следующее: в Индии, когда ученики Будды и те, кто не следовал за учителем, желали провести дискуссию, они устанавливали шести с каждой стороны выделенного для диспута пространства. Проигравшая сторона срубала свой шест. Побежденные не звонили в колокола и не били в барабаны. В нашей истории и Ананда, и Маакакасё воздвигли каждый по шесту со своей стороны. Выигрывает Ананда — проигрывает Маакакасё; если кто-то один выигрывает — другой проигрывает. Но в этой истории все не так. Маакакасё — один флагшток, Ананда — другой. Пока мы думаем, что они — флагштоки, истина не являет себя. Когда же флагшток срублен — истина явлена. Маакакасё сказал: «Сруби флагшток!» Ананда был просветлен, потому что постиг истину, которая *сбыва-*

ется от мастера к ученику. После просветления Мака-касё был тоже срублен, срублена была и вся природа, срублено было все. Поэтому одяние Будды совершен-но естественным образом ниспало на голову Ананды. Но не оставайся с плотью Ананды, не оставайся с чистотой! Далее, нам надлежит узнать эхо. Только это существует; многие будды приходят сюда в свой черед, многие патриархи веками указывали на это.

Ум передается вместе с умом. Другим не дано узнать этого. И Макакасё, и Ананда воплощают истину, но нам не следует *делать их* Истиной. Ты сам — проявление Истины. Сможешь реализовать ее — исчезнешь в тот же миг. А коли так, не к чему пытаться найти Истину вне себя самого!

Хочешь услышать мои смиренные строфы?

Увяла глициния, пали деревья.
Вода прибывает в долине,
Из камней вырывается пламя.

Глава IV

ТРЕТИЙ ПАТРИАРХ СЁНАВАСЮ-СОНДЗЯ

Сёнаvasю спросил Ананду: «Что есть не-рожденность всех вещей?» Ананда указал ему на уголок кэса Сёнаvasю. Сёнаvasю спросил вновь: «Что такое основополагающая природа Истины будд?» Ананда потянул за уголок кэса Сёнаvasю. Сёнаvasю достиг просветления.

Сёнаvasю пришел из Матора. В Индии его звали Сёдака, что означает «естественные одежды», потому что он родился в одежде. Одежда эта грела зимой, летом же становилась легкой. Затем, когда Сёнаvasю стал монахом, его мирские одежды мгновенно обратились в

кэса. Еще при жизни Господина то же произошло и с девочкой-ученицей Рэнгэсики. В прежней жизни Сёнаvasю был купцом и ста буддам подарил сто покрывал. После этого он родился в одежде. Промежуточное существование — это время после смерти человека до его рождения в следующем существовании. В это время человек не покрыт никакой одеждой. Однако Сёнаvasю был одет и в промежуточном существовании. Имя Сёнаvasю — это также название растения, *кусисю*¹. Кусисю — разновидность травы, и люди верят, что когда рождается святой, она вырастает на девственной почве. При рождении Сёнаvasю выросла эта трава, почему его и назвали так. Он провел шесть лет в утробе своей матери. Давным-давно Будда Шакьямуни указал на лес и сказал Ананде: «Я нарекаю этот лес Уруда. Через сто лет после моей смерти здесь явится святой по имени Сёнаvasю и повернет колесо истины».

На исходе ста лет родился Сёнаvasю. Он наследовал истину от Ананды и остался жить в лесу Уруда. Сёнаvasю повернул колесо истины, и огненный дракон подчинился ему. Ради этого огненный дракон и подарил лес Уруда Будде. Так исполнилось пророчество Господина.

Сёнаvasю был святым со Снежной горы. Вот что было между Анандой и им. Никто прежде не спрашивал: «Что есть нерожденность всех вещей?» Только Сёнаvasю задал этот вопрос. У всех людей одна природа, но никто не знает ее, никто не спрашивает о ней. Почему называют ее «нерожденной» природой? Все вещи возникают из нее, но нет ничего, что порождало бы ее. Поэтому она названа «не-рожденностью». Все есть «не-рожденность». Гора не есть гора, и вода не есть вода. Вот почему Ананда указал на уголок кэса Сёнаvasю. Слово «кэса» индийское. Кэса имеют «поношенный» цвет, или цвет «не-рождения». От будд над нами до

¹ Комментатор говорит, что *ку* означает «девять», *си* — «ветвь», *сю* — «превосходство».

муравьев под нами, все существа, даже лошадиные блохи, — и они сами, и связанные с ними обстоятельства, и их окружение, — все это *рупа* (т. е. то, что принимает форму). Мы видим их, как они являются нам, но мы видим лишь одну их сторону. Вместе с тем они не принадлежат доступному для видения миру. Нет миров, от которых можно было бы отказаться, отбросив их прочь; нет истины, которую надлежало бы ухватить. Так понял Сёнаवासю. Но Сёнаवासю спросил вновь: «Что такое фундаментальная природа Истины будд?» Хотя эта природа свободна от безграничного прошлого, все же, не осуществляя ее, мы впадаем в заблуждение. Поэтому, дабы полностью прояснить понимание места, откуда приходят все будды, Сёнаवासю вновь задал свой вопрос. И вот, так как ему надлежало узнать Истину, все призывали — и истина ответствовала; все стучали — и Истина явилась. Ананда потянул уголок кэса Сёнаवासю, чтобы тот узнал, и Сёнаवासю стал просветленным.

Предшествующее свободно от безграничного прошлого, но мы не в состоянии постичь, что являемся истоком будд, если не пережили этого хотя бы однажды. Вот почему будды приходят каждый в свой черед, патриархи же разъясняют истину следующим друг за другом поколениям.

Хотя и нет истины, которую можно было бы воспринять из чужих рук или одарить ею других, мы должны знать ее с такой же уверенностью, как, прикасаясь к своему носу, мы уверены в том, что это наш нос.

Нам надлежит *действительно* постичь истину посредством *действительной* практики дзэн. Постигнув же ее, должны мы принести наше постижение на суд наиболее превосходному наставнику, какого только сможем отыскать. И до тех пор мы будем блуждать в стороне от пути, пока не станем поступать, как сказано.

Нам надлежит понять, как важно не упускать понапрасну ни одной минуты. Не следует питать естественных чувств и выдвигать на первый план свои собствен-

ные мнения. Мы не должны также думать, будто путь будд и патриархов предназначен лишь для избранных, себя же полагать для него негодными. Подобное мнение из всех никчемных самое никчемное и ни к чему не приведет. Не было патриарха, который родился бы не от родителей, и все они питали чувства сыновней любви, всем им были близки честь и благо (благое бытие). Однако, когда они однажды приступили к изучению дзэн, они обрели просветление. Вот почему и в Индии, и в Китае, и в Японии было столь много мудрых и превосходных мужей, хотя жили они в разные эпохи — сё, дзо и мацу¹.

Поэтому нам следует знать, что мы и есть те самые люди, которые обладают способностью постижения истины, — ведь наши тело и сердце ничем не отличаются от тела и сердца древних. У нас такие же тело и сердце, какие были у Ананды и Макакасё. Так почему мы все-таки отличаемся от древних? Потому только, что не отдаемся всем существом постижению истины, позволяем телу жить, как придется, забывая о течении времени, и не знаем нашего действительного «я». Для того чтобы открыть нам это знание, Ананда стал учеником и слугой Макакасё и затем учил Сёнаवासю; так Путь Истины передавался от мастера к ученику. И потому истина в наши дни не отлична от истины времен Будды. Нам же не годится сожалеть о том, что мы не родились в земле нашего Господина и не встретили его.

Вы сошлись все вместе на этом собрании потому, что в стародавние времена посеяли добрые семена и соприкоснулись с праджней. Вы равны Макакасё и непринужденно беседуете с Анандой. Один из них — мастер, другой — ученик, но оба они — один и тот же Будда. Пусть вас не сбивают с толку мысли о старом и новом! Не сохраняйте в себе мысль о формах! Не тратьте времени

¹ Эпохи существования учения Будды согласно традиции. См. Словарь терминов. — Прим. отв. ред.

понапрасну, ни днем, ни ночью! Постигайте дотошно! Станьте одним из древних и ныне же получите подтверждение мастера!

И чтобы смысл всего этого был вам ясен, я поведаю вам мои смиренные строфы:

Хоть со скалистых вершин бесконечные воды
низверглись,
Камни с собой унося, рассеивая облака,
Снега подмывая, уничтожая цветы,
Все ж незапятнанно чистый покров над грязью
раскинут.

Глава V

ЧЕТВЕРТЫЙ ПАТРИАРХ УБАКИКУТА-СОНДЗЯ

Убакикута три года служил Сёнаवासю-сондзя, по истечении этого срока он обрил голову и стал монахом. Сёнаवासю спросил его: «Ты монах тела или монах ума?» Убакикута ответил: «Я монах тела». Тогда Сёнаवासю промолвил: «Превосходному Закону Будды нет дела до тела или ума». Убакикута обрел просветление.

Убакикута был родом из Дали и принадлежал к сословию Суда. Он проходил обучение с пятнадцати лет, в семнадцать стал монахом, а в двадцать два обрел просветление. Затем Убакикута отправился в Матсалу учить других. Так как он посвятил в монахи множество людей, демоны страшились его. Каждый раз, когда Убакикута посвящал кого-то, он клал в каменное хранилище пронумерованную бамбуковую палочку длиной в четыре пальца. Размеры этой каменной комнаты были восемнадцать *тю* в длину и двадцать *тю* в ширину¹. И вся она была заполнена палочками. Убакикуту кремировали

¹ Один *тю* равен примерно 30 см. — Прим. отв. ред.

вместе с этими бамбуковыми палочками, чтобы отметить, сколько людей посвятил он в течение своей благословенной жизни.

Люди называли Убакикуту Буддой, не имевшим благих признаков, а демоны были злы на него за страх, который он им внушал. Когда Убакикута сидел, демоны пытались досадить ему. Но им это мало удавалось. Один демон пришел к Убакикуте и предложил ему в дар цепь. Убакикута, желая победить демона, встал, взял мертвые тела человека, собаки и змеи и превратил их в цепь. После этого он ласково обратился к демону: «Ты дал мне такую чудную цепь, но и я хочу подарить тебе такую же». Демон обрадовался, слыша такие слова, и вытянул шею, чтобы принять дар. Коснувшись его шеи, цепь тотчас превратилась в три отвратительно смердящих мертвых тела, разлагающихся, кишаших червями. Мучимый отвращением к ужасному украшению, возмущенный демон пытался избавиться от него, но, как ни старался, не мог ни сбросить его, ни разорвать. Он поднялся к шести небесам и поведал о своей беде их властителям, затем отправился к Бонтэн и там просил освободить его от цепи. Но властители сказали демону, что власть Знаточка десяти сил [т. е. Будды] превосходит все, и их собственные силы слишком скудны, чтобы помочь ему. Тогда демон воскликнул: «Что же мне делать?!» Бонтэн ответил: «Ты должен пойти к Сёнаवासю-сондзя — пусть он обратит тебя, тогда снимет и эту цепь». И Бонтэн добавил:

Павший на землю
Может встать вновь,
Коли захочет он встать над землей —
Это ему не удастся.

Все властители небес сказали: «Проси ученика Будды удалить эту цепь!»

Следуя этим наставлениям, демон спустился от Бонтэн и пал к ногам Убакикуты, каясь в своих заблужде-

ниях. Убакикута сказал: «Будешь ли ты и теперь тревожить Истину Господина?» И демон ответил: «Я даю слово, что обращусь к Истине и отрекнусь от зла!» Убакикута изрек: «Если так, ты должен своими устами сказать: „Я обращаюсь к Трем Драгоценностям“». Трижды повторил демон эти слова, и цепь спала с него. Так Убакикута явил силу Истины, подобно тому как это происходило во время жизни Господина.

Когда же Убакикута в семнадцать лет обрил голову, Сёнаवासю спросил его: «Ты монах тела или монах ума?»

Существует два вида монахов: монахи тела и монахи ума. Так называемый монах тела обрывает семейные узы, оставляет дом, бреет голову, меняет цвет своих одежд, не имеет слуг и становится учеником, всю свою жизнь ищущим истину. Он не тратит времени понапрасну и не имеет желаний. Ни в жизни, ни в смерти не находит он удовольствия. Ум его чист, как луна осенью, как незапятнанное зеркало, ясны глаза. Он не ищет подлинной самости, но стремится к одной Истине. И потому он не останавливается ни в заблуждении, ни в просветлении. Он — подлинный человек. Таков монах тела.

Тот, кого называют монахом ума, не бреет головы и не меняет цвета одежды. Он живет со своей семьей и занимается мирскими делами, но в то же время он чист, как лотос, которого не коснулась грязь, или как алмаз, к которому не пристаёт пыль. Даже если у него есть семья вследствие кармических связей, он думает о ней как о пыли и не питает к ней ни любви, ни интереса. Подобно луне в небе или чаше, катящейся по подносу, он и среди толпы предоставлен сам себе. Достигая ограничений, он выходит за их пределы, зная, что мирское желание — лишь болезнь, от которой следует избавиться, зная, что искать истину значит стоять на ложном пути. Он знает также, что нирвана, рождение и смерть — миражи в небе, и не заботится ни об Истине, ни о заблуждении. Таков монах ума.

Вот почему Сёнаवासю задал свой вопрос. Если Убакикута — монах, не относящийся к двум этим видам, значит, он не настоящий монах. Поэтому вопрос был задан именно так. Убакикута же ответил: «Я — монах тела». Было совершенно очевидно, что он не был монахом ума, природы или чего бы то ни было. Он был монахом тела. Он естественно пришел к пониманию этого, находя в этом знании совершенное удовлетворение. Своего положения Убакикута достиг безоглядно и понял, что все, ему непонятное, таково, каково оно есть. Поэтому он сказал, что он — монах тела.

Но превосходная Истина Будды не может быть постигнута таким образом, на что и указал Сёнаवासю. Будда не должен быть монахом тела или монахом ума, его нельзя увидеть как материальное или духовное существо.

Он — за пределами святого и нечестивого, он победил и тело, и ум. Он подобен небесам, где нет внешнего и внутреннего; он подобен морской воде, где нет лица и нет изнанки. Многие учения он проповедовал, но указал только на этот истинный факт. Не следует говорить, будто он был Буддой, потому что был превосходнейшим в мире. Не пристало говорить о нем как о не-приходящем и не-уходящем, так же как не должны мы говорить и о существовании, бывшем прежде рождения родителей и прежде существования мира. Истина Будды находится за пределами рождения и не-рождения, она — вне доводов ума и не-ума. Она подобна воде в сосуде, пустоте в небесах. Мы не можем поймать ее руками и не можем увидеть ее признаки. Поэтому Убакикута не существует, и Сёнаवासю не является. Истины этой нам не постичь из их действий и движений.

Хотя нет между ними нет ни «его», ни «я», ни «плохо», ни «хорошо» — звук их подобен эху, а облик — бесконечному небу. Истина — коль скоро не пережита она всем телом — может стать заблуждением. Когда на это было указано, Убакикута стал просветленным. Это

было подобно грому среди ясного неба или великому пламени на земле.

Когда же гром прогремел в ушах Убакикуты, он потерял свою прежнюю жизнь. Пламя поглотило Закон Будды и учения патриархов, превратив их в пепел. Этот пепел стал Убакикутой, и он был тверд, как камень, и черен, как лак. Убакикута срывал и выбрасывал прочь грязную оболочку других; он принял многих учеников. (Тщетно наполнял он бамбуком комнату и считал пустоту, чтобы потом сжечь пустоту и оставить знак в пустоте.)

Теперь я, ученик храма Дайдзё, хочу отыскать знак за облаками и начертать слова мои в пустоте. Хотите послушать?

Сломан дом, пропал человек.
Ни «внутри», ни «снаружи» нет,
Где ж укрыться уму и телу?

Глава VI

ПЯТЫЙ ПАТРИАРХ ДАЙТАКА-СОНДЗЯ

Пятый патриарх Дайтака сказал: «Монах не имеет самости, и нет у него ничего самостного, поэтому его ум обитает над сферой изменчивого. Вот что названо постоянной Истиной. Таковы будды. Ни их умы, ни их тела не имеют признаков». Убакикута сказал: «Постигай полностью на основе собственного опыта». Постигание Дайтаки было полным.

Дайтака происходил из Макада. Когда он родился, отцу его приснилось, будто в доме воссияло золотое солнце, свет которого разлился на весь мир. Отец увидел также большой холм, украшенный множеством алмазов; из фонтана на вершине холма ударила сильная струя воды.

Когда Дайтака встретил Убакикуту, то поведал ему обо всем этом. Убакикута же ответил: «Холм — это я, фонтан означает, что твоя мудрость может сделать истину бесконечной. Сияние солнца из дома твоего отца означает твое вступление на путь. Это сияние указывает на совершенное превосходство твоей мудрости». Дайтаку, прежде чем он стал монахом, называли «Благовонный слон», позже он получил свое настоящее имя. В Индии его имя — Дайтака, что означает «Понимающий истину».

Услышав учение своего мастера, Дайтака пропел такие строфы:

Величественная гора Семи Драгоценностей,
Обильные воды мудрости бьют из нее непрестанно,
Претворяясь в подлинный Истины вкус,
Это — лучшее для всех.

Убакикута также пропел стихи:

Учение свое я передал тебе,
Великую свою яви ты мудрость.
Как солнце в доме воссияло,
Так миру воссияй и ты.

С этого времени Дайтака следовал за Убакикутой и желал стать монахом. Убакикута обратился к нему с такими словами: «Ты хочешь стать монахом. Монахом ума или тела хочешь ты стать?» Дайтака ответил: «Я пришел сюда, чтобы стать монахом. Но это не относится ни к телу, ни к уму». Убакикута же спросил: «Кто может быть монахом вне тела и ума?» После этого он произнес слова, приведенные выше, и Дайтака обрел просветление.

Настоящий монах должен являть свою подлинную самость помимо «самости» и самостных вещей. Вот почему не стоит препираться об уме и теле. Подлинная самость без самости и самостных сущностей — вот что должно быть названо Действительным Путем. Действи-

тельный Путь нельзя постигнуть, исходя из представлений о рождении и смерти, будде и саттве, четырех элементах и пяти скандхах, трех мирах и шести локах. В уме отсутствует форма. Нам даны ощущения и понимание, но подлинный ум находится за пределами всего этого. Тот же, чье понимание таково, все еще понимает интеллектуально.

Дайтака понимал, но Убакикута повторил: «Пойми истину полностью!» Это изречение подобно царской печати на продаваемых товарах: если царь своей печатью удостоверяет, что товары не ядовиты, хорошего качества и не заурядны, то все могут покупать их, не боясь попасть впросак. Так же и мастер удостоверяет ученика. Хоть и не существует дисциплин, которыми невозможно было бы овладеть полностью, как нет путей, которые были бы непостижимы до конца, — просветление наше не должно быть полным. В противном случае, мы станем теми, кому доступно интеллектуальное понимание, но не полное и совершенное понимание Истины. Такому человеку вечно не дают покоя мысли о существовании Будды и Учения. Он не в силах ни освободиться сам от сковывающих его уз, ни освободить других. И если нет в проповедях Господина слова, которого мы не хранили бы в памяти, и если ведомы нам все учения трех и пяти дхьян — и тогда мы не можем называться подлинными монахами. И если мы можем проповедовать о множестве сутр, сотрясать землю и с небес низвергать водопады цветов и если нам по силам заставить самого Будду явиться перед нами прямо здесь и сейчас — мы всего лишь учителя монахов, проповедники. Мы — не подлинные монахи.

Мы не должны понимать Истину так: весь мир есть порождение ума; все существует так, как оно есть; все обладает природой Будды; в любом случае все есть пустота. Мысль о том, что все есть пустота, не отлична от ложного мнения о том, что все пусто. Полагая, что все обладает природой Будды, мы близки к признанию сво-

его неизменного «я», устойчивой самости. И мысль о том, что все существует так, как оно есть, тоже не без острых углов. Первый же тезис — «весь мир есть порождение ума» — кажется не лишенным смысла. Устремляясь на поиски Истины, не ищите ее во множестве сутр, дабы не уподобиться человеку, убегающему от своего отца¹. Мы должны открыть дверь в нашу собственную сокровищницу и тогда по праву сможем овладеть Священным Учением. Если же вы не понимаете этого — будды и патриархи станут вашими врагами. Молю вас, не слушайте говорящих: «Какого дьявола ты стал монахом? Какой демон заставляет тебя ошиваться среди учителей?» Можете вы учить или нет — в любом случае вас забьют до смерти. Потому-то никто не становится монахом ради тела, ума или их обоих. Именно это и понял Дайтака. И все же он не был настоящим монахом. Когда Убакикута вновь указал на Путь, Дайтака стал просветленным.

Учитесь тщательно, вникайте во все! Не ищите истинный смысл в словах! Прочь отбросьте небеса и землю, святое и низкое, субъект и объект!

Куда бы вы ни направились — ничто не потревожит вас, вы будете совершенно свободны. Дыру проткните в пустоте, поднимите волны на голой земле! Вы должны приблизиться к лику Будды и полностью реализовать Истину! Она (истина) подобна плети тыквы-горлянки, обвивающей свой плод, она — как ярко сверкающий алмаз.

Вот мои смиренные слова:

Следует точным быть, мудрость лоя;
Лимбэнь (китаец) неизъяснимую тайну доньше
хранит;

Постоянного «я» в ощущениях не ищи!

¹ Пример из *Лотосовой сутры*.

ШЕСТОЙ ПАТРИАРХ
МИСЯКА-СОНДЗЯ

Пятый патриарх Дайтака поведал Мисяке такое учение Господа: «Если практикуешь сверхъестественное искусство или изучаешь тхераваду — будешь связан канатом. Должно знать самого себя. Отвернешься от тхеравады и войдешь в великое море махаяны — сможешь реализовать не-рождение». Мисяка обрел просветление.

Мисяка происходил из Центральной Индии. Он был старшим духом, под его началом находились восемь тысяч других духов. Однажды вместе с ними Мисяка поклонился Дайтаке со словами: «Давным-давно я, как и ты, был рожден на небе Бонтэн; я изучал сверхъестественное искусство вместе с духом Асида, когда ты практиковал дхьяну, следуя примеру ученика Будды. С тех пор пути наши разошлись, и так прошли шесть кальп». Дайтака ответил: «Много времени мы провели в разлуке, и сказанное тобой истинно. Ныне ты должен оставить ложный путь и обратиться к истинному». Мисяка же сказал: «Некогда дух Асида предрек, что спустя шесть кальп я встречу старого товарища и обрету просветление, достигнув состояния араханта. Теперь мы встретились. Разве это не судьба? Молю, даруй мне освобождение!» Тогда Дайтака посвятил его в монахи, и Мисяка принял заповеди. К несчастью, восемь тысяч духов были слишком горды собой. Тогда Дайтака явил духам великое чудо, чем заставил их также устремиться к пробуждению. Все они тогда же стали монахами. Когда восемь тысяч духов стали монахами, Дайтака проповедовал им учение, приведенное выше.

Даже если ты в состоянии продлить срок своей жизни и благодаря сверхъестественным искусствам облада-

ешь магическими силами — период в восемьдесят тысяч кальп от прошлого остается только восемьдесятю тысячами кальп до будущего. Искусства такого рода не имеют силы ни после, ни до этого срока. Пусть ты родишься на небесах «не-мысли», продлишь свою жизнь и, практикуя самадхи «не-мысли» или «не-не-мысли», освободишься от конкретного тела — ты все равно останешься в тенетах заблуждения, не сможешь встретить Будду и реализовать истину. Когда исчерпает себя сила кармы, придется спускаться в постоянный ад. Поэтому тот, кто владеет всеми этими искусствами, связан и не может освободиться.

Пусть ты изучил тхераваду и можешь постичь первую стадию просветления, а также второе, третье, четвертое и единственное просветления — и в этом случае ты все еще практикуешь в теле и уме, постигаешь в границах заблуждения и просветления. В первом просветлении ты можешь стать бодхисаттвой «первого ума» спустя восемьдесят тысяч кальп. Во втором просветлении — достигнешь того же спустя шестьдесят тысяч кальп; в третьем просветлении — спустя сорок тысяч кальп; в единственном просветлении — спустя лишь тысячу кальп. Благие семена прорастут согласно своей природе, но блуждающая карма все еще не отсечена — ее держат крепкие веревки. Подлинное освобождение еще не достигнуто. Ты стал совершенно прозрачен, отбросив восемьдесят восемь мнений и безграничное заблуждение, но все еще чего-то ищешь. Это — не настоящая буддовость. Таковы же стремление вернуться к фундаментальному и поиски просветления.

Поэтому говорю тебе: Не устремляйся на поиски чего бы то ни было — ты можешь выбрать ложный путь, ведущий в пустоту. Не оставайся за пределами безграничных кальп, дабы не уподобиться мертвецу, в котором еще жива душа. Не стремись постичь подлинную природу, оставаясь в то же время погруженным в ложное понимание, подобно цветам, плавающим на поверхности воды.

Ты все еще подобен святому, прорубающему путь сквозь «не-мудрость» и постигающему Срединный Путь. Не нарушай чистоты неба облаками! Не наноси вреда здоровому телу! Ты подобен бедному сыну, скитающемуся по далеким чужим странам, ты — словно бедняк, опьяненный темнотой. Пусть созерцание твое будет искренним. Существует ли нечто до рождения и после смерти? Существуют ли прошлое, будущее и настоящее? Все существует всегда *так*, как оно есть, от рождения и до смерти. Но если ты не соприкасаешься поистине к этому обстоятельству существования, тогда ощущения и ощущаемое собьют тебя с толку и ты не поймешь своего подлинного «я». Не пренебрегай повседневной жизнью! Мы не знаем, откуда взялись наши тела, умы и все остальное, и потому, не лучше ли оставить тщетные поиски Истины? Явление будд доставляет беспокойство; патриархи излагают учение подробно. Будды и патриархи добры к нам, но восприимчивость их учения мешают нашим личным взглядам, и потому мы говорим, что не в силах понять, не можем узнать. Мы не погружены в настоящую тьму, но и не воссоединены с Истиной. И ни к чему не ведет наше понимание истинного и ложного, так как существует лишь в наших мыслях.

Один зовет и один отвечает.

Один указывает и один является.

Вышесказанное означает «ни мышление, ни смысл» — и *это есть* твой Настоящий Господин. Господин не имеет ни лица, ни признаков; Господин движется всегда и непрестанно. Наши чувства вызывают явление Господина. Наши действия ограничены телесностью. Четыре элемента, пять скандх, восемьдесят четыре тысячи пор и триста шестьдесят костей собираются вместе и образуют тело. Это подобно сияющим алмазам и звучащему голосу. Изменение — рождение и смерть — не имеет отношения к настоящему Госпо-

дину. У изменения нет начала и нет конца. Например, волны на море, пройдя, не оставляют следа, но и не исчезают бесследно — они проходят, не уходя никуда. И все же мы видим на море большие и малые волны. Таков же и наш ум — он вечно движется, никогда не останавливаясь. Господин являет себя как кожа, плоть, кости и мозг и располагает собой как четырьмя элементами и пятью скандхами. Далее, он являет себя в цветах персика и зеленом бамбуке, в постижении истины и в просветлении. Господин говорит разными голосами и действует во многих формах, он — в видении и слышании, одежде и еде, словах и действиях. Господь отделен, но не принадлежит различению. Господин являет себя в различении, но не остается в формах. Например, дух владеет многими сверхъестественными искусстваами, являет множество образов в сновидениях. Множество форм отражаются в зеркале, но зеркало остается одним. Если ты не знаешь этого, тогда, просто практикуя сверхъестественные искусства и изучая тхераваду, ты не достигнешь освобождения от страдания. Никто не связывает тебя, а значит, и нет нужды в освобождении. Нет заблуждения, и нет просветления; мы свободны от связанности. Разве это не не-рожденность? Разве это не великое море? Где же ручьи? Каждое место принадлежит Морю Закона (Истине). Ручьи, водопады и реки — все это работа моря. Ручьи не отбросишь прочь, море не унесешь в пригоршне. Так Мисьяка отбросил прочь все — и большое, и мелкое — и изменил свои прежние воззрения. Он стал монахом, перестав быть духом, но связи его прежней кармы все еще оказывали воздействие на него.

Занимаясь усердно и искренно, ты можешь действительно прикоснуться к Истине. Ты можешь вечно плавать в море своей подлинной природы так же, как встречаешь близкого друга, как киваешь самому себе, и нет времени, когда бы ты был разлучен с ней. Вот как сказал Ба, великий мастер:

Каждое существо (саттва) вечно пребывает
в подлинной природе;
Оно носит одежды, вкушает пищу, говорит
и работает.
Все это и есть подлинная природа.

Но, услышав эти строфы, не думай, будто все саттвы пребывают в подлинной природе. Подлинная природа и сам саттва — это как вода и волны, и разницы между ними нет. Хочешь ли услышать мои смиренные строфы?

Чистота осенних вод, простирающихся до небес.
Превосходно виденье луны в весеннюю ночь.

Большинство домов нуждается в чистоте и порядке, но, даже сделав тысячу взмахов метлой, ты не выметешь всю пыль до конца.

Глава VIII

СЕДЬМОЙ ПАТРИАРХ БАСЮМИЦУ-СОНДЗЯ

Седьмой патриарх Басюмицу-сондзя поставил перед Мисякой-сондзя сосуд с вином, затем встал и поклонился ему. Мисяка спросил: «Этот сосуд с вином — он мой или твой?» Басюмицу погрузился в раздумье. Мисяка сказал: «Если он принадлежит мне — это твоя подлинная природа. Если же он принадлежит тебе — Закон, который во мне, будет передан тебе». Басюмицу внял этому учению и реализовал истинный смысл не-рождения.

Басюмицу был родом с севера Индии и принадлежал народу харада. Он бродил по улицам с сосудом вина в руке, пел и декламировал. Люди называли его безумцем. Никто не знал его имени. Мисяка, придя на север

Индии, увидел золотое облако над изгородью. Тогда он сказал своим ученикам: «Это облако — знак присутствия искренне устремленного. Должно быть, здесь живет какой-то превосходный человек, способный принять Истину и стать моим учеником». Лишь только он промолвил эти слова, как появился Басюмицу и обратился к Мисяке с вопросом: «Знаешь ли ты, что я несу?» Мисяка ответил: «Это — грязный сосуд; он отлучен от чистоты». Басюмицу поставил сосуд перед Мисякой, после чего между ними произошел приведенный выше разговор. Внезапно сосуд исчез. Мисяка попросил: «Скажи мне твое имя!» Басюмицу ответил стихами:

Из времен безграничного прошлого вплоть до времени,
Когда в этой стране был я рожден,
Родовое имя мое — Харада, а зовут меня Басюмицу.

Мисяка ответил так: «Мой мастер говорил, будто однажды, находясь на севере Индии, Господин сказал Ананде, что спустя три сотни лет после его ухода здесь родится святой, чье родовое имя будет Харада, звать же его будут Басюмицу. Мой мастер говорил также, что Басюмицу станет седьмым патриархом. Это пророчество Господина было о тебе. Ты должен стать монахом!»

Услышав эти слова, Басюмицу сказал Мисяке: «В прежние времена был человек, изучавший дхьяну и поднесший в дар Будде прекрасный покров для сидения. Он предрек, что в возрасте Шакьямуни я стану патриархом». После этого Басюмицу стал седьмым патриархом.

Прежде чем стать преемником Мисяки, Басюмицу не расставался со своим сосудом, нигде и никогда не оставляя его. Каким превосходным казался он ему! И утром, и вечером Басюмицу нуждался в нем. Воистину сама жизнь его была этим сосудом! Поэтому первым его вопросом было: «Знаешь ли ты, что я несу?»

Даже если ты понимаешь, что ум есть сама Истина или что тело есть сама Истина, понимание твое окутано

туманом. Когда же оно окутано туманом, ясность поколеблет и опровергнет его. Даже понимание в будущем, прошлом и настоящем окутано туманом. Далее, что называют прошлым? Что называют настоящим? Что называют началом? Что называют концом? Такое понимание не устоит перед ясностью. Басюмицу осознал это и поставил свой сосуд с вином. Это было подтверждением его обращения к Истине Мисяки. Поэтому-то Мисяка спросил: «Этот сосуд мой или твой?» Самой же Истины нет в таком понимании, которое есть прошлое и настоящее, которое приходит и уходит. Она [Истина] не есть я, и она не есть ты. Истина — в стороне от обоих. Поэтому Мисяка учил: «Если сосуд принадлежит мне, он — твоя подлинная природа (т. е. этот сосуд не принадлежит Мисяке). Если же он твой, тебе будет передан мой Закон (Дхарма) (т. е. сосуд не принадлежит и Басюмицу). Сосуд не принадлежит никому из нас, и потому сосуд не есть сосуд. Вот почему он исчез. Довольно трудно проникнуть в смысл всего этого. Пусть ты достигнешь состояния, недоступного для многих будд и патриархов со всей их силой, ты и тогда останешься лишь погруженным в туман сосудом. Наверное, это должно быть преодолено силой чистоты? Но действительная чистота не требует чистоты, не поступит так и сосуд. Ученик пребывает в подлинном общении с мастером, потому что ничто не возмущает мира и покоя между ними. Мой Закон (Истина) будет передан тебе потому, что он и есть твоя подлинная природа. Нет вещей, которые можно было бы передать другим, как нет ничего, что другие могли бы дать нам. Как только мы поймем это, мы уже не сможем говорить о мастере и ученике. Поэтому ученик стоит на голове мастера, а мастер стоит под ногами своего ученика. Здесь нет двойственности и нет разделения. Вот почему сосуд не может быть назван сосудом. Поэтому-то он и исчез». Так свершилась передача между этими двумя (Мисякой и Басюмицу).

Теперь, если ты в состоянии осуществить подобное, тогда твои тело и ум не останутся прежними, такими же как до реализации.

Ты не можешь сказать: «Это не имеет ничего общего с настоящим, прошлым, уходом и приходом — ведь здесь нет ни кожи, ни плоти, ни костей, ни костного мозга».

Это есть сама полная и совершенная ясность — у нее нет поверхности, нет изнанки, нет внутреннего и нет внешнего.

Хочешь ли услышать мои смиренные слова?

Колокол звонит так же, как в него звонят,
И значит, не к чему желать пустой сосуд.

Глава IX

ВОСЬМОЙ ПАТРИАРХ БУЦУДАНАНДАЙ-СОНДЗЯ

Когда восьмой патриарх Буцуданандай повстречал седьмого патриарха Басюмицу, то сказал: «Теперь я желаю вступить с тобой в спор». Басюмицу ответил: «Доказательство — не подлинная Истина. Подлинная Истина не может быть подтверждена доказательством. Ты желаешь вступить в дискуссию, но к подлинной Истине это не будет иметь отношения». Буцуданандай понял, что сказанное Басюмицу превосходило его собственные взгляды, и реализовал основание не-рождения.

Буцуданандай пришел из Каланы. Семья его принадлежала роду Готама. На макушке его была выпуклость, и он был искусен в ведении дискуссий. Басюмицу пришел в Камалу и там проповедовал буддийское учение.

Буцуданандай встал перед Басюмицу и сказал: «Я — Буцуданандай. Я желаю вступить с тобой в спор». Ба-

сюмицу ответил: «Если ты желаешь вступить в спор, значит, Истина не ведома тебе. Подлинная Истина не имеет ничего общего с приведением доводов».

В самом деле, подлинная Истина не может быть разъяснена при помощи доказательного рассуждения; в таком рассуждении не найти и тени Истины. Если и найдется доказательное рассуждение или якобы доказательно явленная истина, значит, это не подлинная Истина и не настоящее доказательство. Поэтому Басюмицу сказал, что желающий спорить и рассуждать не способен явить подлинную Истину.

Не существует ничего, что можно было бы назвать Истиной или доказательством. Более того, у Господина не было двух видов слов. И потому способный воистину услышать слова Господина может узреть и тело его; тот же, кто увидел тело Господина, понимает язык его.

Объяснение неразделимости ума и предмета (они не суть два) возможно, но объяснение это не доказательно. Даже разъяснение несуществования изменения не является установлением Истины. И когда мы говорим об отсутствии как необходимых для объяснения слов, так и смыслов, подлежащих выявлению, даже тогда Истина не явится нам. И объясняя истинность подлинной природы и истинность Ума, исчезновение света и мира, не исчезновение света и мира, объясняя то, что порой мы хозяева, а порой гости, объясняя тождество и различие — объясняя все это, мы не рассуждаем доказательно.

Хотя и сказал Мондзю: «Нет слов, нет объяснения», — изречение его не может быть подлинным (истинным). Хотя Юйма сидел на своем месте и хранил полное молчание, молчание его нельзя считать доводом, относящимся к Истине. Таким образом, и Мондзю, и Юйма заблуждались. Сярихоцу — а он был исключительно умен — и Моккэнрэн, владевший оккультными силами, — оба не могли постичь эту Истину ни во сне, ни наяву, и видели они не дальше слепого.

Господин сказал: «Людам уровня сёмон и энгаку¹ понимание природы Будды не снилось и во сне».

Даже бодхисаттвы десяти дзю² издавна принимали воду за журавлей и наоборот. После некоторого размышления они поняли, что это были журавли, но знание их было лишено уверенности. Они не смогли ясно постичь природу Будды из разъяснений Господина и с радостью признали: «Мы не смогли постичь вечное, существующее с незапамятных времен круговращение рождения и смерти, потому что „не-я“ ввело нас в заблуждение. Даже если возможно забыть то, что видим и слышим телом и умом, и выйти за пределы просветления, заблуждения, тумана и ясности — даже тогда истины не постигнуть и во сне».

Не ищи Истину в пустоте; не пытайся обнаружить ее в форме! Более того, не ищи ее у будд и патриархов!

Множество раз каждый из нас проходил через рождение и смерть, с незапамятных времен и до наших дней бесконечно обладал умом и телом. Ты можешь думать, что рождение и смерть, приход и уход подобны ускользающему заблуждению, — смеха достойны подобные мысли. Существует ли нечто рождаемое и умирающее, приходящее и уходящее? Что можно назвать действительным существованием личности? Что можно назвать ускользающим заблуждением? Поэтому Истину нельзя понимать ни как подлинную, ни как плод заблуждения. Полностью ложно такое понимание. Практикуй дотошно, не пропуская подробностей! Не впадай в пустоту мысли! Даже осуществляя Истину как чистоту, как чистую прозрачную воду или как небо, свободное от пыли, ты все еще далек от подлинного понимания.

Священник Годзан, следовавший путем Исана и Унгана, владел даром мгновенных свершений, мог про-

¹ Два низших ранга в тхераваде.

² Десять рангов последнего и высшего класса [т. е. десять ступеней пути бодхисаттвы. — Прим. отв. ред.].

поведовать всем телом, но чего-то ему не доставало. Тогда Унган сказал ему: «Дабы постичь Истину, практикуй дотошно, не пропуская подробностей!» Тодзан оставил Унгана и отправился в другое место. Просветление внезапно настигло его, и он произнес такие строфы:

Право, не должен искать я Истину у других!
Ведь тогда она будет далека от меня.
Ныне иду один.
Его могу встретить повсюду;
Он — это я теперь;
Я же не есть Он.
Лишь только постигнешь это —
С Истиной ты в тот же миг.

Он стал средоточием и основой школы сото в Китае. До просветления он не только во всей полноте постигал то, почему тело его проповедовало, но понимал также то, что проповедуют и обнаженная колонна¹, и садовый светильник, как проповедует все и везде во всех трех временах (прошлом, настоящем и будущем); и все же его пониманию чего-то не доставало.

Очень странно, что возможно понимать Истину интеллектом, понимать ум как будду и тело как будду, и все же не понимать суть буддизма, туманно и в общем размышляя об Истине, как о том, что цветы распускаются по весне, а по осени опадают листья.

Если таков буддизм, почему же тогда явился Шакьямуни, зачем Бодхидхарма пришел в Китай? От времени Шакьямуни и до наших дней не было будд и не было патриархов, которые не обрели бы просветления.

Настаивать, что извлекаемое из слов и предложение подлинно и в этом заключается сама Истина, значит настаивать, что не может быть ни будд, ни патриархов. Поэтому откажись от такого понимания; изучай одно лишь это и станешь буддой. Кто не просветлен, не

¹ Круглая колонна в храме.

может быть назван настоящим, подлинным. Не оставайся в чистоте, не пребывай в пустоте!

Священник Сэнсу сказал: «Ничем не отмечено то место, где можно остаться навечно. Не оставайся навечно в этом ничем не отмеченном месте. Тридцать лет я следовал наставлениям священника Якусана, и это — все, что я понял. Ясность — не то место, где можно остаться навечно. Не оставайся в подобном месте, ведь там не действуют ощущения и нечего ощущать», — так говорил он.

И далее, нет времени, которое было бы настоящим или будущим, нет ничего, что было бы просветлением или заблуждением. Обретший просветление на этом пути не встретит стены, не будет потревожен — он совершенно свободен. Практикуй дотошно, не пропуская подробностей! Не мысли поспешно! Хочешь услышать мои смиренные слова?

Изречения Субхути и Вималакирти не полны;
Мангалама и Шарипутра подобны слепым;
Тому, кто желает истинно смысл постичь,
Соль хороша для любой еды.

Глава X

ДЕВЯТЫЙ ПАТРИАРХ ФУДАМИТТА-СОНДЗЯ

Девятым патриарх Фудамитта услышал такие слова от Буцуданандая: «Слова твои более в ладу с твоим Умом, чем слова твоих родителей. Твое поведение сопричастно Истине — таким должен быть ум будды. Если ты будешь вовне искать будду, обладающего признаками буддовости, тот, кого ты найдешь, не будет истинным буддой. Если же ты желаешь узнать свой Истинный Ум — оставайся непричастен своему Уму, но и не отстраняйся от него совершенно!»

Фудамитта был родом из Дайгя. Его родовое имя было Бисяра. Когда Буцуданандай пришел в дом Бисяры — а это был замок Дайгя, — он увидел белый свет, поднимавшийся оттуда. Тогда он обратился к своим ученикам с такими словами: «Здесь живет подлинный святой. Уста его не изрекают слов потому, что он настоящий буддист махаяны; ноги его не ступали по земле, так как он знает, что это запачкает их. Возможно, он наследует мне».

Вскоре вышел хозяин дома и, поклонившись Буцуданандаю, спросил его: «Что вам нужно?» Буцуданандай ответил: «Мне нужен слуга». Хозяин же сказал: «У меня есть сын пятнадцати лет. Он не произнес ни слова за свою жизнь и не разу не ступал на землю». «Если так, он будет для меня настоящим учеником», — заявил Буцуданандай. Услышав эти слова патриарха, Фудамитта поднялся со своего места, поклонился и обратился к Буцуданандаю с такими стихами:

Даже родители мои не в ладу со мной;
Кто же в ладу со мной?
Даже учение будд не реально для меня;
Что же реально для меня?

Буцуданандай ответил словами, приведенными выше.

Едва услышав эти прекрасные слова, Фудамитта сделал семь шагов. Буцуданандай сказал: «Когда этот человек следовал за Господином, он молился с усердием. Прежде он не говорил и не ступал по земле самостоятельно, потому что ему было нелегко оборвать сыновнюю привязанность».

В самом деле, наши родители редко бывают среди тех, кто находится в наибольшем ладу и согласии с нами. Учение же будд — не самая настоящая вещь для меня. Поэтому, желая постичь наиболее согласное с нами, мы не должны соотносить это с нашими родителями. Желая реализовать подлинную Истину, мы не должны искать ее у будд. И причина этого в том, что мы можем

видеть, слышать и действовать без посторонней помощи. Так мы устроены. Так же устроены и будды. Мы учимся у будд, будды учатся у нас. Однако связь эта не столь пряма и тесна. Может ли это быть Истиной? Именно по этой причине Фудамитта пятнадцать лет не говорил ни слова и не ступал по земле. Он был тем самым человеком, которому суждено было принадлежать махаяне, а не оставаться среди простых мирян. Фудамитта сказал, что родители его не были настроены с ним на один лад, — и эти его слова вторили его умонастроению. Он сказал, что учение Будды не было подлинной Истиной, — и не ступал по земле. Так поступал Фудамитта, и он был сопричастен Истине. Если бы он стремился к обретению обладающего признаками будды где-то вне себя, поступки его были бы ложными. Потому-то истинные монахи и передавали Истину. При передаче они являли Истину без слов, они указывали прямо и непосредственно на Истину и постигали свою собственную истинную природу. Ни к каким особым средствам монахи не прибегали, чтобы непосредственное и прямое указание было понятно, чтобы Истина переходила от мастера к ученику просто и легко. Они всего лишь давали возможность ученикам отсекаать заблуждения при помощи практики сидения, во время которого рот их покрывался плесенью. Не то чтобы они не любили слов и ценили молчание — они учили *так*, дабы явить ученикам *природу* их ума. Наша истинная природа подобна чистой воде и небесам. Она есть сама чистота и, оставаясь в покое, не знает тревог. Нет ничего, что может быть явлено вне наших умов, как нет ничего нечистого в этих умах. Алмазы не сравнятся с умом. Свет солнца или луны несравнимы со светом наших умов, как несравним с ним свет сияющих алмазов. Разве ты не видишь, что свет наших умов равен свету тысячи солнц, сияющих в небесах? Тот, кто не понимает до конца, ищет истину вовне. Понимающий до конца и полностью, не ищет истину даже в самом себе. Подумай об этом спокойно! Не следу-

ет думать, будто внутреннее «в ладу», а внешнее лишено гармоничного строя. Истина все та же во все времена, но не погружайся в свое «я»! Каждый патриарх честно встречал преемника — только так они и встречались. Нет других причин и оснований для подобных встреч, и нам пора понять это на основе всего предшествующего.

Буцуданандай не говорил, что Истина постигается в практике, просветлении или изучении. Он говорил: «Твой Ум в ладу с тобой, ты есть сама Истина!» Буцуданандай предполагал, что нам лучше не стремиться стать буддой, с признаками или без них. Из чего можно понять, что не существует ничего, чему мы должны быть сопричастны или чего нам следовало бы сторониться. Истина запредельна сопричастности и разделению. Даже если мы описываем *это* словом «тело» — оно не может быть отделено от чего бы то ни было; даже если мы описываем *это* словом «ум» — оно не может быть сопричастно ему. Но, хотя вы и понимаете истину как сказано, не ищите ума вне тела! Тело и ум принадлежат изменению, но изменение не есть деятельность ума и тела. Многие будды во все времена понимали Истину именно так и неизменно пребывали просветленными; все патриархи так понимали Истину, и они неизменно появляются в Индии, Китае, Японии и других землях. Вам тоже следует придерживаться такого понимания Истины, не действуя вне его. Эти вещи вечны. Двенадцать качеств жизни объяснены Шакьямуни, и они суть круговращение колеса Истины. Странствие из одного локи в другой — таково явление Истины в махаяне.

Жизнь в четырех жизнях — вот истинная жизнь. Даже объяснять Истину как одушевленную или неодушевленную — все равно, что утверждать, будто у наших глаз два имени: *мэ* и *манко*¹. И когда Истина объясняется как нечто живое — это лишь другое имя для ума и воли. Не позволяйте уму быть превосходным, а воле —

¹ Оба этих слова означают по-японски «глаза».

не-превосходной! Разве мы можем презирать наше «мэ», почтительно относясь в то же время к «манко»? Не существует ни ощущений, ни их предметов. Вот почему каждый из нас есть сама Истина. Нет ничего вне Ума. Хотите услышать мои смиренные слова?

Не думай, что слова или молчанье
Природу истинную объясняют!
И разве могут ощущения и то, что ощущаем,
Природу истинную омрачить?

Глава XI

ДЕСЯТЫЙ ПАТРИАРХ БАРИСИБА-СОНДЗЯ

Десятый патриарх Барисиба три года был последователем Фудамитты, и ни разу за все это время он не сомкнул глаз. Однажды, когда после чтения сутр Фудамитта объяснял смысл не-рождения, Барисиба внезапно обрел просветление.

Барисиба родился в Центральной Индии, назвали его Нансё, что значит «Трудное рождение». При рождении Барисибы его отцу приснился белый слон с прекрасным седлом на спине. Седло это было украшено дивным ярко сияющим алмазом.

Когда Фудамитта пришел в Центральную Индию, там жил богатый человек по имени Когай. Он привел к Фудамитте сына и, поклонившись, сказал: «Этот сын оставался в утробе своей матери в течение шестидесяти лет, поэтому ему было дано имя „Трудное рождение“». Однажды ему встретился дух и сказал, что он не обычный человек и что ему суждено стать подлинным монахом. Ныне мы встретили тебя, и я отпускаю своего сына, чтобы он стал монахом». Фудамитта тогда обрил голову Барисибы и посвятил его в монахи.

Шестьдесят лет Барисибя оставался в утробе своей матери, после же рождения он прожил еще восемьдесят и был уже очень стар. Когда Барисибя высказывал желание стать монахом, люди говорили ему, что он слишком стар и слаб и потому от монашества его не будет проку. Ему говорили, что есть два вида монахов: монахи, практикующие дзэн, и монахи, читающие сутры; ему же по его дряхлости не справиться ни с тем, ни с другим. Услышав такие речи, Барисибя обещал, что, став монахом, не даст себе отдыха, не ляжет до тех пор, пока не реализует Истину. И вот он изучал дзэн и читал сутры днем, ночью же сидел, практикуя дзадзэн, и никогда не спал. Как только Барисибя стал монахом, сильный пучок света упал на его сидение, и он почувствовал, что кости Шакьямуни рядом. С тех пор Барисибя трудился усердно, не чувствуя усталости, и наконец через три года смог реализовать Истину. Реализация пришла к нему, когда он слушал, как Фудамитта читает сутры и объясняет смысл не-рождения. При этом читались только сутры, принадлежащие подлинной махаяне, такие как *Рёгикё*, ибо лишь в них содержится полный смысл. Эти сутры не говорят, что мы должны избавляться от заблуждения. *Рёгикё* не только разъясняет учение, она объясняет действительные вещи. Простого объяснения учения — объяснения того, что все есть одно и что все вещи обладают природой Будды, — недостаточно. Будды обладают умом, проникающим в Истину. Они постигают и укрепляют себя практикой, чтобы реализовать Истину. Существует пять уровней: человеческий, ангельский, сёмон [унсуи], энгаку [те, кто унаследовал, получил печать Дхармы] и бодхисаттвы; есть продолжительность практики, названия мест, таких как *дзёдо*, или место чистоты, — все это исчерпывающе растолковывается в *Рёгикё*. Нам следует знать, что все подлинные сутры содержат подобные разъяснения. Постигший до конца и исчерпывающе смысл одной строфы или одного учения не может стать патриархом, пока не по-

стигнет всей Истины. Мы должны трудиться изо всех сил, забыв об усталости; пусть воля наша будет превосходной, практика — строгой, занятия — дотошными, каждодневными и еженощными. Мы должны реализовать истинное стремление будд и стать тем, что мы есть, постичь учение и познать действительно существующее. Только так мы сможем стать патриархами.

В последнее время путь патриархов был предан забвению, и в наши дни нет настоящей практики. Большинство монахов полагает, будто им достаточно понять всего один стих или одно учение, чтобы достичь совершенства. Все они погрязли в самомнении. Остерегайся этого! Истина подобна горам — чем дальше карабкаешься, тем выше они становятся. Добродетель подобна морю — чем дальше плывешь, тем глубже оно становится. Только познав истинную глубину моря и поднявшись на вершину горы, становимся мы настоящими детьми Будды. Будь заботлив и внимателен к своему уму и телу! Каждый из нас — сосуд Истины. Каждый день — добрый.

Практика и неспособность к практике порождают понимание или невежество. Истина не знает предпочтений: для нее хороши всякие люди и всякое время. Барисибя было сто сорок лет. Он был очень стар, но реализовал Истину благодаря своей исключительной воле и неустанной практике. Три года Барисибя был слугой у своего мастера и ни разу не сомкнул глаз. В наши дни старики частенько ленятся. Подумай о святых прежних времен! Не думай, что если ты станешь усердно трудиться в жару и холод, то непременно умрешь! Не думай, что ты неудачлив! Только тот, чья мысль исполнена утверждения и уверенности, достигнет превосходства. Каждый, так мыслящий, становится патриархом. Барисибя читал сутры, но это не значит, что он читал и повторял их только устами, а книгу открывал только руками. Нам следует знать, что значит трудиться в доме Будды. Мы не должны подпадать под власть заблуж-

дений, как не должны сеять семена, из которых впоследствии могут вырасти алчность, злоба или заблуждение. Каждое место само по себе — сутра, и потому мы можем обрести мудрость во всяком месте и во всякое время. Живя так, мы ни от чего не зависим и осуществляем истинный смысл нерождения. Мы не знаем, откуда приходим и куда идем. Рождаемся здесь, умираем там, всегда появляемся и всегда исчезаем. Поэтому рождение не есть рождение, и смерть не есть смерть.

Если ищешь истину, не думай о рождении и смерти! Нам надлежит знать, что наше знание и наши тела и есть сама истина. Мы можем заставить наши глаза излучать свет, чтобы всем была видна их слава. Мы можем излучать свет из ушей, чтобы все услышали звуки Будды. Мы можем излучать свет из наших рук и сделать счастливыми других и себя. Так мы пойдем, и величайший свет вечно будет литься из-под наших ног.

Теперь я произнесу свои смиренные слова. Слушай!

Не много ли сутр мы читаем?
Умираем здесь, рождаемся там.
Все различно,
Все едино.

Глава XII

ОДИННАДЦАТЫЙ ПАТРИАРХ ФУНАЯСЯ-СОНДЗЯ

Одиннадцатый патриарх Фунаяся встал перед Барисибой-сондзя, сложил руки в гассё, и Барисоба спросил его:

- Откуда ты пришел?
- Ум мой никуда не движется, — ответил Фунаяся.
- Где же ты покоишься?
- Ум мой нигде не покоится.

— Значит, ты паришь? — поинтересовался Барисоба.

— Всякий будда таков, как и я, — ответил Фунаяся.

— Ты — не будда, — заметил Барисоба. — Не следует называть кого-либо буддой.

Услышав это, Фунаяся неотступно практиковал в течение двадцати одного дня и реализовал не-я. Затем он обратился к Барисобе и сказал:

— Не следует именовать кого-либо буддой, не следует также звать себя сондзя.

Барисоба передал ему Истину.

Фунаяся был родом из Касикоку. Семья его принадлежала к роду Гаутама. Отца Фунаяси звали Хосин. Барисоба-сондзя, придя в Касикоку, расположился отдохнуть под деревом. Указав на землю, Барисоба обратился к собравшимся с такими словами: «Когда земля эта станет золотой, явится святой».

В тот же момент земля стала золотой и явился некий сын богатого человека, звали его Фунаяся. Далее произошел разговор, который мы привели выше, и Барисоба прочел такие стихи:

Золотой стала земля;
Я уже знал тогда, что святой придет.
Тебе, Фунаяся, буддой стать суждено,
Так садись же под древо бодхи,
Как некогда сел Шакьямуни, и Истину осуществи!

Фунаяся ответил такими строфами:

Ты сидишь на златой земле,
Уча и свет излучая,
Впуская меня в самадхи.

Барисобе было ведомо (тайное) желание Фунаяси. Он передал ему заповеди и посвятил в монахи.

Фунаяся с самого начала был святым, поэтому сказал, что ум его — за пределами покоя и движения, как

и ум всех будд. И все же он чувствовал, что несвободен от двойственности. Фунаяся полагал, что его собственный ум, как и Ум Будды, обретается за пределами движения и покоя. Тогда Барисиба лишил его самого важного, что у него было, — а это все равно, что позволить крестьянской короле съесть еду голодного. Даже тот, кто уже реализовал истину, все еще не совершенен. И вот, Барисиба сказал Фунаясе, что будды не может быть. «Ты не будда», — заявил он. Это нельзя понять размышляя, постичь вне формы. Поэтому истина не открыта Мудрости будд, не доступна она и нашему обыденному знанию. Фунаяся, услышав это, двадцать один день не прерывал практики.

И наконец, он соприкоснулся с Истиной, забыл свой собственный ум и превзошел пределы будд. Это и названо не-рождением. Он реализовал то, что *есть* Истина, и выговорил это: «Не следует именовать нечто буддой или сондзя».

Ни рассуждением, ни умом не постигается Путь патриархов. Ни Дхарма, ни Единый Ум мира не могут быть названы глубочайшей Истиной. Ее не постичь как вечность, чистоту или пустоту. Поэтому, когда святые приходят к этому состоянию, умы их меняются, они распахивают врата истины и кладут конец самостным мнениям. Фунаяся был святым изначально, поэтому, когда он пришел, земля обратилась в золото, и было в нем нечто, устрашающее тех, кто был рядом с ним. Но он практиковал двадцать один день и постиг Истину.

Ты, ученик, должен предаться еще более глубокой практике! Хочу поведать тебе мои смиренные строфы:

Ум — не ты и не Будда;
Приход и уход в этом.

ДВЕНАДЦАТЫЙ ПАТРИАРХ АНАБОТЭЙ МЭМЁ-СОНДЗЯ

Двенадцатый патриарх Анаботэй Мэмё-сондзя спросил Фунаясю:

— Что есть Будда?

— Ты хочешь знать это? Но этого и сам Будда не знает, — ответил Фунаяся.

— Не зная Будды, как узнаю, что сам я будда? — не отставал Анаботэй.

— Не зная Будды, как узнаешь, что ты не будда, — отвечал учитель.

— Этот довод подобен пиле, — заметил Анаботэй.

— Нет, он подобен дереву, — возразил Фунаяся. — А что ты имеешь в виду, называя его пилой?

— Все мы стоим прямо (как зубы пилы) в ряд. В чем смысл дерева?

— Ты был спилен мной, — ответил Фунаяся.

Анаботэй постиг истину.

Анаботэй был родом из Харана. Звали его Косё, ибо преуспел он во многих добродетелях. Желание может быть обращено в добродетель, и нежелание также может быть обращено в добродетель. Поэтому ему дали имя Косё. Он пришел к Фунаясе и задал первый вопрос: «Что есть Будда?» Фунаяся ответил: «Ты желаешь знать Будду. Но этого не знает и сам Будда». Таков первый вопрос, который задает всякий, обращающийся в буддизм. Будды трех поколений и все патриархи пытались постичь существо буддизма. Будду не создать из форм, как не создать его из тридцати двух благих признаков и восьмидесяти примет. Поэтому Анаботэй задал свой первый вопрос, и Фунаяся дал первый ответ: «Ты желаешь знать, что есть Будда? Будда и есть тот,

кто задает этот вопрос», — т. е. сам Анаботэй. Ничем не отличен знающий себя как Будду от самого себя, лишнего этого знания. Между этими «до» и «после» не происходит ничего особенного. Будда и сейчас такой же, каким был в древности. Порой он обладает тридцатью двумя благими признаками и восемьюдесятью приметами, и они указывают нам на предположительный облик Будды; порой у Будды три головы и восемь рук; порой он обитает на небесах и страдает пятью страданиями; в другое время он принимает форму человека и страдает восемью страданиями; иногда он обладает признаками животного, иногда оказывается в аду. Он вечно пребывает в трех мирах, ум его неизменен, и он действует в своем собственном мире Ума, но наделен различными признаками. И потому никто не знает, что есть рождение и что есть смерть. Никто не может дать ему определенную форму, определенное имя, и никто не в состоянии полностью постичь его. Большинство заблуждается и когда говорит, что знает Будду, то не ведает, о чем говорит. Когда же говорят, что Будду нельзя познать и узнать, — тогда только и знают истинного Будду.

Если таков подлинный смысл приведенного выше разговора, зачем было Фунаясе говорить все остальное? Люди идут из тьмы во тьму, и действия их далеки от действий будд. Вот почему Фунаяся сказал, что именно тот — Будда, кто Будды не знает. Анаботэй же не понял этого и так выразил свое непонимание:

— Не зная Будды, как можно явить свою природу Будды?

На что Фунаяся ответил:

— Не зная Будды, как явим что-либо кроме природы Будды? Совне не следует искать природу Будды, и потому Будда — тот, кто Будды не знает. Как можем мы утверждать, что это не так?

— Это — логика пилы, — заметил Анаботэй.

— Нет, — возразил Фунаяся, — логика эта подобна дереву. Что значит логика пилы?

— Ты и я — мы стоим на одной линии. А в чем же смысл логики дерева? — спросил Анаботэй.

— Я знаю тебя полностью, — ответил патриарх. Анаботэй внезапно постиг истину.

Действительно, я и вы — мы все одарены одной и той же природой Будды. Руки наши не оскудевают ею, и нет различия между нами. Ни вы, ни я не можем быть больше чем мы есть. Мне и вам нечего заимствовать у других. В одном ряду, как зубья пилы, стоят здесь мастер и ученик. Фунаяся сказал, что смысл «дерева» в том, что пребывающий во тьме (размышляющий об этом) не может знать. В темноте нечего прибавить или убавить. Голова, венчающая деревянную трость, лишена ума, но все же называется головой. В этом смысл «дерева».

Анаботэй не мог хорошенько понять, что имел в виду мастер. Тот же, полный сочувствия к ученику, спросил: «В чем смысл пилы?» Анаботэй ответил: «Ты и я — мы стоим на одной линии». Затем спросил: «В чем смысл „дерева“?» В ответ Фунаяся положил руку на плечо Анаботэя со словами: «Я знаю тебя совершенно». Так Анаботэй обрел полное просветление и стал двенадцатым патриархом.

Фунаяся говорил: «Этот великий был царем Бисяри, где живет некая община людей, не знающих одежды. Царь превратился в множество шелковичных червей, дабы у подданных его не было нужды в одежде. Затем он родился в Центральной Индии, и вся община, прежде одаренная одеждой, возопила от радости. Поэтому ему было дано имя Анаботэй, что значит „Заржавшая лошадь“ (люди, лишённые одежды, подобны лошади). Будда Шакьямуни предрек, что спустя шестьсот лет после его смерти в Харане будет жить мудрый человек по имени Анаботэй Мэмё, который многих приведет (к Истине)». Так было предсказано Шакьямуни Буддой, и так Фунаяся передал истину Анаботэю Мэмё.

Мысль о том, что лишь неведающий о своей буддовости является буддой, а передача истины совершается без осознания ее совершения, — мысль эта не означает, что мы не должны полагать себя буддами, потому что не знаем, что есть Будда. Хотя мы не знаем, что есть Будда, нам следует глубоко обдумать это, размышляя в том времени, когда родители наши еще не были зачаты. Понимание Будды недоступно тому знанию, которым обладаем мы после нашего рождения. Мы не в силах постичь лик будд, патриархов, человеческих существ и демонов. Истина изменяется или неизменна, пуста или не пуста, она превосходит «внутри» и «снаружи», она — по ту сторону абсолютного и не-абсолютного; подлинно, она есть наше истинное существование. В Истине являются и исчезают, подобно морским волнам, простой человек и святой, в ней исчезают все вещи, исчезают субъект и объект, и нечего к ней прибавить. Мы называем вещь буддой или дьяволом, но они — лишь разные грани одного и того же. Мы заблуждаемся, называя нечто буддой, и, называя нечто дьяволом, заблуждаемся также. Когда проповедуем Истину другим людям — все встает на Подлинный Путь. Истинные действия совершаем мы словно во сне. Способы проповедования и различные магические искусства Индии сохранились до наших дней. Когда мы усердно практикуем и, пребывая за пределами рождения и смерти, приемлем все сущее, тогда мы — истинные монахи. Теперь же я хочу поведать вам мои скромные строфы:

Не ведает дерево персика, что розовы его цветы,
Но Рэйуна оно приводит к Истине.

ТРИНАДЦАТЫЙ ПАТРИАРХ
КАБИМОРА-СОНДЗЯ

Однажды Анаботэй-сондзя давал разъяснения относительно беспредельности природы Будды, говоря: «Горы, реки и земля — все создано ею, так же как три мудрости и шесть сверхчувств». Услышав эти слова, Кабимора-сондзя реализовал истину.

Кабимора родился в Касикоку в Индии. Прежде чем он узнал буддизм, у него было около трех тысяч учеников и ему были известны различные учения. Однажды, когда Анаботэй-сондзя проповедовал в этой области Индии, некий старик упал перед ним без чувств. Анаботэй-сондзя сказал тогда, обращаясь к слушателям, что это был не обычный человек, но некто, чей облик великолепен. Тогда старик внезапно исчез, и некто, изливающий золотое сияние, явился из глубин земли; явившийся обернулся женщиной. Она указала на Анаботэя, произнеся такие стихи:

Поклоняюсь тебе, о великий!
Прими предсказание Шакьямуни Будды,
Истину по миру, молю, разнеси!

Сказав так, женщина исчезла. Анаботэй-сондзя изрек: «Это демон, который желает сразиться со мной». Вскоре поднялась буря, и Анаботэй-сондзя промолвил: «Вот свидетельство тому, что демон пришел. Я прогоню его!» Он указал на небо, и тогда явился огромный золотой дракон, который продемонстрировал свою мощь сотрясением гор. Анаботэй-сондзя сидел неподвижно — демон исчез.

Спустя семь дней появился маленький червь. Анаботэй-сондзя достал его из-под своего сиденья и показал ученикам со словами: «Вот, во что превратился демон! Он хочет похитить мою Дхарму!» Анаботэй-сондзя

страхнул его с пальца, но тот не мог двигаться. Тогда наставник сказал, обращаясь к демону, что если бы он обратился к Трем Драгоценностям Дхармы, то обрел бы сверхчувственные способности. И вот демон явился в своем настоящем виде, поклонился Анаботэю-сондзя и повинился. Анаботэй-сондзя спросил его:

— Кто ты? Много ли у тебя последователей?

Демон же отвечал:

— Имя мое Кабимора. У меня три тысячи последователей.

— Почему столь часто ты меняешь облик? — спросил Анаботэй-сондзя демона.

— С легкостью обращаю я великое море во все что угодно, — ответил демон.

— Можешь ли ты превратить во что-нибудь море Истины?

— Что есть море Истины? — удивился демон. — Я никогда не слышал о таком.

Тогда Анаботэй-сондзя объяснил ему:

— Горы, реки, земля — все создано из нее; три мудрости и шесть сверхчувственных способностей порождаются ею. — Услышав эти слова, Кабимора реализовал Истину.

Со времени падения старика вплоть до момента появления маленького червя демон несколько раз менял свой облик. Ему было нетрудно превратить большое море в гору или гору в большое море. Но, не зная даже имени моря Истины, мог ли он превратить его во что бы то ни было? Он не знал о том, что превращалось в горы и море, и Анаботэй Мэмё-сондзя объяснил ему, что все это было море Истины, порождающее и три мудрости, и шесть сверхчувственных способностей.

Существует много видов, или ступеней, самадхи, таких как: *сюрёгон-дзаммай*, т. е. «самадхи, устраняющее все заблуждения»; *тэнгэнцу* — «дающее всевидение»; *тэнницу* — «дарующее сверхъестественный слух» и многие другие. Они не имеют начала, и им нет конца.

Мир полон ими; в действительности, мир и есть они. Когда создаются горы, реки и земля, тогда самадхи становится землей, водой, огнем, ветром, травой, деревом, кожей, плотью, костями и всеми частями нашего тела. Нет ничего вне самадхи, и не от чего бежать. Не прерываются рождение и смерть, они — внутри самадхи. В нем — бесконечный образ и бесконечный звук. Вещи эти не доступны даже мудрости будд. Всё суть части постоянного движения моря Истины. Вот почему все в мире бесконечно; и это не вопрос сравнения. Когда мы видим наши тела, мы видим наши умы. Когда знаем ум, знаем и тело. Тело и ум не существуют отдельно друг от друга. Нет различия между материей и формой. Даже тот, кто находится в другом, не человеческом, мире, все же пребывает в самадхи, хотя и не знает об этом и потому сомневается и в себе, и в других. Когда человек не знает, что все пребывает в самадхи, фундаментальная Истина не ведома ему. Потому-то демон лишился своей силы. Он отказался от своей самости и пришел к Анаботэю Мэмё-сондзя; он оставил борьбу с патриархом и явил свой свет. Даже когда вы постигли вашу собственную истинную природу, не задерживайтесь в области чувств! Но и чувства суть грани Будды, подобно изгороди, стене, камням. Истинная природа обретается за пределами видения, слуха, прикосновения, движения и покоя. Когда разливается море Истины, возникают движение и покой; вместе со временем приходят кожа, плоть и кости. Подумай об истинном смысле всего этого; оно является как чувства и образы, но не для других. Ударь по небу — раздастся звук; а когда небо претворяется во множество вещей — формы этих вещей разнообразны. Не нужно думать, будто у неба нет формы и голоса. Когда мы осознаем, что нет ничего, что можно назвать пустотой или существованием, мы думаем не о том существовании, которое может быть видимым или невидимым. Нет ничего отдельного. Что есть «другой»? Что есть «я»? Это все равно что пустота в небе, вода в море.

И это истинно всегда, во все времена, в прошлом и в настоящем. Когда зримо — нечего добавить; когда незримо — нечего прятать. Тела наши созданы из множества граней. За пределами существования существует нечто, что мы называем Единым Умом. Поэтому, если жаждешь просветления, не ищи его вне себя. Когда истина являет себя, другие дают ей имя человека или животного. Сэппо сказал: «Если мы хотим понять, нам должно осознать, что мы подобны превосходному зеркалу. Приходят чужеземцы — и возникают в нем; приходят наши близкие — и возникают в нем». Поэтому нет начала и нет конца. Горы, реки и земля — все приходит отсюда. Три мудрости и шесть сверхъестественных сил приходят отсюда. Ничего нет вне наших умов. Будьте добры, послушайте мои скромные строфы!

Даже когда огромные волны вздымаются к небесам,
Чистая вода остается неизменной.

Глава XV

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ПАТРИАРХ НАГЯРАДЗЮНА

Когда тринадцатый патриарх отправился к царю драконов, ему подарили алмаз Нёи. Нагярадзюна спросил его: «Алмаз — наивосходнейшая в мире вещь; обладает ли он признаками?» Кабимора отвечал: «Тебе известны только признаки. Ты не понимаешь, что этот алмаз превыше всех признаков, как неведомо тебе, что это и не алмаз вовсе». Нагярадзюна глубоко постиг истину.

Нагярадзюна-сондзя был родом из западной части Индии. Звали его Рюннё, или Рюсё. Тринадцатый патриарх после обретения просветления отправился на запад Индии. Царь Ундзидзай пригласил Кабимору в свой

дворец, где предложил ему множество даров. Патриарх так отвечал царю: «Существует учение Будды Шакьямуни, согласно которому монах не должен приближаться ни к царю, ни к благородным и наделенным властью». Тогда царь сказал: «За моим замком возвышается большой холм. На нем выстроен зал из камня. Там можете вы предаться медитации». Тринадцатый патриарх согласился. Он поднялся на холм и, направляясь к каменному залу, увидел большого питона, но не обратил на него внимания. Тот подполз к патриарху и обвил его тело. Тогда патриарх передал ему знание Трех Драгоценностей, после чего питон отполз прочь. Когда Кабимора подошел к каменному залу, оттуда вышел бедно одетый старик и сложил руки в гассё.

— Где вы живете? — спросил старика Кабимора-сондзя.

— Когда я был монахом, — отвечал старик, — я любил жить в уединении, где-нибудь в тихом лесу или в горах. Ко мне часто приходил человек, искавший у меня знаний. Эти посещения беспокоили меня, я впадал в гнев. Поэтому впоследствии я родился питоном и тысячу лет прожил здесь, в каменном зале. К счастью, я встретил вас и услышал о Трех Драгоценностях. Теперь я хочу отблагодарить вас.

— Что за люди живут на этом холме? — спросил Кабимора.

— В десяти ри отсюда живет могущественный учитель, проповедующий пятистам гигантским драконам. Я также слушал его проповеди.

Кабимора-сондзя направился к Нагярадзюне, который вышел навстречу, приветствуя патриарха:

— Место это укрыто глубоко в горах и одиноко. Множество драконов и питонов обитают здесь. Для чего пришел великий монах?

Кабимора-сондзя отвечал:

— Я не велик и пришел просто для того, чтобы увидеть мудреца.

Нагяарадзюна погрузился в размышления о том, был ли Кабимора великим монахом, и действительно ли он наследовал истину от самого Будды Шакьямуни.

— Ты думаешь обо мне. Мне хорошо известны твои мысли. Просто стань монахом и не беспокойся о моем величии, — посоветовал Кабимора-сондзя.

Услышав эти слова, Нагяарадзюна попросил прощения и стал монахом. Пятьсот гигантских драконов также приняли заповеди. После этого Нагяарадзюна следовал за тринадцатым патриархом в течение четырех лет. Когда тот отправился к царю драконов и получил в дар алмаз Ней, Нагяарадзюна спросил его: «Это наипревосходнейший из всех алмазов мира или нет?» Он задал также и все остальные вопросы, получил просветление и стал четырнадцатым патриархом.

Нагяарадзюна был искушен во многих религиях, а также изучал магию. Он спускался во дворец на дне моря, где читал сутры семи будд. Увидев лишь заглавия этих сутр, Нагяарадзюна постиг все, что в них было написано и проповедовал их пятистам драконам. Так называемых Манда Рю-о и Буцуданда Рю-о считают бодхисаттвами. По просьбе древних будд в тайном месте хранят они множество сутр. Когда учения и сутры Будды Шакьямуни утратят свою полезность и ценность для людей, они также окажутся в этом дворце на морском дне. Хотя сила Нагяарадзюны и была столь велика, что он мог говорить с великим князем драконов, — он не был подлинным монахом. Он всего лишь изучал религии. Но став учеником тринадцатого патриарха, Нагяарадзюна обрел истинное просветление. И все же люди видят в нем не только четырнадцатого патриарха, но основателя многих буддийских школ. Так, своим истинным основателем Нагяарадзюну считают школы сингон и тэндай. Маги и ткачи считают его своим первоучителем. Для многих Нагяарадзюна был источником знаний. Став четырнадцатым патриархом, он забыл о них, но они по-прежнему называют его своим основателем. Эти многочисленные «ученики»

Нагяарадзюны подобны демонам и животным, для которых нет разницы между алмазом и простым бульжником. Только Канадайба считался достойным воспринять его истину, на других же Нагяарадзюна не обращал внимания. У него было пятьсот превосходных последователей, когда Кабимора-сондзя пришёл к нему. Это не помешало Нагяарадзюне выйти навстречу патриарху, поклониться и, желая испытать его, обратиться с вопросом. Кабимора-сондзя, однако, не обнаружил своих истинных намерений. Но когда Нагяарадзюна погрузился в размышления о том, был ли пришедший к нему патриарх истинным монахом, тот предложил ему: «Стань монахом! Что за нужда тебе в том, святой я или нет?» Нагяарадзюна повинился перед ним и стал его последователем.

«Этот алмаз наипревосходнейший в мире. Есть ли у него какие-либо признаки?» — спросил Нагяарадзюна. Но мысль его была двойственна, и потому он не мог овладеть истиной. Кабимора-сондзя ответил: «Даже если этот алмаз наипревосходнейший в мире — когда мы обращаемся к истине, мы обращаемся к тому, что находится за пределами всех признаков». Это — только алмаз. Алмаз в волосах борца, алмаз, украшающий чело благороднорожденного, алмаз князя драконов или тот, что болтается в кармане пьяницы, — все они — обладают они признаками или нет — принадлежат миру, а не Истине. И все же никто не знает, что эти алмазы вовсе и не алмазы. Ты должен тщательно обдумать все! Ежеминутно погружай свою мысль в эти вещи! Все тело — это алмаз учения. Ты должен знать также, что все десять миров есть один сияющий алмаз Истины! Истина — алмаз этого мира. Она не приходит извне. Она рождается в сердце. Если ты болен и владеешь этим алмазом — он излечит недуг. Если ты охвачен страхом — алмаз освободит тебя от тревоги. Божественные образы и лики изливаются из него. Среди семи алмазов царя Томоэ есть один чудесный камень, породивший все остальные. В этом бесконечность.

В мире людей существуют победитель и побежденный — различия. Алмаз в человеческом мире может быть назван и рисовым зерном. Этот вот — алмазный камень. В сравнении с небесным он есть нечто сделанное, созданное, затем названное алмазом. Кости Будды и Дхарма стали Алмазом. Этот Алмаз объемлет собой все и также обращается рисовым зерном. Он несет спасение живым существам. Иногда он является как тело Будды, иногда как рисовое зерно. Он является как Дхарма, является как человек и как его сердце. Он становится телом в пять сяку [высотой], становится телом с тремя головами, всеми вещами этой вселенной. Не ищите успокоения, удаляясь в леса и горы подобно монахам прежних дней! Воистину, не таков Путь. Ошибается поступающий так. Вам надлежит взять за руку всех, кто еще колеблется, и идти вместе с ними! Укрывшись в лесах, горах и долинах, в одиночестве практиковать дзэндэн значит практиковать без цели. Ложным путем идет такой человек, он не ведает истины. Во всем он остается прежде всего собой. Дайбайдзё-дзэндзи сидел окутанный сосновым дымом, Исан Дайэн-дзэндзи сидел в облаках тумана, окруженный тиграми и волками. Нам не пристало смеяться над древними, выбравшими этот путь и ставшими истинными мастерами. Мы должны поступать так же! До тех пор пока недостаточно чиста наша практика, нам остается лишь ждать — ждать, когда и для нас станет возможным следовать примеру древних. Нам следует знать об этом. Дайбай принял от Басо, Исана и Хякудзё подтверждение наследования Дхармы. Древние мастера, подобные Индзану и Расану, не жили в одиночестве. Некогда они обогатились заслугой, и имена их живут для грядущих поколений. Такие люди владеют чистым видением. Жить в горах и долинах, так и не пойти туда, куда должно, — это слишком одномерно. Поступающий так воплощает практику, в основе которой лежит лишь стремление к собственному нравственному совершенству.

Тот, в чьих глазах нет чистоты и ясности, чья практика совершается в уединении, становится сёмон, а не семенем Будды. Тот же, кто есть семя Будды, не отрывает себя от других семян Будды. Живущий с другими учениками и реализующий свою подлинную самость углубляет свое существо и идет путем патриархов прошлого. Два патриарха древности сказали, что ученики не должны сидеть в одиночестве — им следует практиковать и работать рядом со своими братьями. Никто не должен сидеть в отдалении от своих собратьев-учеников. Тот же, кто сердцем своим не приемлет этого принципа, никогда не станет листом пяти врат. Эно-дзэндзи сказал: «В прежние времена люди уходили в горы и лучшей их пищей был рис. На десять, даже на двадцать лет забывали они человеческий мир. Так осуществляли они вечную благодарность». Орюнан сказал: «Мы Путь храним для самих себя. Некоторые же идут в горы, удаляются в леса и не призывают монахов в сюрё. Нет учителя в этом поколении, который любил бы одиночество». Они слабее людей древности, они всего лишь остаются в сюрё. Им следовало бы практиковать, подобно древним. Если они предпочитают одиночество в силу недостатка понимания, то к ним может прийти монах и заметить, что их поведение неодобрительно. Поступать так значит вовсе не иметь понимания. Вы должны порвать с привязанностью к телу и уму! Жить следует не в одиночестве, но и не с другими. Не нужно следовать за горным Нагярадзюной, даже когда он проповедует, поскольку он говорит только об учености. Только совершающий милостивые деяния и живущий с людьми способен услышать Истинный Закон Будды. Когда человек практикует, не стремясь к одиночеству, и продвигается в своей практике, он добудет сок из самого сердца Дхармы и станет устами Будды. Хотите послушать мои смиренные строфы?

Один луч света слепотой не поразит;
Нёи изливает яркий свет повсюду.

КЕДЗЮКАЙМОН (ПЕРЕДАЧА И ПРИНЯТИЕ УЧЕНИЯ О ЗАПОВЕДЯХ)

Великие заповеди будд тщательно хранятся всеми буддами. Будды передают их буддам, патриархи — патриархам. Передача заповедей свершается за пределами трех существований — прошлого, настоящего и будущего. Просветление простирается в вечности — от бесконечного прошлого и до наших дней. Будда Шакьямуни, наш Господин, передал заповеди Макакасё, который в свою очередь передал их Ананде. Так, через восемьдесят пять поколений, дошли заповеди до меня. Теперь я хочу передать их вам, дабы выразить свою благодарность сострадательности будд, — да станут заповеди очами для всех чувствующих существ! Таков смысл nasledования живой мудрости будд. Теперь следует нам помолиться о ниспослании нам водительства Будды! Вы же должны исповедаться и принять заповеди! Пожалуйста, повторяйте за мной!

Все ложные деяния, поступки, карма, совершенные мной с незапамятных времен, вызваны были алчностью, злобой и заблуждением, которые не имеют начала, рождаются в моих теле, устах и воле; теперь я полностью и открыто исповедуюсь во всем этом.

Наставник: Ныне, под водительством будд и патриархов мы отсекаем карму тела, уст и воли, мы очищаем ее и обретаем великую чистоту. Сие свершается силой исповеди.

Теперь вы можете обратиться к Будде, Дхарме и Сангхе. У Трех Драгоценностей — три заслуги. Пер-

вая — истинный источник Трех Драгоценностей; вторая — присутствие Будды в прошлом; третья — присутствие его в настоящем. Высочайшая Истина названа Драгоценностью Будды, чистота — Драгоценностью Дхармы; гармония — Драгоценностью Сангхи. Человека, действительно реализовавшего Истину, называют Драгоценностью Будды; Истину, реализованную Буддой, называют драгоценностью Дхармы; людей, постигающих и практикующих Драгоценность Дхармы, — Драгоценностью Сангхи. Проповедующий дэвам и людям, населяющим небеса и мир, именуется Драгоценностью Будды. Тот, кто является в мир через сутры и чье благо обращено к другим, назван Драгоценностью Дхармы. Освободившийся от всех страданий и вышедший за пределы мира назван Драгоценностью Сангхи. Это означает, что тот, кто обратился к Трех Драгоценностям, может полностью воспринять заповеди Будды. Пусть Будда будет твоим учителем, не следуй ложными путями!

Три чистые заповеди

Не совершай зла!

Это — обитель всех законов Будды; это — источник всех законов Будды.

Совершай только благо!

Дхарма Саммакусамбодай есть Дхарма всего существования.

Совершай благо для других!

Пребывай вне святого и нечестивого! Да спасем мы себя и других!

Эти три заповеди суть три чистые заповеди.

Десять великих заповедей

Не убивай!

Жизнь не может быть оборвана. Жизнь Будды возрастает. Продолжай жизнь Будды, не убивай Будду!

Не кради!

Сознание и его предмет суть одно. Широко распахнуты врата просветления.

Не возжелай!

Деятель, деяние и то, на что деяние направлено, — все это чисто и незапятнанно, поэтому желания не существует. Это такое же деяние, как то, что совершается буддами.

Не лги!

Непрестанно вращается колесо Дхармы, ни в чем нет у него недостатка, хотя оно и нуждается в чем-то. Сладчайшая роса облекает мир, в ней скрыта Истина.

Не торгуй вином заблуждения!

Не в чем заблуждаться! Если мы понимаем это, мы — само просветление.

Не говори хулы на других!

В буддизме Истина неизменна, как неизменно в нем все: тот же закон, то же просветление и то же поведение. Не позволяй никому говорить об ошибках и недостатках других! Никому не позволяй ошибаться в буддизме!

Не гордись собой и не смотри свысока на других!

Каждый будда и каждый патриарх понимает, что он подобен безграничному небу и так же велик, как вселенная. Когда они осуществляют свое истинное тело, ничего не остается внутри и ничего снаружи. Когда они осуществляют истинное тело, их не найдешь нигде на земле.

Не скупись, раздавая Дхарму или богатство!

Незачем выказывать скупость: одна фраза, одна строфа, тысяча травинок, одна Дхарма, одно просветление, каждый будда и каждый патриарх.

Не будь гневлив!

Нет успокоения, нет ухода, нет ни Истины, ни лжи — одно лишь сияющее облачное море, величественное облачное море!

Не поноси Три Драгоценности!

Совершить что-то самому, не подражая другим, значит стать примером для мира, и заслуга такого свершения становится источником всей мудрости. Не крикуй, но приемли все!

Таковы эти тринадцать заповедей.

Будь послушен учению и его передаче; прими его с поклоном!

САНКОН ДЗАДЗЭН СЭЦУ (ТРИ ИПОСТАСИ¹ ПРАКТИКУЮЩЕГО)

Тому, кто практикует дзадзэн высшего типа, нет дела до того, какими являются в этот мир будды, как не существует для него таких истин, которые не могут быть переданы даже буддами и патриархами. Он не умствует о том, что вещи выражают самость, ибо вышел за пределы просветления и заблуждения. Ни к чему не подходит он с позиции двойственности, и потому ничто не поработит его, даже явление различий. Он просто ест, когда голоден, и спит, когда устал.

Отрекается от всего, отсекает все привязанности и связи тот, кто практикует дзадзэн менее высокого уровня. Никогда не остается он праздным, но в каждом миге его жизни, в каждом его вздохе — созерцание истины. Может он сосредоточиться и на коане, устремив взгляд в одно место, например, направив его на кончик носа. Размышления о смерти и рождении, о движении или неподвижности не оставляют следов на его лице. Различающий ум не постигнет высшей Истины вечного нача-

¹ Термин *ипостась*, фундаментальный для греческого православного богословия, близкий по смыслу латинскому *субъекту* (и тот и другой означают *подлежащее*), выбран переводчиком как наиболее точно выражающий смысл *personality* в данном контексте, где речь идет не о человеке как личности или индивидуальности, но именно о действующем субъекте, или ипостаси, как об основе и истоке, подлежащем определенного действия, которое и определяет содержание этой действующей ипостаси. — Прим. пер.

ла, и Ум Будды не доступен его пониманию. Мысль практикующего такой дзадзэн свободна от двойственности, он просветлен. От далекого прошлого до настоящего дня яркое и чистое свет мудрости. Вся вселенная во всех десяти сторонах внезапно озаряется светом, исходящим из его головы; в теле его можно увидеть все явления.

Прежде своего освобождения от злой и благой кармы всесторонним взглядом охватывает все вещи тот, кто практикует обычный дзадзэн. Ум естественным образом выражает истинную природу всех будд, ибо нога человека стоит там же, где нога Будды, — так избегают путей зла. Руки сложены для медитации, в них нет сутр. Уста плотно сомкнуты, словно замкнуты печатью, ибо не должно быть изречено слово ни одного учения. Глаза не открыты широко, но и не полузакрыты; ничто не предстает в различном виде, ибо слух не внемлет голосу добра и зла. Нос не различает запахов — ни приятных, ни дурных; тело ни на что не опирается, так как все заблуждения отсечены мгновенно. Никакие заблуждения не волнуют ум, и потому нет ни радости, ни печали. Как в случае с деревянной буддой, и материя, и форма едины с Истиной. Мирские мысли еще могут являться время от времени, но они не тревожат, потому что ум стал ясным зеркалом, по поверхности которого даже не пробегают тени. Дзадзэн вечно рождает заповеди — пять, восемь заповедей, великие заповеди бодхисаттв, заповеди священнослужителей, три тысячи правил, восемьдесят тысяч мнений; дзадзэн порождает также высочайший Закон будд и патриархов. Из всех практик ни одна не сравнится с дзадзэн.

Пусть одна лишь заслуга будет приобретена в практике дзадзэн — она будет выше заслуг возведения сотни, тысячи и даже бесконечного числа храмов. Просто совершай дзадзэн, совершай его всегда, непрестанно, потому что в нем мы свободны от рождения и смерти; практикуя дзадзэн, мы осуществляем нашу собственную, скрытую в нас природу будды. Идти, стоять, сидеть или

лежать — это совершенные и естественные состояния; видеть, слышать, понимать и знать — это естественные проявления истинного «я». Между первым и последним умом нет различия — ни тому, ни другому нечего сказать о знании или невежестве. Совершай дзадзэн всем своим существом, никогда не забывай о нем и не теряй его!

КНИГА IV

СВЯЩЕННЫЕ ТЕКСТЫ И ОСНОВНЫЕ ЦЕРЕМОНИИ

УТРЕННЯЯ СЛУЖБА

Все ученики входят в церемониальный зал, трижды склоняются перед главным алтарем, после чего поворачиваются и трижды кланяются друг другу. Наставник практики произносит название каждого текста и затем все присутствующие декламируют следующие строфы:

Сутра Кандзэон-босацу^{*1}

Стихами спросил Мудзинни-бодхисаттва:

«О миром Почитаемый, всей милости владетель,
По какой же причине к Будды сыну,
Великому Кандзэон, так обращаться следует?»

Ответил миром Почитаемый стихами также:

«О жизни Кандзэон послушай:

Призывам внемлет он, что с четырех сторон несутся,
Его священные обеты, как море, глубоки.

*Он преданно служил мириадам будд,

Для мысли недоступных, в течение веков,

И в вечности обеты чистоты принес.

Когда услышат люди его имя, его увидят облик,

Когда в сердцах своих о нем помыслят глубоко,

Тогда во всех мирах все формы зла исчезнут.

Когда, желая погубить, злодей кого

Толкнуть захочет в гибельную пропасть,

Пусть жертва вспомнит о великой силе Кандзэон —

Тотчас серебристым озером прохладным

Та гибельная пропасть обернется.

¹ Звездочка отмечает то место, где чтение прерывается ударом гонга.

И если кто, блуждая по просторам океана,
Вдруг жизни встретит смертную угрозу
От рыбы хищной или злых чудовищ,
Пусть вспомнит о великой силе Кандзэон —
И состраданием исполнится пучина.
И если человека враг его с вершины
Сумеру бросит злобною рукой,
Пусть жертва вспомнит о великой силе Кандзэон —
И в небесах, как солнце, воспарит.
Коль человек падет,
Злодеем загнанный на горную вершину,
Пусть вспомнит о великой силе Кандзэон —
И волоса он не лишится.
И если кто врагами окружен,
Мечами потрясающими грозно,
Пусть вспомнит о великой силе Кандзэон —
И гнев в сердцах врагов заменится на милость.
Когда же человек тираном осужден
И приведен на место казни,
Пусть вспомнит о великой силе Кандзэон —
Меч палача расколется тотчас.
Когда цепями скован кто, в тюрьме томясь,
Лишь вспомнит о великой силе Кандзэон —
Тотчас падут с него оковы.
Когда нам угрожают яд иль колдовство,
Лишь вспомним о святой великой силе Кандзэон —
И колдовство, и яд вернутся в свой исток.
Когда же ядовитые создания, злые гады
Сползутся, гибелью грозя,
Одна надежда на святую мощь Кандзэон
Рассеет их и в бегство обратит.
И если змеи, изливая яд,
И скорпионы, жаля,
На человека нападут,
Пусть вспомнит о великой силе Кандзэон —
И прочь они, вопя от страха, побегут.
Когда сверкает молния и гром гремит,
Когда бьет град и с неба
Потоки низвергаются,
Святая сила Кандзэон, —

Лишь только мыслью обратишься к ней, —
Тотчас очистит небеса и бурю унесет.
Так существо, бедой сраженное,
Страданием терзаемое, болью,
Спасенья ищет на руках Кандзэон.
Он, мудрый, полный тайной силы,
Спасет любого от тревог и горя.
Он наделен чудесной, дивной силой,
Он все познал.
Во всей вселенной, в стороне ее любой
Нет места, куда бы ни проник Кандзэон.
Все подземелья, злые духи, все чудища,
Все проклятые тропы бытия, вся боль,
Рождением порождаемая,
Старостью, болезнью, смертью, —
Навеки все это отойдет, прервется.
Все мироздание Кандзэон великий
Видит в Истине;
Нетронут тлением, он любит все и
Ведает он всё,
Он состраданья полон; ему молиться
Должно вечно и восхвалять его вовеки.
Он — чистый свет, он — незапятнанный, как солнце;
Он мудростью рассеивает тьму.
Ему подчинены и ветры, и огонь,
Его всеозаряющим сияньем полон мир.
Как гром, что сотрясает мирозданье,
Своим Кандзэон владеет телом,
Исполненным любви.
И мысль его — мысль сострадания великого —
Подобна облаку,
Дождь Дхармы проливающему в мир,
Горящему страстей недобрых пламя.
Когда суда решение несправедно,
Но грозно, когда насилием грозит
Воинственная сила, —
Ты вспомни о великой силе Кандзэон,
И все твои рассеются враги.
*Он — голос нежный, сладкий,
Он — голос, мир объемлющий,

Он — голос Брахмы, голос океанов,
Единственный, всех голосов превыше мира.
В нем мысли должно упокоиться навеки,
Да никогда не усомнимся в Нем!
Он чист и свят, наш истинный приют,
*Защита в горе, в смерти и тревогах,
В беде любой. Он — всех заслуг владелец,
На все взирает милосердным оком,
И, словно океан, хранит в себе
Неоценимых добродетелей богатство.
Ему вовеки должно поклоняться!»
Тогда поднялся с места Дзидзи-босацу,
Встал перед Буддой он и так сказал:
«О миром Почитаемый,
Все, кто слушал ныне речь твою,
Кандзэон-босацу восхвалившую, воистину должны
Немало приобрести заслуг,
В словах твоих —
Всей его жизни совершенство.
И это — жизнь того, кто, наделенный
Чудесной силою, присутствует повсюду».
Вот Будда речь свою закончил,
Прочтя великое писание, в котором
Столь ясно жизнь и все деяния изложены
Все стороны объемлющего, тогда
У всех, кто был там, у великого собрания народа, —
Там восемьдесят тысяч и четыре было, —
**¹ В сердцах у всех глубокое стремленье родилось
** И жажда просветленья наивысшего,
С которым ничто во всей вселенной не сравнится.

Наставник практики или его помощник зачитывают список пожертвований:

* От всего сердца читаем мы эту сутру. Мы приносим в дар Кандзэон, великому бодхисаттве сострадания, подающему всем нам великий пример, наши заслуги, свечи, цветы и плоды. Когда бы ни читалась сутра,

¹ Две звездочки означают то мечто, где чтение прерывается ударом малого гонга.

великое сострадание пребывает с нами, и мы неустанно ищем его в себе. Мы молимся о мире во всем мире; мы молимся, чтобы добро победило зло; молимся о мире в этом храме и прекращении всяких напастей.

Все читают следующие строфы:

- * Хвала всем буддам во всех мирах!
- * Хвала всем бодхисаттвам во всех мирах!
- * Хвала *Сутре Великой мудрости!*

Наставник возглашает:

*Сутра Великой мудрости**

Все читают:

Единый с мудростью глубокой сердца,
Той мудростью, что мысли запредельна,
Святой Господин, Кандзэон-босацу,
Познал пять скандх, как они есть,
В их собственной природе — пустыми,
Ничем не замутненными и чистыми.
О Шарипутра, форма — это только пустота,
А пустота есть форма; и больше
Нет ничего; и то, что есть форма, есть пустота,
*А пустота есть форма. И то же истинно
Для ощущений всех, для мыслей и поступков,
И для сознания. О Шарипутра, здесь
Все вещи — пустота, ибо не рождены они
И смерти не подвластны, нет грязи в них,
Но нет и чистоты; не возрастают они,
И не приходят в умаленье. О Шарипутра, здесь
В пустоте нет формы, нет ощущения, нет мысли,
Нет деятельности, сознания нет; нет ока,
Уха, носа, языка, ума и тела; нет формы, вкусов,
Нет звука, цвета, нет прикосновенья,
И вот достигли мы предела, где старости и
Смерти нет, и нет их прекращенья.
Страдания нет, как нет

Уничтожения его и Восьмеричного пути;
Нет знания, нет достиженья. В уме
Босацу, с великой мудростью
Единого, воистину, препятствий нет.
* Оставив позади наш человеческий ум,
Он есть нирвана. Все будды истинные,
Будды трех времен; на мудрость истинную опираясь,
Все они суть чистое и совершеннейшее просветление.
И должно знать, что праджняпарамита
Есть мантра, величайшая из всех.
Она же — мантра высочайшая и несравненная из всех.
* Всей боли утешительница — великая мудрость.
Вот мантра мудрости великой — внемли!
* О Будда, переводящий за пределы, переводящий
* За пределы и вечно за пределы уводящий,
Вечно сущий Будда. Славься! Славься! Славься!

Наставник возглашает:

*Сандокай**

Все читают:

От запада к востоку незримый излился Ум
Великого Учителя индийского, хранящий от истоков
Чистоту, как чист поток, ничем не замутненный.
Путь истинный порою мудр, порою уныл, но для него
Нет патриархов севера и юга. Родившись здесь, сперва
Мы льнем к вещам и заблуждение творим позднее,
Вслед идеалам устремляясь. Каждый орган чувств
* С объектом соединяется в связи взаимной,
И все ж они разделены, стоят отдельно друг от друга.
Зависит от другого каждый, и каждый независим.
Нам кажутся различны формы и ощущения вещей,
Так голосам присуща одинокость: тот мягок, этот груб.
Слова «высокий» и «срединный» лишь тьме сродни;
Свет отделит от ясности туман.
И свойства элементов четырех, как к матери дитя,
Влекумы вместе все единой силой.

Смотри ж! Жар огня,
Летающий ветер, влажная вода, и твердь
Земли; глаза, что видят, слышимые звуки,
И вкус на языке — соленый, кислый вкус.
В каждой вещи — так стебли прорастают
Из корней — начало и конец к истоку возвращаются.
«Высокое» и «низкое» — их относительно
употребление.

В свете — тьма, но этому нет объяснения
В одной лишь тьме.

Свет в темноте есть, но и он необъясним
Одним лишь светом.

*Свет повсюду приходит с темнотой, ей вслед,
Как друг за другом шаги идут. Все вещи здесь
Наделены великой скрытой силой;
В них действие с покоем слито. Внимай!
Действительное приходит с идеальным вместе,
Как ларец и крышка. Внимай! Действительное приходит
С идеальным вместе, так две стрелы встречаются
На полпути. Постигни истину вполне
*В словах этих сокрытую! Внимай и слушай!
Да собственного не воздвигнешь образа! И если
Истины фундаментальной твоей опыт чувственный
Тебе не сообщил, как обретишь ты путь —
Путь, столь определенный, —
Сколь долго ты и шел? Идя, утратишь ты различия
Далекого и близкого, и сам себя утратишь. Поднимутся,
*Путь преградя, отроги гор и реки шумные.
*Я ищущему Истину скажу:
Не трать напрасно время!

Наставник возглашает:

*Наилучшее зеркало-самадхи**

Все читают:

Все будды и патриархи
Прямо передавали эту главную истину:

Храни то, чем владеешь ныне, — это все!
Снег белый на серебряное блюдо пал;
Сокрылась цапля белая в блистающей луне.
Как схожи они и как различны! Соединя их,
Их отличаем друг от друга. Высший ум
*В словах не выразим, но он
Учеников всех жажду утолит.
Окованный словами, падешь ты в пропасть.
И против главной истины идя,
В тупик придешь. Так к молнии могучей
Шаровой не приближайся и не беги ее!
Когда мудреные используешь слова,
Нет места чистоте — всё грязь.
Ночь яркое блистание скрывает,
И на рассвете свет не светит.
И эта истина для всех верна.
Мы с ней освободимся от страданий.
Не сотворенная искусственно, она
В речах у тех слышна, кто учит дзэн.
Как если б кто смотрел
В алмазами покрытое зеркало и видел там и образ,
И вещь саму. Ты — не он, но он — ты весь.
Младенец мира этого таков: он обладает
Всеми пятью вратами ощущений, но не уходит он
И не приходит. Не возникает он и все ж не остается;
Словами одарен, словами не владеет. Тогда
В конце концов ничто мы постигаем,
Слова же не точны.
Так, сложенные в виде стога,
Шесть палок ри не прекратят
Движенья относительно друг друга —
И по краям, и в центре.
Сложенные трижды, вновь к первому
Рисунку возвратятся, пять раз сменив фигуру.
Подобны этому пять вкусов цзи-травы,
Пять острий скипетра алмазного.
Так абсолютное «прямое»
Удерживает множество явлений в тонком
Равновесии своем. На каждый вопрос ученика
Всегда даст мастер правильный ответ.

Так мастер к способам искусным прибегая,
К последней Истине ведет ученика.
Ученики объедают высшее, а средства
Мастеру принадлежат. Коль верно смешано —
Так хорошо. Но сторонись односторонних взглядов!
Это — естественная истина и высшая,
Которая от заблуждений далека и к просветлению
Не пристает. Она нам с тихой ясностью являет
Условий зрелость всех, когда
Мгновенье бесконечно малым станет, когда
Велики, превосходя пространство, измеренья все.
Малейшее неловкое движенье разрушит ритм.
Владеем ныне мы внезапным, постепенным,
И школы все разделены,
Установив учения и практики в порядке,
Которые и стали образцом нам надлежащей
Жизни. Но если и постигнешь учения и практики,
И заблуждениям подвластное сознание
Сквозь сито вечной истины пройдет —
Все ж не достигнешь ничего. И если
Облик твой спокойствие являет,
Внутри ж тебя тревога гложет —
Подобен ты коню стреноженному, мыши в клетке.
Сожалея об участи такой,
Мудрейшие наставники минувшего учения нам дали.
Но заблуждения в умах учеников всё ставили вверх
дном,

И потому мудрейшие учения свои
Им в соответствие поставили.
Они прибегли к средствам столь разнообразным,
Что порой и черное казалось белым. Но
Блуждающую средь неправды мысль покинешь,
И вечное довольство обретешь. Желая
Идти дорогой древней, ты древним следуй образцам!
Пред тем как сделать шаг последний
И подлинное просветление обрести,
Все десять долгих кальп трудился Будда,
Воззрясь на древо бодхи.
*Так скованная изначальная свобода
Подобна тигру с рваными ушами,

Подобна она лошади хромой.
 Ученику, который поглощен
 Своим несовершенством и слабостью своей,
 Мудрец укажет на венец алмазный,
 Венчающий смиренное чело; ему покажет
 Одежды яркие, которыми его покрыто тело.
 У ног его укажет покоя место. Ученик,
 Внимает *учению такому в изумлении, сомнением
 Одолеваем. Мудрец же уверяет, что кошки
 Бывают разных видов и что коровы белые порой
 Уж совершенны так, как они есть. Лук мастера
 Цель поражает с сотни метров — искусством
 Владеет мастер. Но сделать так, чтоб две стрелы
 На полпути друг друга повстречали,
 Когда стрелок на голове стоит, —
 Вот что намного выше обычного умения.
 И в этой высшей деятельности не-ума —
 Смотри! — Запела деревянная фигура,
 И каменная дева пустилась в пляс.
 Сколь выше это обычного сознанья
 И запредельно всякой мысли!
 Вот господину подданный послушен,
 Дитя подчинено отцу. Без подчинения
 Нет почитания сыновнего; когда же службы нет,
 Нет и совета. Действие такое и работа
 Непритязательная глупыми нам кажутся
 *И скучными. Но исполняющий закон
 *Вовеки во всех мирах именоваться будет
 Над господами Господином!

Наставник читает слова приношения:

Заслуга прочтения этих писаний (следуют названия прочтенных текстов) приносится нами в дар (затем следует перечень всех патриархов, читается сначала первая колонка, затем вторая):

Все читают:

*Бибасибуцу-дайосё   Дайтака-дайосё
 *Сикибуцу-дайосё   Мисяка-дайосё

*Бисафубуцу-дайосё
 *Курусонбуцу-дайосё
 *Кунагонмунибуцу-дайосё
 *Касёбуцу-дайосё
 *Сякамунибуцу-дайосё
 Макакасё-дайосё
 Ананда-дайосё
 Сёнаवासю-дайосё
 Убакикута-дайосё
 Согянандай-дайосё
 Каясята-дайосё
 Кумората-дайосё
 Сяята-дайосё
 Басюбандзю-дайосё
 Манура-дайосё
 Какурокуна-дайосё
 Сисибодай-дайосё
 Басясита-дайосё
 Фунёмитта-дайосё
 Ханнятара-дайосё
 Бодайдарума-дайосё
 Тайсо Эка-дайосё
 Канти Сосан-дайосё
 Дайи Досин-дайосё
 Дайман Конин-дайосё
 Дайкан Эно-дайосё
 Сэйгэн Гёси-дайосё
 Сэкито Кисэн-дайосё
 Якусан Игэн-дайосё
 Унган Дондзё-дайосё
 Годзан Рёкай-дайосё
 Унго Доё-дайосё
 Доан Дохи-дайосё
 Доан Канси-дайосё
 Рёдзан Энкан дайосё
 Дайё Кёгэн-дайосё
 Госу Гисэй-дайосё
 Фую Докай-дайосё
 Танка Сидзюн-дайосё
 Тёро Сэйрё-дайосё

Басюмицу-дайосё
 Буцуданандай-дайосё
 Фудамитта-дайосё
 Барисибя-дайосё
 Фунаяся-дайосё
 Анаботэй-дайосё
 Кабимора-дайосё
 Нагярадзюна-дайосё
 Канадайба-дайосё
 Рагората-дайосё
 Эйхэй Косо-дайосё
 Коун Эдзё-дайосё
 Тэцу Гикай-дайосё
 Кэйдзан Дзёкин-дайосё
 Мэйхо Сотэцу-дайосё
 Суган Дотин-дайосё
 Тэцудзан Сикаку-дайосё
 Кэйган Эйсё-дайосё
 Тюдзан Рёхун-дайосё
 Гисан Тонин-дайосё
 Сёгаку Кэнрю-дайосё
 Кинэн Хёрю-дайосё
 Тэйсицу Тисэнн-дайосё
 Кокэй Сёдзюн-дайосё
 Сэссё Юго-дайосё
 Кайтэн Гэндзю-дайосё
 Сюдзан Сюнсё-дайосё
 Фукусю Коти-дайосё
 Мэйдо Ютон-дайосё
 Хакухо Гэнтэки-дайосё
 Гэссю Соко-дайосё
 Мандзан Дохаку-дайосё
 Гэкан Кико-дайосё
 Дайю Эссё-дайосё
 Кёгон Сокай-дайосё
 Сёун Тайдзуй-дайосё
 Нитирин Того-дайосё
 Сонно Кёдо-дайосё
 Согаку Рёйдо-дайосё
 Дайсюн Бэнгю-дайосё

Тэндо Сокаку-дайосё
Сэтгё Тикан-дайосё
Тэндо Нёдзё-дайосё

Кохо Хакугун-дайосё
Кэйдо Тисан-дайосё

Наставник продолжает читать слова приношения:

Мы молимся, дабы дано нам было явить благодарность четырем нашим благодетелям, и да приведем мы к спасению все существа трех миров, и да сотворим вместе со всеми живыми существами совершенство четырех мудростей! Мы молимся о процветании всего священнического семейства и о прекращении всех несчастий.

Там, где помимо церемониального зала есть еще и зал для медитации, *Сандокай* и *Наилучшее зеркало-самадхи* читаются в последнем вместе с перечнем патриархов. После чего вся община следует в церемониальный зал, где зачитываются *Сутра Кэндзэон-босацу* и *Сутра Великой мудрости*. Затем наставник возглашает слова следующего приношения:

Заслуги этого прочтения *Сутры Кэндзэон-босацу* и *Сутры Великой мудрости* приносим мы в дар великому мастеру Будде Шакьямуни, высочайшему патриарху, великому мастеру Дзёё; высочайшему патриарху, великому мастеру Дзёсаю и Трем Драгоценностям всех миров. Мы молимся, дабы дано нам было явить благодарность четырем нашим благодетелям; и да приведем мы к спасению все существа трех миров и да сотворим вместе со всеми живыми существами совершенство четырех мудростей! Мы молимся о процветании всего священнического семейства и о прекращении всех несчастий.

Все читают:

- * Хвала всем буддам во всех мирах!
- * Хвала всем бодхисаттвам во всех мирах!
- * Хвала *Сутре Великой мудрости*.

Все трижды кланяются главному алтарю и трижды — друг другу, после чего выходят из зала.

ВЕЧЕРНЯЯ СЛУЖБА

Фукандзадзэнги (Правила дзадзэн)

Ученики входят в церемониальный зал, соблюдая порядок, или же сидят на своих местах в зале для медитации. Наставник звонит в *инкин* (маленький колокольчик) — один удар колокола предназначен для одного из Трёх прибежищ, — после чего он зачитывает следующее:

Правила дзадзэн*

Все читают:

Истина едина, почему же различны практика и просветление? Высшее учение свободно, почему же должны мы изучать пути и способы достижения Истины? Очевидна несовместимость Истины со всякой нечистотой, так что за нужда в усердном очищении ее? Истина неотделима от практики, значит, в практике нет нужды. Но случись между истиной и практикой малейший зазор — они станут друг от друга столь же далеки, как небо и земля*. Когда возникают противоположности, Ум Будды утрачивается. Как бы ни гордились вы своим пониманием, как бы ни были вы просветлены, какой бы мудрости и сверхъестественных способностей ни достигли, как бы успешно ни находили вы путь к просветлению ума, к способности коснуться небес и войти в просветление, — но если возникают противоположности, вы почти утратили путь к спасению. Будда уже при рождении владел великой мудростью, и все же он сидел и практиковал шесть лет.

Бодхидхарма наследовал и передал Ум Будды, и все же отзвук его девятилетнего сидения лицом к стене доносится и до наших дней. Наши предки были очень усердны, почему же в наше время люди не могут постигать? Все, что вам надлежит сделать, — отказаться от ученых познаний, углубиться в себя и на себя обратить свой взор. Если бы вы могли естественным образом освободиться от тела и ума, отбросить их прочь, тотчас же проявился бы Ум Будды. Если вы желаете быстро обрести его, начинайте прямо сейчас!

В тихой комнате должны вы предаться созерцанию; ешьте и пейте умеренно! Оборвите все связи, откажитесь от всего; не помышляйте о добре и зле; не размышляйте об истинном и ложном! Следите за деятельностью ума, воли, сознания, памяти, восприятия и понимания; чтобы стать буддой, не нужно бороться с собой! Не усердствуйте ни в сидении, ни в лежании! Положите круглую подушку поверх толстой квадратной, что на вашем сидении. Одни медитируют, сидя в положении полного лотоса, другие — в полулотосе. В полном лотосе ваша правая нога покоится на левом бедре, левая — на правом. В полулотосе ваша левая нога лежит на правом бедре и всё. Пусть одежда ваша не стесняет вас! Положите правую руку на левую ногу, кисть левой руки вложите в правую и слегка соедините большие пальцы рук. Сидите прямо, не склоняясь вправо или влево, назад или вперед. Уши должны быть на одной линии с плечами, нос на одной линии с пупком. Пусть язык ваш слегка касается нёба у основания зубов, губы же и зубы пусть будут плотно сомкнуты. Глаза ваши должны быть открыты. Быстро вдохните, сядьте удобно и резко выдохните! Качнитесь слегка всем телом влево, потом вправо, после этого примите устойчивое положение со скрещенными ногами, не пытайтесь думать, но и не стараясь не думать. Простое сидение без всякой направленной мысли — вот, что важно для дзадзэн!

Этот тип дзадзэн не совершается по мере прохождения различных стадий медитации. Это — просто путь к бестревожному миру. Практиковать и просвет-

ляться значит становиться совершенномудрым. Коан естественно входит в повседневную жизнь. Когда станете совершенно свободными — будете как вода, ставшая пристанищем дракона, как горы, по которым бродит тигр. Когда совершенно ясно поймете, сколь естественно явление Истины, тогда ум ваш освободится от сомнений и колебаний. Желая завершить дзадзэн и встать, качнитесь слегка вправо и влево, вставайте медленно. Не совершайте резких движений. Я сам видел, как дзадзэн дарует силу умереть сидя или стоя — силу, стирающую различие между крестьянином и мудрецом. Постичь естественную деятельность различающим умом не легче, чем постичь признаки просветления. Но в равной мере невозможно понимание практики и просветления при помощи средств сверхъестественных, ибо понимание такого рода вещей обретается за пределами речей и видения. Превыше всякого различения эта Истина! Не разглагольствуй о мудром и невежественном. Только одно существует — усердная практика, в ней истинное просветление. Практика и просветление естественно чисты. Жизнь в дзэн не отлична от обычной жизни. Печать Ума Будды хранили будды настоящего мира и патриархи Индии и Китая, неустанно распространяя истинный дзэн. В чистом дзадзэн возможны все деяния. Существуют тысячи способов практики, но должно практиковать чистый дзадзэн. Незачем отправляться в иные, пыльные омраченные земли, оставляя свое место. Если первый шаг ложен, вы тут же споткнетесь. Вы уже обладаете жизненными качествами человеческого существа. Не тратьте время понапрасну! Вам по силам снискать авторитет Будды. Что проку упиваться радостями этого переходящего мира? Тело недолговечно, как роса на траве, жизнь мгновенна, как вспышка молнии. Стремительно угасает тело, и вот уж позади жизнь. О искренности ученики, не усомнитесь в истинном драконе; не тратьте время на чистку лоскута слоновьей кожи! Внутри себя воззритесь, сразу вставайте на путь, ведущий к Уму! Дань уважения воздайте тем, кто достиг цели бесцельности; воссоединитесь с мудростью будд; передавайте

мудрость патриархов! *И вот, поступая так, станете таким, как здесь сказано. *Тогда легко и естественно распахнутся двери сокровищницы, и вы насладитесь ею сполна.

Затем наставник или его помощник зачитывают слова приношения:

* Заслуги чтения этого писания мы приносим в дар всем, дабы могли они достичь Истины.

Все читают:

- * Хвала всем буддам во всех мирах!
- * Хвала всем бодхисаттвам во всех мирах!
- * Хвала *Сутре Великой мудрости*.

ЦЕРЕМОНИЯ ТРАПЕЗЫ

Следующие тексты читаются во время завтрака и обеда, но не во время ужина, потому что Будда Шакьямуни не вкушал еды после полудня. Поэтому во время ужина используются одна или две чаши из набора посуды, принадлежащего ученику, но никогда — фактическая чаша для сбора подаяния. Во время обеда этот церемониал проводится редко. Предпочтение, как правило, отдается чтению *Сутры Великой мудрости* или *Сандокай* с добавлением специальных обеденных строф, читаемых в середине обычной церемонии и отличных от тех, что предназначены для завтрака.

Наставник один раз бьет по доске, после чего все снимают покрытие с чаш и расставляют их перед собой.

Все читают:

Господь наш Будда рожден был в Кабира,
Просветление обрел в Макада,
Учил в Харана,
Умер в Кутира.
Мы расставляем эти чаши и Господина молим:
Пусть те, кто ест, и съедаемая пища,
И само вкушение пищи — пусть все это станет
Совершенно свободным от «самости».

Вновь ударив в доску, наставник практики продолжает один:

Мы принимаем прибежище в Будде,
В непогрешимо совершенных писаниях,

В патриархах и бодхисаттвах,
Чьи заслуги превышают понимание.

Нижеследующие строки читаются только в том случае, когда пища принесена общине в дар жертвователем. Наставник один:

Сегодня жертвователю принес в дар общине эту пищу. Всех вас прошу глубоко вникнуть в причины, побудившие его совершить даяние. Вот они:

(Зачитывает изложение мотивов пожертвования.)

Я прочел вам о причинах, побудивших жертвователя совершить этот дар; я призываю будд и бодхисаттв в свидетели его искренности, ибо они одарены святым видением, проникающим за пределы себя и другого. Теперь давайте все вместе пропоем имена десяти будд!

Если же не было пожертвования, приведенные выше строфы не произносятся. Все поют:

*Совершенно чистый Будда, Бирусьянофу, сама Дхарма;

*Совершенный Будда, вознагражденный за прежнюю практику;

*Будда Шакьямуни, один из многих будд, являвшихся во множестве миров;

*Будда Мироку, который явится в будущем;

*Все будды всех сторон в трех мирах;

*Великая и превосходная *Сутра Лотоса Дхармы*;

*Святой бодхисаттва Мондзю;

*Великий и мудрый бодхисаттва Фугэн;

*Великий и милостивый Кандзэон;

*Все бодхисаттвы и патриархи;

**Сутра Великой мудрости!*

Наставник практики продолжает один:

Первый удар молота — по ноге Будды;

Второй удар — по голове его;

В Трех Драгоценностях прибежище найдя,
Все в совершенстве смогут их постичь.

Следующие строфы наставник читает только во время завтрака, после удара по доске:

Десять благ благословляют утреннюю кашу,
Великую пользу неся всем ученикам;
Чудесных плодов этого не счесть,
Радость наша с нами пребудет вовеки!

Строфы, следующие ниже, читаются наставником только во время обеда, после удара по доске:

Три заслуги и шесть вкусов приношу я в дар
Всем буддам и всем священникам,
Да возрадуются этому дару
Все чувствующие существа вселенной!

Наставник бьет по доске, и старший ученик возглашает:

Двух милостынь, материальной и духовной,
Заслуга безгранична;
И ныне, когда свершаются они в сем милосердном действии,
И сам ты, и другие в них радость обретут!

Новый удар по доске возвещает внесение пищи, и все декламируют:

Во-первых, мы разделим достоинства этой пищи с
Тремя Драгоценностями Дхармы;

Во-вторых, мы разделим их с четырьмя благодетелями, с Буддой, правителем, родителями и всеми людьми;

В-третьих, мы разделим их с шестью локами;
Со всеми ими разделим их и всем предложим в дар.

Первый кусок — для отсечения зла.

Второй кусок — для совершенной практики.

Третий кусок — для помощи всем существам.

Мы молимся о всеобщем просветлении.

Обдумаем то благо, которое дарует она нам, ее вкушающим;

Мы должны глубоко обдумать пути и средства, благодаря которым эта пища пришла к нам.

Мы должны глубоко обдумать наши заслуги, принимая эту пищу.

Мы должны защитить себя от заблуждения, изгнав жадность из нашего ума.

Мы вкусим этой еды, чтобы не обессилеть и не умереть.

Мы вкусим этой еды, чтобы достичь просветления.

Во время этого чтения ученикам раздается еда. По окончании совершается предложение пищи духам умерших. Когда вся еда съедена, помощник настоятеля бьет по доске один раз, после чего настоятель произносит:

Мы предлагаем эту воду духам ушедших, чтобы и они насытились!

Помощник настоятеля вновь бьет по доске, и наставник читает:

Небу бескрайнему подобна вселенная;
Лотосу, цветущему над мутной водой;
Чист ум ученика, миру запределен;
В тебе обретаем прибежище, о Будда святой!

НЕКОТОРЫЕ КОРОТКИЕ ЦЕРЕМОНИИ

Строфы кэса

Строфы эти читаются при одевании кэса каждое утро и при возложении сложенной кэса на голову ученика:

Удивительны и велики одеяния просветления,
Формы они лишены, но в них все сокровища скрыты;
Стремлюсь учение Будды раскрыть,
Дабы мог я помочь всем живым существам.

После произнесения этих строк ученик разворачивает кэса и надевает ее.

Строфы обритуя головы

Следующие строфы каждый ученик читает трижды, прежде чем приступить к обритую головы. При чтении руки сложены в гассэ.

Ныне, когда мы обриваем наши головы, давайте
помолимся,
Да оставим мы вовеки все эгоистические стремления,
Ни рождения, ни смерти нет!

Строфы очищения зубов

Эти строфы читаются перед очищением зубов. Руки сложены в гассэ:

Я беру палочку для чистки зубов ради блага всех
живых существ;
Да постигнут они Истину быстро и обретут
естественную чистоту!

По завершении очищения зубов читаются следующие
строфы:

Зубы наши были очищены этим утром ради блага
всех живых существ;
Они держат веер заблуждений — сокрушим же
заблуждение так же, как эта палочка сокрушается у
нас во рту.

Строфы омовения

Прежде чем войти в комнату для умывания, следует
трижды поклониться изображению Бадаро-босацу пе-
ред алтарем у входа в умывальную. Каждый поклон со-
провождается словами:

Я должен очистить тело и сердце.

По окончании омовения, перед тем же алтарём уче-
ник вновь трижды кланяется, сопровождая каждый по-
клон словами:

Я очистил тело,
Я молю об очищении сердца!

Строфы посещения уборной

Слова эти повторяются трижды:

Поклоняюсь всем Буддам,
Поклоняюсь бесконечному учению!
Мир! Говори! Вспыхни! Вверх! Откройся!
Славный и полный мира, для него
Нет беды и в уборной, славься!

Строфы проповеди

Эти строфы читаются всей общиной перед всеми про-
поведями и речами настоятеля. Им предшествует один
удар малого колокола:

Непревзойденная, всепроникающая и совершенная
Истина,
Встреча с ней редка даже в сотню, тысячу и мириад
каल्प.
Ныне мы можем лицезреть ее, внимать ей, мы можем
помнить о ней и принять ее.
Клянусь, что соединюсь с Истиной Будды!

По окончании проповеди все возглашают:

*Хвала всем буддам во всех мирах!
*Хвала всем бодхисаттвам во всех мирах!
*Хвала *Сутре Великой мудрости!*

Великий и милостивый Кандзэон;
Все бодхисаттвы и патриархи;
Сутра Великой мудрости!

Старший ученик тихо произносит:

Отдых.

ЦЕРЕМОНИЯ ЗАКРЫТИЯ ЗАЛА ДЛЯ МЕДИТАЦИИ

Официальное название этой церемонии можно перевести как «Чтение молитвы», но, поскольку совершается она в день закрытия зала для медитации, когда ученики могут отдохнуть и помыться, — а это может быть любой день месяца, в числе которого есть четверка или девятка, — я назвала ее церемонией закрытия зала для медитации.

Раздается удар по деревянной доске, и семь раз звонит колокол. В присутствии всех учеников перед залом для медитации наставник практики произносит:

*Блистательность света Будды усиливается неизменно, и вечно поворачивается колесо Дхармы. Здания этого храма и эта земля охраняют Дхарму и учеников. Все дхьяны полны сокровищ и мудрости, и благодаря им собираемся мы вознести молитву девяти буддам.

Все читают вместе (в начале каждой строфы звонят в колокол зала для медитации):

Совершенно чистый Будда, Бирусанофу, сама Дхарма;
Совершенный Будда, вознагражденный за прежние
практики;
Будда Шакьямуни, один из многих будд, явившийся
во множестве миров;
Будда Мироку, который явится в будущем;
Все будды всех направлений трех миров;
Великая и превосходная *Сутра Лотоса Дхармы*;
Святой бодхисаттва Мондзю;
Великий и мудрый бодхисаттва Фугэн;

ОБЩИЕ И ОСОБЫЕ ПРИНОШЕНИЯ

Первое общее приношение

Зачитывается наставником в зале для медитации или в церемониальном зале во время церемоний поминовения усопших после чтения писания, избранного родственниками усопшего.

Великий святой поворачивает колесо Закона и этим являет многие стороны Истины. Он спасает терзаемых горем, он приводит их к счастью. Помолимся о том, чтобы вечно ясно взирали очи Трех Драгоценностей Дхармы! Мы приносим в дар благовония, цветы, свечи, святильники, хлебы, чай и другую благу пищу в надежде, что заслуга этих даяний дарована будет (имя усопшего), где бы он ни был! Ради его блага прочли мы (название писания). Мы молимся о свободном излиянии света Истины — да осветит он тьму закоулков заблуждения! Мы искренно молимся об исчезновении горы (его/ее) кармы, о расцвете цветов Ума весной просветления! Вознесем же молитву о восшествии нашем на алмазный алтарь и о реализации Истины!

Второе общее приношение

Текст этот иногда читается вместо предыдущего.

Когда мы едины с просветлением, мы знаем о существовании совершенной чистоты и всеобщего света. Высшим покоем объята небо. Возвращаясь в мир, мы знаем: все подобно сну. Помолимся же о том, чтобы

вечно ясно взирали очи Трех Драгоценностей Дхармы! Мы приносим в дар благовония, цветы, свечи, святильники, чай, хлебы и другую благу пищу, мы прочли (название писания). Мы молим, чтобы заслуги этих даяний дарованы были (имя умершего)! Мы молимся об алмазах просветления: да изливается свободно их сияние, вопреки нашим заблуждениям! Пусть, когда войдем мы в просветление, сфера Японии высоко сияет в голубых небесах. Будем же неуклонно подвигаться к просветлению вместе со всеми живыми существами!

Приношение обон

Нижеследующий текст читается священником храма во время ежегодного посещения им домашних алтарей его прихожан:

Вознесем молитву нашу о том, чтобы вечно ясно взирали очи Трех Драгоценностей Дхармы! Мы сотворили прекрасный алтарь и приносим в дар благовония, цветы, свечи, пищу и другие дары, мы прочли писание (название писания). Мы молимся, чтобы заслуги этих даяний дарованы были (имена всех усопших членов семьи)! Мы искренно молимся, чтобы он (она, они), ведая или не ведая о том, смог освободиться от кармы и достичь истинной свободы! Мы молимся о том, чтобы он (она, они) постиг, что нет ни рождения, ни смерти!

Приношение к празднику ханамацури, т. е. дню рождения Будды (8 мая)

Этот текст читают после писаний, избранных для этого дня наставником практики.

*Из великого сострадания рождается чистое тело Дхармы, нерожденное и несотворенное. Мы молимся

о просветлении тьмы наших заблуждений светом истинного сострадания. Сегодня, в восьмой день мая, мы собрались здесь, дабы совершить приношение этим сладким чаем, цветами, фруктами, свечами, водой и лепешками и отпраздновать рождение нашего великого мастера Будды Шакьямуни; полные благодарности, мы приносим ему в дар наши заслуги прочтения (название писания)! Чудесный цветок удумбара расцвел в этот день, в цветении его обретаем мы смысл нашего праздника. Как его сладкий аромат наполняет весь мир, так же и буддизм осеняет мироздание. Рождение Шакьямуни принесло солнце надежды в мир тьмы — солнце, озарившее всю вселенную. Он принял форму человеческого существа, отмеченного тридцатью двумя знаками Будды, и неизмеримо долгое время трудился на поприще сострадания. Он открыл причину страдания и победил ее. Все существа — и святые, и миряне — восхваляют это величественное постижение. Триста его проповедей — то же для нас, что дождь для травы и деревьев: как под дождем поднимаются и расцветают поникшие цветы, так же и благая сила его слов оживляет наши загрубелые сердца. И даже сейчас, в этот самый миг, дождь Дхармы проливается в Озеро доброты. Заслуги его жизни сравнимы лишь с ветром: долу клоня траву, срывая листья, несет он с собой и благое семя Дхармы, дабы оно пустило корни в сердцах людей по всему миру даже спустя две тысячи лет; и так будет не только в этом мире, но и в следующем! Мы, последователи Великого мастера Шакьямуни, в день его рождения склоняемся перед ним, исполненные благодарности за его доброту и сострадание! Мы молимся о том, чтобы нимб его, который есть Свет Дхармы, просветил тьму заблуждения тех существ этого мира, которые еще не слышали его Имени! Мы молимся о спасении всех существ, молимся о достижении ими благоденствия в вечности! Мы молимся о том, чтобы семя буддовости дало ростки и распустилось в цветок просветления, красота которого наполнит всю вселенную!

*Приношение к празднику дзёдо,
т. е. Дню просветления
(8 декабря)*

Просветленный, постигший все вещи, явился в западных небесах, в нем — вся вселенная, в нем — столько же миров, сколько песчинок на берегах Ганга. Мы молимся о том, чтобы все, подобно ему, обрели просветление, дабы вечно было с нами великое сострадание! Мы собрались здесь для празднования просветления нашего великого мастера Шакьямуни и приносим в дар благовония, цветы, свечи, воду, лепешки и чай; исполненные благодарности к нему, мы прочли (название писания). Как без печи не сплавить воедино кувшины, чаши, шпильки и браслеты, не слить их в один кусок металла, так без пламени мудрости Будды не привести всех людей мира к единому пути буддизма — ведь различны цвет их кожи, их понимание, их отношение к миру. Только мастер с тонким слухом может настроить и сочетать инструменты в такой гармонии, что зазвучат шесть тонов солнца и шесть тонов тени. Только мастер, подобный Шакьямуни, — мастер, владеющий искусством порождения гармонии среди людей, — заставит прозвучать величественный голос Дхармы.

Все существа одарены мудростью, равной мудрости самого Будды, все существа обладают тем же телом Дхармы, что и он, но алчность, злоба и заблуждение затрудняют их продвижение. Если бы Будда не показал нам пути к преодолению этих злых страстей, мы остались бы такими же безумными, как Яджнядатта; мы были бы обречены на неудачу, подобно борцу, который лишился алмаза, сиявшего у него меж бровей, лишь потому что не ведал о его ценности. Если бы не Шакьямуни, Истина была бы предана забвению и утрачена. Обретя просветление, Шакьямуни сказал: «Я был просветлен вместе и одновременно со всей вселенной». И теперь эти слова вновь вселяют в нас уверенность в нашей природе Будды, в нашей способности встать на путь Истины. Уходя, Шакьямуни завещал

своим последователям сотворить из его учения свет их жизней, чтобы и их собственная жизнь просияла так же ярко, как солнце. Свет, изливающийся от Шакьямуни и его последователей, просиял во многих веках и был передан множеству людей. Мы должны идти по стопам тех, кто прошел до нас, изливая свет столь же яркий, как наши предшественники; как и они, должны мы передать сей свет, дабы воссиял он в бесчисленных грядущих мирах и жизнях!

*Приношение к празднику нэхан (нирвана),
т. е. дню смерти Будды
(15 февраля)*

Дхармовое Тело Будды не может быть зримо так, как зримо то, что пребывает в двойственности, ибо оно находится за пределами рождения и смерти, которыми пропитаны все вещи. Из сострадания ко всем живым существам Будда явился в форме и облике человеческого существа. Исполненные благодарности за это великое деяние, мы низко склоняемся перед ним и молимся о том, чтобы суметь избавить свой ум от заблуждения! В этот пятнадцатый день февраля мы собрались в память о вхождении нашего Господина Шакьямуни в паринирвану и, благодаря его за явление им великое сострадание, приносим в дар благовоения, цветы, свечи, лепешки, чай и фрукты вместе с нашими заслугами чтения (название писания). Дивно льется свет луны над горой Рёдзю, освещая все стороны мира; саловые деревья цветут, и лепестки их источают благоухание дхармы, которое достигает и нашего времени. Будда оставил позади стремления, благословенную силу своего постижения обратил он на помощь всем, пребывающим в заблуждении. Когда удалены все заблуждения — то, что осталось, есть истинная форма, форма Будды, всего. Заслуга этой формы — свет для всех времен, от далекого прошлого и до нашего времени. Все сущее сливается воедино в печали этого дня и вместе с нами от всего сердца читает (название

священного текста). Мы исполнены благоговения перед бесчисленными голосами и бесконечным светом, свидетельствующим о Дхарме, и мы приносим обет вечно служить ее распространению!

*Приношение к празднику Дарума,
т. е. дню Бодхидхармы
(5 октября)*

Дхармовое Тело Будды не может быть зримо так, как зримо то, что пребывает в двойственности, ибо оно находится за пределами рождения и смерти, которыми пропитаны все вещи. Из сострадания ко всем живым существам Будда явился в форме и облике человеческого существа. Исполненные благодарности за это великое деяние, мы низко склоняемся перед ним и молимся о том, чтобы суметь избавить свой ум от заблуждения! В этот пятый день октября мы вспоминаем о смерти первого патриарха, Энгаку-дайси, или Бодхидхармы. Движимые глубокой благодарностью за оказанное им великое сострадание, мы собрались здесь, чтобы принести в дар благовоения, цветы, свечи, лепешки, фрукты и чай, как и заслуги чтения (название писания). Бодхидхарма был сыном царя из Южной Индии, и облик его был внушителен. Владея многими алмазами, он постиг, что не они — истинная и сверкающая драгоценность; ему открылось, что лишены они всякой ценности. Тогда он оставил все мирское и посвятил себя монашеской практике. Он отправился в Китай и там стал первым патриархом, показав другим Путь, как это сделал Кандзэон-босацу. Движимый глубоким желанием спасти все существа, он исходил множество дорог и пересек великое море на пути в Китай. Он был двадцать восьмым из тех, кто наследовал Истину после Шакьямуни, и это величайшее из всех достояний он принес с собой в Китай. Он не пытался объяснить Дхарму словами, он просто соблюдал заповеди и совершал свой безмолвный дзадзэн, так наставляя приходивших к нему. Царь Бутэй призвал

Энгаку в Китай, и их разговор стал причиной девятилетнего сидения патриарха лицом к стене. Когда земля окуталась снегом, Бодхидхарма обрел подлинно достойного последователя. Размышляя в глубине сердца о заслугах его деяний, мы видим, что они осветили тысячу осеней и все еще обнимают теплым кольцом Дхармы бесчисленную его семью. Как на одной ветви дерева могут расцвести пять цветов, так расцвело его наследие, напоив благоуханием бесчисленное множество мест, где подлинно практикуют буддизм.

*Приношение к празднику кайсан,
т. е. дню основателя
(1 ноября)*

Дхармовое Тело Будды не может быть зримо так, как зримо то, что пребывает в двойственности, ибо оно находится за пределами рождения и смерти, которыми пропитаны все вещи. Из сострадания ко всем живым существам Будда явился в форме и облике человеческого существа. Исполненные благодарности за это великое деяние, мы низко склоняемся перед ним и молимся о том, чтобы суметь избавить свой ум от заблуждения! В этот первый день ноября мы собрались, чтобы вспомнить о смерти нашего основателя, великого священника Кэйдо Тисана Кохо-дзэндзи. Движимые благодарностью за его великое сострадание, мы приносим в дар благовония, цветы, свечи, лепешки, чай и фрукты, как и заслуги чтения (название писания). Его Око Дхармы было ярким, как луна, и Свет его Мудрости осветил тьму пребывающих в заблуждении! Его глубокий дзэн дал ему знание истинной свободы, и сердце его было неизменно, как железная скала. Он не мог не спасать всех заблуждающихся, он не мог не распространять Дхарму. Как величественный храм воздвигся из травинки по мановению руки Индры, так воздвигается Дхарма везде, где живет истинное сердце. Так же и наш основатель создал этот храм, ставший местом нашей практики. Благодаря существова-

нию храма мы можем собраться вокруг нашего основателя, как дети вокруг родителя. Дабы быть водителем всех, кто ищет Пути, был он порой подобен яркой луне, порой — гласу грома небесного. Когда носорог попытался достать до лунного отражения в воде, свет лунный лег на его рога; когда слон испугался грома, на бивнях его внезапно распустились цветы. Последователи нашего основателя расходятся повсюду, во все стороны простирается его школа, подобно ветвям дерева, и колесо Дхармы не перестает вращаться. Храм процветает, и врата его всегда пребудут широко распахнутыми для всех истинно ищущих Пути. Бесформенно, беконечно велико и благоуханно приношение, которое вкладываем мы в неподдающуюся описанию чашу для милостыни, ибо всю нашу буддийскую практику и учение приносим мы сегодня в дар! Давайте же вкушать от нее ежедневно и молиться о спасении через нее всех, пребывающих ныне в храме!

КРАТКИЕ СВЯЩЕННЫЕ ТЕКСТЫ

Поклонение мощам Будды

Текст этот может читаться вместо любого другого из тех, что входят в утреннюю службу, он может также включаться в церемонии поминовения усопших вместе с другими текстами приношений, приведенными выше.

Поклоняемся мощам Будды Совершенной Добродетели; Поклоняемся Телу Истины, оно же есть сама Истина и ступа для мира Дхармы, существующая ради блага данного нам тела! Благодаря заслугам Будды и через них Истина входит в нас, мы входим в Истину! Благодаря превосходной силе Будды и через нее осуществляем мы Истину! Будем же творить лишь благо всем живым существам, дабы и нам обрести Истинный Ум! Будем совершать лишь чистые деяния, дабы и мы могли войти в мир, исполненный мира, он же есть неизменная великая мудрость!* Будем же вечно воздавать хвалу Будде! (Обычно этот текст читается трижды.)

Разворачивание свитков священных писаний

Текст читается всякий раз, когда разворачиваются свитки *Сутры Великой мудрости*, причем каждый ученик возглашает номер того свитка, который ему досталось разворачивать.

*Это — *Сутра Великой мудрости*, свиток... (название свитка). Чудесное является нам! Истинная мудрость обнимает собой и мудрых и глупых, дивный свет ее наполняет вселенную! Злая воля будет навеки сокрушена! Победим же всякое зло, предадимся совершению одного блага!

ДЗЮКАЙ (ПРИНЯТИЕ ДЕСЯТИ ЗАПОВЕДЕЙ)

Это наиболее важный корпус церемоний в жизни мирянина. Не пройдя недельной практики, в ходе которой осуществляется этот церемониальный цикл, мирянин не может стать учеником — причем обряд может быть пройден как до посвящения, так и в течение года по вступлении в храм. *Дзюкай*, проводимый каждую весну, состоит из четырех основных церемоний: чтения *Кёдзюкаймон*, *исповеди (сангэ)*, *кэттимяку* и «узнавания». Хотя в больших храмах, таких как Содзидзи, для проведения этих церемоний собирается многочисленный «отряд» священников и учеников и со всей Японии съезжаются на праздник миряне, на деле достаточно лишь трех священников и семи свидетелей. Подобно другому, столь же существенному, церемониальному циклу *кэсэй*, *дзюкай* может быть сжат до короткого периода — зачастую его проведение занимает всего два-три дня. Подобная практика, однако, не должна поощряться — ведь при таком ускорении миряне и ученики лишаются блага недельной медитации, которой отдается все время в промежутках между отдельными церемониями цикла. Лишаются они и строго вегетарианского недельного поста, во время которого совершенно исключаются вылазки за пределы храма с целью быстро найти пищу.

Миряне — если есть на то их желание — могут участвовать в *дзюкай* каждый год, но обряд посвящения, *дзюкай токудо*, они проходят лишь однажды в жизни. После того как миряне собрались в храме, они приступают к медитации, которая длится до шести часов вече-

ра, когда звонит колокол церемониального зала. Затем все, выстроившись в процессию, во главе которой шествуют наставник практики и его помощник — оба они несут в руках небольшие колокольчики, — следуют в главный зал для посетителей, расположенный в доме настоятеля, где хранитель заповедей проводит первую из четырех основных церемоний.

Чтение «Кёдзюкаймон»

Когда все, кому надлежит принять заповеди, соберутся в зале для гостей и молча рассядутся, приняв позу *дзадзэн*, как для медитации, хранитель заповедей выходит из комнаты настоятеля в сопровождении помощника и двух учеников, несущих свечи, и занимает место проповедника. Все собравшиеся трижды кланяются, после чего наставник практики от их имени просит хранителя прочесть заповеди:

Великий священник, я прошу тебя сообщить заповеди этим достойным людям, желающим практиковать Путь Будды в течение этой недели и стать сыновьями и дочерьми Будды!

Помощник передает книгу заповедей хранителю, который с поклоном открывает ее; сама же книга остается в руках коленопреклоненного помощника. Ученики, держащие свечи, подносят их к книге так, чтобы священник мог ясно видеть текст. Затем хранитель заповедей поет *Кёдзюкаймон* (см. кн. III). По окончании пения он кланяется книге и закрывает ее; помощник уносит книгу, после чего возвращается на свое место позади сидения хранителя.

Хранитель: Сейчас в этом земном теле и потом, когда обретете тело Будды, будете ли вы соблюдать заповеди?

Верующие: Будем.

Наставник звонит в свой колокольчик, все трижды кланяются. Хранитель заповедей и его помощник покидают комнату. Все верующие возвращаются в зал для медитации, где вновь приступают к медитации и углубленному вопрошанию своих сердец о готовности их ко второй, наиболее торжественной церемонии дзэн.

Сангэ (церемония исповеди)

Всю последующую ночь ученики и верующие тщательно моют храм — ни один уголок не должен остаться невычищенным. Затем ученики и верующие отправляются в ту часть храма, которая была избрана для начала великой процессии. Откуда бы не начиналось шествие, все его участники должны идти босыми. Недопустимы украшения, краска на лице, яркие одежды. Большинству пожилых участников одеждой служат простые белые полотнища. Незадолго до полуночи наставник и его помощник занимают свои места во главе процессии, в руках у них маленькие колокольчики, звенящие на разные голоса. Наставник возглашает:

Хвала Будде Шакьямуни!

Вся процессия подхватывает эти слова и поет их непрерывно по мере своего продвижения к церемониальному залу под разноголосый перезвон двух колокольчиков. Вся дорога их увешана красными полотнищами так, что идущие не видят, куда направляются. Пройдя значительный путь, создаваемый искусно развешанными полотнищами, идя между которыми процессия, петляя, по несколько раз поворачивает вспять, все подходят к маленькому алтарю, помещенному среди лабиринта занавесей, где восседает хранитель заповедей, представляющий теперь Майтрею. Каждому он вручает небольшой свернутый лист бумаги, предварительно окурив его

благовониями. Этот лист, на котором написан один-единственный китайский иероглиф, символизирующий зло, совершенное данным человеком в прошлом, принимают с гассё и благоговейно несут далее. Процессия, как правило, еще несколько раз проходит туда и обратно, пока не достигнет второго алтаря, за которым сидит исповедник, представляющий Манджушри. Каждый участник процессии с поклоном передает исповеднику свой свиток. Исповедник принимает свиток в знак признания того, что человек этот решительно настроен отречься от всего совершенного в прошлом зла. Процессия продолжает свой путь среди красных занавесей к третьему алтарю, за которым сидит мастер посвящения, представляя Будду Шакьямуни. Он курит благовония и кланяется каждому, подходящему к нему, в знак принятия отречения того от всего зла. Верующие также отвечают ему поклоном и шествуют далее. Процессия проходит еще небольшой путь и, наконец, входит в церемониальный зал, где все тихо садятся. Каждый раз, когда верующий минует мастера посвящения, наставник поет молитву отречения:

Все совершенные мной с незапамятных времен ложные деяния, поведение и карма питались и питаются алчностью, злобой и заблуждениями, безначальными, рожденными моими телом, устами и волей; ныне я совершенно и открыто исповедуюсь во всем!

После того как все уселись, три священника — мастер посвящения, исповедник и хранитель заповедей — входят в зал. Помощники вносят огромный котел и ставят его перед алтарем. Зажигают лежащие в нем угли, и три священника бросают в огонь все исповедные свитки, один за другим. Когда все свитки брошены в пламя, священники помешивают угли, чтобы удостовериться, что все сгорело дотла. Затем они громкогласно восклицают: «Кац!» — дабы прогнать всех злодеев и духов, если таковые укрылись в храме. После чего хранитель заповедей читает:

Ныне под водительством будд и патриархов вы отбросили прочь, вы очистили карму вашего тела, ваши уста и воля обрели великое целомудрие. Это совершила сила исповеди!

Три священника и их помощники выходят друг за другом. Помощник наставника практики ведет всех верующих коротким путем обратно к залу для медитации. После еще одного дня медитации все собираются в церемониальном зале для проведения кэттимяку¹.

Церемония кэттимяку

Это тщательно разработанная процедура. Верующие входят в церемониальный зал вместе с мастером посвящения, несущими свечи учениками и двумя кадильщиками, причем последние идут во главе процессии. Мастер поднимается на высокий алтарь, представляя Шакьямуни. Он садится словно для медитации. Зал освещен лишь свечами. После троекратного поклона паствы мастер посвящения требует свой факел и свое кэттимяку. Зажигают большой, пропитанный сосновой смолой факел и подносят его мастеру. Помощник развешивает шелковое кэттимяку против левой руки мастера, который берет его за верхний край, держа у левого плеча так, чтобы полотнище полностью закрыло руку. Затем мастер заявляет о своей принадлежности линии преемственности, идущей от Будды Шакьямуни до настоящего времени, и своими словами объясняет понимание Истины будд, унаследованной им некогда от его мастера. Особое внимание обращается на то, что заповеди суть живая кровь будд, явленная в красной нити жизни кэт-

¹ Таков порядок при обычном дэюкай, во время которого никто не проходит мирского посвящения. Если же есть те, кто должен быть принят в мирские ученики, то сперва проводится церемония мирского посвящения, представляющая собой сокращенную форму церемонии посвящения.

тимяку, которое, после того как в него будут вписаны имена всех участников церемонии, вернется к своему истоку — Будде Шакьямуни. Таким образом каждый участник церемонии становится предтечей самого Шакьямуни. Когда мастер завершает свою речь, помощник свертывает кэттимяку; приносят большой поднос с маленькими бумажными кэттимяку. Мастер наделяет каждого подходящего к нему таким маленьким кэттимяку. На каждом кэттимяку после имени мастера записано имя конкретного верующего. После того как все получили свои кэттимяку, мастер оставляет зал вместе с процессией; все верующие, трижды поклонившись, возвращаются в зал для медитации. Следующая ночь предназначена для церемонии «узнавания».

Церемония «узнавания»

Верующие, выстроившись в процессию, входят в церемониальный зал и садятся лицом к алтарю. Группами от шести до двенадцати человек они обходят вокруг высокого алтаря. Там, перед памятником или могилой основателя храма, восседают три священника храма, а также любые другие священники, принимающие участие в церемонии. Дабы верующие могли видеть святилище, покровы с него сняты. После этого обхода каждая группа поднимается по ступеням к высокому алтарю, где все садятся. Священники кланяются верующим, приветствуя их как вновь рожденных будд, верующие также отвечают поклоном. Священники друг за другом обходят вокруг высокого алтаря, число совершаемых ими кругов соответствует числу групп верующих. При этом священники звонят в свои колокольчики и поют:

Будда узнает будду, будда кланяется будде.

Когда все верующие «узнаны» священниками, они собираются в центре зала. Священники и ученики обра-

зуют круг вокруг паствы, непрерывно звоня в колокольчики и распевая приведенные выше слова. Звон колокольчиков усиливается по мере прохождения ими каждого угла зала. Совершив три полных круга по залу, все выходят из зала также друг за другом. Верующие трижды кланяются алтарю и возвращаются в зал для медитации. Все миряне покидают храм ранним утром следующего дня.

ЦЕРЕМОНИЯ ПОСВЯЩЕНИЯ

Помощник настоятеля подводит ученика к статуе Будды, где тот возжигает благовония и трижды кланяется. Затем он направляется к месту мастера посвящения, там возжигает благовония и вновь трижды кланяется. Держась совершенно прямо, ученик встает на колени, сложив руки в гассё. Мастер держит хэйро (курильницу), курит благовония и тихим голосом трижды повторяет:

Хвала всем буддам!
Хвала всем дхармам!
Хвала всем сангхам!
Хвала нашему подлинному Учителю, Будде
Шакьямуни!
Хвала всем предкам-бодхисаттвам;
Прошу всех вас прийти сюда свидетелями!

Мастер кладет курильницу, хлопает деревянными дощечками и читает следующие строфы, хлопая деревянными дощечками в конце каждой строфы:

Давайте вознесем молитвы десяти буддам!
Совершенно чистый Будда, Бирусанофу, сама Дхарма!
Совершенный Будда, вознагражденный за прежде совершенные практики!
Будда Шакьямуни, один из многих будд, явившийся
во множестве миров!
Будда Мироку, который явится в будущем!
Все будды всех направлений во всех трех мирах!
Великая и превосходная сутра Лотоса Благой Дхармы!
Святой бодхисаттва Мондзю!
Великий бодхисаттва Фугэн!

Великий и сострадательный Кандзэон!
Все бодхисаттвы и патриархи!
Сутра Великой мудрости!

Мастер продолжает:

О добрый человек, источник ума совершенно покоен и море Дхармы непостижимо! Не способный осознать это утонет навеки, тот же, кто постигнет, просветлен будет в тот же миг. Вступая на путь священнослужения, мы уже, хоть и не ведая о том, приобщаемся радости просветления. Это действительно так, и ты не должен сомневаться! Стать священником — это лучший путь к воссоединению ума и тела с Истиной. Почему? Потому что, когда ты обрезаешь волосы и вместе с ними корни человеческих привязанностей, тогда Истина являет себя. Когда мы сменяем одежды и удаляемся за пределы мира, мы можем достичь свободы. Поэтому среди всех будд всех трех миров не было такого, который смог бы достичь буддовости, сохраняя облик и образ жизни обычного человека. Заслуга вступления на путь священнослужения — непревосходнейшая из всех заслуг! Например, велика заслуга сооружения пагоды, достигающей тридцать третьего неба, но она не равна и одной сотой заслуги священства, ценность которой не может быть измерена. Пагода может разрушиться или прийти в запустенье и упадок, но заслуга священнослужения непрерывно возрастает в своем движении к просветлению, и сила ее не иссякает вовеки. Поэтому, для того чтобы оставить заблуждение далеко позади, не обязательно отречься от земного тела! Хотя мы и не ведаем еще нашего просветления, мы уже сейчас — подлинные дети Будды. Мы превосходим все существа во всех трех мирах. Пока обитаем мы в шести локах, жизнь эта — высшая из всех! Пожалуйста, хорошенько обдумай все это! Ныне ты освобождаешься от вечного блуждания и входишь в буддийскую страну не-рождения. Ныне положен конец заблуждению, которому нет начала, подлинная же заслуга Истины доведена до совершенства. Поэтому, когда встали мы на путь священнослужения, небе-

са не укрывают нас, земля не удерживает более! Мы не ошибаемся в других существах. И нет у нас ничего, чтобы могли мы покрыть свои круглые головы. Наши квадратные одежды являют собой символ просветления. Видящий нас обретает через нас благо, и награда близких наших будет прекрасна! Ранг наш не принадлежит этим трем мирам, но за пределами им, и заслуга наша превьше всего. Даже царь ниже нас. Даже родителей наших не уважают так, как уважают нас. Все божества ниже тебя. Ты не должен поклоняться ничему, кроме своего мастера и своей более высокой сути. Нет никого, кого должен ты почитать, кроме будд и патриархов. Вот почему сказано в стихах:

В мимо плывущем, блуждающем мире так трудно
связи людские порвать;
Ныне мы прочь их отбросим и вступим в ничто.
Такова подлинная благодарность.

Подумай о доброте твоих родителей к тебе и от всего сердца прости с ними. Подумай о доброте правителя этой страны и поведай ему о том, что делаешь. Это — настоящее доказательство удаленности от мира и особый знак благородства. Поведай хранящему тебя божеству о твоём деянии и воздай ему за его доброту к тебе. Так же поведай божеству того места, где ты был рожден, о том, что совершаешь ныне. Оба этих божества будут твоими хранителями.

Ученик кланяется и выходит из комнаты. Вслед за помощником настоятеля он идет к табличкам правителя, божества, отца и матери и кланяется каждой из них. После этого он возвращается к Будде, трижды кланяется ему и один раз мастеру посвящения. Совершив это, ученик садится перед мастером, соединив руки в гассэ. Прислуживающие при церемонии ученики разделяют его волосы на две равные части и связывают в узлы, если они длинные. Мастер берет бритву и читает трижды вместе со всеми учениками:

О добрый человек, ты постиг этот ускользящий и блуждающий мир, отбросил его прочь и вошел в нирвану. Редко бывает подобное и потому не может быть постигнуто обычным умом.

Мастер поливает волосы ученика благовонной водой и начинает обривать его. Затем он передает бритву прислуживающим ученикам или собственным помощникам, чтобы они продолжили бритье. Сначала бреют левую половину головы, затем — правую. Во время обривания мастер вместе со всеми учениками трижды повторяют следующие строфы:

Все бодхисаттвы, впервые обратившись к Истине, устремляются на ее поиски; их умы тверды, настроены решительно и не могут быть сокрушены. Заслуга первого ума обладает наисовершенной неизреченностью и широтой. Даже исчерпывающее объяснение будд не объясняет ее.

Когда голова ученика обрита так, что оставлен только маленький кружок волос на макушке, именуемый *сюра*, помощник облачает его в *коромо*. После этого ученик трижды кланяется, и мастер посвящения, вновь беря бритву, трижды спрашивает его:

Этот последний остаток именуется *сюра*. Только Будда может срезать его. И сейчас я срежу его. Позволяешь ты мне сделать это или нет?

Каждый раз ученик отвечает:

Да.

После этого мастер сбивает *сюра*, читая вместе со всеми учениками:

Я изменил мою форму, но сохранил желание, обрвав все мирские привязанности, удалившись от семьи для поисков Истины. Я приношу обет помощи другим.

Ученик возвращается к мастеру, зажигает благовония перед ним, трижды кланяется, садится и складывает руки в гассе. Мастер дает ему новое имя, записанное на листке, со словами:

Это твое имя.

Затем мастер складывает циновку, окуривает ее благовониями и передает ученику. Ученик простирает руки, принимает циновку и поднимает ее, говоря:

Великие бодхисаттвы, помыслите всем сердцем! Я, ученик (такой-то), принимаю эту циновку, которая вечно пребудет водителем моих одежд.

Мастер забирает циновку и вновь дает ее ученику. Ученик дважды повторяет приведенные слова. После этого он раскладывает циновку, трижды кланяется мастеру и снова усаживается перед ним. Мастер вместе с другими учениками читает:

Этой превосходной циновкой пользовались многие будды. Будем же вечно сидеть на ней вместе со всеми существами!

Мастер передает ученику *ракусу* так же, как прежде передал циновку. Ученик произносит:

Великие бодхисаттвы, помыслите всем сердцем! Я, ученик (такой-то), получил это ракусу с пятью полосами. Я буду пользоваться им всегда!

Ракусу тоже вручается трижды подобно циновке и всякий раз повторяются приведенные слова. Наконец ученик облачается в ракусу, трижды кланяется, снимает его и кладет на алтарь. После этого трижды дается и принимается семиполосная кэса. Ученик принимает ее, но не надевает на себя. Он должен трижды произнести:

Великие бодхисаттвы, помыслите всем сердцем!
Я, ученик (такой-то), ныне владею этой семиполосной
кэса. Я буду использовать ее всегда!

Теперь ученик надевает свою кэса, трижды кланяет-
ся, вновь снимает ее и кладет на алтарь. Мастер точно
так же передает ему девятиполосную кэса, ученик же
трижды повторяет:

Великие бодхисаттвы, помыслите всем сердцем!
Я, ученик (такой-то), владею теперь этой девятипо-
лосной кэса. Я буду использовать ее всегда!

Ученик облачается в кэса, трижды кланяется, но не
снимает ее. Все вместе с учеником трижды декламиру-
ют нижеприведенные строки, пока тот с помощью кого-
либо из присутствующих надевает кэса:

Удивительны и велики одеяния просветления;
Формы они лишены, но в них все сокровища скрыты;
Стремлюсь учение Будды раскрыть,
Дабы мог я помочь всем существам живущим!

Ученик вновь троекратно кланяется, после чего ма-
стер трижды дает ему чаши так же, как прежде давал
циновку и кэса. Ученик трижды повторяет:

Великие бодхисаттвы, помыслите всем сердцем!
Я, ученик (такой-то), ныне обладаю этой чашей для
милостыни. Я буду использовать ее всегда!

Все вместе декламируют:

Как велика эта чаша для милостыни, соединяющая
в себе все заслуги! Ныне я владею ей и стремлюсь спа-
сти все существа во вселенной.

Ученик ставит чашу на алтарь и трижды кланяется.
Далее следуют заповеди бодхисаттвы, либо сразу вслед
за предшествующей церемонией, либо чуть позже в этот

же день. Ученик преклоняет колени перед мастером, со-
вершает гассё, зажигает благовония и трижды кланяет-
ся. Мастер произносит:

Если ты желаешь обратиться к Заповедям, ты дол-
жен прежде исповедаться. И хотя у исповеди два
смысла и два пути, есть исповедные строфы, которых
придерживался сам Будда. Повторяй их за мной —
и исчезнут все твои прошлые ложные деяния!

Мастер трижды декламирует эти слова голосом бо-
лее высоким, чем обычно, хлопая деревянными дощеч-
ками в конце каждой строфы:

Все зло, совершенное мной,
Было вызвано безначальными алчностью, злобой
и заблуждением.
Все зло совершено было моим телом, устами и умом.
Во всем этом я исповедуюсь ныне от всего сердца!

Ученик кланяется, складывает руки в гассё и вновь
встает на колени. Мастер продолжает уже обычным го-
лосом:

Ты очистил свое тело и ум от зла и стал чистым
благодаря силе исповеди! Ты должен обратиться к
Трем Драгоценностям — Будде, Дхарме и сангхе!
Существует три вида Трех Драгоценностей. Когда мы
обращены, три заслуги доведены до совершенства!

Мастер берет чашу для окропления и в наполняющей
ее воде описывает три круга по часовой стрелке ветвью,
покрытой листьями. Он трижды берет духовную «воду»
со своей головы и выливает эту воду в чашу, после чего
трижды кропит голову ученика. Затем мастер трижды
кропит по левую и по правую руку от себя, по окончании
возвращая духовную «воду» на свою голову. Он совер-
шает гассё и произносит:

Ученик (такой-то), в этом человеческом состоянии
и впредь, вплоть до состояния Будды,

Поклоняйся Будде,
Поклоняйся Дхарме,
Поклоняйся сангхе,
Поклоняйся высочайшему Будде,
Поклоняйся наичистой Дхарме,
Поклоняйся гармоничной сангхе!
Поклоняйся Будде,
Поклоняйся Дхарме,
Поклоняйся сангхе!

Ученик повторяет эти слова, а вслед за ним эти же слова повторяют и все присутствующие. В конце каждой строки хлопают деревянными дощечками. Мастер продолжает:

Ныне ты отбросил прочь все прошлое зло и обратился к Истине! С этого времени Будда и истинное просветление — вот твои подлинные учителя, и потому называй Будду своим учителем и не обращай ко злу или другому учению! Таково мое великое сострадание к тебе!

Ученик трижды кланяется и преклоняет колени. Мастер произносит:

Тебе переданы заповеди Трех Драгоценностей! Ныне ты достиг ранга (священнослужителя) и тебе должны быть переданы три чистые заповеди и десять великих заповедей! Тогда ты достигнешь ранга Будды. Это значит стать подлинным ребенком Будды!

Мастер хлопает деревянными дощечками в начале каждой заповеди и произносит:

Отступись от зла! В человеческом состоянии и впредь, пока не достигнешь ты состояния Будды, будешь ли ты соблюдать эту заповедь?

Ученик отвечает:

Я буду.

Этот же ответ дает ученик на каждую заповедь по мере их произнесения мастером:

Совершай лишь благо! В этом человеческом состоянии и впредь, вплоть до обретения состояния Будды, будешь ли соблюдать эту заповедь?

Совершай благо для других! В этом человеческом состоянии и впредь, вплоть до обретения состояния Будды, будешь ли соблюдать эту заповедь?

Эти три заповеди суть три чистые заповеди.

Не убивай. В этом человеческом состоянии и впредь, вплоть до обретения состояния Будды, будешь ли соблюдать эту заповедь?

Не кради. В этом человеческом состоянии и впредь, вплоть до обретения состояния Будды, будешь ли соблюдать эту заповедь?

Не домогайся чужого. В этом человеческом состоянии и впредь, вплоть до обретения состояния Будды, будешь ли соблюдать эту заповедь?

Не лги. В этом человеческом состоянии и впредь, вплоть до обретения состояния Будды, будешь ли соблюдать эту заповедь?

Не брани других. В этом человеческом состоянии и впредь, вплоть до обретения состояния Будды, будешь ли соблюдать эту заповедь?

Не гордись собой, не принижай других. В этом человеческом состоянии и впредь, вплоть до обретения состояния Будды, будешь ли соблюдать эту заповедь?

Не скупись, когда раздаешь Дхарму или богатство. В этом человеческом состоянии и впредь, вплоть до обретения состояния Будды, будешь ли соблюдать эту заповедь?

Не гневайся. В этом человеческом состоянии и впредь, вплоть до обретения состояния Будды, будешь ли соблюдать эту заповедь?

Не возводи хулы на Три Драгоценности. В этом человеческом состоянии и впредь, вплоть до обретения состояния Будды, будешь ли соблюдать эту заповедь?

Эти десять великих заповедей должен ты соблюдать. В этом человеческом состоянии и впредь, вплоть

до обретения состояния Будды, будешь ли ты соблюдать эти заповеди?

Ученик трижды кланяется, мастер зажигает благово-ния, совершает гассэ и читает следующее приношение:

Ныне возрадовалась вся вселенная. Земля дрожит, и цветы падают свыше. Бодхисаттвы других миров спрашивают своих будд о значении этого. Будды отвечают, что новый ученик принял чистые и великие заповеди бодхисаттв и был обращен к Истине мастером, который передал ему учение Шакьямуни, который есть Будда этого мира. Ученик этот станет буддой в будущем благодаря благой силе этой заслуги, вот почему радуется и ликует вся вселенная. Бодхисаттвы, услышав это объяснение, склоняются перед тобой со словами: «Если это так, ты такой же, как мы! Ты веришь в Будду, и он твой мастер, бодхисаттвы же — твои друзья!» Получив эти заповеди, ты обретаешь и их неуничтожимую заслугу! Такова непреходящая заповедь! Я молюсь о том, чтобы ты всегда мог соблюдать ее! Да не утратишь ее вовеки! Стяжавший подобную связь и обладающий столь чистым телом без сомнения стяжал мир заповедей. Разве это не так? Кому приносим мы в дар эту заслугу? Куда несем мы ее? Дар, дарящий и принимающий этот дар — эти трое незапятнанно чисты! Нечего больше желать! Давайте же вместе со всеми живыми существами принесем разделяемую всеми нами заслугу в дар высшей Истине!

После этого все вместе читают:

Хвала всем буддам во всех мирах!
Хвала всем бодхисаттвам во всех мирах!
Хвала *Сутре Великой мудрости!*

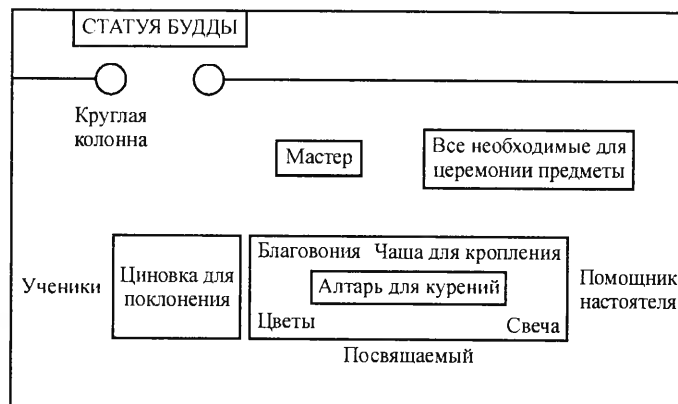
Мастер продолжает один:

Мы в мире живем, словно в небе;
Так цветок лотоса не увлажняет вода, по которой он плывет.
Ум незапятнан, и пыль на него не садится.
Склонимся же перед Господином высочайшим!

Произнеся эти слова, мастер встает, зажигает благово-ния перед Буддой. Все присутствующие совершают троекратный поклон, после чего мастер выходит.

Как должен быть обустроен зал для церемонии посвящения

Если церемония не может быть проведена в храме, ее проводят в комнате мастера в том случае, если там имеется изображение Будды, которое при церемонии выполняет роль алтаря.

Именное свидетельство посвящения

Имя, данное при посвящении	Дано имя ... кэса, прочие предметы и заповеди	Название храма Имя мастера (печати)	Год Месяц День
----------------------------	---	--	----------------------

КЭССЭЙ

Кэссэй состоит из следующих четырех церемоний: *синдзан*, или вход нового настоятеля в храм; *нюдо-но хай*, или вход нового старшего ученика в зал для медитации; *хоссэн* — церемония мондо, в ходе которой проверяется понимание нового старшего ученика; *дзёдо* — церемония мондо для роси, или нового настоятеля. В храмах, где практика осуществляется в полном объеме, эти церемонии проводятся по отдельности в течение ста дней, но при определенных обстоятельствах они могут проводиться за два-три дня. Проведение их обязательно, если роси был только что назначен в храм. Даже в больших храмах не бывает более двух периодов большой стодневной практики в год, поэтому кэссэй обычно проводится один раз весной и один раз осенью. Нюдо-но хай, или церемония вхождения нового старшего ученика в зал для медитации, не слишком отличается от церемонии вхождения обычного ученика, кроме, пожалуй, нескольких особых приветствий старшего ученика, в обычном тексте отсутствующих. Эта церемония может поэтому использоваться для вхождения новых учеников в зал для медитации, если исключить из нее упомянутые приветствия.

Синдзан

Нового настоятеля, или роси, встречают в доме старшего прихожанина храма пятеро учеников, которые должны помогать и прислуживать ему во время всего периода кэссэй. Каждый из учеников несет какой-либо

из атрибутов службы настоятеля — выбор предмета зависит от продолжительности пребывания в храме конкретного ученика. Самый старший несет чашу для сбора подаяния и ящик с кэса; следующий по старшинству — посох; третий — ящик с курениями; четвертый — длинную, курящуюся благовонную палочку; пятый — все остальное. Одежды роси могут быть алого или любого другого цвета, выбранного им для процессии от дома до храма, но в руках его непременно должен быть хоссу или нёи. В процессии участвуют все священники, прибывшие ради этого случая из других храмов, которые идут вместе с *тиго* — детьми, несущими цветы лотоса. За ними следует священник: он шествует под алым зонтом, который несет кто-либо из членов храмового совета. Пять помощников идут группой, сопровождаемые всеми остальными прихожанами. Во главе процессии шествуют остальные члены храмового совета, неся посохи своих служб. Подойдя к воротам храма, сразу за которыми установлен алтарь, процессия останавливается. Помощник с курящейся палочкой подходит к настоятелю; тот берет у него палочку, благословляет ее и возлагает на алтарь со словами:

Врата (такого-то) храма широко распахнуты. Во все дни моего пребывания здесь да не закроются врата эти ни пред каким живым существом!

Раздается бой большого барабана, и настоятель покидает алтарь у ворот. По мере его приближения к церемониальному залу все громче становится барабанный рокот, обрываясь на оглушительном звуке в тот момент, когда настоятель встает на циновку поклонения перед центральным алтарем. Помощник подает ему еще одну благовонную палочку, настоятель благословляет ее и с палочкой в руке произносит:

Свет Будды будет светить неомраченным во всем мире!

Настоятель отдает благовонную палочку помощнику и подходит к алтарю. У алтаря он вновь берет эту палочку и помещает ее в чашу для курений. Теперь он возвращается к циновке для поклонения, все совершают троекратный поклон. Настоятель направляется к алтарю покровителей здания и окрестной земли, там он курит благовония со словами:

Ваши благословение и охрана навеки пребудут с этим местом! Я молю о том, чтобы никогда не иссякли ваши благословения над этим местом!

Настоятель трижды кланяется хранителям места, после чего направляется к алтарю Бодхидхармы, где вновь воскуривает благовония и произносит:

Ты пришел с запада. Что это, что стоит сейчас предо мной? Ныне, когда стою я пред тобой, что это, стоящее предо мной?

Как и прежде, настоятель кланяется три раза и вместе с помощником направляется к алтарю основателя храма. Он воскуривает благовония и говорит:

Здесь истинный источник всякого благоволения! И теперь он таков же, как в прежние дни! Ради того молюсь я, чтобы совершать все надлежащим образом, хотя во многом я все еще столь неопытен! Прошу тебя, помоги мне!

Настоятель трижды кланяется и возвращается к циновке для поклонения. Больше он не кланяется, а возвращается в свою комнату.

Нюдо-но хай

Когда весь кэссэй совершается в короткий период времени, тогда нюдо-но хай обычно проводится ночью перед синдзан, так, чтобы дзэдо сразу следовал за син-

дзан, через несколько минут. Вместе с тем, поскольку синдзан проводится лишь однажды в жизни священника, остальные же церемонии, входящие в кэссэй, проводятся множество раз и по разным поводам, первым идет синдзан, за ним следуют остальные.

Помощник наставника хлопает деревянными дощечками, и все ученики входят в зал для медитации. Пока все они стоят перед своими местами, эконо, старший повар и наставник практики занимают свои места перед гайтаном. Помощник ведет нового старшего ученика вдоль гайтана и подводит к эконо, старшему повару и наставнику. Все они совершают гассё и склоняют головы, затем вместе читают:

Мы приветствуем тебя во имя Будды! Мы молимся о том, чтобы и далее пребывал ты в добром здравии.

Помощник ведет старшего ученика к дверям зала для медитации, где возле деревянной доски стоит наставник, который один раз бьет молотком по доске и громко возглашает:

Ученик (такой-то) желает войти в зал для медитации как старший ученик. Прошу всех учеников сердечно приветствовать его!

Помощник ведет старшего ученика к курильнице, где тот зажигает курения. Старший ученик снимает сандалии — если таковые имеются — и оставляет их за левой колонной у входа, т. е. именно с той стороны, с которой он вошел в зал. Затем он расстилает циновку и трижды кланяется Манджушри. Помощник совершает гассё и в сопровождении старшего ученика, руки которого также сложены в гассё, а голова склонена, следует через зал для медитации в направлении статуи. Они обходят ее сзади, выходя с другой стороны так, чтобы с правой стороны подойти к месту настоятеля. Здесь оба они делают два шага влево, где, оказавшись прямо пе-

ред настоятелем, стараясь в то же время не наступить на его циновку, старший ученик приносит следующее приветствие:

Великий настоятель, я приветствую Вас во имя Будды! Я молюсь о Вашем добром здравии.

Старший ученик кладет свою сложенную циновку и трижды кланяется. Настоятель кланяется один раз в ответ на последний поклон ученика. Старший ученик читает:

Великий настоятель, рождение и смерть — событие важное и тяжкое, время же летит подобно стреле, пущенной из лука. Я молю о позволении сидеть в этом зале рядом с Вами, чтобы учиться у Вас!

После того как старший ученик кладет свою циновку на пол, взаимные поклоны совершаются в прежнем порядке. Ученик продолжает:

Великий настоятель, благодарю Вас за великое страдание!

Старший ученик и настоятель раскладывают свои циновки. Старший ученик вновь трижды кланяется, настоятель кланяется один раз. Затем они поднимают и складывают свои циновки, совершают гассё; ученик делает шаг влево, поворачивается лицом к ряду учеников и вслед за помощником со склоненной головой и руками, сложенными в гассё, обходит весь зал для медитации, приветствуя всех учеников. В начале и конце каждого ряда он кланяется особенно низко. Перед местами помощника настоятеля, старшего проповедника и главы зала для медитации он, повернувшись к ним лицом, делает два шага в сторону, низко кланяется, совершая гассё, после чего еще раз шагает влево, прежде чем повернуться лицом к следующей линии учеников и продолжать свой обход. Обойдя вокруг всего зала, старший ученик

вслед за помощником обходит гайтан так же, как и прежде, и возвращается на место. Еще раз проходит он за статуей Манджушри, делает два шага в сторону настоятеля, кланяется, шагает один раз влево, кланяется своему месту, расстилает циновку, трижды кланяется своему месту, берет циновку и остается стоять перед своим местом. Помощник стоит перед ним. Они кланяются друг другу, делая гассё. Затем помощник возвращается на свое место, старший же ученик остается стоять перед своим местом, держа руки в сясю (т. е. сложив их вместе). Наставник бьет в доску и возглашает:

Старший ученик (такой-то) теперь отвечает за всех учеников этого зала. Прошу вас всех быть послушными его наставлениям и принимать их с благодарностью!

Настоятель выходит из зала, держась правой стороны двери. Новый старший ученик выводит из зала всех учеников.

Дзёдо

Раздается равномерная — один удар громкий, один приглушенный — барабанная дробь. Друг за другом входят в зал настоятель, его помощник и младший помощник. Настоятель в правой руке держит посох, в левой — хоссу. Встав перед алтарем, он ударяет в пол посохом и возглашает:

Белые облака спокойны над алтарем.

Настоятель передает посох помощнику и поднимается по ступенькам до высокого алтаря в центре. Он кладет хоссу на подставку для благовоний со словами:

Я (священник называет свое имя, название и место расположения храма) приношу в дар эти благовония, с благодарностью склоняюсь перед Буддой Шакьямуни, перед высочайшим патриархом Косо Дзёё-дайси,

перед величайшим патриархом Тайсо Дзэсай-дайси! Молю их, дабы движимые своим великим состраданием, они помогли бы мне! В этот великий день кэссэй дух мой на коленях стоит перед ними!

Настоятель возжигает благовония и продолжает:

Я возжигаю эти благовония в память обо всех священниках, служивших прежде в этом храме, в память о всех бывших патриархах. Я молю их, чтобы исполненные всеобъемлющим состраданием, они стали сегодня свидетелями моих слов!

Настоятель вновь возжигает благовония:

Эти благовония я возжигаю в память о великом мастере (следует имя священника, наследником Дхармы которого является настоятель), он же есть мой истинный мастер и истинный Будда Шакьямуни. Я склоняюсь перед его памятью и молю, чтобы ныне на этом алтаре он ниспослал мне помощь!

Пятеро помощников встают со своих мест и выстраиваются в ряд перед алтарем, после чего склоняются перед настоятелем. Затем кланяются ученики, чьи места располагаются справа от настоятеля. Помощники возвращаются на свои места; чиновники храма встают со своих мест и подходят к алтарю, где склоняются перед настоятелем, после чего кланяются ученики, стоящие в левой части зала. После того как чиновники возвращаются на свои места, старший помощник поднимается на алтарь, встает на колени и зажигает благовония. Он также передает настоятелю кёсаку вместо хоссу. Совершив это, старший помощник спускается с алтаря, выходит на середину церемониального зала, где совершает *даймондзин*. Наставник же произносит такие слова:

Все, кто сомневается, что это — Истинный Будда, все великие святые и защитники веры, выходите, спрашивайте и примите подтверждение!

Вперед выходит старший ученик и задает свое мондо, за ним идут все остальные ученики, согласно их рангу, заканчивая самым старшим из присутствующих. В конце каждого вопроса ученик произносит одну и ту же фразу:

Великий настоятель, благодарю тебя за твое великое сострадание!

По завершении мондо, наставник очерчивает молотком круг и бьет в доску со словами:

Подтверждаю истинность этих ответов!

Помощник вновь поднимается на алтарь, берет кёсаку у настоятеля, взамен подавая ему хоссу. После чего настоятель открывает учение, полученное им при наследовании Дхармы от его мастера, — учение, в котором черпает он свое понимание. По завершении изложения учения настоятель спускается с алтаря и выходит из церемониального зала. Храм оглашается одновременным звоном всех колоколов и барабанным боем.

Хоссэн

Старший ученик, его помощник и все священники, которые исполняют какую-либо храмовую службу, друг за другом входят в комнату настоятеля. Там они трижды кланяются, после чего все направляются в церемониальный зал. Движение этой процессии сопровождается барабанным боем. Настоятель садится на свое место, несколько впереди и слева от него садится помощник старшего ученика. Медленно и размеренно читается *Сутра Великой мудрости*. Затем старший ученик громко возглашает:

Слушайте! Император Рё задал Бодхидхарме такой вопрос: «В чем основная идея буддизма?» Бодхидхарма ответил: «Святости нет». Император вновь

спросил: «Что стоит предо мной?» «Я не знаю», — ответил Бодхидхарма. Император не в силах был постичь услышанного, тогда Бодхидхарма пересек реку, пошел в Сёриндзи, сел там лицом к стене и просидел так девять лет.

Старший ученик закрывает книгу в шелковой обложке, по которой читал *Сутру Великой мудрости* и которую на время чтения подавал ему помощник настоятеля. Держа книгу на подносе, он обходит вокруг всего церемониального зала и возвращается на свое место напротив настоятеля. Здесь старший ученик делает два шага вправо, поднимает поднос, кланяется, дважды шагает влево и, встав справа от настоятеля, кладет поднос перед ним. Настоятель двумя руками берет поднос и кладет его на свой личный алтарь. Старший ученик вновь встает перед настоятелем, разворачивает свою циновку, на передний край ее кладет свой веер и трижды кланяется. Затем он берет свой веер, циновку, совершает гассё и направляется к наставнику. Там старший ученик кладет сложенную циновку на пол, поверх нее кладет веер, трижды кланяется наставнику. Тот один раз кланяется в ответ. Старший ученик берет веер, циновку, совершает гассё и направляется к своему мастеру посвящения, которому кланяется так же, как прежде наставнику. Продолав все это, он медленно обходит вокруг алтаря, держа веер в сясю и кланяясь всем служителям, сидящим напротив наставника. Обойдя алтарь сзади, он возвращается на свое место возле настоятеля, где дважды шагает вправо, прежде чем расстелить свою циновку, положить на нее веер и трижды поклониться, как и прежде. Затем старший ученик берет веер и циновку, делает два шага влево и оказывается справа от настоятеля, который берет с подноса бамбуковый меч, лежащий поверх книги с речами. Правой рукой он подает меч старшему ученику, который принимает его двумя руками. Так же держа меч обеими руками, ученик поднимает его над

головой и встает прямо перед настоятелем. Сделав два шага вправо, он низко кланяется, затем делает два шага влево, поворачивается к алтарю, по-прежнему держа меч высоко над головой вместе с веером. Так он обходит алтарь сзади и возвращается к своему месту, где его ожидает прежний старший ученик. Последний держит бамбуковый меч в то время, как новый старший ученик садится. Сев, он берет меч, бьет им об пол и восклицает:

Что ты скажешь?

Помощник старшего ученика так начинает мондо:

Слушайте! Бодхидхарма сказал, что святости нет; здесь скрыта возможность обрести Путь. Розы цветут в саду, и их цветение не оскорбляет сада. Порция риса, когда помещают его в котел, ничего не теряет, хотя на поверхности плавает сор. Редкий случай — сидеть в совершенно прохладной тиши Сёриндзи, отдаваясь истинной практике. Чистая луна осени поворачивается в колесе тумана над прозрачной рекой; ночь опускается всей тяжестью своей тьмы. В великом замысле ряса и чаша соединяют детей и внуков, идущих вслед за таким человеком. И это, конечно, небесное лекарство — ведь оно лечит все болезни. Что ты скажешь?

Теперь старший ученик должен ответить, чтобы удовлетворить вопрошающий ум помощника. Все присутствующие ученики также должны задать свои вопросы старшему ученику, согласно своим возможностям и не отступая от темы, заданной старшим учеником в его вводной речи. Каждый предваряет свой первый вопрос восклицанием: «Слушайте!» Последующие вопросы начинаются словами: «неясно» или «объясни». Как правило, каждый ученик задает не более трех вопросов. Когда ученик удовлетворен ответом, он произносит: «Поздравляю!» Старший же ученик бьет об пол бамбуковым мечом, говоря при этом: «Я благодарю тебя!» По завер-

шении вопросов старший ученик зачитывает стихотворение, сочиненное им к этой церемонии, в котором он выражает свое понимание слов Бодхидхармы. Затем он поднимается и направляется к настоятелю, обходя при этом алтарь сзади, чтобы вернуть ему меч. Там он делает два шага вправо, поднимает меч, кланяется, делает два шага влево и встает справа от настоятеля, который берет у него меч правой рукой со словами:

Ты хорошо справился с этим!

Старший ученик вновь встает перед настоятелем, делает два шага вправо, расстилает свою циновку, кладет поверх нее веер и трижды кланяется. Затем берет веер и циновку, склоняет голову, складывает руки в гассё, делает два шага влево и идет к наставнику, которому также кланяется. Он проходит за алтарем, кланяется мастеру посвящения или другому значительному священнику, после чего идет прямо к своему месту, где садится. Все старшие священники, начиная с нижнего по рангу и заканчивая наставником и настоятелем, поздравляют его. Все руководство храма должно подготовить к этому случаю соответствующие стихи. Настоятель зачитывает слова приношения, и все трижды кланяются. Процессия возвращается в комнату настоятеля, где все кланяются снова три раза и поздравляют настоятеля и старшего ученика.

СВАДЕБНАЯ ЦЕРЕМОНИЯ

Комнату следует тщательно подготовить к церемонии. Для ее проведения необходимы священник, его помощник и организатор. Не обойтись также без двух ваз с цветами, и хорошо, если есть два маленьких деревца сосны или две сосновые ветви. На центральном алтаре должны быть разложены лепешки и фрукты. На высокий алтарь кладут чашу для кропления, четки и необходимые официальные документы. Деревянные дощечки, чашу для благовоний и письменные принадлежности помещают на боковом алтаре. Помощник священника вносит церемониальную книгу священника. Памятные таблички обоих семейств, если таковые имеются, также возлагаются на алтарь. Родственники жениха сидят в правой половине комнаты, родственники невесты — в левой половине. При желании можно пригласить музыкантов.

При звуке первого барабана зажигают свечи и три палочки благовоний. При звуке второго барабана гостей обоих семейств подводят к их местам. При третьем барабане друг жениха ведет жениха к его месту справа от алтаря, подруга невесты подводит невесту к ее месту слева от алтаря. Звонит колокол, входит священник и встает на циновку для поклонения. Друг жениха говорит:

Приступим!

Священник идет к алтарю, зажигает благовония, возвращается к циновке для поклонов и трижды кланяется. Все присутствующие кланяются вместе с ним. В книге, которую держит помощник, священник читает:

Мы поклоняемся Великому Господину Будде Шакьямуни, Косо Дзэё-дайси, Тайсо Дзэсай-дайси и Трем Драгоценностям во всех направлениях, во всех временах. Вот превосходные женщина и мужчина, которые собираются вступить в брак, так как связь их готовилась и совершалась на протяжении многих веков. Поэтому стоят они ныне перед Господином и просят о ниспослании им его благости. Они истово молятся Трем Драгоценностям и всем буддам о ниспослании покровительства и защиты. Я намереваюсь разрешить им жить вместе в удовольствии и боли, в счастье и горе, пока не достигнут они зрелой старости, чтобы трудились они для себя и других людей и чтобы плоды их трудов, их заслуги обернулись во благо всем живым существам. Я молюсь о том, чтобы истинный свет Господина пролился в их превосходные умы, чтобы он очистил их тела и умы!

Помощник кладет бумаги на боковой алтарь. Священник стоит спиной к высокому алтарю, в то время как боковой алтарь ставят перед ним. Невеста и жених вместе встают перед этим алтарем. Священник берет чашу для окропления и кропит молодых так же, как при церемонии посвящения. Помощник окуривает четки и подает их сначала жениху, потом — невесте. Священник говорит:

Я принимаю прибежище в Будде, дабы осуществить истинный Путь и высочайший Ум, ибо я стремлюсь помочь всем живым существам! Я принимаю прибежище в Дхарме; я стремлюсь помочь всем живым существам, чтобы войти в сокровищницу писаний, дабы мудрость моей семьи стала обширной, как океан! Я принимаю прибежище в сангхе; я желаю помочь всем живым существам, чтобы и они, и моя семья владели сердцем незапятнанным и покойным!

Сначала эти слова произносит жених, держа четки, затем их повторяет невеста. После этого помощник подает жениху брачный договор. Жених его зачитывает:

Ныне дан нам свет Господина, исполненный благодати, чтобы могли мы стать мужем и женой. С этого времени и впредь глубокой будет наша преданность Трем Драгоценностям; мы намерены тела наши и умы сотворить столь чистыми, чтобы могли мы избежать всякой ошибки в делах человеческих. Мы будем помогать друг другу, чтобы каждый из нас преуспел на своем пути. Заслуги наших деяний мы приносим в дар благоденствию всех людей.

Затем жених возвращает договор помощнику, который передает его невесте, также зачитывающей его. После этого молодые подписывают договор — жених подписывается первым; если какая-либо из семей имеет печати, их также ставят на документ. Помощник передает договор священнику, который просматривает его, окуривает, ставит свою подпись и, при необходимости, печать. Совершив все эти манипуляции, священник произносит проповедь, по завершении которой гости поздравляют невесту и жениха. Жених выражает свою благодарность. Священник выходит к алтарю и вновь встает на циновку для поклонов. Он читает:

Мы в мире живем, словно в небе;
Так цветок лотоса не увлажняет вода,
по которой плавает он.
Ум незапятнан, и пыль на него не садится.
Склонимся же перед Господином высочайшим!

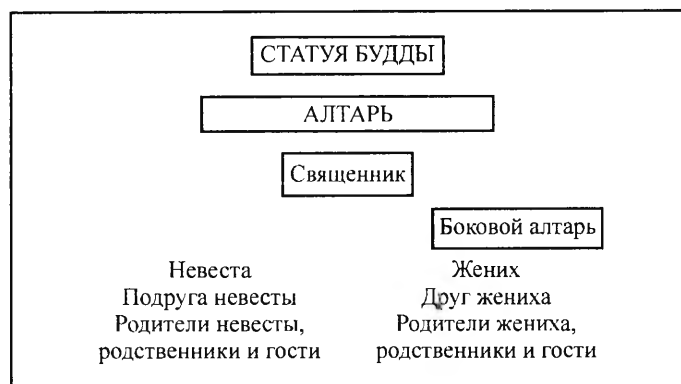
Все читают:

Клянусь постоянно спасать других,
Клянусь навеки желанья отсечь,
Клянусь постигать Дхарму вечно,
Клянусь совершенствоваться в буддизме во всех
жизнях и мирах!

Священник выходит из комнаты, за ним следуют жених и невеста.

Как обустроить помещение для свадебной церемонии

Если церемония не может быть проведена в храме, то подойдет любое помещение, где имеется изображение Будды, которое заменит алтарную статую.

ПОХОРОННАЯ ЦЕРЕМОНИЯ

Гроб устанавливают на самом высоком помосте алтаря, перед ним кладут памятную табличку и ставят чашу с водой. Так же там должны быть кэттямку мертвых, две чаши с благовониями, четыре белых бумажных (или настоящих) цветка, еда (две круглые пышки, соль, суп) и свеча. Перед алтарем кладут циновку для поклонов и подушку. Священник садится перед гробом, совершает гассэ одной рукой, другой же зажигает благовония. Затем он берет бритву, завернутую в белую бумагу, вновь совершает гассэ одной рукой и читает следующее:

Блуждая в мире, мы встречаемся с многими трудностями, когда пытаемся разорвать семейные узы, освободиться от связей, чтобы войти в мир не-рождения и не-смерти. Совершить это, однако, значит постичь истинную благодарность!

В конце чтения священник высвобождает бритву из бумаги и трижды повторяет следующие слова:

Ныне был ты обрит; теперь все вместе мы молимся о том, чтобы навеки оставил ты все желания своего «я»; отныне и вовеки не будет ни рождения, ни смерти!

Вернувшись на свое место перед гробом и омыв руки¹, священник тихим голосом называет имена будд мертвых, приводимые ниже; он также возжигает благовония и перебирает четки:

¹ Омывание рук обязательно после обрития мертвого тела, хотя последнее и совершается только символически.

Какосити-буцу
Шахьямуни-буцу
Сайтэнсисити
Бодайдарума
Тодознтососисё
Эйхэй Кайсан
Содзи Кайсан
Нитиикидэнтю
(Имя основателя храма)
Рэкидайсосисё
Горинсёмё

Прочтя эти имена, священник продолжает:

Теперь, если ныне умерший (такой-то) желает обратиться к заповедям, все вы должны исповедаться. Те, кто желает исповедаться, знайте, что существуют два способа исповеди, но есть исповедальные стихи, к которым прибегали все будды. Пожалуйста, говорите со мной.

Все читают:

Все зло, совершенное мной,
Порождено было безначальными алчностью,
злостью и заблуждением.
Все зло совершалось нашими телом, речью и умом.
Ныне я исповедуюсь во всем содеянном
от всего сердца!

Священник берет чашу для окропления, погружает в нее ветвь и трижды касается ею своей головы. Затем этой же ветвью чертит три треугольника на воде. Он окропляет всех собравшихся справа, слева и в центре, затем окропляет место между центром и правой стороной, между центром и левой стороной. Он вновь трижды касается ветвью своей головы и тихо произносит:

Голос заповедей — голос истинного Ума Будды — подобен голосу грома. Доброта Будды подобна облакам. Вот я проливаю сладкую воду будд на вас, чтобы

вы навеки освободились от желаний! Вы совершили исповедь в трех кармах — вашего тела, речи и ума — и стали чисты. Вы должны обратиться к Трем Драгоценностям! Они украшены тремя заслугами. Первая — абсолютность, вторая — их явление, третья — их явление в настоящем времени. Стоит нам однажды обратиться к ним, и заслуга, и достоинство наши достигнут совершенства. Пожалуйста, повторяйте за мной:

*Почтение Будде,
Почтение Дхарме,
Почтение сангхе,
Почтение высочайшему Будде,
Почтение Дхарме, недостижимой для пыли,
Почтение самой мирной сангхе!
Я оказал почтение Будде,
Я оказал почтение Дхарме,
Я оказал почтение сангхе!*

Так вы исповедались и приняли Три Драгоценности и стали чисты и незапятнанны. Отныне и впредь Будда, Истина и просветленные — вот ваш великий мастер, и да не прибегнете вы к другим верованиям! Эти заповеди соблюдались всеми буддами прошлого и издавна передавались патриархами. Ныне эти заповеди дошли до меня, и я передам их вам. Вы должны соблюдать их как в этом теле, так и тогда, когда станете буддой.

Почтение Будде! Оказывай почтение Будде в своем нынешнем теле и тогда, когда станешь буддой.

Почтение Дхарме! Оказывай почтение Дхарме в своем нынешнем теле и тогда, когда станешь буддой.

Почтение сангхе! Оказывай почтение сангхе в своем нынешнем теле и тогда, когда станешь буддой.

Отступись от зла! Соблюдай эту заповедь в своем нынешнем теле и тогда, когда станешь буддой.

Твори добро! Соблюдай эту заповедь в своем нынешнем теле и тогда, когда станешь буддой.

Твори добро для других! Соблюдай эту заповедь в своем нынешнем теле и тогда, когда станешь буддой.

Не убивай! Соблюдай эту заповедь в своем нынешнем теле и тогда, когда станешь буддой.

Не кради! Соблюдай эту заповедь в своем нынешнем теле и тогда, когда станешь буддой.

Не прелюбодействуй! Соблюдай эту заповедь в своем нынешнем теле и тогда, когда станешь буддой.

Не лги! Соблюдай эту заповедь в своем нынешнем теле и тогда, когда станешь буддой.

Не опьяняйся вином заблуждения! Соблюдай эту заповедь в своем нынешнем теле и тогда, когда станешь буддой.

Не обсуждай других! Соблюдай эту заповедь в своем нынешнем теле и тогда, когда станешь буддой.

Не гордись собой, не думай с презрением о других! Соблюдай эту заповедь в своем нынешнем теле и тогда, когда станешь буддой.

Не скупись, раздавая богатство Дхармы! Соблюдай эту заповедь в своем нынешнем теле и тогда, когда станешь буддой.

Не гневайся! Соблюдай эту заповедь в своем нынешнем теле и тогда, когда станешь буддой.

Не говори хулы на Три Драгоценности! Соблюдай эту заповедь в своем нынешнем теле и тогда, когда станешь буддой.

Благодаря моему состраданию, благодаря моему состраданию, благодаря моему великому состраданию! Тот, кто принимает эти заповеди Будды, достигает буддовости. Буддовость равна просветлению. Действительно и воистину становится он младенцем-буддой!

Регент возглашает:

Литания Великого сострадателя.

Все:

Поклоняюсь Трем Драгоценностям!

Поклоняюсь бодхисаттве-сахасаттве Кандзэон, он есть Великий сострадатель!

Ом, тот, кто недосыгаем для страха!

Поклоняясь ему, да войду я в сердце его, которого знаем как благородного, почитаемого, Кандзэон!

Жизнь его — завершение и совершенство смысла, она чиста; она несет победу всем существам и очищает дорогу бытия.

Ом, о ты провидец, мир превзошедший!

Хвала великому бодхисаттве!

Все, все есть разложение, разложение, земля, земля.

Сверши, сверши свою работу в моем сердце!

О великий Победитель, я держусь, держусь!

К Индре-творцу я взываю!

Двигайся, двигайся, свободный от разложения!

Приди, приди, услышь, услышь,

Радость расцветает во мне!

Говори же, говори, направь меня!

Хулу, хулу, мала, хулу, хулу, хиле!

Сара, сара, сири, сири, суру, суру!

Пробужденный, пробужденный, я — пробужденный!

О милостивый, о сострадательный,

Из всех отважных наирадостнейший, хвала тебе!

Тебе, во всем преуспевшему, хвала!

Тебе, великому, во всем преуспевшему, хвала!

Тебе, высокого мастерства достигшему в практике, хвала!

Тебе, кто в руках оружие держит, хвала!

Тебе, кто в руках Колесо держит, хвала!

Тебе, владеющему лотосом, хвала!

Хвала тебе, ты есть корень вечности!

Хвала тебе, ты — всеосстрадание!

Поклоняюсь Тройственной Драгоценности!

Поклоняюсь Кандзэон!

Хвала! Хвала! Хвала!

Склони свое ухо к молитве моей, хвала тебе!

Регент один зачитывает текст приношения:

Вот мы прочли литанию Великого сострадателя. Мы молимся, дабы заслуга этого деяния дарована была (такому-то), когда лег он в гроб!

Все:

- * Хвала всем буддам во всех мирах;
- * Хвала всем бодхисаттвам во всех мирах;
- * Хвала *Сутре Великой мудрости!*

Священник продолжает:

Когда мы мыслим искренне, нам открывается, что рождение и смерть приходят вновь и вновь, сменяя друг друга, подобно холоду и теплу. Ныне этот недавно умерший постиг, что все сущее преходяще, а истинный мир — в покое. В присутствии этого собрания чистых сердцем мы произнесем имена великих святых. Заслуга этого деяния прославит просветление (такого-то). Я прошу это доброе собрание присоединиться к моей молитве!

Все:

Совершенно чистый Будда, Бирусьянофу, сама Дхарма;

Совершенный Будда, вознагражденный за прежние практики;

Будда Шакиямуни, один из многих будд, явившийся во многих мирах;

Будда Мироку, который явится в грядущем;

Все будды всех направлений трех миров;

Великая и превосходная *Сутра Лотоса Дхармы!*

Святой бодхисаттва Мондзю;

Великий и мудрый бодхисаттва Фугэн;

Великий и добрый Кандзэон;

Все бодхисаттвы и патриархи;

Сутра Великой мудрости!

Все читают *Поклонение мощам Будды*, затем священник произносит следующее приношение:

Мы молились и прочли *Поклонение мощам Будды*. Пусть заслуга этого деяния осветит твой путь! Мы молимся, чтобы мог ты перейти в чистый мир, чтобы карма твоя была незапятнана пылью и грязью, чтобы стал ты как цветок лотоса! Будда посылает тебе свое благословение!

Священник зачитывает молитву:

Мы перенесем тебя к месту похорон/кремации. Мы еще раз пропоем имена десяти будд, дабы облегчить твой путь!

Вновь произносятся имена десяти будд, после чего вновь читают *Литанию Великого сострадателя*. Затем звучат маленький колокольчик, барабаны и цимбалы, под эти звуки все участники церемонии направляются к храму, кладбищу или в поле, где священник трижды читает *Поклонение мощам Будды*. Он трижды обходит вокруг гроба по часовой стрелке; звонит колокол. Священник подходит к алтарю, зажигает благовония, берет факел (или мотыгу), окуривает его и очерчивает им три круга по часовой стрелке, после чего бросает его через гроб или передает помощнику. Затем он зажигает благовония на алтаре и возвращается на свое место. Регент читает молитву:

Возвращаясь сегодня к источнику Истины (такой-то), недавно умерший завершил свою жизнь согласно предназначенному сроку. Ныне мы хороним (или сжигаем) его тело, которое, подобно сну, живет только сто лет, отпуская его следовать дальше по пути, ведущему к нирване. Мы просим это собрание чистых сердцем произнести имена десяти будд, чтобы украсить его путь к нирване!

Все повторяют еще раз имена десяти будд, затем опять вступает регент:

Мы произнесли имена десяти будд и так помогли тебе на твоём пути в небеса. Мы молимся о том, чтобы зеркало мудрости оделило и тебя своим светом, чтобы истинный Ум осенил тебя радужным нимбом, дабы ты обрел просветление в саду бодхисаттв и работал бы в море, гладь которого не бороздят волны, — в море, которое есть сама чистота и целомудрие! Мы молимся, чтобы принял ты наши приношения теперь, когда мы, окутанные облаками, скрывающими от нас небеса, прощаемся с тобой! Мы поклоняемся святым бодхисаттвам и приносим им в дар эти благовоения!

После этого читается любое писание, например *Сутра Кандзэон-босацу*. Все читают писание, затем регент возглашает приношение:

Заслугу чтения (такого-то писания) и совершенного нами шествия мы хотим передать (такому-то); мы молимся о прославлении пути его/ее на небеса!

Все:

- * Хвала всем буддам во всех мирах;
- * Хвала всем бодхисаттвам во всех мирах;
- * Хвала *Сутре Великой мудрости!*

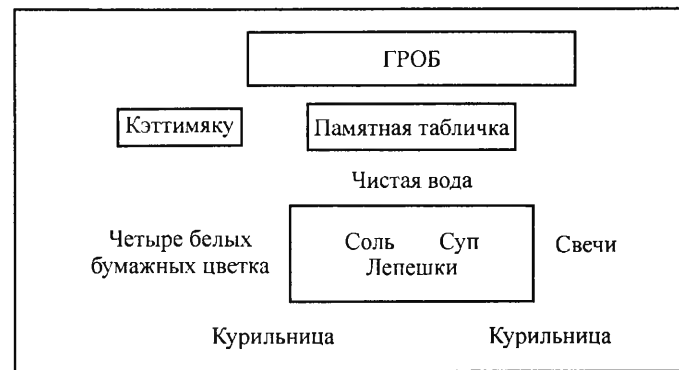
Если церемония проводилась в другом месте, все возвращаются в храм, где опять трижды читают *Поклонение мощам Будды*. Регент читает слова приношения:

Заслугу этого чтения *Поклонения мощам Будды* мы приносим в дар усопшему! Мы молимся о том, чтобы он/она ныне обрел(а) мир в своем истинном доме!

Все:

- * Хвала всем буддам во всех мирах;
- * Хвала всем бодхисаттвам во всех мирах;
- * Хвала *Сутре Великой мудрости!*

Как расположить гроб на алтаре во время похоронной церемонии

СЭГАКИ

Церемонию открывают звуки маленького колокола, барабана и цимбал. Когда мастер церемонии и другие священники в сборе, читаются *Литания Великого со-страдателя* и *Сутра Сладчайших врат*. Во время чтения *Сутры Сладчайших врат* мастер церемонии курит благовония и окропляет алтарь, после него другие присутствующие священники по двое подходят к алтарю и делают то же. По окончании чтения *Сутры Сладчайших врат* регент читает слова приношения:

Помолимся о том, чтобы заслуги этого чтения дарованы были всему сущему во вселенной, дабы и мы пришли к Истине!

Затем все читают выбранный заранее текст, в то время как священники обходят вокруг церемониального зала. Когда чтение писания закончено, регент один зачитывает слова приношения:

Тело Будды наполнило собой вселенную, оно являет себя каждому из нас, и нет такого места, где бы оно не являлось. Всему и во всякой нужде являет себя тело Будды, и все же оно не покидает своего истинного места. Моря его заслуг неизмеримы. Мы молимся, дабы Три Драгоценности наделили нас своей любвеобильной милостью! Мы украсили эти алтари и принесли в дар множество вещей — вещей, что наполняют море, поля и горы. Мы распахнули Врата Дхармы, превосходнее которых нет ничего в мире. Мы совершили церемонию и прочли (такую-то сутру). Мы мо-

лим, дабы заслуги наши послужили во благо всех живых вещей, населяющих бесконечный мир, во благо духов, в низших мирах страдающих от недостатка добра, во благо злых и нечестивых жителей небес! Мы молимся о всеобщем осуществлении Истины и освобождении от дурной кармы; молимся об освобождении тайного и явного, о всеобщем исполнении праведной и истинной мудрости!

Все:

- * Хвала всем буддам во всех мирах;
- * Хвала всем бодхисаттвам во всех мирах;
- * Хвала *Сутре Великой мудрости!*

Церемония часто проводится вне храма, на открытом воздухе, для чего воздвигается алтарь в полях, на речном или морском берегу. В храме для проведения сэгаки сооружают также специальный алтарь неподалеку от главного входа или сразу перед ним, поскольку, согласно принятым верованиям, духи мертвых, взобравшись на алтарь и столкнувшись там с изображением Будды или какого-либо бодхисаттвы, не смогут вкусить предложенных им даров. Вот почему алтарь сэгаки устанавливают как можно дальше от главного алтаря, поворачивая его лицевой стороной к саду. Участники же церемонии стараются стоять, отвернувшись от главного алтаря, которому, однако, тоже отдается должное — перед ним возжигают благовония и совершают троекратный поклон, прежде чем приступить к сэгаки.

ЦЕРЕМОНИЯ ПОГРЕБЕНИЯ СВЯЩЕННИКА

Когда умирает священник, созываются ученики, старшие ученики и его помощник для обсуждения дальнейшей судьбы его одеяний, чаш, печатей и прочего имущества. Извещаются все чиновники храма, родственники умершего и все, кто как-либо был с ним связан. Помощник сообщает о свершившейся кончине регенту храма, который передает это известие главному проповеднику. Помощник наставника практики звонит в колокол зала для медитации, созывая всю общину. Все отправляются в покои настоятеля, где после троекратного поклона проносят слова соболезнования и утешения. Затем читается *Паринирвана сутра* и выражается соболезнование ученикам и старшим ученикам. Алтарь украшают цветами и свечами. Если умерший оставил после себя какие-либо записи, наставления для передачи общине, то листки с этими записями прикалывают на доску, которую вешают перед залом основателя. Регент записывает крупными иероглифами извещение о смерти священника, которое и вывешивается у главного входа.

Те же действия совершаются в случае смерти настоятеля. Но проводить церемонию должен настоятель родственного храма или кто-либо, названный умершим в его завещании. Мастер церемонии высылает сообщение о смерти, написанное на белой бумаге, всем, кто был связан с умершим. Иногда таким священником, назначенным вести церемонию, становится один из учеников. Затем священник созывает всех учеников и других обитателей храма для распределения церемониальных обязан-

ностей. Церемониальные обязанности ученика определяются его рангом. Пять старших священников храма обладают привилегией проведения первых двух дней и одной ночи в медитации рядом с умершим; три следующих по рангу священника лишь один день могут провести таким образом. Если умерший должен быть кремирован, то мастера церемонии называют *хинкоси*; если же умерший должен быть похоронен, то мастера церемонии нарекают *кокакуси*. Извещение о распределении обязанностей, о времени похорон и прочем вывешивается в зале Будды.

Нюган (положение во гроб). Когда приходит время, ученики, старшие ученики и родственники обмывают тело теплой благовонной водой, обривают его и облачают в чистые одеяния — коромо и кэса. Затем тело помещают в гроб в положении дзадзэн. Гроб вкладывают в саркофаг и устанавливают в зале основателя. На крышке гроба рисуют круг. Поверх гроба, при помещении его в саркофаг, накидывают погребальную кэса. Перед саркофагом устанавливают алтарь, укутанный белыми полотнищами, и на него возлагаются различные предметы, свечи и цветы, необходимые для церемонии. По завершении приготовлений звонят в колокол, созывая всех учеников. Обычные ученики занимают места, соответствующие их рангу. Ученики и старшие ученики усопшего выстраиваются за саркофагом. Звонарь выходит вперед и обращается к церемониймейстеру с просьбой начинать церемонию. Стоя перед ним, он звонит в маленький колокольчик, при этом все собравшиеся трижды кланяются. После этого звонарь выходит к саркофагу, чтобы возглавить шествие. Старший церемониймейстер (если умерший был настоятелем храма, их должно быть трое) стоит перед алтарем в конце процессии и вместе с двумя другими церемониймейстерами курит благовония и совершает приношения чаем, лепешками и сладкой водой. Наставник зачитывает следующее приношение:

Глядя назад, мы видим великие деяния, отголоски которых достигают и небес, и людей. Жизнь этого священника была превосходна, она превосходила даже заложенные патриархами основы. С почтением обдуваем. Великий священник (такой-то) обладал мудростью, которая была подобна полной луне, осветившей воды жизни. Сострадание его отвечало на призывы, доносившиеся из десяти сторон. Мы не можем более видеть его лица, но благие дела его остались. Все мы собрались здесь ныне, дабы вспомнить.

Все распевают имена десяти будд, после чего наставник продолжает:

Мы назвали имена десяти будд, мы принесли в дар сладкую воду, чай, фрукты и лепешки, заслугу этих даяний мы хотим даровать (такому-то). Мы молимся о всеобщем просветлении.

Все кланяются трижды и выходят из зала. Ученики и старшие ученики усопшего кланяются саркофагу, стоя за ним; если места недостаточно, эти особые поклоны могут совершаться и сбоку от саркофага.

Иган (перенесение саркофага). При первых звуках колокола саркофаг переносят из зала основателя в зал церемоний. Помещение, где саркофаг будет установлен впоследствии, завешивают белыми полотнищами. Туда же переносят все принадлежавшие усопшему ритуальные предметы. Бьют барабаны, звонят колокола, поют цимбалы, саркофаг переносят на предназначенное для него место. Ученики занимают свои места. Церемония, следующая затем, в точности повторяет предшествующую, за исключением шествия. Наставник практики читает *Литанию Великого сострадателя*. Ему вторят все собравшиеся. Затем наставник один читает следующее приношение:

Мы перенесли саркофаг, мы совершили приношения и прочли *Литанию Великого сострадателя*. За-

слуги этих деяний мы хотим даровать (такому-то), мы молимся, дабы не перестало возрастать достоинство его истинного положения!

Все кланяются трижды. Ученики и старшие ученики усопшего совершают особые поклоны, стоя за саркофагом.

Сэган (закрытие саркофага). Эта церемония, как правило, совершается сразу после перенесения саркофага. Колокол звонит один раз. Все ученики ожидают, не покидая своих мест. Наставник обращается к мастеру церемонии с просьбой продолжать церемонию. Последний занимает свое место перед саркофагом. Его помощник подает на подносе церемониальный ключ. Мастер церемонии благословляет ключ и передает его ученику, ведающему ритуальными предметами, который закрывает саркофаг. Наставник и вся братия читают *Литанию Великого сострадателя*, чему, как и прежде, предшествует приношение даров, совершаемое так же, как при *иган*. По завершении чтения наставник практики зачитывает следующее приношение:

Мы закрыли саркофаг, мы совершили приношения и прочли *Литанию Великого сострадателя*. Заслуги этих деяний мы приносим в дар (такому-то)! Мы молимся, дабы не перестало возрастать достоинство его истинного положения!

Все кланяются, как при *иган*.

Касин (вывешивание портрета умершего). После надлежащих приготовлений звонит колокол, ученики собираются в предназначенном для церемонии месте. Наставник обращается к мастеру церемонии с просьбой совершить обряд. Тот выходит в центр зала, берет из рук помощника поднос с портретом. Мастер церемонии благословляет портрет, окуривает его благовониями и

передает ученику, ведающему ритуальными предметами храма, который водружает его на высокий алтарь. Затем, как и в предыдущих церемониях, совершаются приношения и наставник вместе со всем собранием читает *Литанию Великого сострадателя*, после чего он, уже один, зачитывает приношение:

Мы вывесили портрет, мы совершили многие деяния. Мы прочли *Литанию Великого сострадателя*. Заслуги этих деяний мы приносим в дар (такому-то)! Мы молимся, дабы не перестало возрастать достоинство его истинного положения!

Как и прежде, все кланяются.

Тайсисёсан (церемония мондо перед портретом умершего). Обычно эта церемония совершается вечером, предшествующим кремации или погребению. Мастером церемонии может быть один из трех мастеров, проводивших предыдущие церемонии. Простые ученики, старшие ученики умершего и другие члены общины собираются в комнате священника, совершающего этот обряд. Собравшиеся обмениваются поклонами с наставником практики. В назначенное время звонит колокол, ученики выстраиваются в два ряда по обеим сторонам комнаты, причем те, кто был наиболее близко связан с умершим, стоят впереди. При первых звуках барабана ученики подходят к саркофагу и возжигают благовония. Старший из них делает несколько шагов назад и садится на стул против саркофага. Пять помощников настоятеля, стоя за его спиной, совершают обычный обряд *сёсан*. Однако мондо в прямом смысле отсутствует в этой церемонии. По завершении ритуальных поклонов церемониймейстер покидает комнату.

Тайянэндзю (заключительная церемония). По окончании церемонии *сёсан* наставник провозглашает заключительную церемонию:

Так я говорю всем ученикам. Он, ныне входящий в нирвану, великий священник (такой-то), возвратился к истинному истоку всякого мира! Как проходит этот день, так пришла к завершению и его жизнь. Мы подобны рыбе, попавшей на мелководье, — нам не найти здесь счастья. Всем сердцем отдавайтесь своей практике! Осознайте непостоянство всего, остерегайтесь нерешительности, не потакайте своим желаниям! Все вы с почтением собрались здесь и стоите перед этим саркофагом. Мы повторяем имя (такого-то), исполненное высшей добродетели, и молимся, дабы через него и мы продвинулись по пути к просветлению!

Как и в предыдущих церемониях, совершаются приношения. Наставник продолжает:

Мы провели заключительную церемонию и совершили много приношений. Заслуги этих деяний мы приносим в дар (такому-то) великому священнику и молимся о возрастании достоинства его истинного положения!

Все собравшиеся кланяются трижды и выходят из зала, кроме учеников и старших учеников умершего, которые подходят к мастеру церемонии и поклоном выражают свою благодарность. Спустя некоторое время произносится проповедь, в которой вспоминают добродетели и достоинства умершего. После проповеди желающие по очереди читают сутры. Так, тихо, неспешно, проходит ночь.

Киган (поднятие саркофага). Утром следующего дня планируется погребальная процессия и готовится все необходимое для ее проведения. В назначенное время сто восемь раз бьет большой колокол. Вслед за ним звонит малый колокол, созывая всех учеников выстроиться для шествия. Наставник обращается к церемониймейстеру с просьбой начать церемонию. Последний возжигает благовония и совершает подношения пищей и сладкой водой. Наставник объявляет начало заключительной церемо-

нии поднятия саркофага. Согласно древней традиции, в отличие от прочих заключительных церемоний, эта предполагает быстрое чтение текста. Наставник говорит:

Мы поднимаем золотой гроб и обходим вокруг великого замка Куси, знамя которого развивается в пустоте. Ныне мы движемся к погребальному огню. Мы молимся о том, чтобы все ученики отдали должное его имени при прощании с ним!

Наставник начинает читать *Литанию Великого сострадателя*, к нему присоединяются все собравшиеся. Бьют барабаны, раздается колокольный звон, поют цимбалы и шествие трогается с места. Ученики и старшие ученики умершего несут множество флагов: четыре цветных флага с надписью: «Будда явил нирвану, которая есть уничтожение и отсечение жизни и смерти, и даровал нам возможность обретения высшего мира»; четыре белых флага, на которых начертано: «Высшая нирвана сияет в совершенном мире. Мирское мертво, когда отсечены все связи, что вне Пути». Ученики несут также десять красных флагов с именами десяти будд и один белый флаг, на котором начертаны последние слова умершего или его учение. Когда поднимают саркофаг, наставник вместе со вторым мастером церемонии приглушенно возвещают:

Совершенно чистый Будда, Бирусянофу, сама Дхарма!

Слова эти повторяют все ученики под звуки маленького колокольчика, которому вторят барабаны и цимбалы. Так же читается вторая строфа *Десяти будд*, затем третья; каждый раз звучат маленький колокольчик, барабаны и цимбалы, и так читают все десять строф. Две группы учеников несут маленькие колокольчики, барабаны и цимбалы — одна группа идет перед саркофагом, вторая группа — за ним. Сначала играют те, что идут

впереди саркофага, затем играют идущие сзади. Когда процессия доходит до погребального костра или до места захоронения, саркофаг ставят, как указано на приводимой ниже схеме, согласно которой располагаются также ученики, старшие ученики и чиновники храма. Читается *Литания Великого сострадателя*; по завершении чтения все кланяются трижды, но приношения не совершаются. После того как саркофаг трижды обносят вокруг погребального костра и устанавливают на вершине его, дхармовый наследник умершего зажигает огонь. Все ученики и старшие ученики умершего сидят в дзадзэн вокруг погребального костра до тех пор, пока огонь полностью не поглотит тело. Затем все неспешно и чинно возвращаются в храм.

Сюсяри (принятие пепла). На следующее утро после кремации или погребения, по завершении завтрака звонит колокол в ученическом зале и все ученики, выстроившись в процессию, выходят встречать учеников и старших учеников умершего, возвращающихся с пеплом. Пепел помещают в урну, которую старший ученик устанавливает в зале основателя. Если же священник был похоронен, его ученики приносят лишь мемориальную табличку, которую и помещают в зал основателя. При этом совершается следующая церемония.

Анифугин (помещение пепла в зал основателя). Урна с пеплом устанавливается в зале основателя и совершаются приношения благовониями, цветами, вином, водой и фруктами. Помощник наставника звонит в маленький колокол, все кланяются трижды, и наставник начинает чтение *Литании Великого сострадателя*. К нему присоединяется все собрание. Затем наставник один читает следующее приношение:

Заслуги этого чтения даруем мы (такому-то), великому священнику! Ныне, когда он стал пеплом, мы

молимся о возрастании достоинства его истинного положения!

Все кланяются трижды и выходят из зала настоятеля. В два часа совершается трапеза, в три часа — церемониальный чай, как и при жизни ушедшего священника.

Сэссай (приношение пищи). Церемония приношения пищи, если позволяет время, совершается в тот же день, что и церемония принятия пепла. В противном случае ее переносят на седьмой день после похорон. Портрет умершего вывешивается в церемониальном зале, для участия в сэссай приглашаются все священники, принимавшие участие в предшествующих церемониях. Приношения совершаются обычным для церемоний этого цикла образом. Каждые семь дней ученики по очереди возжигают благовония. Церемонии сэссай варьируются в зависимости от статуса храма. Если для возжигания благовоний должен прийти настоятель, чей ранг превышает ранг умершего, ученики последнего располагаются слева от алтаря, откуда они бьют положенные специальные поклоны, что не делается в том случае, если пришедший настоятель ниже рангом.

Иногда настоятель другого храма может опоздать на похоронный обряд, но все же пожелать прочесть соответствующие сутры перед портретом умершего. В этой ситуации приветственные и прощальные поклоны совершают мастер по приему гостей и другие чиновники храма. Может быть и так, что пришедшего с подобным визитом настоятеля не сопровождает помощник для чтения приношений, тогда вместе с ним читает наставник практики.

Юйсо (представление памятных даров). Когда совершены все надлежащие церемонии, ученики и старшие ученики умершего вместе с близкими друзьями или знакомыми умершего обходят чиновников храма и всем

им выражают благодарность за участие в погребальных церемониях. В это же время вручаются дары настоятеля. Формы этих благодарственных приветствий и церемонии вручения и обмена в каждом храме свои и определяются местной традицией.

Расположение саркофага священника

арахант (пали; санскр.: «архат»). Тот, кто стремится к нирване, находит ее и пребывает в ней, не заботясь о спасении остальных. Идеал араханта противостоит идеалу *бодхисаттвы*, жаждущего спасения всех живых существ.

арупа джхана (пали). Четыре ступени созерцания: 1) область бесконечного пространства; 2) область бесконечного сознания; 3) область ничто; 4) область ни восприятия, ни невосприятия.

Асанга (ок. 310—390). Индийский мастер школы йога-чара махаянского буддизма. Его работы были переведены на китайский в VI в. Старший брат *Васубандху*.

Асита. Индийский аскет (риши), посетивший будущего Будду при его рождении и провидевший его судьбу.

асуры (санскр.). Воинственные демоны, обитающие в мире распри, одном из шести *лока*. Асуры — один из восьми видов живых существ. Согласно индуистской мифологии, асуры под водительством Варуны воевали с дэвами, вождем которых был Индра. Букв. «асур» — «тот, кто не вкушает вина».

ачарья (санскр.). Мастер, или учитель; старший священник с пятилетним стажем.

Ашвагхоша. Индийский буддийский философ (родился ок. 100 г.), автор *Буддхачариты*, произведения, посвященного жизни Будды; ему принадлежит также *Махаяна шраддхотпада шастра*, или *Пробуждение веры*. Ашвагхоша — 12-й патриарх в дзэнской линии преемственности, в «Дэнко-року» Кэйдзана он представлен как *Анаботэй Мэмё*.

Ашока. Ашока Маурья, царь Магадхи (годы правления: ок. 270—ок. 232 до н. э.). Один из величайших буддийских правителей Индии. Его правление было отмечено расцветом буддийского искусства, в том числе архитектуры. Ашока не только издал целый ряд законов, оказавших сильное влияние на формирование общественной системы той эпохи, но и рассылал миссионеров в различные области Индии и Цейлона, а также в Сирию, Египет, Македонию. Его дочь Сангхамитта доставила на Цейлон ветвь подлинного дерева бодхи, запись о чем сохранилась в «Великих хрониках Цейлона». Согласно преданию, Ашока достиг пробуждения на смертном одре.

Бадаро-босацу (яп.). См. *Бхадрапала*.

Бай-чжан Хуэй-хай (720—814). Китайский мастер дзэн, принадлежавший к линии *Нань-юэ Хуай-жана*. Его труд в восьми частях «Бай-чжан Цин-гуй» (яп.: «Хякудзэсинги») содержит предписания для храмов дзэн и является одним из важнейших в китайской традиции дзэн сочинений, посвященных совершенствованию учеников.

Басо (яп.). См. *Ма-цзю Дао-и*.

Басо Доццу (яп.). См. *Ма-цзю Дао-и*.

Бенарес. Город в Индии, где Будда проповедовал пяти аскетам, которые пребывали вместе с ним до его пробуждения.

Бимбисара. Царь индийской страны Магадхи, который, когда Шакиямуни еще не достиг пробуждения, предложил ему в дар все свое царство. Будда отказался, но пообещал, что, когда обретет просветление, прежде всего придет учить в Раджагаху, столицу Магадхи. Когда Будда пришел, чтобы исполнить обещанное, царь предоставил в распоряжение Пробужденного Бамбуковую рощу (Велувана), свое излюбленное место отдыха и прогулок, куда и пришел сам, дабы внимать учению. Дэвадатта, двоюродный брат Будды, сговорился с сыном Бимбисары Аджатасатту убить и царя и учителя. Узнав о готовящемся злодеянии, Бимбисара отрекся от престола в пользу сына, который по настоянию Дэвадатты заморил царя голодом до смерти.

Бирусянофу. См. *Вайрочана Будда*.

Бисяри (яп.). См. *Вайшали*.

бодхи (санскр.). Просветление, постижение, совершенная мудрость.

бодхи, дерево. См. *пипал*.

Бодхидхарма (санскр.). Первый патриарх китайского дзэн. Он был третьим сыном правителя из Южной Индии и в 520 г. пришел в Китай. Согласно преданию, он просидел девять лет лицом к стене в монастыре Шаолинь, пока ноги его не отсохли. Бодхидхарма передал Дхарму своему ученику Хуэй-кэ (Эка). Полагают, что умер он между 528 и 536 гг.

бодхисаттва (санскр.). Тот, кто устремлен к просветлению и уже стоит на пути к пробуждению. Само слово «бодхисаттва» означает того, кто стремится к буддовости, или того, кто желает просветления для всех живых существ. Существует три вида бодхисаттв: интеллектуальный, благочестивый, могущественный.

бомпу дзэн (яп.). Сидячая медитация, направленная на приобретение только физического благополучия.

Бонтэн (яп.). См. *Брахмадевалока* и *Брахма*.

босацу (яп.). См. *бодхисаттва*.

Брахма, или *Брахмадева* (санскр.). Бог-творец мира.

Брахмадевалока (санскр.). Первое из четырех небес дхьяны в рупадхату, мире форм, где обитают существа, не нуждающиеся в пище, не испытывающие сексуального влечения. Мир этот состоит из таких областей, как: *Брахмапаришадья* — область свиты *Брахмы*; *Брахмапурохита* — область управителей *Брахмы*; *Махабрахма* — область великого *Брахмы*.

брахман. Представитель одной из четырех варн Индии. *Брахманы* — варна жрецов; *кшатрии* — воины; *вайшьи* — торговцы; *шудры* — обычные люди.

будда (санскр.). Просветленный; тот, кто постиг Истину.

Будда Гая. Место в Индии, где Будда *Шакьямуни*, сидя под баньяновым деревом, достиг пробуждения. На этом месте высится храм *Махабодхи*, там же находится *лотосовый пруд*, в котором, согласно преданию, омылся Будда.

буцу. См. *будда*.

Буцуданда Рю-о (яп.) Один из 185 царей-драконов — божеств, приносящих дождь, еще одного звали *Манда Рю-о*. *Рю* (санскр.: «нага») — один из восьми типов сверхъестественных существ, оберегающих *Дхарму*.

буцудэн (яп.). Зал Будды, в котором находится изображение Будды или кого-либо из *бодхисаттв*. В храмах *дзэн хондзон*, т. е. главный образ, находится именно в *буцудэн*.

Бхадрапала (санскр.). Индийский архат, достигший просветления во время купания. В ванной комнате *дзэнского храма* обычно можно увидеть небольшой алтарь, посвященный ему.

Ваджрасаттва (санскр.). Индийский *бодхисаттва*, в школе *сингон* почитаемый как второй патриарх, получивший по легенде учения *сингон* непосредственно от самого Будды *Вайрочаны*.

Вайрочана Будда (санскр.). «Просветляющий будда». Центральная фигура школы *хуаянь*, полагается сущностью вселенной в школе *сингон* и осмысливается как *Дхармакая* в школе *тэндай*.

Вайшали (совр. *Басарх*). Город в Индии, где собрался второй буддийский собор в 377 г. до н. э.

Варанаси. См. *Бенарес*.

Васубандху. Индийский мастер йогачары — одной из школ *махаяны*, младший брат *Асанги*. Ему принадлежат «*Абхидхармакоша*» и другие работы.

Вималакирти (санскр.). Идеальный буддийский мирянин, почетный житель *Вайшали*, современник Будды *Шакьямуни*. В Японии почитается как *бодхисаттва* глубокого духовного постижения. *Вималакирти сутра* (*Юймакё*) состоит из его речей.

виная (санскр.). Правила поведения буддийских монахов.

випака (санскр.). Действие и результат. *Випака* может также быть определена как плод наших действий, в то время как *карма* — это семена, которые мы сами сеем.

Вишну (санскр.). Индуистский бог, именуемый также *Нараяной* в упанишадах. Главное божество *вишнуизма* обладает способностью принимать десять различных форм ради спасения всех существ.

гайтан (яп.). Места для медитации, расположенные с внешней стороны зала для медитации и предназначенные для новичков, священников из других храмов и мирян.

Гассан (яп.). См. *Цзя-шань Шань-хуэй*.

гассё (яп.). Древнее индийское приветствие, при котором ладони рук соединены: правая символизирует святость, или высшую природу, левая — мир, или низшую природу; сложенные вместе, они образуют «*Единый Ум*» человеческих существ.

гои теория. Пять уровней понимания, которую выдвинул *Дун-шань Лян-цзе*.

Гридракута (санскр.: *Коршунья гора*, или *гора Грифов*). Гора в Индии, на которой проповедовал Будда. Расположена неподалеку от *Раджагахи*, к северо-востоку от нее.

Гуй-шань Лин-ю (771–853). Китайский мастер *дзэн*, ученик *Бай-чжана*. Вместе со своим учеником *Ян-шанем Хуэй-цзи* (*Кёдзан Эдзаку*, 814–890) основал одну линию *дзэн* — *гуйян* (*игё*).

Гунин (яп.). См. *Хун-жэнь*.

гэдо дзэн (яп.). Медитация, совершаемая исключительно с целью приобретения сверхъестественных способностей.

даймондзин (яп.). Поклон-приглашение, начинающийся с широко простертых в обе стороны рук — жеста, как бы обнимающего всех присутствующих в церемониальном зале.

Дайбайдзэ-дзэндзи (яп.). См. *Да-мэй Фа-чжан*.

Дайбай Ходзэ (яп.). См. *Да-мэй Фа-чжан*.

Дайдзэдзи. Храм в Канадзава, в Японии, первоначально принадлежавший направлению *сингон*, позднее перешедший к сото. На протяжении десяти лет его старшим настоятелем был *Кэйдзан-дзэндзи*.

Дайкан Эно. См. *Хуэй-нэн*.

Дайман Конин (яп.). См. *Хун-жэнь*.

Дайнити Нёрай (яп.). См. *Вайрочана Будда*.

дайосэ (яп.). Титул, означающий «великий священник».

дайси (яп.). «Великий учитель», или «великий мастер», — титул, который посмертно присваивается мастерам дзэн.

Дайти-дзэндзи (яп.). См. *Бай-чжан Хуэй-хай*.

Дайтидорон (яп.). См. *Махапраджняпарамитопадеша*.

Дайэ Соко (яп.). См. *Да-хуэй Цзун-гао*.

Да-мэй Фа-чжан (752—?). Китайский мастер дзэн школы риндзай, ученик *Ма-цзу Дао-и*.

Дандака, или *Дандалока*. Гора в местности Гандхара (Индия).

Дандокусэн (яп.). См. *Дандака*.

Дарума (яп.). См. *Бодхидхарма*.

Да-хуэй Цзун-гао (1089—1163). Китайский мастер дзэн школы риндзай. Энэн (Юнь-вэнь) — ученик и помощник *Да-хуэя Цзун-гао* — собрал его изречения в шести томах. Труд этот первоначально на японском носил название «Сёбогэндзо», но впоследствии его стали называть «Дайэ Сёбогэндзо», чтобы не путать с сочинением Догэна.

Да чжи ду лунь (кит.) См. *Махапраджняпарамитопадеша*.

десять сторон. Десять направлений пространства: четыре основных, четыре промежуточных, зенит и надир.

дзадзэн (яп.). Сидячая медитация.

Дзэдо (яп.). 1. Чистая Земля, или Западный рай, в амидаизме. Место просветления. 2. Церемония, в ходе которой настоятель проходит через испытание его реализации Истины посредством *мондо*; часть церемониального корпуса *кэссэй*.

дзёё (яп.). Один из титулов, означающих «великий мастер». Например, *дзёё-дайси* — один из титулов Догэна-дзэндзи.

дзёсай (яп.). Титул, означающий «великий мастер»: например, *Кэйдзана-дзэндзи* называют *дзёсай-дайси*.

Дзёсю Дзюсин (яп.). См. *Чжао-чжоу Цун-шэнь*.

Дзидзи-босацу (яп.). См. *Дхаранимдхара*.

Дзидзо (яп.). См. *Кишитигарбха*.

Дзидзо-босацу (яп.). См. *Кишитигарбха*.

дзикидо (яп.). Смотритель зала для медитации.

Дзинсю Дзёдза (яп.). См. *Шэнь-сю*.

дзо (яп.). См. *Три периода*.

дзуда (яп.; санскр.: «двадша дхатугуна»). Двенадцать практик, призванных подчинить мирские желания, отсесть привязанности.

дзуйссэ (яп.). Специальная поздравительная церемония, совершаемая только в Эйхэйдзи и в Содзидзи священниками, получившими духовный сан.

дзэндзи (яп.: «мастер дзэн»). Титул, обычно присваиваемый патриархам только самим японским императором.

дзюкай (яп.). Особый период в течение недели, выделенный для церемоний, включающих в себя принятие заповедей.

дзюкай токудо (яп.). Церемония посвящения мирян.

Догэн. Основатель японской школы сото. Более подробное описание его жизни и трудов содержится во введении к переводам, в книге II.

дуккха (пали; санскр.: «духкха»). Страдание. Рождение, болезнь, смерть, разлука и разочарование — все это страдания, и они остаются таковыми, если не преодолеваются.

Дун-шань Лян-цзе (807—869). Китайский мастер дзэн, ученик Юнь-яня Тань-шэна. Полагают, что вторая часть слова *цаодун* была взята из его имени.

Дун-шань Шоу-чу (?—990). Китайский мастер дзэн, ученик Юнь-мэня Вэнь-яня. Известен коаном о трех цзинях льна, который можно найти в «Би янь лу» (яп.: «Хэкиганроку») и в «У мэнь гуан» (яп.: «Мумонкан»). Не путать его с *Дунь-шанем Лян-цзе*, одним из основателей направления *цаодун* в Китае.

Дхаранимдхара (санскр.: «держущий землю»). Мифологический *бодхисаттва*.

Дхарма (санскр.). Учение Будды.

Дхармагаханабхьюдгата-раджа (санскр.). Будда, упомянутый в *Лотосовой сутре* как обладающий полным пониманием абсолютного.

Дхармакая (санскр.). Дхармовое тело — одно из трех тел Будды согласно учению о трикае; сущность всех вещей, космический Будда.

дхьяна (санскр.; пали: «джхана»). Медитация, созерцание.

дэва (санскр.). Бог, существо, обладающее сверхъестественными способностями. Также область обитания богов, или небеса: один из шести лока, или областей нового рождения.

Дэнтороку (яп.). См. *Цзин дэ чуань дэн лу*.

Ёка Гэнкаку (яп.). См. *Юн-цзя Сюань-цзюэ*.

Жу-цзин (1163—1228). Настоятель монастыря *Тянь-туншань* в Китае, мастер, от которого *Догэн-дзэндзи* получил печать Дхармы.

Зал Будды. См. *буцудэн*.

Игё (яп.). См. *Гуй-шань Лин-ю*.

Индра (санскр.). Бог индийской мифологии, управляющий ветром, дождем, молнией и громом. Был введен в буддийский пантеон, где стал правителем небес Тушита. См. также *асуры*.

инкин (яп.). Маленький колокольчик, используемый в различных храмовых церемониях.

ино (яп.). Наставник практики в дзэнском храме.

Исан (яп.). См. *Гуй-шань Лин-ю*.

Исан Рэйю (яп.). См. *Гуй-шань Лин-ю*.

йога (санскр.). Средства достижения спасения через обретение в себе неизменного путем различных практик медитации. Йога признает существование индивидуальной души, способствующей постижению Истины.

Ёка Гэнкаку (яп.). См. *Юн-цзя Сюань-цзюэ*.

Кабира (яп.). См. *Капилавасту*.

калавинка (санскр.). Птица с дивно прекрасным голосом, обитающая, как говорят, в гималайских долинах.

кальпа (санскр.). Неисчислимый период времени; обычно описывается как время, которое необходимо для того, чтобы небесное существо, раз в три года задевающее своим одеянием гору высотой примерно в десять километров, стерло

бы эту скалу до основания; или же как время, за которое нужно перенести всю массу горчичных зерен с площади в десять квадратных километров при условии, что раз в три года переносят только одно зернышко.

Кандзэон (яп.). См. *Авалокитешвара*.

Каннон (яп.). См. *Авалокитешвара*.

Канромон (яп.). См. *Сутра Сладчайших врат*.

Капилавасту (санскр.). Столица страны, в которой прошло детство Будды; находится в области Терай в современном Непале.

карма (санскр.; пали: «камма»). Действия; закон неизбежности следствий, проистекающих из деяний. См. также *випака*.

Касикоку (яп.). См. *Магадха*.

Кассан Дзэнэ. См. *Цзя-шань Шань-хуэй*.

кашя (санскр.). Монашеская ряса.

кёсаку (яп.). Букв. «пробуждающая палка», при помощи которой смотритель зала для медитации побуждает учеников прикладывать больше усилий к своей практике: помогает справиться с онемением в плечах, проверяет глубину созерцания ученика. В школе риндзай ее называют «кэйсаку», т. е. «контролирующая палка».

кёси (яп.). Степень священства, присуждаемая храмом, в котором священник проходил обучение. Кёси подразделяется на несколько уровней: от третьего до первого и далее до сэй, что приблизительно соответствует степени доктора.

Кигэн Догэн. См. *Догэн*.

киннара (санскр.). Небесный музыкант, наполовину человек, наполовину зверь, иногда описываемый как существо с человеческим телом и головой лошади. Киннары — один из восьми видов сверхъестественных существ.

кинхин (яп.). Букв. «хождение с сосредоточенным умом», т. е. медитация, совершаемая на ходу в зале для медитации, или вне его, как это практикуется в храмах риндзай. Кинхин практикуется в память о дне, проведенном Буддой Шакьямуни в хождении вокруг древа бодхи после достижения просветления — так Будда выражал свою благодарность дереву за его прохладную тень.

коан (яп.). Свообразный «стимулятор», призванный привести ученика к полному постижению Истины. Это может

быть изречение или действие, над которым размышляет, медитирует ученик до тех пор, пока не превзойдет его, не выйдет за его границы.

кокакуси (яп.). Священник, который совершает церемонию «шепота» над умершим, прежде чем тело предадут земле.
корома (яп.). Официальная ряса ученика или священника.
Косэй (яп.). См. *Ма-цзу Дао-и*.

Коун Эдзэ (1198—1280). Японский мастер сото-дзэн. После изучения сперва учения *тэндай* на горе Хиэй, а затем — *дзэдо*, он наконец обратился к практике дзэн под руководством *Догэна*. Он участвовал в основании *Эйхэйдзи*, вторым настоятелем которого стал в 1253 г. после смерти *Догэна*. Автор *Сёбогэндзо дзуймонки* — записей проповедей и разговоров *Догэна*; ему принадлежит также и *Эдзэроку* — собрание его собственных изречений.

Кохо-дзэндзи (яп.). См. *Кэйдо Тисан-дзэндзи*.

Куккутапада (санскр.). Гора в *Магадхе*, на которой скончался *Махакашьяпа*. Согласно преданию, он и по сей день сидит на этой горе, ожидая прихода *Майтреи*.

Куо-будда (яп.-санскр.). См. *Дхармагаханабхьюдгата-раджа*.

Кусинара (пали). См. *Кушинагара*.

Кутира (яп.). См. *Кушинагара*.

куцудзюн (яп.). Ткань тонкой работы, напоминающая хлопок. *Кашая Бодхидхармы*, передаваемая от патриарха к патриарху, была из черно-голубого куцудзюна.

Кушинагара (санскр.). Город в Индии на реке *Хираньявати*, где Будда вошел в *паринирвану*. На месте кремации Будды и распределения его останков между его почитателями высится *ступа*.

кшатрий. См. *брахман*.

Кишитигарбха (санскр.). *Бодхисаттва*, спасающий все существа, живущий в эпоху от смерти *Шакьямуни* до прихода *будды Майтреи*. Поскольку ему приходится спасать существа, населяющие все шесть миров, он является в шести различных обликах. В Японии его почитают как покровителя детей, особенно тех, которые погибли в дорожных катастрофах: каменные изваяния монаха с обритой головой в рясе высятся возле дорог, в тех местах, где погибли дети.

кэгон (яп.). См. *хуаянь*.

Кэгонкё (яп.). См. *Аватамсака сутра*.

Кэйдзан. Вместе с *Догэном* считается основоположником школы сото в Японии. Подробности его жизни и деятельности можно найти во введении к переводам его работ, в книге III.

Кэйдо (яп.). См. *Кэйдо Тисан-дзэндзи*.

Кэйдо Тисан-дзэндзи (1879—1968). Последний старший настоятель *Содзидзи*, главного храма сото Японии. Преподобная *Дзюю Кеннетт* была одной из его наиболее достойных учениц.

Кэйсоку (яп.). См. *Куккутапада*.

кэка-фудза (яп.). См. *парянка*.

Кэнниндзи (яп.). Один из основных храмов школы риндзай, расположенный в Киото. Был основан *Эйсаем* в 1202 г. *Догэн* обучался там под руководством сначала *Эйсаю*, затем *Мёдзэна*. После возвращения из Китая он был настоятелем этого храма.

кэнсё (яп.). Опыт просветления, букв. «видение своей собственной природы».

кэнтан (яп.). Обход все учеников, занявших свои места для медитации, совершаемый настоятелем перед началом периода практики.

кэса (яп.). См. *кашя*.

кэссэй (яп.). Цикл церемоний, совершаемый священником, когда он полагает кого-либо из своих учеников готовым к посвящению в ранг старшего ученика. Совершается также в том случае, если священник становится новым настоятелем храма.

кэтимяку (яп.). Линия преемственности патриархов от *семи будд* до нынешнего мастера храма. Читается ежедневно в большинстве дзэнских храмов, останавливаясь всегда на мастере присутствующего мастера. Копия этой линии преемственности выдается каждому ученику при его посвящении или передаче ему печати *Дхармы*. Линия патриархов, данная в этой книге, заканчивается *Кэйдо Тисаном*.

Ланкаватара сутра. Писание, приписываемое *Шакьямуни*, который, согласно преданию, произнес ее на горе *Ланка* на *Цейлоне*. Три части сутры были переведены с санскрита на китайский (*Лэн цзя цзин*) соответственно *Гунабхадрой* (394—468), *Бодхиручи* (прибыл в Китай в 508 г.) и *Шикшанандой* (652—710).

Линь-цзи И-сюань (?—867). Китайский мастер дзэн, ученик *Хуан-бо Си-юня*, основатель школы линьцзи (риндзай). Его изречения собраны в «Линь цзи лу» («Риндзайроку»).

Лин-юнь (кит.). Китайский мастер дзэн, обретший просветление, созерцая цветы персика.

лока (санскр.). Шесть миров, или сфер перерождений/заблуждений: небеса, мир людей, мир асуров, мир животных, мир голодных духов, ад. Вследствие своих поступков человек впадает в одну из этих форм существования.

Ло-хань Гуй-чэнь (867—928). Учитель *Фа-яня Вэнь-и*.

Лумбини. Место в Непале в шести милях от индийской границы, где в роце саловых деревьев, как считается, родился Будда.

Магадха. Царство правителя Бимбисары, столицей которого была Раджагаха (совр. Раджгир). Именно там ок. 270 г. до н. э. начал свое правление царь *Ашока*.

Майтрея (санскр.). Будда, пришествие или явление которого ожидается в будущем, ныне же он проповедует на небе Тушита. В настоящий момент — бодхисаттва высочайшего уровня.

Макада (яп.). См. *Магадха*.

Макакасё (яп.). См. *Махакашьяпа*.

макё (яп.). Помехи при медитации, такие как видения, необычные состояния сознания, и болезненные ощущения, связанные с неправильным сидением, дыханием и другими нарушениями от функционирования тела.

Мангалама. См. *Маудгальяна*.

Манда Рю-о (яп.). См. *Буцуданда Рю-о*.

мантра (санскр.). В эзотерическом буддизме *мантра*, или *дхарани*, — мистическая (магическая) формула, сочетание определенных звуков, представленных санскритскими буквами или слогами; заклятие, сила, воплощенная в звуке.

Манджушири (санскр.). Букв. «высшая добродетель», «великое достояние». *Бодхисаттва*, который неизменно изображается верхом на льве, рядом с Буддой *Шакьямуни*. Он воплощает мудрость и в руках держит меч, отсекающий заблуждения.

Мара (санскр.). Дух зла, смерти; великий искушитель, который, пытаясь предотвратить пробуждение *Шакьямуни*, прибегнул к множеству трюков.

Маудгальяна (санскр.). Один из десяти великих учеников Будды. Он был другом *Шарипутры* и, по всеобщему признанию, превосходил всех учеников сверхъестественными силами.

Махакашьяпа (санскр.). Один из десяти великих учеников Будды *Шакьямуни*, первый патриарх дзэн. Родился в брахманской семье, стал учеником Будды и в течение десяти дней достиг архатства. Когда *Шакьямуни* прикрыл глаза и поднял цветок, *Махакашьяпа* улыбнулся и принял Истину — так родилась дзэнская традиция передачи. Согласно преданию, *Махакашьяпа* и ныне сидит на горе *Куккутапада*, ожидая прихода *Майтреи*.

Махамайя (санскр.). Мать царевича Сиддхартхи, будущего Будды *Шакьямуни*.

Махапраджняпарамита. См. *Праджняпарамита*.

Махапраджняпарамитопадеша. Трактат *Нагарджуны*, содержащий рассуждение о *Сутре Великой мудрости* (*Праджняпарамита сутре*) в ста шлоках. Перевод с санскрита на китайский (*Да чжи ду лунь*) был выполнен *Кумарадживой*.

махасаттва (санскр.). Совершенный *бодхисаттва*, уступающий в совершенстве только *будде*.

махаяна (санскр.: «великая колесница»). Северная форма буддизма, получившая развитие в Северной Индии и укрепившаяся в Китае и Японии. Ее произведения написаны на санскрите.

Ма-цзю Дао-и (709—788), китайский мастер дзэн, ученик *Нань-юэ Хуай-жана*.

мацу (яп.). См. *Три периода*.

Мёан Эйсай. См. *Эйсай*.

Мёдзэн (яп.). Старший ученик *Эйсая*, основателя школы риндзай в Японии. После смерти учителя *Мёдзэн* на протяжении девяти лет был наставником *Догэна*, вместе с которым отправился в Китай, где и умер в 1225 г.

Мироку (яп.). См. *Майтрея*.

Моккэнрэн (яп.). См. *Маудгальяна*.

мокугё (яп.). Деревянный барабан в форме рыбы, звуки которого сопровождают храмовое пение.

Мондзю (яп.). См. *Манджушири*.

мондо (яп.). Испытание глубины постижения ученика, осуществляемое посредством серии вопросов и ответов.

Мудзинни-босацу (яп.). См. *Акшаямати*.

Нагарджуна (санскр.). Индийский буддийский философ, почитаемый как четырнадцатый патриарх в линии наследования дзэн. Родился около 200 г. в брахманской семье. Он стал основателем мадхьямаки, или школы «срединного пути», и автором труда, легшего в основу этой школы, — «Мадхьямака шастры». Его жизнеописание составлено Кумарадживой.

Нагяараджюна (яп.). См. *Нагарджуна*.

Нангаку (яп.). См. *Нань-юэ Хуай-жан*.

Нангаку Эдзё (яп.). См. *Нань-юэ Хуай-жан*.

Нанё Этю (яп.). См. *Нань-ян Хуэй-чжун*.

Нань-юэ Хуай-жан (677—744). Китайский мастер дзэн, ученик шестого патриарха *Хуэй-нэна*. После *Хуэй-нэна* единый ствол наследования разделяется на две ветви, основанные *Цин-юанем Син-сы* и *Нань-юэ Хуай-жанем*, ставшие впоследствии двумя наиболее значимыми линиями дзэн в Китае. *Ма-цзю Дао-и* был одним из учеников *Нань-юэ*, школы *линьцзи* и *гуйшань* также вышли из этой линии.

Нань-ян Хуэй-чжун (677—744). Китайский мастер дзэн, ученик *Хуэй-нэна*.

Нёдзё-дзэндзи (яп.). См. *Жу-цзин*.

нёи (яп.). Посох в форме цветка лотоса, иногда обвитый драконом. Символизирует алмаз *нёи*. Во время великих церемоний его держат в руках мастер церемонии.

нёйбо (яп.) См. *нёи*.

ни-осё (яп.). Женщина-священник, священнослужительница.

нирвана (санскр.). Затухание привязанности к желаниям и заблуждению. См. также *паринирвана*.

нэмбуцу (яп.). Повторение имени Будды. Термин связан прежде всего с буддийской практикой школы син, в которой повторялась формула «Наму Амида Буцу» («Поклоняюсь Будде *Амиде*»), которая в данной школе замещает медитацию, будучи формой сосредоточенной молитвы.

нэхан (яп.). См. *нирвана*.

нюдо-но хай (яп.). Церемония официального принятия нового ученика в зал для медитации, а также церемония представления нового старшего ученика.

Обай (яп.). См. *Хун-жэнь*.

обаку (яп.). Школа дзэн, основанная *Хуан-бо Си-юнем*.

Обаку (яп.). См. *Хуан-бо Си-юнь*.

Обаку Киун (яп.). См. *Хуан-бо Си-юнь*.

обон. См. *сэгаки*.

Оре Энан (яп.). См. *Хуан-лун Хуэй-нань*.

Орюдзан (яп.). См. *Хуанлушань*.

Орюнан (яп.). См. *Хуан-лун Хуэй-нань*.

осё (яп.). Священник.

памшукулика (санскр.). Одевание, сшитое из выброшенного тряпья. См. также *фундзоэ*.

паринирвана (санскр.). Полное, окончательное затухание (слово *пари* означает «совершенный» или «совершенно круглый»). Обычно паринирваной называют смерть Будды.

Паринирвана, тексты. В Палийском каноне «Махапариниббана-суттанта», включенная в «Дигха-никаю», имеет дело с последними днями Будды. Санскритская «Махапаринирвана сутра», как считается, — одна из последних проповедей Будды.

парянка (санскр.). Поза полного лотоса, в которой медитировал Будда.

Передача Светильника. См. *Цзин дэ чуань дэн лу*.

пипал. Разновидность смоковницы (*figus religiosa*), сидя под которой Будда обрел просветление; его называют также деревом просветления (*бодхи*).

праджня (санскр.). Мудрость, порождаемая не размышлением, опирающимся на различие, но просветлением. Также это один из трех аспектов духовного пути, два оставшиеся суть нравственное поведение (*шила*) и *самадхи*.

праджняпарамита (санскр.). 1. Высшая Мудрость. 2. Название группы сутр махаянского буддизма, одна из которых — «Сутра Великой мудрости», или «Сутра Сердца праджняпарамиты» («Праджняпарамита хридая сутра»).

пратитьясамутпада (санскр.). Учение о цепи причинности, состоящей из двенадцати звеньев. Цепь эта замкнута и образует кольцо, звенья же ее таковы: неведение (*авидья*); волевые импульсы (*санскара*); сознание (*виджняна*); ум и тело (*нама-рупа*); органы восприятия (*шадаятана*); соприкосновение (*спарша*); чувства, эмоции (*ведана*); страстные влечения (*тришна*); привязанность (*упадана*); становление (*бхава*); рождение (*джати*); старение и смерть (*джарамарана*).

пратьекабудда (санскр.). Тот, кто достиг просветления в результате своих собственных усилий, но не наставляет других и не заботится об их спасении.

причинно-зависимого происхождения учение. См. *пратьясамутпада*.

Ракан Кэсин. См. *Ло-хань Гуй-чэнь*.

ракусу (яп.). Маленький знак кэса, вручаемый мирянину, прошедшему конфирмацию, или священнику; ракусу не снимают ни во время работы, ни во время сна.

Рахула (санскр.). Сын царевича Сиддхартхи Гаутамы. Его имя означает «помехи» — из-за того, что отец счел его препятствием своему решению оставить мир и вступить на путь монашества. Впоследствии Рахула стал одним из учеников своего отца.

Рёгике. См. *Ланкаватара сутра*.

Рёгонкё. См. *Шурангама сутра*.

Рёдзю (яп.). См. *Гридракута*.

Рёдзэн (яп.). См. *Гридракута*.

Риндзай (яп.). См. *Линь-цзи И-сюань*.

Риндзай Гигэн (яп.). См. *Линь-цзи И-сюань*.

роси (яп.). Титул, обычно переводимый как «уважаемый мастер», употребляемый при обращении к священнику; это слово имеет также такие значения, как благородство, старость, бесполезность.

Румминдеи. См. *Лумбини*.

рупа (санскр.). Тело, материя, как противоположное *нама*, или уму; форма, облик.

руси (яп.). См. *роси*.

Рэйун (яп.). См. *Лин-юнь*.

самадхи (санскр.). Однонаправленность сознания, сосредоточенность, медитация.

Самантабхадра (санскр.). Бодхисаттва, как правило, изображаемый верхом на белом слоне возле Будды Шакьямуни, воплощение истины, любви, созерцания и практики.

самьякусамбодай (яп.). См. *самьяк-самбодхи*.

самьяк-самбодхи (санскр.). Полное и несравненное просветление Будды.

сангха (санскр.). Буддийская община.

Сандокай (яп.). См. *Цань тун ци*.

сансара (санскр.). Круговращение смерти и рождения; мир неведения и заблуждения.

саттва (санскр.). Живое существо.

Семь будд. Шакьямуни и шесть будд, которые ему предшествовали. На санскрите и японском их имена звучат так: Випашьин (Бибаси), Шикхин (Сики), Вишвабху (Бисяфу), Кракуччанда (Курuson), Канакамуни (Кунагонмуни), Кашьяпа (Касо), Шакьямуни (Сякьямуни).

сё (яп.). См. *Три периода*.

сёмон (яп.). См. *шравака*.

Сёриндзи (яп.). См. *Шаолиньсы*.

сёсан (яп.). Церемония *мондо*, проводимая учениками перед портретом умершего настоятеля, являющаяся частью погребальной церемонии.

син-буддизм. Дзёдо син или дзёдо синсю — школа Чистой земли, основанная Синраном (1173—1262), сторонники которой все свои упования возлагают на веру в обеты будды Амиды.

сингон (яп.: «истинные слова»). См. *мантра*.

сингон (яп.). Буддийская школа, завезенная в Японию Кукаем, известным также как Кобо-дайси (774—835) в 806 г. Учение сингон основано на «Махавайрочана сутре» и «Ваджрашekhара сутре».

син дзан (яп.: «восхождение на гору»). Церемония вступления в должность нового настоятеля.

скандхи (санскр.). Пять групп, составляющих человеческое существо: материя (*рупа*), чувство (*ведана*), восприятие (*санджня*), состояния сознания (*санскара*), сознание (*виджняна*).

Содзидзи. Один из двух основных храмов (второй — Эйхэйдзи) японской церкви сото. Первоначально располагался в префектуре Исикава; в 1884 г. после пожара, поглотившего старое здание, был перемещен в префектуру Канагава.

Сокэй (яп.). См. *Цаоци*.

сондзя (яп.). Старший, или старейший, патриарх, святой.

сото (яп.). См. *цаодун*.

ступа (санскр.). Полусферический или цилиндрический курган, обычно сооружаемый из земли, воздвигнутый над мощами Будды или другого святого, а также над другим святым местом, навещаемым поломниками.

Субхути (санскр.). Один из десяти великих учеников Будды Шакьямуни.

Сумеру (санскр.). Гора, которая, согласно преданию, высится в центре всех миров. Под ней располагаются ад и области голодных духов; в море и на суше у ее основания — область асуров и животных; на склонах ее обитают человеческие существа, там же находятся и небеса; высшие же небеса — над ней.

Сутра Великой мудрости. См. *Праджняпарамита*.

сутра (санскр.). Буддийское произведение, содержащее учения Будды и, как предполагается, передающее подлинные речи исторического Будды. Корпус сутр образует часть Палийского канона (Трипитака, или «Три корзины»), который состоит из трех частей: «Сутра-питака», «Виная-питака», или правила монашеской жизни, «Абхидхарма-питака», или высшая доктрина.

Сутра Сладчайших врат («Врата нирваны»). Произведение, читаемое во время церемонии *сэгаки*.

Сутра Трех тысяч правил. Текст, содержащий правила поведения монахов. В действительности правил всего 250, но их число помножено на четыре, поскольку правила определяют поведение при четырех положениях — ходьбе, сидении, сне и стоянии; все это умножается еще на три, ибо четыре названных положения бывают в трех временах — настоящем, прошлом и будущем.

сэгаки (яп.). Церемония, проводимая в период *обон* (японский эквивалент хэллоуина), заключающаяся в кормлении голодных духов умерших.

Сэйгэн (яп.). См. *Цин-юань Син-сы*.

Сэйгэн Гёси (яп.). См. *Цин-юань Син-сы*.

Сэкито (яп.). *Ши-тоу Си-цян*.

Сэкито Кисэн (яп.). См. *Ши-тоу Си-цян*.

Сэкко (яп.). Этот художник любил рисовать драконов, но, когда его навестил сам царь драконов, в ужасе бежал.

Сэппо (яп.). См. *Сюэ-фэн И-цунь*.

Сэппо Гидзон (яп.). См. *Сюэ-фэн И-цунь*.

Сэссон (яп.). «Почитаемый миром» — титул Будды Шакьямуни.

Сюдзан (яп.). См. *Шоу-шань Син-нянь*.

Сюдзан Сёнэн (яп.). См. *Шоу-шань Син-нянь*.

сюрё (яп.). Ученический зал в храме дзэн, где происходит все обучение.

сюрёгон-дзяммай (яп.). См. *шурангама-самадхи*.

сюосё (яп.). Старший ученик.

Сюэ-фэн И-цунь (822—908). Китайский мастер дзэн, ученик Дэ-шаня (яп.: Токусан, 780—865).

Сякьямуни (яп.). См. *Шакьямуни*.

Сярихоцу (яп.). См. *Шарипутра*.

сясю (яп.). Руки, сложенные ладонями вместе при ходьбе и стоянии.

тайко (яп.). Старший член братства священников, прошедший по меньшей мере пятилетнюю практику.

тайсисёсан (яп.). См. *сёсан*.

тайсо (яп.). Титул, означающий «великий патриарх». Тайсо дзёсай-дайси — посмертный титул *Кэйдзана-дзэн-дзи*.

Тайсякутэн (яп.). См. *Индра*.

тан (яп.). Приподнятая над полом платформа вдоль стен зала для медитации, на которой сидят ученики.

Татхагата (санскр.). Букв. «Так Приходящий», т. е. пришедший в мир так, как приходили все будды до него. Эпитет, который Будда применял по отношению к себе.

Тидорон (яп.). См. *Махапраджняпарамитопадеша*.

Тодзан Рёкай (яп.). См. *Дун-шань Лян-цзе*.

Тодзан Сюё (яп.). См. *Дун-шань Шоу-чу*.

токудо (яп.). Принятие буддийским учеником священнического сана.

Тосоцутэн (яп.). См. *Тушита*.

Три колесницы. 1) Хинаяна, или шравакаяна, — меньшая колесница, приводящая к архатству через постижение Четырех благородных истин; 2) пратьекабуддаяна, ведущая к индивидуальному постижению, обретаемому благодаря собственным усилиям йогина, который, придя к истине, не проповедует ее другим; 3) махаяна, или бодхисаттвайна, — великая колесница, призывающая к спасению всех живых существ.

Три мира. Это понятие может относиться к двум вещам: 1) сандзэ (яп.): миры прошлого, настоящего и будущего; 2) сангай (яп.), трайо дхатава (санскр.): камадхату — область, обитатели которой испытывают потребность в пище и

сексуальные желания; рупадхату — область форм, обитатели которой не нуждаются в пище, не имеют сексуальных желаний; арупадхату — бесформенная область духовного.

Три мудрости. Может иметь отношение к двум вещам: 1) саммё (яп.), или тисро видья (санскр.): память о прошлых рождениях; знание будущей судьбы всех существ; понимание истоков боли и несчастья, а также способов их уничтожения; 2) санти (яп.): мудрость *шраваки* или *прагьякабудды*; мудрость *бодхисаттвы*, мудрость *будды*.

Три периода. Периоды исторического существования буддизма после смерти Шакьямуни: сёбо (сё) — истинное учение активно распространяется и практикуется; дзобо (дзо) — истинное учение все еще существует и практикуется, но нет достигших просветления; маппо (*мацу*) — существует только учение, но нет практикующих и нет просветленных.

Тушитта (санскр.: «небеса блаженных»). Место, где обитает *Майтрея*, грядущий будда. Это место, где все бодхисаттвы ожидают времени своего прихода в мир в качестве будд. Там же в свое время пребывал Будда Шакьямуни.

тхеравада (пали: «учение старейших»). Южная форма буддизма, основывающаяся на текстах Палийского канона и получившая преимущественное распространение на Цейлоне, в Бирме и Таиланде. Подчеркивает важность достижения личного спасения, а не всеобщего спасения всех живых существ.

Тэйдзё (яп.). Известная китайская священнослужительница, мастер дзэн, с двенадцати лет обучавшаяся у *Исана Рэйю*, ставшая впоследствии выдающимся мастером.

тэнгэнцу (яп.). Способность видеть недоступное человеческому зрению; одна из *шести сверхъестественных способностей*.

тэндай (яп.). См. *тяньтай*.

Тэндодзан (яп.). См. *Тяньтуншань*.

тэндзо (яп.). Старший повар в дзэнском храме.

Тэндо Нёдзё (яп.). См. *Жу-цзин*.

тэнкиэн (яп.). Кто-либо из старших учеников, исполняющий обязанности ночного дежурного.

тэнницу (яп.). Способность слышать то, что обычное человеческое ухо слышать не в состоянии; одна из *шести сверхъестественных способностей*.

тяньтай (кит.). Буддийская школа, основанная в Китае Чжи-и (яп.: Тиги, 538—597). Ее философия восходит к *Нагарджуне*, который считается ее основоположником.

Тяньтуншань (кит.). Один из пяти великих храмов Китая, центр школы *цаодун*.

Удаяна (санскр.). Царь Косамби (Индия), живший примерно во времена Будды Шакьямуни. Согласно преданию, он создал первую статую Будды.

Удрака Раманутра. Наставник Будды Шакьямуни, учивший его до просветления. Под его руководством Будда, упражняясь в медитации, достиг области «ни восприятия, ни не-восприятия». После своего пробуждения Шакьямуни желал преподавать Удраке Истину, но обнаружил, что тот умер накануне вечером.

удумбара (санскр.). Дерево, на котором по легенде лишь один раз в три тысячи лет расцветает цветок, символизируя приход Будды.

Уммон (яп.). См. *Юнь-мэнь Вэнь-янь*.

Уммон Бунэн (яп.). См. *Юнь-мэнь Вэнь-янь*.

умпан (яп.: «облачное блюдо»). Гонг, созывающий к трапезе, названный так потому, что он имеет форму облака.

Унган (яп.). См. *Юнь-янь Тань-шэн*.

Унган Дондзё (яп.). См. *Юнь-янь Тань-шэн*.

унсуи (яп.). Ученик дзэн. Слово происходит от первоначального «гёун-рюсю», т. е. «парящие облака, бегущие воды». Облака не имеют формы, ибо они постоянно меняются; вода не имеет формы, но заполняет круглую, или квадратную, или любую другую емкость. И все же вода обладает силой, двигающей горы, облака же свободно странствуют повсюду. Таким должен быть ученик дзэн.

упадхья (санскр.). Священник; старший священник с десятилетним стажем служения.

Урувела. Деревня в Индии на берегу реки Найранджаны, где остановился Будда Шакьямуни перед своим просветлением.

Фа-янь Вэнь-и (885—958). Основатель школы дзэн, носящей его имя.

Фугэн (яп.). См. *Самантабhadра*.

фундзоэ (яп.) См. *памшукулика*. Одна из двенадцати *дзуда*.

хан (яп.). Деревянная доска, в которую бьют колотушкой, возвещая о различных событиях в храме.

Харана (яп.). См. *Бенарес*.

хинаяна. См. *Три колесницы*.

хинкоси (яп.). Священник, который должен обратиться с последними словами к умершему, прежде чем тело будет сожжено.

Хиппаракуцу (яп.). Баньяновая роща неподалеку от Раджагахи, где *Махакашьяпа*, согласно легенде, предавался медитации, когда Будда входил в паринирвану. После ухода Будды первый собор, посвященный собиранию учения, проводился именно там.

Хогэн (яп.). См. *Фа-янь Вэнь-и*.

Хогэн Бунэки (яп.). См. *Фа-янь Вэнь-и*.

ходзо (яп.). См. *хуаянь*.

хонси (яп.). «Истинный мастер», от которого ученик дзэн получает учение Дхармы.

хоссу (яп.). Церемониальная мухобойка.

хоссэн (яп.). Букв. «сражение Дхармы». Церемония, в ходе которой ученики экзаменуют нового старшего ученика. Проводится в форме вопросов и ответов, или *мондо*, и является частью церемониального цикла *кэссэй*.

Хуан-бо Си-юнь (?—850). Китайский мастер дзэн, ученик *Бай-чжана Хуай-хая*, основатель одноименной школы (см. *обаку*). Его сочинения, знакомые европейскому читателю как «Передача Сознания» (кит.: «Цюань синь Фа яо»; яп.: «Дэнсинхоё»), широко известны, однако в большей мере он прославился тем, что был наставником *Линь-цзи И-сюаня*, основателя школы *линьцзи*.

Хуан-лун Хуэй-нань (1002—1069). Китайский мастер дзэн школы *риндзай*. Жил на горе *Орюдзан* (*Хуанлуншань*) с 1036 г., почему его учение и известно как школа *орю* (*хуанлун*).

Хуанлуншань (кит.). Букв. «Гора Желтого дракона», названная так в силу распространенного в Китае верования, что на вершине ее обитал Желтый дракон, вызывавший дождь.

хуаянь (кит.). Китайская буддийская школа, основанная мастером *Фа-цзаном* (*Ходзё*, или *Гэндзю*, 643—712). Свое учение основывает на *Аватамсака сутре*.

Хуаянь цзин (кит.). См. *Аватамсака сутра*.

Хун-жэнь (601—674). Пятый патриарх китайского дзэн, живший в *Обай* (*Хуанмэй*).

Хуэй-кэ (485—593). Второй патриарх китайского дзэн, ученик и наследник *дхармы Бодхидхармы*. Согласно преданию, он отсек себе руку у храма *Шаолинь*, чтобы уверить *Бодхидхарму* в искренности своего стремления к Истине.

Хуэй-нэн (683—713). Шестой патриарх китайского дзэн.

Хуэй-сы (515—577). Второй патриарх китайской буддийской школы *тэндай*.

хэйро (яп.). Кадила для истолченных в порошок курений, которым обычно пользуется настоятель.

Хякудзё (яп.). См. *Бай-чжан Хуэй-хай*.

Хякудзё Экай (яп.). См. *Бай-чжан Хуэй-хай*.

Цань тун ци (кит.). Произведение *Ши-тоу Си-цяня*. Ежедневно читается в японских дзэнских храмах.

цаодун (кит.). Школа южнокитайского дзэн, расцвела при шестом патриархе *Хуэй-нэне*, и именно из этой школы происходил *Дун-шань Лян-цзе*, и поскольку он много времени провел с *Цао-шанем Бэнь-цзи* (яп.: *Содзан Хонкадзю*, 840—901), созданная ими школа получила название из частей их имен.

Цаоци (кит.). Место пребывания *Хуэй-нэна*, шестого патриарха. Часто под этим именем подразумевают и самого шестого патриарха.

Цзин дэ чуань дэн лу (кит.). Сборник, составленный в Китае в 1004 г. китайским ученым *Дао-юанем*. Этот сборник содержит 1701 изречение великих мастеров начиная с эпохи семи будд и до X в.

Цзя-шань Шань-хуэй (805—881). Китайский мастер дзэн.

Цин-юань Син-сы (?—740). Китайский мастер дзэн, ученик *Хуэй-нэна*, основатель линии *синсы* (яп.: «сэйгэн») — одной из двух великих линий китайского дзэн. Школы *цаодун* (*сото*) и *юньмэнь* (*уммон*) вышли из этой линии.

Чакравартин (санскр.). Букв. «Государь, поворачивающий колесо», вселенский правитель, чья колесница нигде не встречает препятствия. Атрибутом его власти является колесо — золотое, серебряное, железное, или медное, — которое может служить оружием. *Чакравартин* — один из защитников *Дхармы*.

Чжао-чжоу Цун-шэнь (778—897). Китайский мастер дзэн, ученик Нань-цюаня Пу-юаня (яп.: Нансэн Фуган, 748—834). Известен своим коаном — «му».

Четыре формы существования: 1) монахи (санскр.: «бхикшу»), монахини (бхикшуни), миряне (упасака), мирянки (упасика); 2) те, кто обратился к Будде с просьбой поведать учение «Лотосовой сутры»; 3) те, кого он учил и кто отвечал ему; 4) те, кто размышлял об учении, — те, кто, внимая учению Будды и созерцая его самого, продвинулись по пути совершенствования, но обретут просветление лишь в следующей жизни.

Шакьямуни (санскр.: «мудрец из рода Шакьев»). Имя исторического будды — Сиддхартхи Гаутамы.

Шаолиньсы (кит.). Монастырь на г. Суншань (яп.: Сюдзан), где, согласно преданию, Бодхидхарма провел в медитации девять лет, сидя лицом к стене, и где его ученик Хуэй-кэ отсек себе руку в подтверждение искренности своего устремления к истине.

Шарипутра (санскр.). Один из главных учеников Будды. *шесть миров. См. лока.*

шесть сверхъестественных способностей. Это такие способности, как: появляться везде, где пожелаешь; видеть недоступное обычному человеческому зрению; читать чужие мысли; видеть прошлое; познать причины всех страданий, а значит, быть в состоянии освободиться от страстей и желаний. Иногда эти способности называют «шесть магических сил».

Ши-тоу Си-цянь (700—790). Китайский мастер дзэн, сперва обучавшийся у Хуэй-нэна, затем у Цин-юаня Син-сы. Имя «Ши-тоу» означает «каменная голова». Это имя мастер получил за то, что всегда медитировал, сидя на большом плоском камне. Он автор *Цань тун ци*.

Шоу-шань Син-нянь (926—993). Китайский мастер дзэн, ученик Фэн-сюэ (яп.: Фукэцу, 896—973).

шравака (санскр.). Первоначально термин означал тех, кто внимал учению Будды; в наши дни подразумевает учеников вообще.

Шуддходана (санскр.) Отец Будды Шакьямуни.

шурангама-самадхи (санскр.). Исключительно глубокое и сильное *самадхи*.

Шурангама сутра (санскр.). Десять томов этого произведения были переведены с санскрита на китайский Харамиттаем в 705 г. Седьмой том читается в японских храмах дзэн и известен как «Сурёгонкё», *Рёгонкё*, или «Рёгонсю».

Шэнь-сю (606—706). Ученик *Хун-жэня* (*Гунин*), пятого патриарха китайского дзэн. Прежде чем в возрасте пятидесяти лет стать учеником *Хун-жэня*, Шэнь-сю изучал конфуцианские, буддийские и другие тексты, особенно *Хуаянь цзин*. Таким образом, эрудиция Шэнь-сю предшествовала его непосредственному постижению учения *Хун-жэня*.

Юань-у Кэ-цин (1063—1135). Китайский мастер дзэн. Ученик Госо Хоэна (*У-цзу Фа-янь*, 1025—1104) и учитель *Да-хуэя Цзун-гао*.

Юн-цзя Сюань-цзюэ (665—713). Китайский мастер дзэн. Официально относясь к школе *тяньтай*, он стал учеником *Хуэй-нэна*. Он написал «Чжэн дао кэ» (яп.: «Сёдока»), или «Стихи о просветлении».

Юнь-мэнь Вэнь-янь (?—949). Китайский мастер дзэн, ученик *Сюэ-фэна И-цуня*, основатель дзэнской школы юнь-мэнь (яп.: «уммон»), название которой происходит от горы, на которой жил и учил этот мастер.

Юнь-янь Тань-шэн (772—841). Китайский мастер дзэн линии *Цин-юаня Син-сы*, ученик *Яо-шаня Вэй-яня*.

Эйсай (1141—1215). Основатель школы риндзай в Японии.

Эйхэйдзи. Большой храм, расположенный в префектуре Фукуи, в Японии; один из двух основных храмов *сото*.

Эка (яп.). См. *Хуэй-кэ*.

Энан (яп.). См. *Хуан-лун Хуэй-нань*.

энгаку (яп.). См. *прагьекабудда*.

Энгаку-дайси (яп.). См. *Бодхидхарма*.

Энго (яп.). См. *Юань-у Кэ-цин*.

Энго Кокугон (яп.). См. *Юань-у Кэ-цин*.

Эно (яп.). См. *Хуэй-нэн*.

Эсё-дзэндзи (яп.). См. *Линь-цзи И-сюань*.

Эси (яп.). См. *Хуэй-сы*.

Этю (яп.). См. *Нань-ян Хуэй-чжун*.

Юйма (яп.). См. *Вималакирти*.

Яджнядатта (санскр.). Один безумец, живший в Древней Индии, полагавший, что он потерял голову, так как не видел ее отражения в зеркале, хотя видел глаза и брови.

Якусан (яп.). См. Яо-шань Вэй-янь.

Якусан Игэн (яп.). См. Яо-шань Вэй-янь.

Яо-шань Вэй-янь (751—834). Китайский мастер дзэн линии Цин-юаня Син-сы.

Яшодхара (санскр.). Жена царевича Сиддхартхи Гаутамы, будущего Будды Шакьямуни.

ДЗИЮ КЕННЕТТ: ПОВСЕДНЕВНЫЙ ДЗЭН

В произведении бывшей настоятельницы буддийского «аббатства» в Калифорнии Дзию Кеннетт демонстрируется образ дзэн, несколько непривычный для отечественного читателя, чье восприятие этой дальневосточной школы махаяны во многом обусловлено популярными книгами Дайсэцу Тэйтаро Судзуки и его сторонников. В этих книгах дзэн предстает прежде всего как некое сакральное пространство, исполненное «внезапной» просветленной мудрости, приобрести к которой можно с помощью специфических, подчас довольно экстравагантных методов, активно «взламывающих» клишированное сознание ученика. В то же время Д. Т. Судзуки и другие вдохновленные им авторы истолковывают дзэн как сверхчеловеческое, трансцендентное начало жизни, обнаруживая его аналоги во всех мистических учениях — суфизме, йоге, даосизме, мистическом христианстве и т. п. И хотя при этом не отрицается, что подавляющее большинство известных адептов дзэнского духовного пути испокон веков относились к монашеству, данный факт все-таки не акцентируется: ведь дзэн есть дух, который свободно «веет, где хочет», независимо от того, к каким слоям общества принадлежат носители этого духа. Дзэн подается как бы изнутри, с точки зрения дзэнского же последователя, рассматривающего его как философско-психологическую систему. Наверное, такая трактовка дзэнского мировоззрения — одна из причин его успеха среди западных интеллектуалов, тяготеющих к философии жизни, экзистенциализму, психоанализу.

Между тем, как оказывается, дзэн можно рассматривать и под совершенно иным, социальным углом зрения, едва намеченным в прежних популярных истолкованиях дзэн. Эта сторона, долго время находившаяся в тени более яркой, психологической, репрезентации, зримо выступает в книге Дзию Кеннетт.

Автор книги «Водой торгуя у реки» Пегги Кеннетт родилась в Англии 1 января 1924 г. В том же году Кристианом Хамфрисом было основано Лондонское буддийское общество, членом которого вскоре стал отец Пегги. По всей видимости, именно благодаря этому увлечению отца заинтересовалась буддизмом и его дочь, вступившая в общество в 1950-е годы и через некоторое время начавшая читать лекции по этой древнейшей мировой религии. Параллельно с религиозными штудиями Пегги изучала средневековую музыку: она училась в музыкальном колледже в Лондоне, а потом получила степень бакалавра музыки в Даремском университете. Некоторое время она работала церковным органистом. Десятилетия спустя эти музыкальные познания пригодились Пегги Кеннетт при организации деятельности основанного ею в Америке дзэнского монастыря, в котором на органе звучали буддийские «хоралы», напоминавшие своим звучанием григорианские распевы.

Впрочем, на первых порах Пегги Кеннетт привлекала так называемый «южный» буддизм, под которым традиционно подразумевается школа тхеравада. Однако новые веяния в послевоенное время и, в частности, знакомство с Д. Т. Судзуки направили ее интересы в иное русло. Молодая англичанка отправилась на Восток с целью более глубокого приобщения к дзэн-буддийской традиции. В начале 1962 г. она прибыла в Малайзию и какое-то время подвизалась в тамошней общине школы риндзай. Именно там она приняла полные буддийские обеты от наставника Сек Ким Сена. При посвящении она получила и новое, монашеское, имя, которое пред-

ставляло собой распространенный в буддизме титул «добрый друг» (санскр. *сумитра*). Наставник дал ей китайский вариант этого имени (*цзыюй*), японским прочтением которого было *дзию*. Последнее имя и закрепилось за нашим автором.

Уже через три месяца после пребывания в Малайзии бывшая мирянка Пегги Кеннетт, ставшая теперь Дзию Кеннетт, отправилась в Японию с целью более обстоятельного изучения дзэн. Она прибыла туда по приглашению крупного иерарха школы сото — Кэйдо Тисана Кохо-дзэндзи. Этот мастер был настоятелем Содзидзи (Йокогама), одного из крупнейших монастырей сото-дзэн. И уже через год после начала занятий, в 1963 г., она получила от своего наставника передачу дхармы, что позволило ей быть *роси* — мастером дзэн. В то время получение такой передачи женщиной, тем более западной, шло вразрез с устоявшимися веками обычаями и считалось делом неслыханным. Однако авторитет наставника до поры до времени защищал его западную ученицу от поднявшегося со стороны дзэнских консерваторов недовольства.

Кроме этой передачи, Дзию Кеннетт получила также степени *кёси* и *сей*, которые примерно соответствуют степеням магистра и доктора богословия. Все эти степени, а также ранг *роси* позволяли священнослужительнице английского происхождения уже во время пребывания в Японии занимать различные должности; среди прочего, она была настоятельницей храма в префектуре Миэ.

Поддержка, которую оказывал ей мастер Тисан Кохо, была связана еще и с тем, что он мечтал об установлении линии сото на Западе и о грамотной проповеднической деятельности западного учителя сото. Об этом он говорит в предисловии к книге. Однако после смерти японского наставника в 1969 г. Кеннетт лишилась поддержки: долго сдерживавшаяся недоброжелательность по отношению к ней вышла на поверхность, и она была

вынуждена покинуть Японию. Дзию Кеннетт поехала в США. Вначале она выступала с лекциями о сото в Сан-Франциско, а затем основала Общество дзэнской миссии (Zen Mission Society). В ноябре 1970 г. это общество обосновалось в районе горы Шаства (Северная Калифорния), организовав там дзэнский монастырь, прославившийся впоследствии своими строгими порядками. В 1978 г. Общество дзэнской миссии было переименовано в Орден буддийских созерцателей (The Order of Buddhist Contemplatives), который существует и по сей день. Его нынешним настоятелем является преподобный Харё Янг, избранный на этот пост в апреле 2004 г.

Дзию Кеннетт читала лекции в различных университетах мира, сотрудничала в некоторых проектах с Калифорнийским университетом и Институтом трансперсональной психологии. Кроме того, она основала различные буддийские группы в разных странах мира — в Англии, Германии, Нидерландах, Канаде, США, а также подготовила много западных священников линии сото.

Ее перу принадлежит несколько произведений, в том числе: «Вечная жизнь дзэн: руководство по дзэн-буддийской практике», двухтомник «Дикий белый гусь», описывающий годы ее пребывания в Японии; «Книга жизни» — трактат о карме и здоровье, написанный в соавторстве с Дайдзием Макфиллэми; «Как взрастить цветок лотоса, или Как дзэн-буддист готовится к смерти»; «Литургия Ордена буддийских созерцателей для мирян» и др.*

Преподобная Дзию Кеннетт умерла 6 ноября 1996 г. от диабета.

* *Zen is Eternal Life, a manual of Zen Buddhist training; The Wild, White Goose; How to Grow a Lotus Blossom or How a Zen Buddhist Prepares for Death; The Book of Life; The Liturgy of the Order of Buddhist Contemplatives for the Laity.*

Появление данной книги с таким типично дзэнским названием, но с таким нетипичным содержанием, вряд ли стало бы возможно без сложившегося устойчивого интереса к дзэн со стороны западной аудитории. И если произведения Судзуки, заложившие основы этого интереса, ориентировались на просвещенную философствующую публику, жаждавшую расширить границы своих познаний, то автор «Водой торгуя у реки» обращается к тем носителям западной культуры, которые пошли дальше простого интереса к восточной традиции и готовы вступить на путь духовного служения. Главной целью труда Дзию Кеннетт было «создание исчерпывающего труда по дзэн-буддизму для тех, кто стремится практически овладеть дзэн и намеревается впоследствии встать на путь священнослужителя». Вот почему эта книга становится, по сути, методическим учебным руководством, в котором ее автора заботят даже такие, казалось бы, мелочи, как порядок прочтения отдельных фрагментов книги. Кроме того, уделяется много внимания темам, весьма скупо упоминаемым (если вообще упоминаемым) авторами прежних сочинений о дзэн — в частности, иерархии духовных лиц, а также различным церемониям и празднествам, в которых те участвуют. Впрочем, из-за всего этого текст не превращается в набор сухих инструкций для духовенства, он остается интересным и для тех, кто предпочитает практиковать дзэн в миру.

Собственно мировоззренческая сторона заботит нашего автора в гораздо меньшей степени, ведь «дзэн-буддизм — это религия, и она нуждается в вере, а не в философии». Причем это вера (прежде всего вера в наличие у всех существ природы будды), так сказать, рационально взвешенная, чуждая экзальтическим порывам, мистическим видениям и чудесам. К чудесам и видениям (яп. макё) Дзию Кеннетт относится резко отрицательно, полагая (как и многие другие адепты дзэн), что макё автоматически появляются в ходе дзэнской медитации и

по своей сути иллюзорны. Их основу можно обнаружить в индивидуальных психофизиологических особенностях. Например, видения вызываются аскетическими практиками и вообще «противоестественной жизнью тела». Данное отношение к феномену чудесного позволяет буддийской последовательнице соответствующим образом толковать и евангельские эпизоды. Так, она пишет: «Галлюцинация учеников Христа после распятия, когда, как им казалось, они видели Христа „восставшим из мертвых“, легко объяснима взвинченным состоянием их сознания в тот момент». На фоне таких «галлюцинаций» выгодно смотрится женщина-мастер Мо Шань, которая на провокационное предложение превратиться в мужчину холодно парировала, что она «не колдунья».

Одна из привлекательных для массового сознания сторон дзэн-буддизма состоит в умении этого направления обогатить духовными достижениями повседневную жизнь. Истина не находится в заоблачных высях, она проявляется здесь и сейчас, в мире, находящемся перед нами, частью которого мы же и являемся. Тем самым и повседневные занятия оказываются выражением дзэн; собственно, дзэн нивелирует саму границу между повседневным (в смысле обыденности, банальности) и уникальным: самые обычные вещи наполняются необычным смыслом, становятся экзотичными. Вспомним знаменитое восклицание мирянина Пан Юня: «Какое счастье! Я ношу воду, я рублю дрова!»

Впрочем, повседневность, представленная в книге Дзию Кеннетт, выглядит несколько иначе. Речь здесь идет о повседневной жизни сообщества монахов. Еще основатель сото, японский мыслитель Догэн, уделял большое внимание тщательной регламентации монашеской жизни, стремясь создать идеальные условия для духовной деятельности, далекой от светского сора. Вольный перевод тех частей труда Догэна, в которых изложены эти правила, и приводит преподобная Кеннетт. Кажется, учтены абсолютно все детали повседневного

быта. Утреннее омовение, прием пищи, уход ко сну — это и многое другое производится в строго определенное время и строго определенным способом, окружено массой формальных деталей; сама повседневность становится своеобразным ритуалом, священнодействием, совершающимся непрестанно. Читая книгу, подчас задаешься вопросом: а как вообще возможны в таких условиях знаменитые спонтанные действия дзэнских адептов, их громкие пугающие «хэ!», пинки, демонстративное молчание, абсурдные фразы или резкие движения? Очень уж скованным на внешний взгляд выглядит образ жизни монахов сото, опутанной всевозможными нормами и запретами. Кажется, если бы не имя наставника дзэн, этот текст вполне можно атрибутировать перу какого-нибудь знатока буддийского монашеского церемониала.

Школа сото в подобной трактовке оказывается парадоксальным образом близкой к раннему буддизму, с его жесткой регуляцией всех сторон монашеской жизни, соблюдением 227 (для мужчин) и свыше 300 (для женщин) правил винаи. По словам роси Кеннетт, сото «является, возможно, единственной школой махаянского буддизма, сохранившей некоторые изначальные индийские элементы буддизма тхеравады». Идеал просветления не утрачивает своей значимости, однако он гармонично соединяется с исполнением предписаний, иначе говоря, с правильным образом жизни. Всевозможные правила оказываются не столько цепями, сдерживающими свободный и спонтанный дух, сколько своеобразными ограничителями скорости, позволяющими духовному «водителю» устремляться в определенном направлении, преодолевая соблазн повернуть на сомнительные дороги, уводящие его прочь от обретения просветления. Осознанное исполнение предписаний уже само по себе представляет просветленную деятельность. Дзию Кеннетт отмечает, что истинное соблюдение заповедей состоит не в жесткой привязанности к ним как таковым, а в ес-

тественном следовании им, когда человек «ведет нравственную жизнь, но не в состоянии объяснить почему, просто сама его природа заключается в этом».

Разумеется, предписания Догэна не следует считать воплощенной действительностью. Наш автор замечает, что «реальность, с которой вы встретитесь в дзэнских храмах Японии, зачастую далека от идеальной». Дзию Кеннетт предостерегает потенциальных учеников от возможных разочарований при встрече с действительным положением вещей; однако, хотя атмосфера современного храма не во всем совпадает с тем, что процветало во времена Догэна и Кэйдзана, тот уровень, который был задан древними мастерами, позволяет ему выступать в качестве идеальной цели и на современном этапе.

Приверженность английской буддистки школе сото сказывается и в несколько отрицательном отношении к конкурирующей школе риндзай (*линъузи*). Дзию Кеннетт приводит японскую пословицу о том, что риндзай — для военных, а сото — для крестьян; иначе говоря, риндзай элитарен, сото же демократично, будучи обращено ко всем людям. «В сото каждый может обрести путь к миру и свободе», — отмечает она. Дзию Кеннетт соглашается с тем, что риндзай внес существенный вклад в японскую культуру, однако в плане развития религиозной жизни предпочтительнее все-таки выглядит именно сото. Наиболее же неприемлемой для автора оказывается методика, применяющаяся в школе риндзай, в частности выпячивание системы коанов. Используя коаны, «навязывая их абсолютно всем», мастера риндзай жестко — можно даже сказать, революционно — атакуют стереотипы неопита, погружая его в состояние полной растерянности и тупика. По мнению Дзию Кеннетт, риндзай проповедует метод «ошеломляющий, ввергающий в недоумение, а потому часто неэффективный». В этом смысле сото, «эта религия обычного человека», выгодно отличается от риндзай, поскольку предлагает своим «пациентам» «сдающий режим», более мягкое, эволю-

ционное духовное развитие посредством длительного занятия сидячей медитацией (*дзадзэн*), которая уже сама по себе рассматривается как просветление. Преподобная Кеннетт желчно отзывается о современных ей риндзайских «коллекционерах», которые решают коаны механически, один за другим, словно щелкая семечки, да еще и похваляются друг перед другом своими якобы глубокими достижениями. Впрочем, нельзя забывать о субъективности подобных оценок. По всей видимости, грустный опыт общения с такими вот дзэнскими зазнайками и настроил английскую буддистку на негативный лад по отношению к ним, а заодно и ко всей школе риндзай.

В целом Дзию Кеннетт не отрицает систему коанов, однако она, как и ее прославленные предшественники, отводит ей место исключительно в контексте дзадзэн. Наставники сото тщательно подбирают коаны под темперамент своих учеников и вместо активной трансформации психики с помощью коана дают ему возможность как бы постепенно «созреть» изнутри и упасть спелым плодом на ниву просветленного видения. И здесь опять возникает тема предписаний. Кеннетт пишет: «Единственной целью практики коанов всегда было и по сей день остается приведение адепта к истинному постижению и к соблюдению предписаний, т. е. к выражению просветления в повседневной жизни».

Между тем похвальный консерватизм по отношению к проблематике предписаний сочетается у Дзию Кеннетт с новаторскими тенденциями. Получение традиционного тренинга в школе сото и близкое знакомство с реалиями дзэнских монастырей позволило ей избежать печальной участи многих западных духовных учеников, которые в своем увлечении каким-либо восточным учением начинают абсолютизировать восточных же носителей этого учения. Автор неявно возражает: Дальний Восток не имеет никакого монопольного права на дзэн, он просто может считаться первооткрывателем данного

учения; по отношению к дзэн понятия «Запад» и «Восток» лишены содержания. В этом смысле западный адепт, достигший просветления и получивший от мастера печать Дхармы, ничуть не хуже своего восточного коллеги. Тем самым наш автор отказывается быть простым подражателем японским образцам, но, скорее, стремится, сохранив «вино» старинного учения, влить его в новые «мехи», иначе говоря, адаптировать его к западным обычаям и нормам. «Прошло много времени, прежде чем я поняла, что поездка в Японию не была для меня делом первой необходимости», — замечает она, подражая, что истинное знание не связано с географией и поэтому искать его на Западе можно с тем же успехом, что и на Востоке.

Примечательно, что уважение, испытываемое автором к подлинным японским мастерам дзэн, ничуть не мешает ей критиковать их за подход, который они применяют к западным ученикам. Не учитывая глубокую разницу в менталитете, восточные наставники обращаются с западными последователями дзэн так, как они привыкли относиться к японским ученикам, забывая о сильном индивидуалистическом крене, свойственном западным людям. Кеннетт отмечает: «Японские учителя... не в состоянии уяснить, что со взрослым человеком нельзя обращаться как с юнцом».

На фоне уже появившихся в нашей стране книг о дзэн произведение Дзию Кеннетт, несомненно, стоит особняком. Однако эта его «маргинальность» носит только внешний характер. Внимательное чтение книги показывает, что ее автор находится в самом сердце буддийской традиции и соединяет в своем лице несколько разнонаправленных линий. Во-первых, в ее книге представлена традиционная школа, но не застывшая в своем консерватизме, не являющая собой памятник старины, а живо откликающаяся на изменения в мире и учитывающая психологические и культурные особенности народов. Другими словами, Дзию Кеннетт удачно синтезирует

традиции и новации. Во-вторых, преподобная Кеннетт освещает те темы, к которым она так или иначе прикоснулась на собственном опыте: здесь трезвый анализ ученого соединяется с горячей верой религиозной последовательницы. Наконец, в-третьих, уважительное отношение Дзию Кеннетт к Востоку (не оборачивающееся при этом идолопоклонством) за его вклад в общее культурное наследие человечества не бросает тень пренебрежительности на Запад, за которым также признается возможность развития просветленного видения. И эта уверенность английской ученой в духовных ресурсах стран Запада, который способен создать собственную форму дзэн, резко контрастирует с весьма часто встречающейся у других авторов точкой зрения о духовной скудости «логического» Запада по сравнению с высокоразвитым «мистическим» Востоком. В лице Дзию Кеннетт мы встречаем представительницу нового типа людей, способных одинаково свободно существовать в пространстве разных культур и переплавлять их в органичное, плодотворное единство.

С. В. Пахомов

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i> Тисана Кохо	7
<i>Предисловие</i> автора	9
Как читать эту книгу?	16

Книга I

СТЕБЕЛЬ ЛОТОСА

<i>Глава I.</i> История Будды согласно дзэнским верованиям	27
<i>Глава II.</i> Основополагающие учения раннего буддизма, имеющие значение для дзэн ...	32
<i>Глава III.</i> Возникновение и развитие дзэн из основополагающего учения тхеравады .	39
<i>Глава IV.</i> Необходимость дзадзэн, или практики медитации	48
<i>Глава V.</i> Необходимость постижения сердца Кандзэон-босацу	61
<i>Глава VI.</i> Деятельность с сердцем Фугэн	71
<i>Глава VII.</i> Сердце Мондзю	80
<i>Глава VIII.</i> Что такое коаны?	90
<i>Глава IX.</i> Учительская преемственность	98

Книга II

УЧЕНИЯ ДОГЭНА-ДЗЭНДЗИ

<i>Введение к переводам</i>	115
<i>Сёбогэндзо</i> (Сокровищница ока истинной Дхармы)	118
<i>Тайтайкохо</i> (Правила поведения младших священников в присутствии старших)	118
<i>Сюрёсинги</i> (Правила поведения в зале для учеников)	123
<i>Фусюкухампо</i> (Предписания для совершения трапезы)	129
<i>Бэндохо</i> (Как практиковать буддизм)	145
<i>Гякудоёдзинсю</i> (Важные стороны дзадзэн)	157
<i>Бэндова</i> (Речь о практике)	173
<i>Сюсёги</i> (Истинный смысл практики и просветления)	191
<i>Сёдзи</i> (Жизнь и смерть)	200
<i>Удзи</i> (Существование и время)	202
<i>Гэндзёкоан</i> (Проблема повседневной жизни)	209
<i>Тэндзокёкан</i> (Руководство для старшего повара) ..	214

Книга III

УЧЕНИЕ КЭЙДЗАНА-ДЗЭНДЗИ

<i>Введение к переводам</i>	233
<i>Дэнкороку</i> (Книга передачи)	238
<i>Глава I.</i> Будда Шакьямуни	238
<i>Глава II.</i> Первый патриарх Макакасё-сондзя	241
<i>Глава III.</i> Второй патриарх Ананда-сондзя	245
<i>Глава IV.</i> Третий патриарх Сёнаवासю-сондзя	250
<i>Глава V.</i> Четвертый патриарх Убакикута-сондзя .	254

Глава VI.	Пятым патриарх Дайтака-сондзя	258
Глава VII.	Шестой патриарх Мисяка-сондзя	262
Глава VIII.	Седьмой патриарх Басюмицу-сондзя .	266
Глава IX.	Восьмой патриарх Буцуданандай-сондзя	269
Глава X.	Девятым патриарх Фудамитта-сондзя	273
Глава XI.	Десятым патриарх Барисаба-сондзя ..	277
Глава XII.	Одиннадцатым патриарх Фунаяся-сондзя	280
Глава XIII.	Двенадцатым патриарх Анаботэй Мэмё- сондзя	283
Глава XIV.	Тринадцатым патриарх Кабимора-сондзя	287
Глава XV.	Четырнадцатым патриарх Нагярадзюна	290
Кёдзюкаймон (Передача и принятие учения о заповедях)		296
Санкон дзадзэн сэцу (Три ипостаси практикующего)		300

Книга IV
СВЯЩЕННЫЕ ТЕКСТЫ
И ОСНОВНЫЕ ЦЕРЕМОНИИ

Утренняя служба	305
Вечерняя служба. Фукандзадзэнги (Правила дзадзэн)	317
Церемония трапезы	321
Некоторые короткие церемонии	325
Церемония закрытия зала для медитации	328
Общие и особые приношения	330
Краткие священные тексты	338

Дзюкай (Принятие десяти заповедей)	340
Церемония посвящения	347
Кэссей	358
Свадебная церемония	369
Похоронная церемония	373
Сэгаки	382
Церемония погребения священника	384
Словарь терминов	395
Дзию Кеннетт: повседневный опыт (С. В. Пахомов)	421

Водой ТОРГУЯ У РЕКИ

Впервые на русском языке выходит книга, подробно освещающая социальную сторону самой известной дальневосточной буддийской школы – дзэн. Настоятельница дзэн-буддийского монастыря из Калифорнии, преподобная Дзию Кеннетт, рассказывает в своем произведении «Водой торгуя у реки» (1972) о традициях монахов этой школы.

Автор излагает техники дзэнской медитации, тщательно, в деталях описывает различные предписания для монахов, в том числе нормы поведения в монашеском зале, правила отношения к старшим по рангу, предписания по принятию трапезы, омовению и т. д. Это изложение – вольный перевод фрагментов из «Сёбогэндзо» («Сокровищница ока истинной Дхармы»), главного труда Догэна, основателя японской школы сото-дзэн. Кроме того, в книге Дзию Кеннетт представлены переводы нескольких сочинений ближайшего ученика и важного деятеля сото – Кэйдзана. В этих сочинениях в живой и яркой форме излагаются легенды о просветленных патриархах дзэн-буддизма, приводятся правила по проведению монахами различных церемоний и ритуалов, связанных с теми или иными событиями в жизни дзэнской общины.

